

Институт истории материальной культуры РАН
Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН

Отдел археологии Восточной Европы и Сибири
Государственного Эрмитажа

ЭРМИТАЖ
The State Hermitage Museum

Кафедра археологии исторического факультета СПбГУ

*при поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(проект 12-01-14092 г)*

**Славяне восточной Европы накануне
образования Древнерусского государства.**

Материалы международной конференции,
посвященной 110-летию со дня рождения
Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968).

Санкт-Петербург.

3 – 5 декабря 2012 г.

СОЛО
Санкт-Петербург
2012

Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902-1968) 3-5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург./ Сост., ред. О.А. Щеглова, науч. ред. к.и.н. В.М. Горюнова -- СПб: СОЛО, 2012 – 298с., илл.

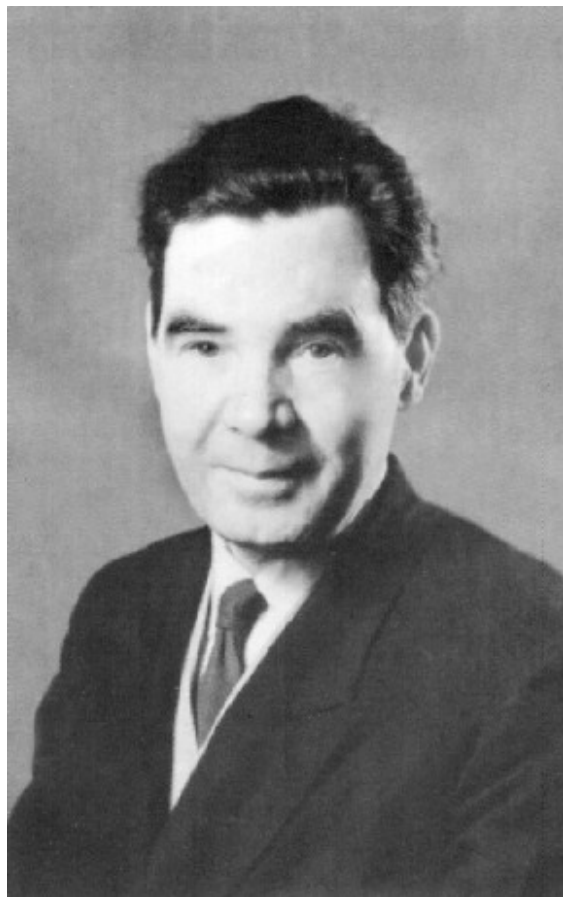
В настоящее издание вошли материалы международной научной конференции «Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства», посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902-1968), проходившей в Санкт-Петербурге 3-5 декабря 2012 г. на базе трех ведущих археологических учреждений города: Института истории материальной культуры РАН, Государственного Эрмитажа и кафедры археологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. В издании публикуются тезисы более чем 50-ти докладов и сообщений участников конференции из разных центров России, Украины, Белоруссии и Молдовы, которые отражают разные аспекты современного состояния славяно-русской археологии. Кроме того, читателю и будущему исследователю представлен аннотированный путеводитель по музейным коллекциям и архивным материалам, образованным по итогам полевой деятельности И.И. Ляпушкина, которая продолжалась 40 лет. Сборник предназначен для специалистов историков, археологов, преподавателей вузов, музейных работников и студентов.

Конференция «Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства», посвященная 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902-1968), в Санкт-Петербурге 3-5 декабря 2012 г. и издание её материалов было проведено при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного фонда (проект 12-01-14092г.) и осуществлено при сотрудничестве с ООО «Мономакс», взявшем на себя организационные заботы по осуществлению проекта.

(с) Щеглова О.А. Горюнова В.М., 2012

(с) коллектив авторов, 2012

(с) СОЛО, 2012

Ляпушкин Иван Иванович (1902 – 1968 гг.)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	11

МАТЕРИАЛЫ И.И. ЛЯПУШКИНА В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ

МАТЕРИАЛЫ И.И. ЛЯПУШКИНА В КОЛЛЕКЦИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА	
Воротинская Л.С.	12
МАТЕРИАЛЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ЭКСПЕДИЦИИ ИИМК АН СССР ПОД РУКОВОДСТВОМ И.И. ЛЯПУШКИНА В ПОЛТАВСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ	
Луговая Л.Н., Мельникова И.С.	27

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

И.И. ЛЯПУШКИН – ЧЕЛОВЕК И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

ИВАН ИВАНОВИЧ	
Зильманович И.Д.	32
«В ТРУДНЕЙШЕЙ ОБСТАНОВКЕ ВЫСОКО ДЕРЖАЛ ЗНАМЯ НАУКИ» (А.А. ФОРМОЗОВ О ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ И.И. ЛЯПУШКИНА)	
Щавелев С.П.	34
ОТ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО ДО И.И. ЛЯПУШКИНА: СЛАВЯНО-РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В XIX - XX ВВ	
Тихонов И.Л.	37

ДОРОГАМИ ЛЯПУШКИНА

РОМЕНЦЫ В КУРСКОМ ПОСЕЙМЬЕ. ИТОГИ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ ОТ И.И. ЛЯПУШКИНА ДО НАШИХ ДНЕЙ	
Кашкин А.В.	44
АСПИРАНТ И.И. ЛЯПУШКИН НА РАСКОПКАХ В ГОЧЕВЕ (ГОЧЕВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ Б.А. РЫБАКОВА 1937, 1939 ГГ.)	
Стародубцев Г.Ю., Щеглова О.А.	46
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА НОВОТРОИЦКОГО	
Приймак В.В.	51
ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ НОВОТРОИЦКОЙ ОБЩИНЫ РОМЕНЦЕВ: КОМПЛЕКСЫ, КАТЕГОРИИ И ВЕСОВЫЕ НОРМЫ	
Кулешов В.С.	65

ПАМЯТНИКИ ДОНСКИХ СЛАВЯН В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ И.И.ЛЯПУШКИНА	
Ковалевский В.Н.....	71
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И.И. ЛЯПУШКИНА В ПОДЕСЕНЬЕ	
Веремейчик Е.М.	76

**ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ VIII-XI
ВВ. К ВОСТОКУ ОТ ДНЕПРА**

VIII ВЕК – РУБЕЖ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОСТЮМА И УБОРА ИЗ УКРАШЕНИЙ)	
Жилина Н.В.	88
ХРОНОЛОГИЯ ВОЛЫНЦЕВСКОЙ И РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУР: ПРИНЦИПЫ И ПРАКТИКА	
Комар А.В.	92
ХРОНОЛОГИЯ БЫТОВАНИЯ КАНЦЕРСКОЙ ГОНЧАРНОЙ ПОСУДЫ	
Володарец-Урбанович Я.В.	94
СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА РУСИ В КОНЦЕ IX – X ВВ	
Коваленко В.П.	97
О «ВТОРОЙ ВОЛНЕ» СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕПРА И ДОНА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)	
Григорьев А.В.	99
О СЕВЕРНОЙ И ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦАХ ПОСТ-СЕВЕРЯНСКИХ ЛУЧЕВЫХ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ КОНЦА X - СЕРЕДИНЫ XII ВВ	
Шинаков Е.А., Пискунов В.О.	100
СКАНДИНАВСКИЕ НАХОДКИ ИЗ РАСКОПОК СУПРУТСКОГО ГОРОДИЩА	
Мурашева В.В.	103
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДО ОБРАЗОВАНИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ	
Горбаненко С.А.	106
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖИЛИЩА ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ: ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ	
Башкатов Ю.Ю.	109
РАННИЕ КОМПЛЕКСЫ СЕВЕРЯНСКОЙ ЛТАВЫ (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ)	
Пуголовок Ю.А.	113
РАННЕРОМЕНСКИЙ ГОРИЗОНТ ПОСЕЛЕНИЯ КУРОВО-6	
Гурьянов В.Н.	116
ЖИЛАЯ ПОСТРОЙКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI В. В ЗАКУРНОЙ ЧАСТИ КУРСКА	
Зорин А.В.	120

ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ НА ДОНУ

ПАМЯТНИКИ VI-VII ВВ. В ВЕРХНЕМ ПОДОНЬЕ. НАПРАВЛЕНИЯ КОЛОНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ	
Обломский А.М.	125
ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДОНСКИХ СЛАВЯН (КОНЕЦ VIII - НАЧАЛО XI ВВ.)	
Винников А.З.	129
ПАМЯТНИКИ БОРШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОСТРОЙ ЛУКИ ДОНА	
Голотвин А.Н., Земцов Г.Л., Ивашов М.В.	132
ОСТЕОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЭТАПНОГО РАЗВИТИЯ СКОТОВОДСТВА СЛАВЯНО-РУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДНОЕ	
Колода В.В., Кройтор Р.В.	139
О ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ ДОНСКИХ СЛАВЯН (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА ТИТЧИХА)	
Енуков В.В., Енукова О.Н.	140
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК ВБЛИЗИ СТАНИЦЫ СУВОРОВСКОЙ НА НИЖНЕМ ДОНУ	
Кияшко Я.А.	148
СЛАВЯНО-РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ X–XII ВВ. НА ТАМАНИ?	
Чхаидзе В.Н.	152

ПРОБЛЕМЫ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

НОВЫЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС РАННЕСАЛТОВСКОГО ВРЕМЕНИ С ГОРОДИЩА ТЕПСЕНЬ	
Баранов В.И., Майко В.В.	157
БУСЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ САЛТОВСКОГО КРУГА)	
Жиронкина О.Ю.	163

ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕСОСТЕПНОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

ЗОЛЬНИКИ ЗАПАДНОГО БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА: ПЛАНИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ	
Шрамко И.Б.	168

БУЛАВКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСНОЙ-ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ С АЖУРНЫМ ЛИСТОВИДНОМ НАВЕРШИЕМ Чубур А.А.	172
ГЕНЕЗИС ПЛАСТИНЧАТЫХ БРАСЛЕТОВ С ГРЕБЕШКАМИ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ Хомякова О.А.	176
КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ОКИ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА Столяров Е.В., Столярова К.А.	182

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ КОНЦА IV-V ВВ. НА ГРАНИЦЕ ЛЕСОСТЕПИ И ЛЕСА НА ДНЕПРОВСКОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ Радюш О.А.	188
КЛАДЫ "ДРЕВНОСТЕЙ АНТОВ" И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ МЕЖДУ СЕЙМОМ И ПСЛОМ В КОНЦЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ Родинкова В.Е.	193
СВОЙСТВА И РОЛЬ СВИНЦОВО-ОЛОВЯННЫХ СПЛАВОВ В «ДРЕВНОСТЯХ АНТОВ» Егорьков А.Н.	198
МАЛЕНЬКИЙ КОМПЛЕКС ПАСТЫРСКОГО ТИПА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СЕЛА УЛАНОК (СУДЖАНСКИЙ РАЙОН КУРСКОЙ ОБЛАСТИ) Щеглова О.А.	201

ГНЕЗДОВСКИЙ КОМПЛЕКС, И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ГНЁЗДОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ 2008-2012 ГГ.) Пушкина Т.А.	206
НАХОДКИ - ИНДИКАТОРЫ ЮВЕЛИРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ИЗ РАННЕГОРОДСКОГО ЦЕНТРА ГНЕЗДОВА Енисосова Н.В.	209
ПОЛИХРОМНЫЕ БУСЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОРОДИЩА ГНЕЗДОВА ИЗ РАСКОПОК 2004-2012 ГГ Доброва О.П.	215

**РАСШИРЯЯ ГРАНИЦЫ СЛАВЯНСКОГО МИРА
ЗАПАД**

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА НИЖНЕЙ ПРИПЯТИ	
Касюк Е.Ф.	219
К ВОПРОСУ О ФИНАЛЕ КУЛЬТУРЫ СМОЛЕНСКО-ПОЛОЦКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ В БРАСЛОВСКОМ ПООЗЕРЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ОПСА В 2010 Г.)	
Плавинский Н.А.	225
БИЭСОВИДНЫЕ РАЗДЕЛИТЕЛИ, ТРЕХДЫРЧАТЫЕ РАЗДЕЛИТЕЛИ И БИЭСОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ: ОТ КУЛЬТУРЫ СМОЛЕНСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ К ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ	
Лесман Ю.М.	228

СЕВЕРО-ЗАПАД

О ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КУЛЬТУРЫ ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ: СООТНОШЕНИЕ «КУРГАННОГО» И «НЕ-КУРГАННОГО»	
Михайлова Е.Р.	233
ОБ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ ЛАДОГИ	
Сениченкова Т.Б.	234
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЗАПАДЕ ИЖОРСКОГО ПЛАТО	
Федоров И.А., Мурзенков Д.Н.	242

СЕВЕРО-ВОСТОК

РЯЗАНСКИЕ ФИННЫ В КОНЦЕ I – НАЧАЛЕ II ТЫС. НОВЫЕ ДАННЫЕ	
Ахмедов И.Р.	244
КУЛЬТУРНАЯ ГРУППА ПОСЕЛЕНИЙ ТИПА ПОДОЛ В ВЕРХОВЬЯХ ВОЛГИ	
Исланова И.В.	250
ПОСЕЛЕНИЯ X-XI ВЕКОВ В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ. ШЕКШОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС	
Федорина А.Н., Красникова А.М.	252

ВОСТОК

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НАУКЕ 50-2000-Х ГГ	
Жих М.И.	256

КРЕМАЦИОННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ I ТЫС. Н.Э. В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ Сташенков Д.А.....	264
О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВТОРОЙ-ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н.Э Вязов Л.А.....	267
ДРЕВНЕРУССКОЕ (СЛАВЯНСКОЕ) ВЛИЯНИЕ НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАШЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ Сарапулов А.Н.	271

В МИРЕ ВЕЩЕЙ

ФИГУРАТИВНЫЕ ЗООМОРФНЫЕ НАКЛАДКИ В СЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЯХ: ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ Скиба А.В.	276
ПОПЫТКА ТРЕЗВО ОЦЕНИТЬ УРОВЕНЬ РАННЕСЛАВЯНСКОГО МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕГО ПРОИЗВОДСТВА Минасян Р.С.	281
ТАВЛЕЙНЫЕ КОРОЛИ X В Хамайко Н.В.....	284
КОЖЕВЕННОЕ ДЕЛО У СЛАВЯН ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ НАКАНУНЕ СЛОЖЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА Курбатов А.В.....	288
НАТЕЛЬНЫЕ ПРИВЕСКИ-ОБРАЗКИ ИЗ ДРЕВНЕРУССКИХ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ КАК ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИКАТОР Кононович А.Ю.	290

В МИРЕ ИСТОРИИ

ЛЕТОПИСНОЕ СКАЗАНИЕ О КИЕ И ЕГО РОДИЧАХ КАК РАННЕИСТОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПОЛИТОГЕНЕЗА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН Щавелев С.П.	293
АВТОРСКИЙ ИНДЕКС	297

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди многочисленных праздничных сессий, посвященных провозглашенному в России в 2012 г. Году русской истории, приуроченному к празднованию 1150-летия российской государственности, 110-ая годовщина со дня рождения И. И. Ляпушкина (1902 -1968) , выдающегося русского археолога-слависта, практика-полевика, автора исследований, вошедших в золотой фонд отечественной археологии, не могла затеряться. Иван Иванович никогда не был придворным летописцем, его находки не блистали золотом и не служили основой для красивых легенд о великом прошлом могучих предков, но случилось так, что именно его труды стали базисом для развития славяно-русской археологии в России, на Украине , в Белоруссии и Молдове, там, где проходили маршруты его разведок, где находятся исследованные им памятники, где востребованы его идеи.

Научное наследие И.И. Ляпушкина велико и востребовано. Об этом свидетельствует тот факт, что его столетнему юбилею было посвящено монументальное издание одного из лучших европейских археологических журналов : Stratum plus. - 2003-2004. - №5. Мастера Средневековья. Столетию Ивана Ивановича Ляпушкина посвящается. СПб - Кишинев - Одесса - Бухарест. - 2005. Однако ещё более показательным в наше время интернета является то, что почти все его труды доступны в сетевых ресурсах, которыми пользуется и бескорыстно пополняет их молодое поколение археологов и историков. Здесь мы в первую очередь можем назвать сайт Археология.РУ петербургского археолога В.Е. Еременко

(http://www.archaeology.ru/lib_bibl/bibl_Liapuschkin.html) и электронное собрание сочинений И.И. Ляпушкина, оцифрованное и выложенное в сеть молодым историком из СПбГУ М.Ю. Жихом (<http://rossica-antiqua.livejournal.com/477820.html>). Это ли не признание актуальности трудов ученого , которые увидели свет в большинстве своем уже полвека тому назад?

Публикуя материалы международной конференции, которая будет проходить в Санкт-Петербурге 3-5 декабря 2012г. и называется так же, как и последняя книга Ивана Ивановича: «Славяне Восточной Европы накануне создания Древнерусского государства», мы хотим не только обнародовать тезисы более чем 50-ти докладов и сообщений, но и предоставить заинтересованному читателю и будущему исследователю путеводитель по музейным коллекциям и архивным материалам, образованным по итогам полевой деятельности И.И. Ляпушкина, которая, начавшись в 1937 году, продолжалась 40 лет, вплоть до последнего его раскопочного сезона в Гнездове. Мы надеемся, что путеводитель будет пополняться (так, пока неохваченными остались материалы, которые хранятся в Брянском областном краеведческом музее, ждет научной обработки и личный фонд И.И. Ляпушкина в Рукописном Отделе Научного архива ИИМК РАН), а многочисленные коллекции вновь послужат базой столь же фундированных исследований, как и те, классические, которые были написаны на их основе.

Конференция и издание её материалов были поддержаны Российским Гуманитарным Научным фондом (проект 12-01-14092 г.) и осуществлены при сотрудничестве с ООО «Мономакс», взявшем на себя организационные заботы по осуществлению проекта.

МАТЕРИАЛЫ И.И. ЛЯПУШКИНА В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ

МАТЕРИАЛЫ И.И. ЛЯПУШКИНА В КОЛЛЕКЦИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Л.С. Воротинская
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
larissadm@mail.ru

В Отделе Археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа хранятся 9 коллекций из раскопок И.И. Ляпушкина, начиная с первых его самостоятельных работ в качестве начальника Правобережного отряда Саркельской экспедиции М.И. Артамонова и кончая его последними работами во главе Днепровской Левобережной экспедиции при исследовании Гнездовского поселения в 1967-1968 гг. Все они поступили в Государственный Эрмитаж. В предлагаемой справке коллекции представлены в порядке хронологии изучения памятников, каждая кратко охарактеризована и соотнесена с отчетными материалами, хранящимися в Рукописном отделе [1] и Фотоархиве Научного Архива ИИМК РАН (Санкт-Петербург), отчетами за соответствующие годы из научного архива ИА РАН (Москва) а также сопровождается краткой библиографией.

1939 г. Правобережное Цимлянское городище

Коллекция № 159, №№ 1-949, принята из ИИМК РАН в 1974 году.

Раскопки Правобережного Цимлянского городища были проведены в 1939 году Саркельской экспедицией ИИМК АН СССР, возглавляемой М.И. Артамоновым, совместно со Сталининградским музеем в рамках большого новострочного проекта по изучению памятников археологии в зоне планировавшегося затопления Цимлянского водохранилища. Начальником Правобережного отряда был И.И. Ляпушкин.

Правобережное Цимлянское городище - это небольшая крепость, находящаяся недалеко от хазарского города Саркел на противоположном высоком берегу Дона, вероятная предшественница Саркела. Памятник датируется VIII – первой четвертью IX вв. по М.А. Артамонову. И.И. Ляпушкин выделял не менее трёх периодов жизни городища, отраженных в стратиграфии. В коллекции -- большое количество горшков с волнистым и линейным врезным орнаментом, яйцевидных амфор. Много железных изделий: предметы вооружения (разнообразные наконечники стрел и копий), части конского снаряжения (удила, стремена), предметы домашнего быта

(ножи, фрагменты железных вёдер), орудия производства(серпы, топоры, рыболовные крючки). Очень мало украшений.

Изучение Правобережного Цымлянского городища были продолжено С. А. Плетнёвой в 1958 – 1959 гг. (Артамонов 2002, Ляпушкин 1940, 1958, Плетнева 1986).

Архив ИИМК РАН, Рукописный отдел

Ф. 35. Оп. 1. 1939 г. Дд. 36 - 50.

Саркельская экспедиция ИИМК совместно со Сталинградским музеем

Нач. Артамонов М.И.

Правобережный отряд - начальник отряда Ляпушкин И.И.

1. Ф. 35. Оп.1. 1939. Д.№36 (178). -- Краткий отчет о раскопках Правобережного Цымлянского городища в 1939г. -- 25л. ркп. в тетр.

2. Ф. 35. Оп.1. 1939. Д.№37 (235). -- План работ, смета расходов экспедиции, письма И.И. Ляпушкина М.И.Артамонову об организации работ экспедиции. -- 7л.

3. Ф. 35. Оп.1. 1939. Д.№38 (179). -- Дневник раскопок Правобережного Цымлянского городища. -- 74 листа.

4. Ф. 35. Оп.1. 1939. Д.№39 (181). -- Дневник раскопок северо-западного раскопа уч. 1 главного укрепления Правобережного Цымлянского городища, журнал нивелировки этого участка.-- 44 л.

5. Ф. 35. Оп.1. 1939. Д.№40 (183). -- Дневник раскопок 2 участка Центрального раскопа главного укрепления Правобережного Цымлянского городища с рисунками находок и журналом нивелировки.--44 л.

6. Ф. 35. Оп.1. 1939. Д.№41 (180). -- Дневник раскопок Правобережного Цымлянского городища с рисунками находок и журналом нивелировки. 1 участок. Дневник вела Боброва А.С. – 75л.

7. Ф. 35. Оп.1. 1939. Д.№42 (185) . -- Дневник раскопок 4 участка Правобережного Цымлянского городища с журналом нивелировки, планами раскопов и рисунки находок.Тетр.№1. Вела Кипарисова Н.П. --81л.

8. Ф. 35. Оп.1. 1939. Д.№43 (186) --Дневник раскопок 3 участка Правобережного Цымлянского городища с журналом нивелировки. Вела Т.И. Мосберг--101л.

9. Ф. 35. Оп.1. 1939. Д.№45 (187) -- Кипарисова Н.П. Описание работ в юго-восточном раскопе. Правобережное Цымлянское городище с рисунками находок и чертежами (обобщение дневника).-- 35л.ркп, кар.

10. Ф. 35. Оп.1. 1939. Д №46 (188) -- Опись находок на участке 1 при раскопках Правобережного Цымлянского городища. --ркп,73л.

11. Ф. 35. Оп.1. 1939. Д №47 (189) -- Опись остеологического материала, найденного в 1939г. при раскопках Правобережного Цымлянского городища -- 22л.

12. Ф. 35. Оп.1. 1939. Д №48 (190) -- Карачаровский В.В. Результаты определения костных остатков млекопитающих и птиц из раскопок И.И.Ляпушкина правобережного городища близ ст.Цымлянское. Списки фауны Борщевского и Саркельского городищ.-- 8л.
13. Ф. 35. Оп.1. 1939. Д №49 (182) -- Описание и планы центрального раскопа участка №1 Правобережного Цымлянского городища.--8л.
14. Ф. 35. Оп.1. 1939. Д 14.№50 (191 -- Рисунки находок из раскопок Правобережного Цымлянского городища.-- 59л.

Фотоархив ИИМК РАН (Медведева 2005:17):

1939 г. Материалы раскопок правого берега Цимлянского городища. Полевая работа, земледельческие орудия, зарисовки находок, сосуды глиняные из Саркела. Саркельская экспедиция, 1939 г. Коллекции 1212, 1216. Альбомы О. 1593-1594, О. 2512. Негативы I 2919-29921. II 88760-88763. Негативов – 195, отпечатков – 185.

1940 г. Материалы Саркельской экспедиции 1939 г. (нач. эксп. И.И. Ляпушкин) к выставке пленума АН СССР 1940 г. Виды правобережного городища у ст. Цимлянской на Дону, план жилища № 18. Коллекция 1037. Альбом Q 686/22-23. Отпечатков -3.

Портрет И.И. Ляпушкина, сделанный при работах на Цимлянском водохранилище. 1939 г. Альбом О.2511/5. Фотография напечатана в фотолаборатории ЛОИА в 1962 г.

1948 г. Разведки Днепровской Левобережной экспедиции в 1948 г.

Коллекция № 91 (опись на 18 листах). Всего 231 номер, 6226 предметов, принята из ИИМК АН СССР в 1963 году.

Разведки Днепровской Левобережной экспедиции (ДЛЭ) 1948 г., археологические материалы которой хранятся в Государственном Эрмитаже, являлись этапом масштабного научного проекта по изучению древностей Днепровского лесостепного Левобережья. Этой теме были посвящены разведки ДЛЭ 1938, 1940, 1945 – 1948, 1951 годов. Основной задачей этого грандиозного полевого исследования было изучение наиболее раннего периода жизни славян в области Днепровского лесостепного Левобережья. Одновременно широкому изучению подверглись памятники скифо-сарматского времени. Это оказалось необходимо, поскольку достоверные славянские памятники Левобережья настолько тесно территориально соприкасаются с древностями скифо-сарматского времени, что без изучения последних выяснить соотношение между этими двумя группами было невозможно. Всего в рамках этого проекта обследовано 332 местонахождений и 410 памятников: 127 памятников скифского времени, 74 черняховской культуры,

29 салтово-маяцкой культуры, 75 славянских памятников VIII - X вв., 105 древнерусских поселений X - XIII вв.

В состав коллекции входят: керамика, фрагменты глиняной обмазки, шлаков, грузики, пряслица, каменные орудия, и др. Она содержит археологический подъёмный материал, происходящий из 88 местонахождений правого берега реки Сула, правого берега реки Псел, верховьев рек Удай и Северский Донец (Курская, Белгородская области России, Сумская, Харьковская, Полтавская области Украины) Находки относятся к различным эпохам. Главным образом, это материалы раннего железного века – керамика так называемой зольничной культуры (VII -III вв. до н. э.), черняховской культуры; средневековья – периода ранних славян и Древней Руси. Имеются также немногочисленные находки, относящиеся к первобытной эпохе. (См. маршрут ДЛЭ 1948 г. -- Ляпушкин, 1961, рис. 1; Ляпушкин 1950).

Архив ИИМК РАН, Рукописный отдел

1. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. №14 - 20. -- Левобережный отряд Днепровской экспедиции (нач. экспед. Третьяков П.Н.). Отчёт, описание обследованных памятников по р. Ворскле от г. Полтава до с. Куземин. Дневник раскопок городища в с. Опошня Полтавск. обл. Опись находок, журнал нивелировок, чертежи.
2. Ф. 35. Оп. 1. 1945 г. Д. №2 - 6. -- Среднеднепровская археологическая экспедиция, 1945 г. Отчёт об арх. исследованиях в Полтавской и Харьковской обл. в басс. Ворсклы. Дневник, рисунки, чертежи. Описи находок (раскопки Красной (Соборной) площади в г. Полтаве; поисково-разведочные работы по маршруту Полтава-Перекоп.
3. Ф. 35. Оп. 1. 1946. Д. № 26 - 32. Днепровская Левобережная (Славянская) эксп. Нач. Ляпушкин И.И. 1946 г.
4. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. №31 - 34. Днепровская Левобережная экспедиция ЛОИИМК совместно с ИА АН УССР 1947 г.
5. Ф. 35. Оп. 1. 1948. Д.д. №68 -73. Днепровская Левобережная экспедиция 1948 г.
6. Ф. 35. Оп. 1. 1948. Д. №74. Планы древних городищ и селищ Курской. Полтавской, Сумской, Харьковской обл. -- 43 листа.

Фотоархив ИИМК РАН (Медведева 2005:17):

И.И. Ляпушкин сотрудники Днепровской Левобережной экспедиции в разведке. Верховья Северного Донца, 1948 г. Альбом О.2532/5, 8.
1948 г. Материалы обследования городищ Харьковской, Белгородской, Курской, Сумской и Полтавской обл., УССР. Виды и планы городищ, подъёмный материал. Днепровская Левобережная экспедиция, 1948 г.

Коллекция 1414, Альбомы О. 2532, О.2533, 1527. Плёночных катушек – 12, негативов – 74, отпечатков -- 144.

Архив ИА РАН

1. Ф-1. Р-1. № 205. 123 листа, 35 ил., 1 черт. б.ф. -- 1) Краткий предварительный отчет о полевых исследованиях Днепровской Левобережной археологической экспедиции ИИМК им. Н.Я. Марра АН СССР 1948 г. ; 2) Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ИИМК им. Н.Я. Марра АН СССР и Института Археологии АН УССР 1947 г.

2. Ф-1. Р-1. № 263. 98 листов. № 264 – Альбом иллюстраций к отчету. 65 л., 67 ил. -- Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции в 1948 г.

1948 г. Замуловка.

Коллекция № **1107/2142 – 2151**, передана в Государственный Эрмитаж из Ленинградского отделения Института археологии 17 июля 1979 года. Всего 10 номеров. 36 предметов.

Археологические материалы из раскопок И.И. Ляпушкина катакомбного погребения в 1948 г. в урочище Замуловка в с. Верхний Салтов Харьковской области.

1949 г. Пожарная Балка

1) Коллекция № **106/1-3** (опись на 20 страницах). Всего 244 номеров, 601 предмет. Принята в Государственный Эрмитаж в 1964 году из ИИМК АН СССР. Коллекция называется: Поселение скифского времени близ с. Пожарная Балка Полтавской обл.

2) Коллекция № **228** (опись на 3 страницах). Всего 80 номеров, 80 предметов, принята в Государственный Эрмитаж в 1979 году из ИИМК АН СССР. Коллекция называется: Материалы Днепровской левобережной экспедиции ИИМК АН СССР 1949 год. Поселение близ с. Пожарная Балка Полтавской области.

Пожарная Балка, Полтавская обл. и р-н (правый берег р. Ворсклы) – селище второй половины VIII-VII вв. до н. э., обнаружено и обследовано Днепровской Левобережной экспедицией в 1946 г. Поселение неукрепленное, но имеет довольно ясные внешние признаки в виде курганообразных насыпей, известных в литературе под именем зольников, состоящих из зольных отложений с большим содержанием культурных остатков. В 1949 г. Днепровская Левобережная экспедиция произвела на поселении небольшие

раскопки. Было заложено три раскопа: два на зольниках (344 и 112 м кв.) и один шурф (16 м кв.) на кургане. Всего вскрыто 472 м кв.

Жизнь на поселении разделяется на два этапа: ранний этап, связанный с горизонтом погребённой почвы и поздний этап, связанный с зольными отложениями. Были обнаружены жертвенные сооружения и хозяйственные ямы и печь. лежал череп лошади без нижней челюсти и несколько других лошадиных костей.

Основную массу находок на поселении составляли обломки глиняной лепной посуды, кухонной и столовой, в том числе, обломки «дуршлаков», ковшей. Многие сосуды украшены врезным геометрическим орнаментом, часто инкрустированным белой пастой. Довольно много поделок из глины: пряслица, грузики, «пуговицы», «катушки» др. Из металлических вещей найдено: три бронзовых втульчатых наконечника стрел скифского типа, бронзовая гвоздевидная шпилька 14 см в длину, два обломка железных ножей и др. Есть немного поделок из кости, в том числе обломок псаляя, украшенный головкой грифона. (Ляпушкин 1951, 1961: 97- 125)

В 1982-1984 гг. исследования скифского поселения у с. Пожарная Балка были возобновлены Ворсклинской экспедицией Донецкого университета под руководством В.П. Андриенко (Андриенко, 1983; Андриенко, 1986).

Архив ИИМК РАН. Рукописный Отдел.

Днепровская Левобережная экспедиция, нач. Ляпушкин И.И.

1. Ф. 35. Оп. 1. 1949 г. Д. №86.-- Отчёт о работе экспедиции в 1949 г. -- 27 л.
2. Ф. 35. Оп. 1. 1949 г. Д. №87. -- Иллюстрации к отчёту за 1949 г. --48 л.
3. Ф. 35. Оп. 1. 1949 г. Д. № 88 - 91 -- Полевые дневники.
4. Ф. 35. Оп. 1. 1949 г. Д. №92 -- Бураков А.В., Дукаревич В.А. Полевой дневник работ экспедиции. -- 21 л.
5. Ф. 35. Оп. 1. 1949 г. Д. №93. -- Описание находок из раскопок близ с. Пожарная Балка, Полтавской обл. -- 236 л.
6. Ф. 35. Оп. 1. 1949 г. Д. №94. Акт № 499 от 24.09.64 о передаче арх. Коллекций в Государственный Эрмитаж с описью коллекции. 21 л.
7. Ф. 35. Оп. 1. 1949 г. Д. №95. -- Журнал нивелировки экспедиции. -- 175 л.
8. Ф. 35. Оп. 1. 1949 г. Д. №96. -- Громов В.И. Определение костных остатков. -- 24 л.
9. Ф. 35. Оп. 1. 1949 г. Д. №97. -- Чертежи раскопок поселения Пожарная Балка. -- 38 л.
10. Ф. 35. Оп. 1. 1949 г. Д. №98. -- Рисунки находок из раскопок Пожарная Балка. -- 19 л.

Фотоархив ИИМК РАН (Медведева, 2005. С. 18):

1949 г. Раскопки скифского поселения у д. Пожарная Балка, Полтавская обл. УССР. Процесс раскопок, чертежи, находки. Днепровская Левобережная экспедиция, 1949 г. Коллекция 1427. Альбомы О. 1527, О. 1791-1792, О. 2365.

Негативы П 49932-49956. Плёночных катушек – 7, негативов 82, отпечатков 157.

1952-1954. Городище Новотроицкое

Коллекция № 75-3. Коллекция называется «Предметы, найденные Днепровским Левобережным отрядом Славянской археологической экспедиции ИИМК АН СССР при раскопках поселения в с. Новотроицком Сумской обл. Лебединского р-на Пристайловского с/с в 1952-1954 гг.», принята в Государственный Эрмитаж из ИИМК РАН в 1960 году. Всего 3622 номеров, 4630 предметов.

Новотроицкое городище – эталонный памятник роменско - боршевской культуры восточных славян, было исследовано Днепровским Левобережным отрядом под руководством И.И. Ляпушкина Славянской археологической экспедиции (нач. Третьяков П. Н.) 1952 - 1954 гг. Оно расположено на юго-восточной окраине с. Новотроицкого Сумской области Лебединского района, на одном из мысов коренного берега реки Псел. Памятник датируется IX в.

Новотроицкое городище – это практически однослойный памятник с культурным слоем незначительной мощности, небольшой по размерам, сравнительно хорошей сохранности. За период 1952 – 1954 гг. раскопками подвергнута площадь 3900 кв. м. На этой площади были обнаружены остатки 50 отдельно стоящих жилищ (полуземлянок), около сотни хозяйственных и производственных сооружений, ряд печей и открытых очагов вне построек, а также несколько могил. Жизнь на городище у с. Новотроицкое прекратилась одновременно в результате очень сильного пожара. И.И. Ляпушкин, сопоставив данные письменных источников и археологии, пришёл к выводу, что пожар произошёл в результате вражеского нападения печенегов в конце IX века.

Отличительной особенностью Новотроицкого городища является наличие большого числа целых вещей, относящимся к самым разнообразным сторонам хозяйственной деятельности и быта. Покидая посёлок, жители оставили на его территории наряду с большим количеством бытовых вещей также предметы, представляющие большую ценность, а именно: изделия из железа (сошники, ножи, серпы, косы, лемехи, мотыжки, топоры и тёсла, ложкорезы, наконечники стрел, обломок клинка, рыболовные крючки, кресало и др.), украшения из бронзы и серебра. Обнаружено три клада с серебряными вещами -- 10 дирхемов с предметами украшения из серебра в небольшом горшочке, два набора серебряных украшений.

Новотроицкое поселение существовало непродолжительное время, не более одного столетия. Датировка определяется главным образом по восточным монетам (10 дирхемов находилось в составе клада, 1 в одном из жилищ) начиная с рубежа VIII - IX вв. до конца IX – начала X вв. Материалы

памятника изданы монографически (Ляпушкин 1958), но являются источником для переосмысления и новых интерпретаций (Борисевич, Узянов 1987; Приймак. 1997).

Интересный факт, относящийся к целостности коллекции: в 1971 году 13 предметов из Новотроицкого городища (два пряслица, два астрагала, два проволочных серебряных кольца, три горшка, нож железный, проколка из кости лося, коса и сковорода глиняная) вместе с предметами, найденными на Правобережном Цимлянском городище, были переданы в Центральный музей революции для дальнейшей передачи музею Болгаро-Советской дружбы в Софии в качестве дипломатического подарка.

В 2013-2014 гг. планируется экспонирование предметов, найденных на Новотроицком городище, в отдельной витрине в одном из залов Зимнего дворца.

Архив ИИМК РАН.

Ф. 35. Оп. 1. 1952 г. Славянская экспедиция (нач. Третьяков П. Н.), Днепровский Левобережный отряд, Ляпушкин И. И. – нач. отряда.

1. Ф. 35. Оп. 1. 1952 г. Д. №108 (56) – Отчёт о раскопках Новотроицкого городища Лебединского р-на Сумской обл. -- 33 л..

2. Ф. 35. Оп. 1. 1952 г. Д. №109 - 111 (соответств. 51 - 53) - Полевые дневники археол. работ на Новотроицком городище.

3. Ф. 35. Оп. 1. 1952 г. Д. №112 -114 (54) – Журналы нивелировки раскопок Новотроицкого Городища. 12 л.

4. Ф. 35. Оп. 1. 1952 г. Д. №116 (55) – Полевые чертежи раскопок городища. 30 листов

5. Ф. 35. Оп. 1. 1952 г. Д. 117 (55а) – Кухарева Л.С. Рисунки находок из раскопок Новотроицкого городища. 19 листов.

6. Ф. 35. Оп. 1. 1952 г. Д. №118 (56) – Альбом фотографий раскопок и находок Новотроицкого городища. 62 листа.

Ф. 35. Оп. 1. 1953 год. -- Славянская экспедиция (нач. Третьяков П.Н.), Днепровский Левобережный отряд, Ляпушкин И.И. – начальник отряда.

7. Ф. 35. Оп. 1. 1953 г Д. №141 - 147 (соответственно 36 - 42) – Полевые дневники работ на Новотроицком городище.

8. Ф. 35. Оп. 1. 1953 г Д. №148. (Ф. 72. Д. 258) – Дневник археологических работ отряда. Ляпушкин И.И. 102 листа.

9. Ф. 35. Оп. 1. 1953 г Д. №149 (43) - Полевые чертежи раскопок Новотроицкого городища. 55 листов.

10. Ф. 35. Оп. 1. 1953 г Д. №150 (43а) – Рисунки находок из раскопок Новотроицкого и Битицкого городищ. 33 листа.

11. Ф. 35. Оп. 1. 1953 г Д. №151 – Опись к акту передачи на постоянное хранение в Эрмитаж материалов, собранных на поселении в балке Криничной Лебединского р-на Сумской обл.

- Ф. 35. Оп. 1. 1954 год. -- Славянская экспедиция (нач. Третьяков П.Н.), Днепропровский Левобережный отряд, Ляпушкин И.И. – начальник отряда.
12. Ф. 35. Оп. 1. 1954 г. Д. № 123 (43) - Ляпушкин И.И. Отчёт о раскопках Новотроицкого городища Лебединского р-на Сумской обл. Приложение: список рисунков. 79 л.
13. Ф. 35. Оп. 1. 1954 г. Д. №124 (44) - Иллюстрации к отчёту. 119 л.
14. Ф. 35. Оп. 1. 1954 г. Д. №125 – 138 (соответственно 36 - 41, 174, 175, 116 - 118, 121, 119, 120) полевые дневники.
- 15 .Ф. 35. Оп. 1. 1954 г. Д.139 (46) – Переписка, анализы, определения материалов, найденных при раскопках Новотроицкого городища в 1952-1954 гг. (дата- 23.07.52-06.12.56). 49 л.
- 16 .Ф. 35. Оп. 1. 1954 г. Д.№140 (45) – Акт № 163 от 23.12.1959 о передаче в Государственный Эрмитаж материалов Днепропровского левобережного отряда из обследования и раскопок городища близ с. Битица 1948 г., 1953 г., раскопок городища в с. Новотроицком Лебединского р-на Сумской обл. 1952-1954 гг. с описью находок. 128 л.
- 17 .Ф. 35. Оп. 1. 1954 г. Д. №141 (42) -- Полевые чертежи раскопок Новотроицкого городища. 66 л.

Фотоархив ИИМК РАН (Медведева, 2005. С. 18 – 19):

- 1952 г.** Раскопки городища Новотроицкое, Лебединский р-н, Сумская обл. Полевая работа, панорама общего вида раскопа, чертежи, планы полуземлянок и находки. Днепропровский Левобережный отряд, 1952 г. Коллекция 1606, 1699. Альбомы О. 1886-1888, О. 1929-1930. Негативов – 90, плёночных катушек – 7, Отпечатков -214.
- 1953 г.** Раскопки городища Новотроицкое и городища Битицы, Сумская обл. Полевая работа, чертежи, планы, находки. Славянская экспедиция, 1953 г. Коллекция 1662. Альбомы О. 1893-1899. Плёночных катушек 19, негативов 184, отпечатков 337.
- 1954 г.** Раскопки городища Новотроицкое, Сумская обл. Полевая работа, находки и планы. Днепропровский Левобережный отряд, 1954 г. Коллекция 1742. Альбомы О. 1915-1920.
- Материалы к монографии И.И. Ляпушкина «Городище у с. Новотроицкого» (по раскопкам 1952-1954 гг.). Чертежи, карты, реконструкции жилищ, хозяйственных построек, керамика. Коллекция 1909. Альбом О.2062. Негатив II 79958. Негативов -- 77, отпечатков – 79. Выполнены в лаборатории ИИМК в 1956 г.
- Негативы I 35894-35896, I 35898-13908. Негативов – 246, отпечатков – 229.

Архив ИА РАН:

1. Ф-1. Р-1. № 676. 34 листа. Отчет о работе Днепропетровского Левобережного отряда Славянской археологической экспедиции в 1952 г. № 677 – Альбом иллюстраций к отчету. 62 л., 83 ил.
2. Ф-1. Р-1. № 816. 76 листов, 124 ил. Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Славянской археологической экспедиции 1953 г.

1953. Городище Битица

- 1.) Коллекция № 75-1 « Предметы из разведки 1948 г. Днепропетровской Левобережной эксп. ИИМК АН СССР на город. Битица Сумской обл. и района». Коллекция принята в Государственный Эрмитаж из ИИМК РАН в 1960 году. Всего 388 номеров, 388 предметов.
- 2) Коллекция № 75-2 «Предметы, найденные при раскопках городища Битица Сумской обл. и р-на Днепровским Левобережным отрядом Славянской археологической экспедиции в 1953 г. ИИМК АН СССР. Коллекция принята в Государственный Эрмитаж из ИИМК РАН в 1960 году. Всего 516 номеров, 646 предметов.

Битица, Сумская обл. и р-н (правый берег р. Псла) – городище конца VIII – IX вв. по И.И. Ляпушкину. Впервые описано К.П. Сосновским в письме А.А. Спицыну. В 1948 г. городище обследовано Днепропетровской левобережной экспедицией. В 1953 г. на поселении в южной части площадки Днепровским Левобережным отрядом Славянской экспедиции (нач. Третьяков П. Н.), возглавляемым И.И. Ляпушкиным, были произведены небольшие раскопки. Всего исследовано 130 кв.м. Мощность культурного слоя 0,4 м. Установлено, что культурный слой городища содержит отложения двух эпох – скифской (так называемого позднезольничного типа) и средневековой своеобразной группы VIII—IX вв., так называемого волынцевского типа (Березовец 1952) Обстоятельная характеристика этих древностей была дана И.И. Ляпушкиным (Ляпушкин, 1959).

К волынцевским материалам на Битицком городище относятся фрагменты лепных горшков и целые сосуды, гончарные так называемые салтовомаяцкие кувшины, обломки яйцевидных амфор салтовского типа, кресало, точильные камни, долото, сошник, прясла, пряжки, серебряное височное кольцо типа Фативижского клада, дужка от ведра и др. Раскопками вскрыты остатки трёх построек с печами – две полуземлянки и одна наземная, и двух ям - погребов (Ляпушкин, 1959, с. 65-78).

В 1971 году городище было вновь обследовано разведотрядом ИА АН УССР. (Кучера, Сухобоков, 1971). В 1984 году разведгруппой Левобережной славяно-русской экспедицией ИА АН УССР под руководством О.В. Сухобокова в ходе разведочных работ было расчищено жилище, в

непосредственной близости от него обнаружен клад, состоящий из орудий труда и украшений (8 серпов, 2 косы, ожерелье из 96 бусин, ожерелье из 26 бронзовых пронизок, 3 бубенчика) (Сухобоков, Юренко, 1989; Сухобоков, Вознесенская, Приймак, 1989).

Архив ИИМК РАН, Рукописный отдел.

- 1953 г. Славянская эксп. Нач. Третьяков П. Н.
Днепровский Левобережный отряд. Нач. И.И. Ляпушкин
Ф. 35. Оп. 1. 1953 г. Д. №136. (45) – Отчёт о раскопках Новотроицкого, Битицкого городищ и разведке в р-не Новотроицкого Лебединского р-на Сумской обл.. Приложение: письмо Быкова А.А. с определением куфических монет, заключение Якубцинера М.И. о видовом составе зерновых остатков из Новотроицкого городища, список рисунков, опись материалов к отчёту, опись материалов, переданных в архив. 75 листов.
1. Ф. 35. Оп. 1. 1953 г. Д. №137 (45). – Фотоальбом к отчёту о раскопках отряда в 1953 г. 125 листов.
 2. Ф. 35. Оп. 1. 1953 г. Д. №138 (34) – Полевой дневник археологических работ на Битицком городище. 79 листов.
 3. Ф. 35. Оп. 1. 1953 г. Д. №139 (35) – Опись находок из раскопок городища у с. Битица Сумской обл. 15 листов.
 4. Ф. 35. Оп. 1. 1953 г. Д. №140 (35) – Журнал нивелировки и полевые чертежи раскопок гор-ща у с. Битица. 15 листов.
 5. Ф. 35. Оп. 1. 1953 г. Д. №150 (43а) – Рисунки находок из раскопок Новотроицкого и Битицкого городищ. 33 листа.
 6. Ф. 35. Оп. 1. 1954 г. Д. №140 (45) – Акт № 163 от 23.12.1959 о передаче в Государственный Эрмитаж материалов Днепровского левобережного отряда из обследования и раскопок городища близ с. Битица 1948 г., 1953 г., раскопок городища в с. Новотроицком Лебединского р-на Сумской обл. 1952-1954 гг. с описью находок. 128 л.

Фотоархив ИИМК РАН:

1953 г. Раскопки городища Новотроицкое и городища Битицы, Сумская обл. Полевая работа, чертежи, планы, находки. Славянская экспедиция, 1953 г. Коллекция 1662. Альбомы О. 1893-1899. Плёночных катушек 19, негативов 184, отпечатков 337.

Архив ИА РАН:

1. Ф-1. Р-1. № 816. -- Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Славянской археологической экспедиции 1953 г. -- 76 листов, 124 ил.

1958г. Разведки Днепровской Левобережной экспедиции на Западной Украине

Коллекция № 92-2 (опись на 19 листах), всего 334 номеров 4269 предметов, принята из ИИМК АН СССР в 1963 году.

В 1958 году Днепровская Левобережная экспедиция ИИМК РАН под руководством И. И. Ляпушкина провела полевые работы в западных областях УССР – Львовской и Волынской. Перед экспедицией была поставлена задача произвести обследование территорий верхнего течения рек Днестр, Западный Буг и юго-западных притоков реки Припять (р. Турия и др.) с целью выяснения облика археологических памятников I тысячелетия н. э. в этих районах и, в частности, широко распространенные здесь памятники культуры «полей погребений» (зарубинецкого и черняховского типов) и славянские памятники второй половины I тыс. н. э. типа Невиско, Рипнев 1 и 2, Зимно и им подобные.

За время работ (с 21 мая по 30 июня 1958 г.) экспедиция обследовала район верхнего течения р. Западный Буг с притоками (от г. Буск до с. Скоморохи) и верхнего течения р. Турия до с. Дулибы (нижнее течение реки Турия от с. Дулибы было обследовано в предшествующие годы Ю.В. Кухаренко). В ходе работы экспедиции был расширен круг наблюдений, учтены все археологические памятники, обнаруженные по маршруту. На обследованной территории экспедицией осмотрено 107 пунктов с выходами древних культурных отложений, причём большая часть их до работы экспедиции не была известна. Основную массу открытых памятников составляют остатки древних неукреплённых поселений (селищ). Городища и могильники – единичны.

Селища, как правило, многослойные. Наиболее отчётливо из числа обследованных памятников выступают поселения великокняжеской поры, керамический комплекс которых достаточно хорошо изучен был изучен в то время. Встречено довольно много памятников полей погребений.

Материалы разведки Днепровской Левобережной экспедиции 1958 г. на территории западной Украины не опубликованы.

В состав коллекции входят: керамика, фрагменты глиняной обмазки, жерновов, конусов, шлаков, грузики, пряслица, каменные орудия и др.

Архив ИИМК РАН. Рукописный отдел.

1. Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. №33. Отчет Днепровской левобережной экспедиции за 1958 г. 18 листов, альбом иллюстраций 44 листа. Акт о передаче находок в Государственный Эрмитаж.

2. Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. №34 (95 листов) - 35 (51 лист). Дневники за 1958 г. (тетради 1 и 2).

3. Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. №36 (4 листа). Полевые чертежи за 1958 г.

Фотоархив ИИМК РАН (Медведева, 2005. С. 17):

И.И. Ляпушкин и сотрудники экспедиции за зачисткой берега р. Луч, с. Зимно, Вольнской обл. Днепроовская Левобережная экспедиция, 1958 г. Альбом О.2157/15.

1960г. Поселения Солошино и Дворниковка

Солошино

Коллекция № 143/1-6 (опись на 16 листах).

Коллекция называется: Материалы из раскопок и сборов Днепроовской Левобережной экспедиции ИА АН СССР, 1960 г. Принята из ИИМК РАН в 1970 году. Всего 265 номеров 814 предметов. Опись 143/1 – поселение у села Солошино (II) 219 номеров 746 предметов.

Опись 143/2 – поселение близ с. Солошино IIа 23 номеров 32 предмета

Опись 143/3– поселение близ с. Солошино III 10 номеров 10 предметов

Опись 143/4– поселение у юго-восточной окраины с. Солошино около птичника, 3 номеров, 3 предмета

Опись 143/3– поселение на юго-западной окраине с. Солошино, 10 номеров, 23 предмета

Археологические материалы позднеславянского и древнерусского периодов из поселения Солошино, Кишеньковского р-на, Полтавской области

На поселении сделано 8 шурфов и 12 траншей Исследовано не менее 50 м кв.

Дворниковка (часть с. Солошино)

Коллекция № 143/6-8 (опись на 2-х листах). Всего 25 номеров 45 предметов. Коллекция принята из ИИМК АН СССР в 1970 году.

Опись № 143/6 – Поселение близ местечка Дворниковка (I) (часть с. Солошино, в 700 м. к югу от скотного двора м. Дворниковка), Полтавская обл., Кишеньковский р-н), №№ 1-13, 33 предмета

Опись № 143/7 – Поселение близ местечка Дворниковка (II), №№ 1-6, 6 предметов

Опись № 143/6 – Поселение близ местечка Дворниковка (III), №№ 1-6, 6 предметов

Материалы не опубликованы.

Архив ИИМК РАН:

1. Ф. 35. Оп. 1. 1960 г. Д. 19а. Опись керамического материала из раскопок и сборов на поселениях у с. Солошино II и III, Дворниковка I и III переданных в Государственный Эрмитаж с приложением акта передачи. 20 листов.

2. Ф. 35. Оп. 1. 1960 г. Д. 17 (на 9 листах). Полевые чертежи раскопок у посёлка Солошино, (в ур. Городок Д. 18, у фермы – Д. 19).

1967-1968гг. Гнёздовское поселение

Коллекция № 153 (опись на 182-х страницах), всего 3234 номеров, 7828 предметов. Коллекция называется: Предметы древности, найденные Днепровской археологической экспедицией ИА АН СССР при раскопках селища близ д. Гнёздова Смоленской обл. Находки приняты в Государственный Эрмитаж из ИИМК АН СССР в 1972 году.

В 1967-1968 гг. Днепровской Левобережной экспедицией под руководством И.И. Ляпушкина близ д. Гнёздова Смоленской обл. было исследовано селище. Этими раскопками было положено начало нового этапа в изучении Гнёздовского археологического комплекса (Ляпушкин 1969, 1971). Было установлено наличие неукрепленного поселения конца IX – XI вв. (до этих исследований считалось, что выходы культурных отложений близ курганного могильника являлись остатками не поселений, а разрушенных курганов (Авдусин, 1953. С. 111-117)). Было вскрыто 696 кв. м., выявлены следы производственной деятельности. В 1970 г. Смоленская археологическая экспедиция под руководством Д.А. Авдусина продолжила работы. В составе этой экспедиции отрядом ленинградских студентов руководил В.А. Булкин. В этом году этим отрядом было вскрыто дополнительно 164 кв. м. Таким образом, общая площадь исследованного участка составила 860 кв. м. На вскрытой площади выявлено 13 комплексов с ярко выраженными следами ремесленной деятельности, связанной ювелирным и железообрабатывающим производствами. Об этом свидетельствуют находки литейных и кузнечных инструментов: тиглей, льячка, клещи, пинцеты, чеканы и др.; весы и гирьки, полуфабрикаты и отходы заготовок из цветного металла: проволока, пластинки, лом ювелирных изделий; серии заготовок и незавершенных изделий: заготовки перстней, подвесок, являющиеся деталями женского убора, характерного для культуры смоленских длинных курганов. О кузнечной обработке железа свидетельствуют многочисленные шлаки, полуфабрикаты и заготовки кузнечного ремесла (Вешнякова, Булкин, 2001. С. 40-53).

Архив ИИМК РАН. Рукописный отдел.

1. Ф. 35. Оп. 1. 1967. Дд. № 16-20. Отчёт о работе Днепровской археологической экспедиции в 1967 г.
2. Ф. 35. Оп. 1. 1968. Дд. №81-83. Отчёт о работе Днепровской археологической экспедиции в 1968 г

Фотоархив ИИМК РАН. (Медведева, 2005. С. 19):

1967 г. Раскопки селища у д. Гнёздово Смоленской обл. Полевые работы, чертежи, находки. Клад монет X-XI вв., найденный местными жителями в

1966 г. Днепровская Левобережная экспедиция, 1967 г. Коллекция 2376. Альбомы О. 2820, О.2697. Негатив I 71097. Негативов – 190, отпечатков – 189

Список литературы

- Авдусин Д.А. Отчёт о раскопках в Гнёздове в 1957-1960 гг. // МИСО. Смоленск. Вып. 7. 1970. (МИСО – Материалы по изучению Смоленской области).
- Андриенко В.П. Скифское поселение у с. Пожарная Балка. АО 1983 года. М. 1985. С. 255-256.
- Андриенко В.П. Раскопки у с. Пожарная Балка. АО 1984 года. М. 1986. С. 209 - 210.
- Артамонов М. И. История хазар. СПб. 2002.
- Березовец Д.Т. Дослідження на території Путивльського р-ну Сумської обл. 1952. АП, III.
- Вешнякова К.В., Булкин В.А. Ремесленный комплекс гнёздовского поселения (по материалам раскопок И.И. Ляпушкина). Труды ГИМ, вып. 124, Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001. С. 40-53.
- Кучера М.П., Сухобоков О.В. Звіт про роботу Лівобережного розвідзагону ІА АН УРСР за 1971 р. // НА ІА АН УРСР. – 1971/17а. С. 45. (научный архив Института археологии АН УССР)
- Ляпушкин И.И. Раскопки Правобережного Цимлянского городища. КСИИМК. Вып. IV. М. 1940. С. 58 - 62.
- Ляпушкин И.И. Поселение скифского времени близ. дер. Пожарная Балка Полтавской обл. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951. С. 125 - 130.
- Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62. 1958. С. 85 – 150.
- Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. МИА. № 74. М - Л. 1958.
- Ляпушкин И.И. К вопросу о памятниках Волынцевского типа. СА, XXIX—XXX, М., 1959. С. 58 – 83.
- Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические изыскания о времени заселения Левобережья славянами. МИА, №104, М - Л. 1961.
- Ляпушкин И.И. Новое в изучении Гнёздова. В кн.—«Археологические открытия 1967 г.». М., 1968. С. 43 - 44.
- Ляпушкин И.И. Исследования Гнёздовского поселения. АО за 1968 г. М., 1969. С. 66 – 67.
- Медведева М.В. Научное наследие И.И. Ляпушкина в документах фотоархива ИИМК РАН. Мастера средневековья. Stratum+ № 5. СПб, Кишинёв, Одесса, Бухарест. 2005. С. 16 - 20.
- Плетнёва С. А. Хазары. М. 1986.

Сухобоков О.В., Вознесенская Г.А., Приймак В.В. Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища. Древние славяне и Киевская Русь. Киев. 1989. С. 92 -105.

Сухобоков О.В., Юренко С.П. Новые исследования Битицкого городища // Проблемы истории и археологии древнего населения УССР. Киев. 1989. С. 221 - 222.

[1] В описании архивных дел Фонда 35 Рукописного отдела НА ИИМК РАН приводится их настоящий, установленный после перенумерации Фонда 35 в 2006г., номер, а в скобках – старый номер дела, действительный до 2006 г., поскольку именно на эти старые номера ссылались авторы при работе с материалами И.И. Ляпушкина.

**МАТЕРИАЛЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДНЕПРОВСКОГО
ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ЭКСПЕДИЦИИ
ИИМК АН СССР ПОД РУКОВОДСТВОМ И И.
ЛЯПУШКИНА В ПОЛТАВСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ
МУЗЕЕ**

Л.Н. Луговая, И.С. Мельникова
Полтавский Краеведческий музей, Полтава, Украина
poltava_local_museum@ukr.net

Большой вклад в изучение археологических памятников Днепроовского лесостепного левобережья, и Полтавщины в частности, внес выдающийся ученый, известный археолог Иван Иванович Ляпушкин, которому в этом году исполняется 110 лет со дня рождения. В 40-60 годах прошлого столетия экспедиция ИИМК АН СССР им. Марра под его руководством проводила в Днепроовском регионе масштабные археологические исследования. Активное участие в полевых исследованиях этой экспедиции на Полтавщине принимали и сотрудники Полтавского краеведческого музея, с которыми у И.И.Ляпушкина сложились дружеские и деловые отношения.

Полтавский краеведческий музей, основанный в 1891 году по инициативе выдающегося ученого-почвовода, профессора В.В.Докучаева как Естественно- исторический музей Полтавского губернского земства, является одним из самых старейших и известных музеев Украины. Музей находится в здании бывшей земской управы – шедевре украинской архитектуры, построенном в 1908 г. по проекту известного архитектора В.Г.Кричевского в стиле украинского модерна. Экспозиция музея расположена в 35 залах общей площадью 3000 кв. м.

Музейная коллекция насчитывает более 300 тыс. предметов. Среди ее фундаторов особое место принадлежит В.В.Докучаеву, И.А.Зарецкому, а

также меценатам Е.Н.Скаржинской и П.П.Бобровскому: переданные ими коллекции составили основу музейного собрания.

В музее в разное время работали многие известные ученые, исследователи природы, археологи, этнографы, историки, такие как Н.И.Гавриленко, И.А.Зарецкий, В.М.Щербаковский, М.Я.Рудинский, В.И. Довженок, В.Ф.Николаев, Н.Х.Онацкий и другие.

Гордостью музея являются его археологические коллекции, начало которым было положено еще на заре существования музея. Сегодня в археологическом фонде музея свыше 55 тыс. музейных предметов, которые представляют фактически все исторические эпохи и народы, обитавшие в древности на территории Полтавщины. Значительную и наиболее ценную с научной точки зрения его часть составляют материалы археологических исследований, проводившихся в разное время на Полтавщине научными экспедициями из Киева, Санкт-Петербурга, Москвы, Полтавы. В их числе свыше 6 тыс. музейных предметов – это материалы археологических разведок И.И.Ляпушкина по рр. Ворскла и Коломак, раскопок известных на Днепровском левобережье славянских городищ в Полтаве, Опошне, Решетняках и др. Многие из них представлены в экспозиции музея и являются неотъемлемой частью в раскрытии темы раннеславянской и древнерусской истории края.

Ниже приводится краткая информация о материалах исследований И.И.Ляпушкина на Полтавщине, которые хранятся в Полтавском краеведческом музее.

1. Опошня пос., Зеньковский район, Полтавская область (правый берег р. Ворскла). Раннеславянское городище 2-ой пол. VIII в. Раскопки проводились в 1940 и 1957 гг.

Раскопки 1940 г. (с участием сотрудников музея Н.Е.Стана и Г.А.Сидоренко). Сначала коллекция насчитывала 385 ед. музейных предметов. После пожара в музее 1943 г., сохранилось только 98 предметов и то многие из них повреждены огнем. Коллекция в основном состоит из фрагментов и целых форм глиняной лепной посуды, глиняных конусов, кусков глиняной обмазки, пещины. Из индивидуальных находок в составе коллекции – глиняные пряслица, железный нож, костяная проколка.

Инв.№№: ПКМ 163/А 163; ПКМ 10616/А 765; ПКМ 10618/А 767; ПКМ 10629/А 778; ПКМ 10630/А 779; ПКМ 10632/А 781; ПКМ 10633/А 782; ПКМ 10634/А 783; НД 110.

Раскопки 1957 г. (с участием сотрудника музея Г.А.Сидоренко)

В коллекции 1389 ед. музейных предметов: целые формы (9 ед.) и большое количество фрагментов глиняной лепной посуды (мисок, горшков, сковородок), целые формы и фрагменты культовых предметов из глины (миниатюрные сосуды, фигурки животных), бусины, пряслица, конусы и их фрагменты, обломки точильных камней, железные изделия (ножи, скобы,

кресала, пряжка, шило), железный шлак, изделия из бронзы (персни, кольца, пуговицы), фрагменты амфор, тиглей и пр.

Инв. №№: ПКМ 18180-18223 / А 1973-2016

2. Археологические разведки по р. Коломак (правый и левый берег) по маршруту г. Полтава – с. Перекоп Харьковской области. 1945 г. (с участием сотрудника музея Г. А. Сидоренко)

Коллекция в количестве 706 ед. музейных предметов представлена преимущественно фрагментами керамики скифского времени и черняховской культуры, отдельными находками кремневых и каменных изделий, глиняными грузилами, пряслицами (глиняными и шиферными), фрагментами амфорной керамики.

Инв. №№: ПКМ 5563-5578, 5581 / А 272-287, 290

3. Полтава г., Соборная площадь (правый берег р. Ворсклы). Городище. VII-III в. до н. э.; VIII-X; X- XIII вв. Разведки и раскопки проводились в 1940, 1945 и 1946 гг. (материалы предварительных разведок 1940 г. в коллекции не представлены).

Разведки и раскопки 1945 г. (при активном участии сотрудников музея)

Коллекция в количестве 1073 ед. музейных предметов содержит материалы скифского, роменского и древнерусского времени. Это, прежде всего, большое количество фрагментов керамики. В числе индивидуальных находок – стеклянные браслет и бусина, шиферное пряслице и др.

Инв. №№: ПКМ 5579, 5580, 5582 / А 288, 289, 291;

Раскопки 1946 г. (при активном участии сотрудников музея)

Коллекция в количестве 2528 ед. музейных предметов содержит материалы роменского и древнерусского времени. Кроме лепной и гончарной керамики, находки представлены пряслицами и их фрагментами, костяными и каменными изделиями, фрагментами привозной амфорной керамики.

Инв. №№: ПКМ 15667-15886 / А 1667-1886

4. Решетники с., Новосанжарский район, Полтавская область (правый берег р. Ворскла).

Городище в ур. Городок. VII-III в. до н. э.; VIII-X; X- XIII вв.

Раскопки 1960 г.

Коллекция насчитывает 654 ед. музейных предметов, среди которых преобладают материалы скифского времени. Раннеславянский и древнерусский периоды представлены немногочисленными фрагментами глиняной посуды.

Инв. №№: ПКМ 23938 / А 2074

5. Решетники с., Новосанжарский район, Полтавская область (правый берег р. Ворскла).

Городище «у фермы». VIII-X; X- XIII вв.

Раскопки 1960 г.

В коллекции 1005 ед. музейных предметов, среди которых преобладают фрагменты керамики раннеславянского и древнерусского времени. Из отдельных находок следует упомянуть кузнечные щипцы, глиняные пряслица, глиняные лепешки, костяные проколки, фрагменты амфорной керамики салтовского типа.

Инв. №№: ПКМ 23939 / А 2075

Кроме археологических коллекций, в научном архиве музея хранятся и некоторые документы, касающиеся исследований И.И.Ляпушкина на Полтавщине:

1. Ляпушкин И.И. Археологические памятники эпохи железа в бассейне р.Ворсклы. (Из полевых изысканий 1945 г. по маршруту г.Полтава – с.Перекоп, Харьковской области) // НА ПКМ. – Дело № 03-2. – С. 1-18.

2. Ляпушкин И.И. Краткое содержание сообщения «Памятники эпохи железа в бассейне р.Ворсклы» /Из полевых изысканий 1940-1946 гг. Предварительное сообщение/ (доложено на заседании сектора славяно-русской археологии ИИМК АН СССР 23 декабря 1946 г.) // НА ПКМ. – Дело № 03-2. – С. 19-21.

3. Ляпушкин И.И. Краткий (предварительный) отчет о полевых изысканиях 1946 г. Днепровской Левобережной археологической экспедиции ИИМК Академии Наук СССР // НА ПКМ. – Дело № 03-2. – С. 22-26.

4. Список фотознімків Дніпровської Лівобережної археолог. експедиції ІМК АН СРСР 1946 р. Розкопки на Червоній площі м.Полтави під керівництвом Ляпушкіна І.І., переданих ученим секретарем Полтавського Історично-краєзн. Музею тов.Білан С.М. до відділу фондів музею на схорону. 28 лютого 1949 року

// НА ПКМ. – Дело № 03-2. – С. 27.

5. И.И.Ляпушкин. Среднеднепровская археологическая экспедиция ИИМК 1945 года. Описание предметам, найденным при разведочных раскопках, произведенных в 1945 г. в гор. Полтаве, на территории Красной (быв. Соборной) площади». Документ содержит перечень 240 ед. археологических находок // НА ПКМ. – Дело № 03-3. – С. 1-5.

6. Ляпушкин И.И. Среднеднепровская археологическая экспедиция ИИМК 1945 года. Описание предметам, найденным при поисково-разведочных работах произведенных в 1945 году по маршруту г. Полтава – с.Перекоп, Харьковской обл. (по р. Коломак) // НА ПКМ. – Дело № 03-3. – С. 6-13.

7. Ляпушкин И.И. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р.Ворсклы (Полтавская и Харьковская обл.) и некоторые выводы из них // НА ПКМ. – Дело № 03-4.—54 с. – С.1-49+5 лл. чертежи.

8. Опись предметов древности, найденных при раскопках Полтавского поселения, летом 1946 г., под рук. И.И.Ляпушкина // НА ПКМ. -- Дело № 03-5/1 – 121с. + 1с. сопроводительное письмо от 19.05.1956 г. подписанное К.Павловой.
9. Опись предметов древности, найденных при раскопках городища у с. Опошня Полтавской обл. Днепровским левобережным отрядом Южно-Русской археологической экспедиции ИИМК АН СССР под рук. И.И.Ляпушкина, летом 1957 г. (без подписи) // НА ПКМ. – Дело № 03-6. – 33с.
10. Ляпушкин И.И. Опись предметов древности, найденных Днепровской Левобережной археологической экспедицией Института археологии АН СССР 1960 г. при раскопках городища близ с. Решетники, Полтавской области, Ново-Санжарского района, у колхозной фермы /правый берег р.Ворскла/ // НА ПКМ. – Дело № 03-11. – С. 4-32.
11. Ляпушкин И.И. Опись предметов древности, найденных Днепровской Левобережной экспедицией Института археологии при обследовании городища у с. Решетняки, Полтавская обл., Ново-Санжарский р-н, урочище «Городок», правый берег р.Ворскла // НА ПКМ. – Дело № 03-11. – С. 33-47.
12. Сидоренко Г.О. Схематичний план розкопів слов'янського поселення в м.Полтава на Червоній (Соборній) площі. 1946 р. // НА ПКМ. – Дело № 03-3. – С. 14.
13. Сидоренко Г.О. Короткий звіт про археологічні розкопки, проведені Інститутом Історії Матеріальної Культури АН СРСР з участю Полтавського Історико-краєзнавчого музею біля с. Буланово, Полтавського р-ну, Полтавської обл. Липень – вересень. 1949 рік // НА ПКМ – Дело № 03-9. – С. 2-4.
14. Сидоренко Г.О. Розвідочні розшуки археологічної Дніпровської археологічної експедиції за маршрутом м.Полтава – с. Переволочна по правому і лівому берегах р. Ворскли. 1946 р. Рукопись // НА ПКМ – Дело № 03 – 12. – С. 2.
15. Сидоренко Г.О. Щоденник описів Середньо-Дніпровської розвідочно-археологічної експедиції ПМК АН СРСР 13/ІХ – 10/10 – 45 р. Рукопись // НА ПКМ – Дело № 03 – 145/4. – 8 лл.
16. Сидоренко Г.О. Звіт відділу археології Полтавського Історико-Красназнавчого Держмузею про роботу археологічно-розвідочної експедиції проведеної під керівництвом ПМК АН СРСР в період від 13/ІХ – 30/ІХ – 45 р. та 30/ІХ – 10/Х – 45 р. Рукопись // НА ПКМ – Дело № 03 – 145/8. – 3 лл.
17. Сидоренко Г.О. Щоденник роботи учасника Дніпровської (слов'янської) розвідочної археологічної експедиції ПМК АН СРСР з участю Полтавського Історико-Красназнавчого Музею. Маршрут – м. Полтава – с. Переволочна (лівий берег р. Ворскли) 14/VII-46 – 1/X-46 р. Рукопись // НА ПКМ – Дело № 03 145/14.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

И.И. ЛЯПУШКИН – ЧЕЛОВЕК И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

ИВАН ИВАНОВИЧ

И.Д. Зильманович

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

larissadm@mail.ru

В 1954 году я училась на втором курсе истфака и вместе со своей подружкой Таней Дроздовой (потом Т.С. Пономарева, работала на кафедре археологии в Горьковском Университете) бегала в ЛОИА, в отдел, тогда еще славянорусский, и мечтала об экспедиции и было мне 18 лет. Наконец, сессия сдана, поезд катит в Сумскую область с пересадками и толкотней, потом попутный грузовик, и мы высаживаемся в селе Пристайлово, оно же Новотроицкое. Село большое, с церковью и белыми мазанками, Иван Иванович поселяет нас рядом со своим обиталищем, а утром следующего дня будит нас в 5 часов и ведет на городище, на самый край обрыва, под которым угадывалась в тумане излучина Псла, заливные луга за рекой, кромка синего леса, высокое небо. От невероятной красоты захватило дух, улетучился сон и мы услышали: «Вот так наши предки любили природу». Новотроицкое – не только эталонный, но и красивейший памятник. Мысовое городище с обрывом не то 60, не то 80м, круча из песка желтого, зеленоватого, даже голубого цвета, фланкирована глубокими оврагами, и только с напольной стороны невысокий вал отделяет поселение от степи.

Шел последний год раскопок, уже ясны были параметры и планировка, в суглинке легко читались пятна полуземлянок и хозяйственных ям. Иван Иванович не просто копал. Он давал мастер-класс и, проверяя свою методику, он мог легко вынуть заполнение землянки лопатой виртуоза, но мы должны были прочувствовать каждый слой и особенно стенки и пол, работая ножом и только ножом. Когда кровавые мозоли появились не только на правой, но и на левой руке, я научилась раскапывать землянки и ямы, а в качестве высшего пилотажа осваивалась зачистка лопатой. Позднее все это пригодилось. В те времена методика раскопок была предметом дискуссии и потому, когда на лугу приземлился маленький биплан, Иван Иванович велел срочно все зачистить и приготовился встречать членов полевого комитета. Из самолета вывалился человек в летной тужурке и, подойдя к нам, задал классический вопрос «А что вы это тут делаете,а?». Использовать этого «туриста» для аэрофотосъемки нам не удалось. А для Ивана Ивановича предметом особой гордости была изобретенная им конструкция из двух

лестниц, и у него получалась съемка землянки сверху, только себя снимать на вершине этой пирамиды он категорически запрещал.

Жили мы в хате с глиняным полом, обед готовила местная бабка. Мы, городские девочки, подвергались строгому контролю – купаться у кручи нельзя. Ходить через овраг, где «вовки спивают» тоже нельзя. И сарафаны должны быть с пелеринками. Однажды у печки от нас потребовали определить, что есть «ухват» и меня выручило то, что во время войны моя бабушка орудовала таким же в казацкой станице под Сталинградом. По вечерам мы ходили петь украинские песни. А днем отсыпались в хате. И тут, в самую жару появлялся Иван Иванович и звал посмотреть черепки не то скифского времени, не то первых веков. А однажды на краю села остановился старец – лирник. Лира или «рыла» играла пока он читал псалтир. Иван Иванович торопил нас, приговаривая, «этого больше вы вообще никогда не увидите. Последний лирник». В другой раз село посетили цыгане, но остаться им не разрешили, и наутро с кручи городища мы смотрели, как на лугу уходил табор и последние телеги описывали полный круг, присоединяясь к каравану. Иван Иванович вместе с нами стоял и смотрел.

В 1956 мы с Иваном Ивановичем были в Брянской области, копали курган. Ходили по странным маленьким южновским городищам, слушали местные легенды о войне кудеяров с русалами. В составе экспедиции кроме обязательных членов – Людмилы Степановны, жены Ляпушкина, и постоянной лаборантки Клавдии Васильевны Павловой, присутствовал московский гость, аспирант по имени Толя Амброз. Беседы с ним были всегда острыми, но осторожными, а когда я дерзко нахулиганила, подбросив ему якобы «дьяковское» пряслице, Иван Иванович невозмутимо вступил в игру. Полдня он выслушивал построения Амброза и даже кивал, а потом за обедом при всех спросил у меня, чем я провертела дырку. Хохотали до слез. К чести Амброза, он не обиделся и мы подружились. А Иван Иванович в ответ на фантастические предположения предлагал одно: докажите. Никогда не забуду споров, которые вел Иван Иванович с П.Н.Третьяковым, уже не по конкретным поводам, а по кардинальным вопросам научной достоверности и этики. Ползучий эмпиризм или фантастика?

В те годы в университете Артамонов читал этногеографию скифов. Курс древнерусской архитектуры читал искусствоведом Каргер, историю Руси излагал Мавродин. Мы умоляли Ивана Ивановича взять хотя бы небольшой курс лекций, но он отказывался, но зато уговорил Г.Ф. Корзухину и на пробный факультатив о Русских кладах пришли первокурсники - Мачинский и Григорьев, а после нас этот курс был успешно повторен с большим успехом. Иван Иванович церемонно дружил с Гали Федоровной и с Марией Александровной Тихановой, с тогда еще молодым П.А.Раппопортом и Марьяной Малевской, кажется он привел в сектор Спегальского. Жил Иван Иванович под самой крышей институтского здания и мы ходили его проведать, когда он болел. Но девушки мы были робкие, любая беседа

начиналась скрипучими словами «Сколько раз я вам говорил...» . В 1957 меня направили работать на Украину и жизнь завертелась по-иному. Других учителей в университетские годы у меня не было. Позже началась работа с М.А.Тихановой, а затем я ушла в экскурсоводы Эрмитажа.

«В ТРУДНЕЙШЕЙ ОБСТАНОВКЕ ВЫСОКО ДЕРЖАЛ ЗНАМЯ НАУКИ» (А.А. ФОРМОЗОВ О ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ И.И. ЛЯПУШКИНА)

С.П. Щавелев
КГМУ, Курск, Россия
sergey-shhavelev@yandex.ru

В своих последних опубликованных при жизни книгах по истории русской науки Александр Александрович Формозов (1928–2009) оценил личности и работу сотен археологов и специалистов по смежным областям гуманитарного и естественнонаучного знания (Формозов 2004 а, б; 2005; 2006; 2007; 2008). Десятки из них удостоились персональных очерков в его увидевших свет посмертно воспоминаниях. Особый раздел здесь озаглавлен «Слависты» (Формозов 2011. С. 161–176). Имеются в виду те советские археологи, кто занимался изучением древностей восточных славян и Руси. Автор показывает, что эта тематика в условиях тоталитарной идеологии и политики у нас хотя и поощрялась финансово, организационно побольше других направлений археологических исследований, но пережила несколько идейных кризисов в 1930-е – 1950-е гг. Да и впоследствии оставалась полем наибольшего давления советских властей на ученых — с тем, чтобы наши славянские предки и Русь получались в их работах подревнее, покультурнее, пославнее на мировой арене. А.А. Формозов показал, какую дань этому идеологическому заказу отдали в своих полевых работах и публикациях его учителя и современники, в первую очередь А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков, П.Н. Третьяков.

Надо оговорить, что хотя историческая и археологическая славистика не входила прямо и официально в круг академических занятий А.А. Формозова, он ею всю жизнь интересовался, следил за литературой и отчетами раскопок (Не случайно ему довелось впервые опубликовать в «Вопросах истории» фрагменты известной, долго запрещенной книги его друга А.А. Зимина о «Слове о полку Игореве» со своим предисловием).

Портреты знакомых археологов и даже своих предшественников не были для А.А. Формозова самоцелью. Он рассматривал их как биографический материал для уточнения своей классификации учёных, в особенности гуманитариев. Как известно читателям формозовских работ, особенно поздних, репутаций он не жалел, критиковал всех и вся, но старался подходить к героям и антигероям своих очерков всесторонне. Сначала он

делил коллег на способных и неспособных к творческим обобщениям; на академических долгожителей и тех, кто «сломался» на каком-то этапе своего пути в науку; на мыслителей и художников, даже публицистов по стилю мышления; и на т.п. группы, в принципе известные в науковедении. Но решающим для него с годами стало деление на честных и нечестных, «причём честная посредственность предпочтительнее самого одарённого жулика» (Формозов 2011. 64). Под честностью ученого понимались и его отношения к своему рабочему времени, и к эмпирическому материалу, его надежности, и к своим возможным ошибкам в его интерпретации, а в особенности устойчивость исследователя ко внеученым — карьерным, общественно-политическим соблазнам и угрозам.

Этот историк науки и мемуарист подчеркивал огромную сложность нравственно верного выбора, как в прежних, имперских, потом тоталитарных, так и в нынешних, неокapиталистических условиях; приводил немало жизненных примеров и вариантов переходных, противоречивых, когда заведомые злодеи способны на благородный жест, а поначалу честные авторы поддаются соблазну изменить настоящей науке.

На довольно широкой шкале между «гением и злодейством» немногие персонажи А.А. Формозова признаются им безупречными. После его любимого учителя С.Н. Замятина (и за которым, впрочем, признаются терпимые недостатки в бытовых отношениях), это М.И. Артамонов и И.И. Ляпушкин. Учитель и ученик, достойные друг друга.

«Что же, спрашивается, — подытоживал свой огромный опыт наш автор, — в области славяно-русской археологии нельзя работать, не кривя душой? Нет, это не так. Были люди, которые и здесь, в труднейшей обстановке, высоко держали знамя науки. В первую очередь мне вспоминается Иван Иванович Ляпушкин (1902–1968). Уроженец глухой слободы Савруха в Самарской губернии он долго был учителем и пришел в археологию в возрасте тридцати лет, поступив в аспирантуру ГАИМК к М.И. Артамонову. Темой его кандидатской диссертации, защищенной в 1940 г., был вопрос о славянах на Нижнем Дону и Тамани. Националистически настроенные историки доказывали, что они появились там очень рано, но тщательный анализ материала привел аспиранта к другому выводу — никаких следов славянских поселений младше X века в Приазовье нет, и он не побоялся это высказать [1] После войны Иван Иванович взялся за археологические исследования в лесостепном Левобережье Украины. В противоположность Рыбакову, перескакивавшему с памятника на памятник, он не спеша, методично изучал селище за селищем, район за районом. На Псле он полностью раскопал Новотроицкое городище роменского типа, развенчав красивую гипотезу Третьякова о жилищах со многими выходами, и рыбаковскую идентификацию роменской культуры с антами. Тщательно наносил он на карту скифские, салтово-маяцкие, славянские памятники, и эта скромная

скрупулезная работа дала неизмеримо больше, чем любые эффектные спекуляции Третьякова и Рыбакова.

Постепенно стала вырисовываться цельная концепция ранней истории славян в Восточной Европе. ... Очевидно, в ней найдутся спорные построения, и потом многое придется поправлять и пересматривать, но во всяком случае это не скороспелка, не очередная дешевая сенсация, а большой долговечный труд, где каждый вывод многократно проверен и взвешен. Значит, все-таки и слависты могут при желании работать добросовестно. Надо лишь обладать чувством ответственности перед наукой и ради нее идти на все. Ляпушкин получил докторскую степень лишь на седьмом десятке лет, почти не имел возможности знакомиться с зарубежными музеями, десятилетиями грубо третировался начальством. Но время брало свое. Книги Ляпушкина пробили себе дорогу. Молодежь будет учиться по ним как нужно работать... («Формозов 2011. С. 175–177).

В другой завещательной книге А.А. Формозова — «Человек и наука» — подчеркнуты педагогические заслуги этого ученого. Объяснив, как сложно обстоят дела с преемственностью в истории науки, с разными судьбами то и дело провозглашаемых научных школ, он также выделяет разные типы учительства / ученичества. Официальные, формальные (кто чей «шеф» диплома, в аспирантуре, на кафедре, даже в экспедиции) могут быть чем-то полезны начинающим путь в науке, но они во многом заменимы чтением книг, общением с другими коллегами. «Гораздо ценнее учитель, способный развернуть перед своими слушателями широкую, тщательно продуманную концепцию». Опираясь на нее, молодые люди пойдут дальше уже сами. Те, кто поталантливее, — гораздо дальше своего наставника. Но такого Учителя (с большой буквы) уже не заменит никакая библиотека (сегодня, добавим, даже электронная).

«В нашем археологическом мире мастерами такого воспитания молодежи были в Москве — В.Н. Чернецов, а в Ленинграде — И.И. Ляпушкин. В вузах они не преподавали, крупных постов в Академии не занимали, мало в чем могли помочь своим ученикам в их продвижении, но молодежь к ним тянулась и из встреч с ними извлекала очень многое» (Формозов 2003. С. 171).

В моем сообщении цитаты занимают много места, но из них можно многое и лучше понять в натурах и научном наследии двух замечательных исследователей — и И.И. Ляпушкина, и А.А. Формозова. Четверть века — и какого века — разделяло их по возрасту, но сближала их же общая верность интеллектуальной честности, вообще-то традиционной для русской науки.

[1] В тексте книги, на с. 176, явная опечатка: «старше».

Список литературы:

- Формозов А.А.* Историография русской археологии на рубеже XX – XXI веков. Курск, 2004 а.
- Формозов А.А.* Рассказы об ученых. Курск, 2004 б.
- Формозов А.А.* Человек и наука. Из записей археолога. М., 2005.
- Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. Изд. 2-е, доп. М., 2006.
- Формозов А.А.* Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. Издание 2-е, дополненное. М., 2007.
- Формозов А.А.* Статьи разных лет. Курск, 2008.
- Формозов А.А.* Записки русского археолога (1940-е – 1970-е годы). М., 2011..

ОТ И.И.СРЕЗНЕВСКОГО ДО И.И.ЛЯПУШКИНА: СЛАВЯНО-РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В САНКТ- ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В XIX - XX ВВ

И.Л. Тихонов
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
iltikhonov@mail.ru

Впервые в учебно-научной практике Петербургского университета сведения об археологических памятниках древних славян появились в лекциях выдающегося слависта И.И.Срезневского (1812 – 1880). С 1847 г. он занял созданную университетским уставом 1835 г. кафедру истории и литературы славянских народов. В круг его разнообразных интересов входило и изучение вещественных древностей. Во время своего путешествия по славянским землям в 1839 – 1842 г. он везде осматривал археологические памятники, в первую очередь городища, выявленные благодаря работам П.Шафарика, З.-Д.Ходаковского и К.Ф.Калайдовича. По возвращению в Россию И.И.Срезневский опубликовал несколько работ, посвященных славянским городищам. В его докторской диссертации «Исследование о языческом богослужении древних славян» также содержался раздел о городищах. В целом, разделяя мнение Ходаковского о культовом характере городищ, Срезневский сумел значительно более точно, чем последний, определить границы распространения этой категории памятников и выделить на основании форм валов несколько их типов. Допускал он и возможность их использования в качестве убежищ и укреплений, считая нужным отложить решение этого вопроса до более подробных исследований и раскопок. Он же первым поднял вопрос об охране городищ от разрушения, затрагивал проблему соотношения городищ с курганами. В работе, посвященной Збручскому идолу, Срезневский намечал очень любопытную программу его исследования: «Нет ли на камне каких-нибудь примет древности, влияния

воды, ила, воздуха, земли? Нет ли следов разрушения состава камня? Туземный ли камень или завозной? Нет ли особенных примет резного мастерства, по которым можно было бы получить, чем резано было и чем обделываемо?»).

Сохранился отрывок из лекции Срезневского о славянских городищах, записанный в 1847 г. его учеником – будущим известным писателем и публицистом Н. Г. Чернышевским, свидетельствующий о том, что этой темой профессор мог увлечь многих. Здесь подробно перечислялись и характеризовались по тем категориям (глиняные, каменные, металлические) вещи, находимые в городищах. Говоря о находках арабских монет VIII и IX вв., справедливо сопоставляя их с погребениями по обряду сожжения, Срезневский делает важное замечание: «...если отметить на карте места, где были находимы арабские монеты, и соединить эти места между собой, то получим торговые пути».

В 60-е годы XIX в. профессор Срезневский стал читать курс «Славянские древности VI-XII вв.». Рассматривая источники славянских древностей, Срезневский сформулировал понятие о памятнике древности и выделил четыре рода таких памятников: 1. развалины и вещи, могилы и кладбища, городища, валы и стены, замки и храмы, урны, оружие, металлические и каменные идолы; 2. народный быт и поверья; 3. памятники устные (слова, песни, сказки, пословицы); 4. памятники письменные (законы, грамоты, произведения литературы). Очень существенно, что Срезневский объединил все источники для восстановления древней истории славян в одном курсе и безоговорочно включил в их число в первую очередь памятники археологии, выступая тем самым против узкого источниковедческого направления в исторической школе Петербургского университета, представленной Н. Г. Устряловым и направленной на изучение только письменных источников.

Таких же взглядов на источниковедческую базу отечественной истории придерживался К.Н. Бестужев-Рюмин (1829 – 1897), занявший кафедру русской истории в 1865 г. В источниковедческой части своего курса он целый раздел посвящал вещественным источникам. Касаясь вопросов славянской и древнерусской истории, профессор сопоставлял данные письменных источников и археологических раскопок, так приводя свидетельство Ибн-Фадлана о похоронах знатного русса, он использовал материал из раскопок курганов в Псковской губернии и знаменитой Черной могилы в Чернигове. Прямым учеником Бестужева-Рюмина был А.А. Спицын, который позднее вспоминал, что «Интерес к археологии проявился у меня в университете. Профессор К.Н. Бестужев-Рюмин в своих лекциях заботливо отмечал, что вещественные памятники старины должны дать особо точный материал для истории, и что они еще очень мало изучены...» (Тихонов 1995: 160).

Учеником Бестужева-Рюмина был и А.С. Лаппо-Данилевский (1863-1919), который стал широко использовать археологический материал в своих

лекциях, в частности в курсе «История России IX-XVIII вв.», читаемого в университете в 1897-1904 гг. Несмотря на название, лектор открывал его большим (более 350 стр.) историко-культурным очерком древнейшей истории Восточно-Европейской равнины, построенном на археологическом и этнографическом материале, начиная с каменного века. Специальный раздел этого очерка был посвящен древнему быту славянских племен. В качестве тем для студенческих работ, он предлагал, например, «Археологическая литература о Витебской и сопредельной с ней губерниях».

Важную роль сыграло в развитии университетской археологии возобновленное по уставу 1863 г. преподавание истории и теории искусств, причем первоначально эту кафедру даже предполагалось назвать кафедрой археологии. В Петербургском университете этот курс начал читать в 1873 г. А. В. Прахов (1841-1916). С начала 1880-х гг. он приступает к изучению русских древностей, снимает копии с фресок Киева, начинает читать лекции по древнерусскому искусству, ходатайствует о выделении средств на приобретение таких материалов для Музея древностей университета. На рубеже XX в. проводит небольшие раскопки радимических и кривических курганов.

В 1887 г. на кафедре истории искусства начинается преподавательская деятельность Н.П.Кондакова. В его лекциях по византийскому и христианскому искусству широко использовался археологический материал. Время профессорской деятельности Кондакова совпало с его активными занятиями в области древнерусского искусства и археологии. В 1896 г. вышла его первая обобщающая работа по русским кладам. А в следующем году появился подготовленный вместе с И.И.Толстым 5-й выпуск «Русские древности», посвященный материалам курганов и кладов домонгольского времени. Учеником Кондакова и его непосредственным приемником по кафедре был Д.В.Айналов, развернувший с группой своих учеников систематическое изучение памятников Новгорода и Пскова.

В 1909 г. началась преподавательская деятельность А.А.Спицына в Санкт-Петербургском университете. Непосредственным инициатором приглашения Спицына в университет был С.Ф.Платонов, возглавлявший кафедру русской истории. В собрании историко-филологического факультета 24 января 1909 г. он представил весьма лестный отзыв о научных трудах А.А.Спицына и вскоре тот прочитал пробную лекцию о восточных путях торговли норманнов. В январе 1910 г. в виде отделения Исторического семинария на факультете был учрежден Археологический кабинет, где и стали проходить занятия. Библиотека кабинета составила из книг, пожертвованных АК, Археологическим институтом, обществами, самим Спицыным и другими археологами, 259 томов переданы университетской библиотекой. Археологические коллекции кабинета также составлялись из пожертвований вышеназванных учреждений и обществ и частных лиц и к 1913 г. там насчитывалось 1208 томов книг и 1763 археологических предмета.

Важной частью деятельности Археологического кабинета стали учебные раскопки, проводимые на высоком для своего времени методическом уровне. Первые раскопки Археологический кабинет провел в мае 1910 г. в Лужском уезде. С.-Петербургской губ. у деревень Малый Удрай и Замошье. Было исследовано 13 небольших круглых насыпей, длинный курган с остатками кремации, городище железного века и интересное четырехугольное сооружение с мощными каменными обкладками, на котором был вырыт пробный шурф, не давший никаких находок. Раскопки проводились следующим образом: каждый студент раскапывал по кургану под общим наблюдением Спицына, насыпи удалялись полностью до материка с оставлением крестообразных бровок и прокапыванием материка для фиксации ровика. По окончании работ все студенты писали отчеты о «своих» курганах, и на их основании А.А.Спицын составил и опубликовал в изданиях АК общий отчет (Тихонов 2003: 72-84).

В том же 1910 и последующем 1911 гг. студентами, отчасти под руководством А.А.Спицына, и самостоятельно были проведены многочисленные исследования древнерусских памятников на Северо-Западе, которые являлись реализацией части выше упоминаемой программы исследования «собственно русских курганных древностей». Археология в преподавании А.А.Спицына тесно переплеталась с русской историей, воспринималась как ее составная, неразрывная часть. Он постоянно в своих работах стремился сочетать данные вещественных и письменных источников по древним славянам и Руси и немало потрудился для внесения историзма в археологические исследования, для признания археологии исторической наукой (Тихонов 2009: 563).

А.А.Спицын продолжал читать курс лекций и вести семинар «Славянские древности» и в 1920-е гг. Его слушателями в это время были В.И.Равдоникас, М.И.Артамонов, Г.П.Гроздилов, П.Н.Третьяков. Курсы лекций и занятия, связанные со славяно-русской археологией во второй половине 1920-х гг., также вели Н.П.Сычев, Н.В.Малицкий, Ф.И.Шмидт, П.П.Ефименко. Например, за П.П.Ефименко на цикле истории материальной культуры Историко-лингвистического факультета в 1929 - 1930 уч. г. числился курс «Археология восточных славян». После кризиса начала 1930-х гг. приведшего почти к полному прекращению преподавания археологии, ситуация улучшилась к 1935 г. когда на кафедре истории доклассового общества ЛИФЛИ продолжили работу М.И.Артамонов и П.Н.Третьяков. С 1936 г. эта кафедра под руководством В.И.Равдоникаса стала действовать на восстановленном историческом факультете. Через два года на факультете было открыто Археологическое отделение, осуществлявшее специализацию по направлениям, среди которых была «археология Древней Руси». В это же время начинает свои работы Староладожская экспедиция В.И.Равдоникаса, развернувшая исследования Земляного городища. Эта экспедиция стала первой крупной собственно университетской археологической экспедицией,

в которой студенты проходили первоначальную полевую практику. Прерванная войной, она уже в 1945 г. возобновила свои исследования, за 11 полевых сезонов было вскрыто около 2000 кв.м. площади городища с культурным слоем свыше 3 метров. Под эгидой университета в Старой Ладоге был создан археологический и архитектурный заповедник, начиналась работа по созданию музея.

Славянская проблематика играла существенную роль в сфере научных интересов М.И.Артамонова, возглавившего кафедру в 1949 г. (Носов 1998; Лебедев 1998; Дубов 1998). Он и начинал свой путь в науку под руководством Н.П.Сычева с изучения древнерусского искусства. В дальнейшем во время исследований в рамках Северо-Кавказской и Волго-Донской экспедиций конца 1920-х – начала 1930-х гг. М.И.Артамонов проводил раскопки и изучал памятники ранних славян в низовьях Дона. Эта тема и была воспринята выпускником Ленинградского педагогического института им. Герцена И.И.Ляпушкиным, поступившим в 1935 г. в аспирантуру ГАИМК и ставшим учеником Артамонова. Артамонов привлек Ляпушкина к работе ИИМКа и кафедры археологии ЛГУ. Формально И.И.Ляпушкин не имел никакого отношения к Ленинградскому (Петербургскому) университету. Он не был его выпускником, никогда не числился среди преподавателей кафедры археологии. И, тем не менее, его влияние на подготовку археологов-славистов в два послевоенных десятилетия было очень значительным (Столяр 1984: 123; Носов, Тихонов 2004: 302). Студенты слушали его спецкурсы и доклады на научных конференциях и заседаниях соответствующего отдела ЛОИИМК – ЛОИА, читали его статьи и книги. Особенно важным для молодых славистов было участие в экспедициях И.И.Ляпушкина, где всегда бывало несколько студентов кафедры археологии ЛГУ (Павлова 2004: 9,11). Например, многие участники «варяжского семинара» Л.С.Клейна в 1967 – 1968 г. участвовали в раскопках Центрального селища Гнездовского археологического комплекса. Символично, что эти раскопки были продолжены отрядом ленинградских студентов во главе с В.А.Булкиным уже после смерти И.И.Ляпушкина (Вешнякова, Булкин 2001). Его концепция этнокультурогенеза славян и их расселения на Восточно-Европейской равнине, как концепция «археологического реализма», получила полную поддержку М.И.Артамонова и стала основополагающей в учебной и научной деятельности кафедры археологии Петербургского (Ленинградского) университета на последующие десятилетия. Студенты 1970-1980-х гг. четко усваивали позицию Ляпушкина - Артамонова «на сегодняшний день нам не известны достоверно славянские памятники ранее V-VI вв.». Вместе с М.А.Тихановой, Г.Ф.Корзухиной, М.И.Артамоновым, П.Н.Третьяковым, М.К.Каргером, Л.С.Клейном, И.И.Ляпушкин сумел воспитать целое поколение археологов, ставших лицом петербургской школы славяно-русской археологии и поднявших исследование славянских и древнерусских памятников Северной Руси на

качественно новый уровень. «Он передал новому поколению археологов-славистов, пришедшему ему на смену, свое отношение к работе, отношение, исполненное чувства ответственности за выполняемое дело» (Артамонов, Корзухина, Мачинский 1971: 4).

В заключение нельзя не упомянуть и еще одну связь И.И.Ляпушкина с кафедрой археологии - его супруга Л.С.Кухарева в течение 40 лет, с 1945 по 1985 гг. была заботливой «хозяйкой» кафедры, обеспечивая многие стороны ее деятельности в качестве лаборанта. Пожертвовав собственными научными интересами, она участвовала во всех экспедициях И.И.Ляпушкина, делала великолепные, высокопрофессиональные археологические рисунки для публикаций мужа и многих сотрудников кафедры. Л.С.Кухарева умела создавать на кафедре археологии подлинно доброжелательную атмосферу домашнего уюта, как для коллег, так и для студентов.

Еще в середине XIX столетия были заложены такие черты петербургской археологической славистики как крайняя сдержанность и осторожность в выводах, стремление опираться на изученный археологический материал, отсутствие концепций, стремящихся «удревнить» историю славян или включить в процесс их культурогенеза яркие археологические культуры начала I-го тысячелетия н.э степной и лесостепной зоны. Одним из самых последовательных и заметных представителей этой школы был И.И.Ляпушкин.

Литература:

- Артамонов М.И., Корзухина Г.Ф., Мачинский Д.А. 1971. Иван Иванович Ляпушкин (некролог) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 125. Памятники славяно-русской археологии. М. 1971. С.3 – 4.
- Вешнякова К.В., Булкин В.А. 2001. Ремесленный комплекс гнездовского поселения (по материалам раскопок И.И.Ляпушкина) // Гнёздово. 125 лет исследования памятника (Труды ГИМ - Вып. 124). М., 2001. С.40-51.
- Дубов И.В. 1998. Великий Волжский путь в трудах М.И.Артамонова // История и культура древних и средневековых обществ. (Проблемы археологии Вып. 4). СПб., 1998. С.57 – 61.
- Лебедев Г.С. 1998. М.И.Артамонов и «варяжский вопрос» // История и культура древних и средневековых обществ. (Проблемы археологии Вып. 4). СПб., 1998. С. 51 – 56.
- Носов Е.Н. 1998. М.И.Артамонов как историк Древней Руси (некоторые мысли о формировании концепции) // История и культура древних и средневековых обществ. (Проблемы археологии Вып. 4). СПб., 1998. С.43-50.
- Носов Е.Н., Тихонов И.Л. 2004. Кафедра археологии // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934-2004: Очерк истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 278 – 316.

- Павлова К.В. 2004. Из воспоминаний о последних десятилетиях жизни и работы Ивана Ивановича Ляпушкина // *Stratum plus*. 2003-2004. № 5. Мастера Средневековья. С. 9 – 13.
- Столяр А.Д. 1984. Кафедра археологии// Вопросы истории исторической науки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 104 – 125.
- Тихонов И.Л. 1995. Традиции славяно-русской археологии в С.-Петербургском университете// Древняя Русь: новые исследования. (Славяно-русские древности. Вып.2) СПб., 1995. С.154-175.
- Тихонов И.Л. 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. Изд-во СПбГУ. СПб, 2003.
- Тихонов И.Л. 2009. Археология и история в творчестве А.А.Спицына: проблема соотношения// Мавродинские чтения. 2008. СПб. 2009. С. 558 - 563.

ДОРОГАМИ ЛЯПУШКИНА

РОМЕНЦЫ В КУРСКОМ ПОСЕЙМЬЕ. ИТОГИ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ ОТ И.И. ЛЯПУШКИНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

А.В. Кашкин

Институт археологии РАН

AKashkin@yandex.ru

Разведочные работы, проведенные Днепровской левобережной экспедицией под руководством И.И. Ляпушкина в 1947-1948 гг. положили начало исследованиям памятников роменской культуры в Курском Посеймье. Всего в регионе было тогда обследовано 25 памятников этого времени. Надо отметить, что Курская область оказалась тогда лишь только малой частью обследованных территорий Левобережья Днепра. Всего же в этих масштабных даже по сегодняшним меркам разведках в тяжелейшие послевоенные годы был обследован 141 памятник археологии в шести регионах России и Украины. Разведочные работы были продолжены в 1960-е гг. Ю.А. Липкингом. И карта пополнилась еще 40 памятниками роменской культуры. Широкомасштабные разведки в Посеймье были проведены в 1979-1992 гг. Централно-черноземным отрядом Института археологии под руководством автора. Всего за эти годы в бассейнах Сейма и Псла было обследовано более 800 археологических объектов, из них 304 роменских поселений (54 городища и 250 селищ). Это позволило в дальнейшем перейти к более детальному изучению территории, рассмотреть ряд вопросов, связанных с проблемами расселения, с взаимосвязанностью с географическими факторами (ландшафт, почвы и др.), с оформлением микрорегиональных поселенческих структур. Результаты этих работ неоднократно публиковались. Позволю себе кратко обозначить их вновь.

Характерно, что большая часть памятников расположена гнёздами и образует достаточно выраженные археологические комплексы с определенной структурой (городище и примыкающие к нему селища), связанные неким единым географическим пространством и, вероятно, являющие собой единую экономическую зону. Таких комплексов к настоящему времени может быть выделено 11, но вполне вероятно, что их может оказаться и больше. Характерно, что сложившись в роменское время, они по большей части продолжают свое функционирование и в древнерусское время, претерпевая некоторые структурные изменения. Ниже приведены исследуемые комплексы (их номера соответствуют нумерации карты (рис. 1): 1. Переверзевский (р. Тускарь, д. Переверзево, Золотухинский р-н) – городище и пять селищ; 2. Титовский (р. Рать, д. Титово, Щигровский р-н) –

городище и 11 селищ; 3. Бесединский (р. Рать, д. Городище, Курский р-н) – городище, 2 селища, курганы; 4. Лебяжбинский (р. Сейм, с. Лебяжье, Курский р-н) – 16 селищ, грунтовый и курганный могильники; 5. Масловский (р. Сейм, д. Маслово, Октябрьский р-н) – городище и 11 селищ; 6. Липинский (р. Сейм, д. Липина, Октябрьский р-н) – городище и 6 селищ; 7. Дроняевский (р. Сейм, д. Дроняево, Курчатовский р-н) – городище, 3 селища; 8. Чаплинский (р. Реут, с. Чапли, Курчатовский р-н) – 7 селищ; 9. Гочевский (р. Псёл, с. Гочево, Беловский р-н) – городище, 4 селища, курганный могильник; 10. Плеховский (р. Псёл, Суджанский р-н) – городище и 3 селища; 11. Горнальский (р. Псёл, д. Горналь, Суджанский р-н) – 2 городища, 12 селищ, курганный могильник и одиночные курганы.

Уже при первом приближении видна некоторая неоднородность структуры комплексов, их разновеликость, что обусловлено различными этапами их сложения и функционирования. Некоторые из них не успели превратиться в племенные центры, а затем и прекратили свое существование на рубеже 1-2 тыс. н.э. Однако, как правило, каждый комплекс состоит из городища и расположенных вокруг него ряда селищ (от трех до 16). В отдельных случаях таких городищ в основе комплекса два (Горналь), однако чаще всего мы не совсем четко без раскопок представляем внутреннюю хронологию комплексов, синхронность существования как городищ, так и селищ. В других случаях в ядре комплекса лежит не городище, а значительное по величине селище (Лебяжье, селище 1; Чапли, селища 4 или 6).

Наметились некоторые общие закономерности в размещении памятников обозначенных выше комплексов в географическом пространстве. Для памятников роменской культуры характерно использование прежде всего поднятий рельефа. Это высокие коренные берега рек Сейма, Псла, Тускари, Рати, где можно было устраивать городища. И все остальные памятники комплексов также тяготеют к высоким участкам. Даже в тех случаях, когда поднятий рельефа явно недостаёт для сооружения городищ, всё же для селищ используются максимально возвышенные участки высотой от уровня воды 7-10 м (уже упомянутые атипичные Лебяжье и Чапли). Практически каждый исследуемый микрорегион даже если он не имеет иных ярко выраженных границ заканчивается там, где заканчивается подъем рельефа. Часто же границы каждого комплекса дополнительно маркируются руслами малых рек, ручьями, балками, болотами, а ранее, вероятно, и отдельными лесными массивами (Горналь, Гочево, Беседино, Титово, Дроняево, Переверзево).

Четкая структура организации поселений 9-10 вв. прослежена нами на Горнальском, Бесединском, Титовском, Переверзевском, Липинском и ряде других комплексов. Собственно понятие «археологический ландшафтный комплекс» для данной территории характерно именно для роменского периода. Первоначально освоение территории племенем северян шло по линии устройства небольших городищ. Сельскохозяйственное освоение участков долин наиболее удобных для земледелия и для поселений,

наиболее к ним приближенным, относится ко второму периоду роменского расселения внутри уже маркированных границ. В этот период окончательно оформляется структура микрорегионов, ядром которых становятся городища, к которым тяготеют несколько десятков мелких поселений. На краю этих территорий, как правило, располагаются курганные могильники. Территории микрорегионов разделены ярко выраженными элементами ландшафта (балки, малые реки, леса, болота и пр.).

К сожалению, следует отметить, что масштабные разведки в Посеймье были прерваны и не доследованным оказался бассейн р. Свапа, где, не смотря на наличие ряда городищ, пока не удалось проследить поселенческих структур, аналогичных приведенным выше.

АСПИРАНТ И.И. ЛЯПУШКИН НА РАСКОПКАХ В ГОЧЕВЕ (ГОЧЕВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ Б.А. РЫБАКОВА 1937, 1939 ГГ.)

Г.Ю. Стародубцев¹, О.А. Щеглова²

1 - Курский государственный областной музей археологии

*2 - ИИМК РАН, Санкт-Петербург, Россия
arch1962@mail.ru*

За более чем 100 лет с начала исследований археологического комплекса, расположенного около с. Гочево Беловского района Курской области, разные поколения археологов из Москвы, Санкт-Петербурга, Курска изучали и продолжают изучать этот уникальнейший комплекс памятников. Д.Я. Самоквасов, П.С. Рыков, В.С. Львович, В.Н. Глазов, Б.А. Рыбаков, Б.А. Шрамко, Н.А. Тихомиров, В.М. Горюнова, О.А. Щеглова, Г.Ю. Стародубцев – вот перечень имен исследователей, которые вели раскопки в этом микрорегионе в верховьях Псла. К.П. Сосновский, И.И. Ляпушкин, Ю.А. Липкинг, А.П. Моця, А.В. Кашкин проводили здесь разведочные работы.

За эти годы в истории памятника были страницы, освещенные в литературе и научных отчетах весьма подробно, а были и такие, которые по прошествии многих лет овеяны туманом забвения. Одной из таких страниц является экспедиция 1937, 1939 гг. под руководством Б.А. Рыбакова.

Общий фон начала исследований городища «Крутой Курган» Гочевского комплекса в 1937г. был достаточно мрачен. За «Академическим делом» в Москве, последовало дело о «Контрреволюционной монархической организации «Краеведы» в Центрально-Черноземной области. Было арестовано 92 человека – краеведы из Воронежа, Орла, Курска, Липецка и других городов. Пятеро из них в итоге были расстреляны, прочие заключены в лагеря (Акиншин, 1992. С.176-177). Вслед за этим пришёл черёд и самого краеведения. В 1937 г. местные организации были ликвидированы. Постановление СНК РСФСР № 610 от 10.06.1937 г. гласило: «Признать

дальнейшее существование центрального и местных бюро краеведения нецелесообразным, ...ликвидировать указанные организации в 2-х месячный срок». 13.08.1937 г. в Курске было принято соответствующее постановление облисполкома (ГАКО. Ф.Р-3139. Оп.1. Д.113. Л.1, 5). Не обошли репрессии и учёных, внёсших в своё время свой вклад в изучение курской археологии. Так в апреле 1937 г. был арестован директор Саратовского музея профессор П.С. Рыков, исследовавший Гочевские курганы в 1912 г.

Однако в сентябре 1936 г. дирекция Курского краеведческого музея (КОКМ) обратилась в ГАИМК с предложением продолжить, начатые ещё в 1909 г. Д.Я. Самоквасовым исследования археологического комплекса около с. Гочево. Но теперь, по мнению музейщиков, всё внимание было необходимо сосредоточить не на курганах, а на поселении. Это представлялось музею особенно важным «в связи с задачей представить период раннего феодализма» в своей экспозиции. Предлагалось осуществить раскопки продолжительностью до полутора месяцев на деньги музея (до 5000 рублей) и при участии некоторых его сотрудников (ГАКО. Ф.Р-3139. Оп.1. Д.148. Л.1). Московский отдел ГАИМК «выделил для этой цели» молодого археолога Б.А. Рыбакова (1908-2001).

В работах экспедиции принимали участие: аспирант ГАИМК И.И. Ляпушкин (1902–1968), а также сотрудники КОКМ В.И. Самсонов (1886–1964), Е.Т. Гученко, фотограф Л.А. Литошенко (1907–1972) и П.С. Ткачевский (1880 – 1966) [1].

К сожалению, историю организации экспедиции сегодня мы знаем лучше, чем её результаты. Полноценных отчетов о раскопках не было написано, дневники участников не сохранились, а коллекции были разрознены. Краткий Отчёт о раскопках и список негативов 1937 г. оказался в ИИМК и Госархиве Курской области (ГАКО)(ГАКО. Ф.Р-3139. Оп.8. Д.2; ИИМК. Ф.2/1937. Д.230). Отчет о раскопках 1937 – 1939 гг. (ИИМК. Ф.35/1937. Д.239), часть чертежей и фотопластинок 1939г. – в КОКМ, а находки – в ИА АН СССР, ГИМ и двух курских музеях – краеведческом и археологическом. Готовя обзор фотодокументов И.И. Ляпушкина в фотоархиве ИИМК РАН, М.В.Медведева выявила материалы к отчету о командировке на раскопки в Гочево в 1937 году: Коллекция 841. Альбом О.1376. Негативов 7, отпечатков – 20. В настоящее время это – единственные сохранившиеся документы о работах на городище «Крутой курган» в 1937г., которые позволяют привязать раскоп к местности и разобраться в некоторых описанных в кратких отчетах о раскопках сюжетах.

Раскопки сезона 1937 г. начались 11 июня и продолжались до 4 августа. Археологи разместились на постой по хатам хут. Гочевок (колхоз «Новый Пахарь»). Над раскопом подняли красный флаг, позаимствованный в соседнем колхозе. «Выбор городища «Крутой Курган» из всего комплекса гочевских археологических памятников, – писал Б.А. Рыбаков, – объясняется следующими причинами: детальное обследование селища с

многочисленными шурфами показало, что вся территория селища распаивается глубокой тракторной вспашкой ... Вести раскопки селища было нецелесообразно. Задачей же экспедиции являлось исследование поселения, связанного с хорошо известными уже курганами» (ГАКО. Ф.Р-3139. Оп.8. Д.2. Л.194).

Для раскопок было выбрано место близ вала, непо потревоженное раскопками Д.Я. Самоквасова, В.Н. Глазова. Приступив к работе, исследователи обнаружили, что «помимо раскопок, ведшихся с научной целью, городище «Крутой Курган» разрушалось одним религиозным шарлатаном «старцем Ионою» [Есиповым], который около 30 лет (до 1927 г.) рыл на территории городища «пещеры», в которых жил и устраивал молебствия... В одном случае вал городища обвалился из-за подземного хода «старца Ионы» (ГАКО. Ф.Р-3139. Оп.8. Д.2. Л.192). «Старец» был не единственной местной достопримечательностью. Московские и ленинградские археологи, судя по всему, подчас чувствовали себя в Гочево, как в совершенно ином мире. На всю жизнь запомнился им увиденный тут «огромный ритуальный хоровод всех женщин и девушек села (около 150 человек), собравшихся перед полночью в честь праздника древних славянских богинь Лады и Лели, покровительниц брака» (Рыбаков, 1997. С.10).

За время работы было вскрыто 160 м² с мощностью культурного слоя от 1,5 до 7 м (в валу)(ИИМК. Ф.2. Д. 230/1937. Л.4). В ходе исследований обнаружена углубленная постройка, примыкавшая вплотную к валу (которое Б.А. Рыбаков датировал X в.), которое перекрывало более раннюю землянку с печью. В ее заполнении, кроме обломков лепной толстостенной керамики с гребенчатым орнаментом, найдены глиняное пряслице, круглая железная пряжка и литейная форма для «медалевидной подвески» (НА КГОМА. Д.1-95. Л.16, 17). Помимо данной постройки зафиксированы остатки более ранних зерновых ям и жилых сооружений с очагами и печами. В квадрате Б обнаружена довольно сложная конструкция из мергеля, глины и камней, имеющая яйцевидную камеру без следов горения внутри. В ее центре найден целый сосуд. Судя по описанию, найденная конструкция представляла собой гончарный горн. При исследовании вала расчищены бревна клетей, сооруженных в процессе его насыпки.

Осенью 1937 г. Б.А. Рыбаков ознакомился с гочевскими коллекциями В.Н. Глазова и П.С. Рыкова в Эрмитаже и даже планировал издание их под одной обложкой с материалами собственных раскопок, «если у Курского музея найдутся на то средства». Планировалось издание и популярной книги о Гочевском комплексе. «Книжка должна быть написана популярно (но не элементарно) и рассчитана на среднего массового читателя (учителя, студента, школьника старших классов и т. д.), – писал Б.А. Рыбаков, – Содержание этой брошюры я представляю несколько шире, чем только отчет о раскопках. Здесь должны быть даны некоторые общие сведения о славянах, их хозяйственном и общественном укладе, специально сведения о племени

северян, населявшем Курскую область и обобщённые данные о Гочеве, как интереснейшем комплексе славянских древностей (городище, селище, курганы). Гочевский материал должен быть представлен большим количеством планов, разрезов, фотографий и рисунков вещей» (ГАКО. Ф.Р-3139. Оп.1. Д.148. Л.8об-9).

Исследователь пришёл к выводу о необходимости продолжения изучения столь интересного памятника и намеревался заняться этим в следующем году. На 1938 г. им планировалось вскрытие всей площади «Крутого Кургана», разрез всех валов и «пробная раскопка городища «Царский Дворец»; в конце года должна была выйти книга, подводящая итоги исследований (ГАКО. Ф.Р-3139. Оп.1. Д.148. Л.9об-10). Однако планы оказались неожиданно сорваны в связи с военными сборами, на которые был отозван руководитель экспедиции Б.А. Рыбаков.

Раскопки возобновились в 1939 г. В своем письме в Курский музей Б.А. Рыбаков писал: «Подал заявление в кассу о выдаче билетов на 5 июля. Из Москвы едет 9 человек сотрудников экспедиции. Очевидно 6-го мы будем в Курске. После того, как я дам вам телеграмму о выезде, можно будет уже отправлять машину с оборудованием прямо в Гочево, чтобы к нашему приезду она могла уже вернуться. Задерживаться в Курске не предполагаю... Очень важен вопрос с продовольствием, т.к. в составе экспедиции будет 13-15 человек. Напишите, пожалуйста, есть ли в Курске: мука, сахар, крупа, фотопластинки, фото-химикалии. Фотограф я из Москвы не беру... Состав Курской части экспедиции меня вполне устраивает» (ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 148. Л. 18).

Летом 1939 г. экспедиция провела в поле 27 дней. Было вскрыто 112 м². В результате, согласно отчету, было «добыто до 25000 экземпляров, из них 50 особо ценных археологических предметов». В исследованиях принимали участие: пять московских студентов, сотрудница Государственного исторического музея (ГИМ) Н.В. Трубникова, аспирант ГАИМК И.И. Ляпушкин, а из курян – научный сотрудник музея В.И. Самсонов, фотограф Л.А. Литошенко и «археолог-любитель тов. Ткачевский из Актива Курского музея» (ГАКО. Ф.Р-3139. Оп.1. Д.189. Л.58-58об). По-видимому, И.И. Ляпушкин лишь заезжал в 1939 г. в Гочево, поскольку именно тем летом он начал самостоятельные исследования Правобережного Цымлянского городища в качестве начальника отряда экспедиции М.И. Артамонова.

Если в 1937 г. работы велись в основном в центральной части городища, то теперь внимание было перенесено «на край «Крутого Кургана», где после удаления насыпи вала удалось открыть... (культурный) слой, консервировавшийся насыпью в течении тысячелетий» (Рыбаков, 1939. Л.2). Небольшие по объёму работы были проведены также на городище «Царский дворец» и на поселении.

В ходе раскопок было выявлено наличие трех культурных слоев: скифоидного, роменского и древнерусского. Материалы раскопок 1937 г.

целиком поступили в фонды КОКМ. По окончании раскопок 1939 г. все предметы для обработки были отправлены в ГИМ. После подготовки отчета находки из квадратов Ж, З, И, а также из разведочных шурфов на территории поселения остались в Историческом музее. Предметы из квадратов К, Л, М и из раскопа на городище «Царский дворец» были пересланы в КОКМ. Находки из квадрата Н были разделены между этими музеями по «Договору от 15 августа 1939 г.» по диагонали, «идушей из С.В. угла к Ю.З. углу. Все предметы, обнаруженные к Ю.В. от этой линии, идут к Курску, а к С.З. – Москве» (ГАКО. Ф.Р-3139. Оп.1. Д.148. Л.17). В результате подобного и последующих разделов коллекция находок с этого уникальнейшего памятника была раздроблена на части. В результате последующих потерь при хранении, она значительно утратила свою научную ценность.

После завершения работ Б.А. Рыбаков обратился с просьбой о засыпке раскопов силами местных жителей к председателю колхоза «Новый Пахарь» К.И. Андросову и получил на это его согласие. Однако спустя некоторое время после отъезда экспедиции К.И. Андросов писал В.И. Самсонову о трудностях, возникших в связи с этими работами (орфография документа сохранена): «Владимир Иванович, дело вот в чем. При отъезде вас из колхоза Н[овый]. Пахарь Иван Иванович [Ляпушкин] просил меня чтобы я взял от него денег в сумме 200 руб. так как он договорился с своим хозяином закопать раскопки за сумму 200 руб. но яму при вас закопать они не успели, то осталась здесь Тамара Леонидовна, всё же и при ней тоже раскопки остались незаконченны. Леонидовна передала деньги мне и при мне тоже работа не заканчивается. А поэтому прошу вас дать мне ваше заключение что с этим делать... Иван Иванович брал у меня на время пользования флаг и завес его с собой. А поэтому прошу выслать флаг по почте колхозу, хотя это для колхоза дело не большое, но все же подотчетное» (ГАКО. Ф.Р-3139. Оп.1. Д.148. Л.32-32об). Злополучный флаг был выслан В.И. Самсоновым в колхоз 30.10.1939 г., но раскопы так и остались не полностью засыпанными.

Работы 1937, 1939 гг., в которых принимал участие И.И. Ляпушкин, сыграли свою роль в последующем выборе региона для его разведочных работ 1947-1949 гг., которым стало Днепровское лесостепное Левобережье (Ляпушкин, 1961), а его аспирантский фотоотчет остался одним из немногих источников, документирующих проведенные исследования.

[1] Ткачевский Пётр Сергеевич – директор Орловского музея, художник и краевед. Исследовал в 1926 г. курганы со славянскими трупосождениями в урочище «Игрище» около д. Лебёдка. Весной 1931 г. он был арестован по делу «Краеведы», отбыл три года ссылки (Акиншин, 1992. С.175-178). Освободившись после ссылки в 1934 г., в г. Орёл более не возвращался. Перебравшись в г. Курск, являлся сотрудником КОКМ. Следует отметить, что Курский музей и Б.А. Рыбаков проявили определённую смелость, приняв

в 1937 г. в число своих сотрудников репрессированного «контрреволюционера» (ГАКО. Ф.Р-3139. Оп.1. Д.148. Л.10об, 29).

Литература и архивные материалы

Акиншин А.Н. Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х годов) // ВИ. №6-7, 1992.

Дело о ликвидации центрального и местных обществ краеведения // ГАКО. Ф.Р-3139. Оп.1. Д.113.

Договор от 15 августа 1939 г. // ГАКО. Ф.Р-3139. Оп.1. Д.148.

Документы и переписка Курского областного краеведческого музея // ГАКО. Ф.Р-3139. Оп.1. Д.189.

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. 1961. № 104.

Рыбаков Б.А. Отчет о раскопках городища «Крутой курган» близ Гочева Курской области в 1937 г. // Архив ИИМК. Ф.2/1937. Д.230.

Рыбаков Б.А. Отчет о раскопках городища «Крутой курган» близ Гочева Курской области в 1937 г. // НА КГОМА. Д.1–95.

Рыбаков Б.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1937, 1939 гг. на Гочевском городище (Курская область) // Архив ИИМК. Ф.35/1937. Д.239.

Рыбаков Б.А. Заглядывая в предысторию Руси // Историка о времени и о себе. Вып. 1. Архивно-информационный бюллетень № 15, 1997.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА НОВОТРОИЦКОГО

В.В. Приймак

Историико-культурный заповедник "Бельск", Сумы, Украина

priymak.viktor@mail.ru

Городище Новотроицкое будет привлекать внимание специалистов по археологии ранних славян и Древней Руси в обозримом будущем. Историографический обзор по ряду дискуссионных проблем исследований городища уже половину столетия, со времени исследований И.И.Ляпушкина 1952-1954 гг., являющегося эталонным памятником роменской культуры, проделан в работах автора, специально посвященных отдельным аспектам интерпретации памятника. В них рассматривались погребения на городище по обряду кремации и ингумации (В.В.Приймак, А.В.Комар), хронология отдельных типов вещей и объектов городища и самого памятника в целом (А.В.Григорьев, Н.Е.Персов, В.В.Приймак, О.В.Сухобоков, С.П.Юренко), а также планиграфия и домостроительство, (Я.В.Баран, Г.В.Борисевич, Б.А.Тимошук, А.Узянов, С.П.Юренко), сельскохозяйственного инвентаря и реконструкций ресурсных зон (С.Горбаненко, В.В.Приймак, О.В.Сухобоков)

(Приймак, 1997, с.48-51; 1998, с.93-100; 2007-а, с.93-97; 2007-б, с. 57-62, 135-136, рис. 10-11).

1. Предметы позднескифско-сарматского облика из городища Новотроицкого На городище в ходе исследований И.И.Ляпушкина было встречено несколько предметов, датирующихся временем около рубежа н.э. Это обломок бусины с изображением льва из фиолетовой (лиловой) египетской пасты, стеклянная вставка от перстня с изображением льва и бронзовое фрагментированное зеркало. Последние предметы перечислены без указания квадратов, в которых они найдены, а фрагменты зеркала встречены в кв. 11-В, 10-12-Г, 10-11-Д. В зеркале недостает 1/8 круга, оно имеет диаметр 19,5 см, невысокий плоский бортик по краю шириной 1,86 см, на этой же стороне в центре – две точки – следы припая. Концентрично расположены три циркульных пояса, каждый из которых состоял из двух линий, разделенных расстоянием 2-4 мм. Расстояния между поясами 1,2 см и 2,5 см, кроме бортика. Вторая сторона зеркала совершенно чистая (Ляпушкин, 1958. С. 30-31, 51, 184. Рис. 17, 1). Аналогии зеркалу с центральной петлей (именно так рассматривал это изделие И.И.Ляпушкин) или ручкой (отсутствие части круга зеркала не исключает возможности наличия последней, т.к. известны случаи прикрепления ручек к готовым изделиям) происходят из скифских и позднескифских памятников. В частности, в комплексах курганов Посулья, удаленных от городища Новотроицкого на расстояние около 50 км, встречены подобные зеркала (Ильинская, 1968. С.151-154. Табл. VIII, 9; X,3; XVII, 3, 18; XXV, 10; XXX, 3; XL, 13; XLV, 1; XLVI, 1; L, 14). Однако от зеркала из Новотроицкого их отличают существенные детали: 1) бортик зеркал был относительно высоким и заостренным; 2) отсутствуют концентрические круги на стороне зеркала, имеющей ручку-петлю; 3) зеркала имеют меньше диаметр, чем у происходящего из Новотроицкого.

Зеркало, по размерам почти полностью соответствующее изделию из Новотроицкого, с концентрическими кругами, подобными имеющимся на последнем, но с отличиями – накладной ручкой, высоким бортиком, также украшенным концентрическими линиями, встречено в могиле № 21 Восточного некрополя Неаполя Скифского. Некоторые исследователи полагают, что оно греческого производства. Датировка могил некрополя – II-I в. до н.э. – I в. н.э. Мода на крупные зеркала, по данным памятников Крымской Скифии, в первую очередь Усть-Альминского некрополя, появляется в середине – третьей четверти I в.н.э. (Пуздровский, 2007. С. 30, 75, 153, 304. Рис. 31,4).

Аналогии изображению льва на обломке плакетки-пронизи из Новотроицкого отыскались в склепе № 104 (ярусы 1-2) Битакского могильника. Склепы этого некрополя с несколькими ярусами погребений датируются I в. до н.э. – I в. н.э. В склепе № 104 находилось 24 погребения, в одном из них – № 104/4 – найден гончарный флакон конца I в. до н.э. – начала II в. н.э. (Пуздровский, 2007. С. 31, 34, 308, 438. Рис. 35, I, 6; 164, 5).

Такая же фаянсовая плакетка, но с отличающимися деталями в позе льва, происходит из могилы № 606 Усть-Альмы. На основании комплекса находок, в частности, бронзовых зеркал (их на данном памятнике несколько), могила датируется I-II в. н.э. (Пуздровский, 2007. С. 417. Рис. 143, 26). Наиболее близкие новотроицкому плакетки-пронизи из египетского фаянса происходят из Побужья – поселений Носовцы и Рахны (раскоп 6). Античные аналогии датируются I-II вв. н.э. (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С.29, 179, 198. Рис.14, 12; 33, 8).

Таким образом, хронология двух из трех предметов, перечисленных И.И.Ляпушкиным, частично совпадает, она приходится на I в.н.э.

Стеклянная вставка от перстня с изображением льва из Новотроицкого напоминает аналогичные изделия на литиках-скарабеоидах скифского времени (Острроверхов, 2005. С. 15. Рис. 1, 5, 6). Они известны и в древностях Крымской Скифии, однако аналогичные сюжеты там отсутствуют. Преобладают изображения орла, тамги, а также мужские и женские (возможно, мифологические) и др. (Пуздровский, 2007. С. 149, 383. Рис. 109, 17-23). Четкая датировка таких позднеантичных изделий отсутствует (консультация А.М.Обломского), но они известны и в III в. н.э. (консультация Э.А.Кравченко).

Помимо этих бесспорно неславянских вещей, с городища происходят и другие предметы, имеющие некоторое сходство с вещами первых веков н.э. Одним из таких изделий является штамп, найденный в квадрате Щ-11. Исследователь городища затруднялся отнести его к какому-либо периоду. Это бронзовое изделие диаметром около 2,5 см, по его краю проходит бортик, разделенный насечками, центральная часть имеет форму полушария диаметром около 0,5см, окруженного полушариками более мелких размеров. Аналогия происходит из собрания Б.И. и В.Н.Ханенко (Ляпушкин, 1958. С. 30-31. Рис. 17, 3). Вещи из последнего, как известно, сложно датируются в силу своего происхождения. Однако в древностях Крымской Скифии бляшек, изготовленных с помощью подобных штампов, достаточно много. Среди комплексов с подобными находками – из Усть-Альминского могильника. В склепе № 775/1, который датируется серединой – третьей четвертью I ст.н.э., встречены золотые штампованные бляшки, немного отличающиеся диаметром и рисунком от штампа с Новотроицкого (Пуздровский, 2007. С. 389, 441. Рис. 115, 7). Другие бляшки также подобны последнему изделию, однако, как правило, они имеют лишь полушарие в центре. Средневековые бляшки, в частности из комплексов Новотроицкого, в отличие от скифо-сарматского времени, в основном были литыми, зачастую снабженные штифтами для крепления. В склепе 520/10 Усть-Альмы найдена матрица (Пуздровский, 2007. С. 180, 423. Рис.149, 3), имеющая сходные со штампом из Новотроицкого элементы (рантики, по образному выражению И.И.Ляпушкина, или мелкие полушарики по внешнему краю и вокруг возвышенной центральной части). В склепе имелось множество погребений,

отдельные из них датируются I-II вв. (520/42, 520/40, 520/15), другие - II – III вв. (520/18, 520/17), а некоторые имеют узкую дату – последняя четверть I – начало II в. н.э. (520/37, 520/35, 520/27-28) (Пуздровский, 2007. С. 296-297, 301, 389. Рис. 115, 7). Но, как и в других отмеченных выше случаях, хронология комплексов хотя бы частично укладывается в рамки I в.н.э., заходя при этом во II в.

На прилегающем с запада к квадрату Щ-11 участке, откуда происходит штамп, описанный выше, расположено жилище № 25 (кв.Ц-Ч-12-13). Из заполнения этого жилища происходит подковообразная фибула. В тексте монографии И.И.Ляпушкина не указано, какими были концы этого предмета. Судя по фотографии, можно предполагать наличие на них спиралей (трубочек) (Ляпушкин, 1958. С. 98, 100. Рис. 65, 3). Возможна и интерпретация фибулы – со слегка расширенными концами, как на подковообразной фибуле из Петровского могильника в Ярославском Поволжье. Фибула с расширенными (как бы обрубленными, подчеркивала автор исследования) концами, датированная первой половиной X в. на основании кургана № 118 Петровского могильника (Фехнер, 1963. С. 79, 81, 83. Рис. 46, 20), со временем получила более позднюю датировку – второй половиной X ст., но уже с опорой на материалы кургана № 295 Тимеревского могильника. Изменилась и трактовка происхождения этих фибул. Поначалу они считались финскими, затем – скандинавскими (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 78-79).

До сих пор находка подковообразной фибулы из Новотроицкого считается самой ранней для роменской культуры. Датировка жилища № 25 Новотроицкого затруднена, но вряд ли она приходится на время до первой половины X в. Хронология подковообразных фибул по материалам роменских древностей Подесенья укладывается в пределы X в. (Григорьев, 2000. С. 39, 41. Рис. 13, 11-12). На период около середины X в. приходится существование жилища № 29 Монастырька, из заполнения которого происходит железная подковообразная фибула со спиральными концами (Максимов, Петрашенко, 1988. С.29-30. Рис. 23, 4). Примерное время гибели памятника, по мнению В.А.Петрашенко, приходится на середину X в. (Максимов, Петрашенко, 1988. С.92-93, 103). Об этом свидетельствует близость керамического комплекса жилищ со следами пожара – № 1 селища, №№ 1, 6 Западного городища, №№ 2, 26, 29 Восточного городища Монастырька.

Однако в материалах памятников Крымской Скифии тоже имеются подковообразные фибулы, в том числе со спиральными концами. Их именуют сьюльгами, а первыми называют изделия совершенно другого облика. В частности, сьюльгамы происходят из Беляусского некрополя и кургана у городища Кермен-Кыр. Суммарная дата погребений последнего – II-I вв. до н.э. Из склепа 90 Беляусского могильника происходит фибула-брошь с изображением всадника, датирующаяся концом II – первой

половиной I вв. до н.э. (Пуздровский, 2007. С. 16, 21, 71, 82, 90, 287, 291, 324. Рис.14, I, 9; 14, II, 6; 18, I, 51, 7). Подобные сьюлгамы были широко распространены в среде населения зарубинецкой культуры, сарматских древностях, например, погребении № 8 могильника у с.Холмское (вторая половина II-первая половина III вв. н.э. (Гудкова, Фокеев, 1984. С.10-13, 32. Рис.4, 17). Для уточнения датировки подковообразной фибулы из жилища № 25 необходимо ее повторное изучение специалистами.

Подводя итоги рассмотрения материалов из Новотроицкого позднескифско-сарматского облика, следует вспомнить о наличии рядом двух поселений, а также курганных могильников (Ляпушкин, 1958. С. 9-14. Рис.1,б; Ляпушкин, 1961. С. 93. Рис.35). Можно допустить, что мыс, на котором в то время никто не проживал, мог использоваться для каких-то культовых действий или для захоронения.

Рассмотрение артефактов позднескифско-сарматского времени с территории Днепровского лесостепного Левобережья позволит лучше представить место находок из Новотроицкого. Предметы из египетского фаянса встречаются на территории Днепровского Левобережья в составе памятников разных культур. Плакетка в виде льва из египетского фаянса происходит из бассейна Ворсклы, с позднезарубинецкого могильника у с. Мокрая Орловка Борисовского района Белгородской области России (Обломский, 1991. С.203). В материалах раскопок Д.Я.Самоквасова 1891 г., хранящихся в ГИМ, имеются вещи из впускного погребения в кургане у д. Воробьевка (верхнее течение Псла) с горшком юхновской культуры, на которое обратил в свое время внимание Б.А.Шрамко (Кашкин, Приймак, 2012. С.66). Помимо горшка юхновской культуры, в погребении были найдены белая пастовая бусина и зеленый фаянсовый египетский скарабей (Шрамко, 1958. Л. 8). Последние в большом количестве известны в могильниках Крымской Скифии. Два таких изделия происходит из могилы № 513 Усть-Альмы, в которой встречена пружинная фибула-брошь со «смычковым» игольным аппаратом, с оттиснутым изображением на щитке, последней четверти I – начала II в. н.э. (Пуздровский, 2007. С.161, 513. Рис. 143, 16-25; 196, 1). В могилах Усть-Альмы встречается, в качестве датирующего материала в период от конца I в.до н.э. по III в.н.э., краснолаковая посуда (Пуздровский, 2007. С. 436-464. Рис. 162-190). Два пряслица из такой посуды встречены на городище у д. Шуклинка, они датированы I в. н.э. (Ляпушкин, 1961. С.48).

Памятники, с которых происходят юхновские материалы, на Левобережье немногочисленны. Помимо воробьевского погребения в верховьях Псла, это поселение Великие Будки в верхнем течении Сулы (Горюнова, Родинкова, 1999. С.207-209, 213-216. Рис. 43-45). Оторванное от основного массива памятников типа Грини селища Рябовка и Вовки, с которого происходит бляшка, связываемая с древностями первых веков нашей эры (Приймак, 2010. С. 79-82) также следует рассматривать в свете проникновения населения лесной полосы, в первую очередь юхновской культуры, на территорию

Днепровского Левобережья, а также сарматского присутствия на Левобережье Днепра. Памятники типа Грини распространены на сопредельных с южновскими памятниками территориях в конце I-II или начале III вв. (узкая дата этих памятников, по мнению А.М.Обломского – вторая половина II в.) (Поздnezарубинецкие памятники, 2010. С. 42).

Следы сарматского проникновения на Левобережье фиксируются со II-I вв. до н.э. (Кулатова, Супруненко, 1999. С.140). Согласно точке зрения ряда исследователей (М.Б.Щукин, А.М.Обломский), в середине или последней трети I в. н.э. сарматы проникли на Правобережье Днепра, что привело к кризису зарубинецкой культуры. Наиболее ярким является комплекс из Павловки (бассейн нижней Ворсклы), датирующийся концом I – первой половиной II в.н.э. Эту дату подтвердил на материалах склепа № 844 Усть-Альминского могильника А.Е.Пуздровский, при этом подчеркнул: «Наиболее близки (если не идентичны) альминскому экземпляры из Павловки...» (2007. С.178. Рис.154, 1). Следует отметить, что крымские аналогии для сарматского времени лесостепи Днепровского Левобережья уже отмечались (Пуздровский, 1988. С.32; Кулатова, 1990. С. 144-145. Рис. 17,2). В Роменском краеведческом музее (теперь – историко-культурный заповедник «Посулье») хранится горшок (А № 992), наиболее сходный орнаментальными мотивами с сосудом из склепа 1979 г., датирующегося I в. до н.э., с Битакского могильника (Пуздровский, 2007. С. 31, 305. Рис. 32, 3). Его форма достаточно стандартна, на территории Левобережья имеется еще 2 таких сосуда – из Кагамлыка (Днепровская террасовая лесостепь) и Лубен (бассейн Сулы). Часть погребений Климовского могильника (бассейн Ворсклы) тоже являются сарматскими, как и бляшка из Вовков (бассейн Псла, округа Бельского городища) (Приймак, 2004. С. 287. Рис.3, Б; Приймак, 2010. С.80). Лубенское погребение – наиболее яркое из отражающих межэтнические контакты в бассейне Сулы. В Посулье встречены и другие материалы, указывающие на более сложный характер взаимоотношений разных групп населения, чем в бассейнах Псла и Ворсклы. Так, например, материалы из бронзолитейной мастерской Глинска и фибула типа «Авцисса» связываются с зарубинецкими древностями (Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005. С.25-30. Рис. 19,1; 21). Фибулы типа «Авцисса» происходят из европейской части Римской империи, это детали римской военной формы, поэтому их много там, где стояли легионы. Эти фибулы, как отмечает А.М.Обломский, не связаны с зарубинецким кругом древностей, единственная находка – в Рахнах, но их много у сарматов и поздних скифов. Дата фибул – последние два десятилетия I в. до н.э. – начало II в. н.э. (Поздnezарубинецкие памятники, 2010. С. 26). В Крыму они, хотя и встречаются в начале I в. н.э., но в позднескифских могильниках имеют узкую дату от середины до третьей четверти этого столетия (Усть-Альма, склепы №№ 620/1, 450/5, 88) (Пуздровский, 2007. С. 86-87, 174, 468. Рис. 194, 5, 6). Как и плакетка из египетского фаянса, фибула данного типа встречена в

Рахнах (в распаханном слое могильника) (Поздnezарубинецкие памятники, 2010. С. 183. Рис.18, 1). Бляшка из Глинской мастерской напоминает по форме круглые бляшки с выпуклой центральной частью, распространенные в Крымской Скифии. Но и размеры, и форма больше напоминают окончания псадиев умбовидной формы, бытующие в Крыму во второй четверти – середине II в. н.э. (Пуздровский, 2007. С.381. Рис. 107, III, IV). Эта дата не согласуется с предложенной авторами монографии датой прекращения жизни на Глинском городище – рубежом I в. до н.э. – I в. н.э. (Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005. С. 27).

На Битицком городище, которое начал исследовать И.И.Ляпушкин, в 1984 г. продолжил раскопки автор, в 1985-1993 гг. значительные работы провели О.В.Сухобоков и С.П.Юренко, также открыты материалы позднескифского и сарматского облика, еще ожидающие публикации. Перечисленные выше отдельные находки и комплексы являются отражением контактов сармат с населением лесостепной и лесной полос территории Левобережья, с одной стороны, и обитателей лесостепи Днепровского Левобережья и Крымской Скифии – с другой. После середины I в. н.э. в Усть-Альме фиксируется появление нового населения – кочевой орды из Центральной и Средней Азии, а в первой половине II в. н.э. в. – смена кочевой аристократии (Пуздровский, 2007. С.199). Судя по обилию крымских аналогий, какое-то отношение к данным событиям имело позднескифское и сарматское население, обитавшее на Левобережье Днепра. Однако это следует решать на широкой источниковой базе, с привлечением сарматских, позднескифских и позднезарубинецких древностей Днепровского Левобережья.

Вопрос о расположении находок, датирующихся началом н.э., на площадке городища Новотроицкого, носит принципиальный характер. «Помещение в могилу зеркал, а также их преднамеренная поломка ... преимущественно отражают влияние сарматского погребального обряда» (Пуздровский, 2007. С. 58). Это наблюдение, а также расположение находок фрагментов зеркала на городище Новотроицком в 6 квадратах у рва, возле жилища № 7 и углубления, параллельного валу непосредственно над ними в культурном слое, свидетельствует не об использовании обломков зеркала в качестве сырья, а скорее о разрушении какого-то объекта, возможно погребения, в процессе сооружения рва, укреплений и жилища № 7. Не исключено, что мелкие предметы, распространенные в разных частях городища, могли повторно использоваться. Возможно, они были найдены при разрушении погребения.

2. Фортификация городища Новотроицкого

В последнее время в центре внимания ряда исследователей оказались вопросы фортификации роменских памятников. В частности, принципиальные разногласия вызывает трактовка характера укреплений на Ратском и других городищах Курского Посемья в работах Ю.Ю.Моргунова и

В.В.Енукова. Следует отметить, что укрепления городища Жидеево (раскопки Г.В.Стародубцева, А.В.Зорина, О.А.Щегловой) отличаются от тех, которые встречены на памятниках, исследованных В.В.Енуковым. Следовательно, как косые остроги они вряд ли могут быть реконструированы. С другой стороны, на городище Новотроицком нет также следов укреплений, которые могли бы быть интерпретированы как позднесредневековые (Осадчий, 2011. С.301. Рис.61), а на площадке нет объектов, относящихся к более позднему времени, чем середина X в. (в отличие от бесспорных памятников периода украинского казачества, например Игоревки, культурный слой которой, особенно в раскопе вала, изобилует массой находок из керамики, стекла, металла). Необходимо констатировать, что изучение позднесредневековой фортификации пока находится в начальной стадии, примерно той же, что в период от З.Я.Доленги-Ходаковского до работ исследователей начала XX ст., покончивших с интерпретацией древнерусских городищ как святилищ, а майданов – как городищ (Куза, 1996. С. 6-13). Впереди трудоемкая и кропотливая работа по производству раскопок укреплений, датированию прослоек во рвах и валах, отдельным находкам в этих прослойках, углублениях и т.п., расчленению их на периоды возведения. И только за этим должна последовать стадия реконструкции на основе синтеза сведений письменных источников и археологических исследований. Эта методика в полной мере изложена в публикациях П.А.Раппопорта, М.П.Кучеры, А.В.Кузы, Ю.Ю.Моргунова, других исследователей древнерусских укреплений, опирающихся на огромный, исчисляющийся сотнями траншей, зачисток, в меньшей степени – раскопок – объем археологических исследований фортификационных сооружений.

Следует сказать, что О.В.Сухобоков, произвел полные, по большей части, разрезы укреплений (с расширениями траншей по линии вала или целыми раскопами, как на городищах Волынцево, Путивль, ур. Городок, Каменное) роменско-древнерусских городищ у с. Ницаха (М.Балкан), Опошня на Ворскле, Каменное, Битица (большое городище со слоями раннего железного века, рубежа эр, волынцевского типа и расположенного рядом роменского), Зеленый Гай (малое городище) на Псле, Путивль (Городок), Игоревка, Волынцево (Курган), Лухтовка на Сейме, Лубны, Ромны (Монастырище) на Суле (Сухобоков, Моця, 1987. С. 83–94; Сухобоков, 1990. С.62-69, 85-86, 95-96, 107-112; Сухобоков, 1991. С. 68–70; Сухобоков, 1992. С. 117- 166. Рис. 21-23, 26-27, 28, 29, 30, 31). Он высказывал как в публикациях, так и в отчетной документации, наблюдения о характере сооружений, однако воздерживался от разработки их графических реконструкций (кроме городища Монастырище), возможно, учитывая многократно обсуждаемые им с М.П.Кучерой и по разному понимаемому и интерпретируемому обоими исследователями детали укреплений и возможности реконструкций на их основе. К сожалению, эта сторона полевых работ О.В.Сухобокова,

являющаяся, в силу объема материала предметом самостоятельного исследования, не нашла достаточно полного отражения в литературе (Пуголов, 2011. С. 178-193; Моця, Колибенко, 2012. С. 140-141). На части памятников – 5 из перечисленных 12 – в качестве студента-практиканта, рабочего, руководителя участка и раскопа принимал участие автор, с другими имел возможность ознакомиться в полевых условиях (М.Балкан, Лухтовка, Игоревка). Работы О.В.Сухобокова дополняются многочисленными исследованиями укреплений Ю.Ю.Моргуновым роменско-древнерусских и древнерусских городищ Посулья, при частичном участии А.В.Григорьева в составе экспедиции названного исследователя. На городищах роменско-древнерусского (Литвиновичи) и древнерусского времени соответственно (Пустогород, Шевченково), расположенных в Посеймье производил исследования укреплений автор (Приймак, Поряднева, 2002. С. 108–114; Приймак, 2007. С. 149. Рис. 25), в бассейне Ворсклы – А.Б.Супруненко на Глинском малом городище (материалы не опубликованы). Реконструкции А.В.Григорьева и О.В.Сухобокова, при всех отличиях, объединяет общее – отсутствие объяснения, каким образом за такими стенами мог активно обороняться лучник, метатель камней и дротиков (Приймак, 2007. С. 20).

Укрепления Новотроицкого выделяются своей оригинальностью. Они кажутся простыми, хотя на самом деле, как представляется с годами, в плане их интерпретации было учтено не все. Так, И.И.Ляпушкин полагал, что жилище № 7 было частично разрушено позднейшим углублением, идущим параллельно линии рва (Ляпушкин, 1958. С. 62). Однако профиль жилища № 7 (от печи жилища к северо-западному его углу – I-II) свидетельствует о том, что данное жилище или более позднее (Ляпушкин, 1958. Табл. I, IX) или, скорее, одновременное с упомянутым углублением, т.е. оно является частью укреплений. В пользу этого говорят и крайние западные части профиля раскопа по линии квадратов 11 – А-00 и разреза по линии 10 – А-ФФ соответственно (Ляпушкин, 1958. Табл. I). Наличие на втором, северо-западном углу городища какого-то помещения (компактное скопление камней и яма № 14) позволяют предполагать, что с напольной стороны мы имеем дело с оборонительной линией.

Сооружения с напольной стороны исследователем городища определялись как уступы, он констатировал наличие горелого дерева (дуб) на уступах, но от определения характера укреплений с напольной стороны воздержался. Как полагал О.В.Сухобоков на основании исследований Опошнянского городища И.И.Ляпушкиным, укрепления последнего были незначительными, а на Новотроицком они вовсе отсутствовали (1975. С.83). Однако со временем было внесено уточнение: укрепления Опошни были не столь незначительными, как это ранее представлялось (Сухобоков, Юренко, 1995. С.11). Наличие уступов с напольной стороны городища Новотроицкого со следами интенсивного горения свидетельствует, что там была стена –

часток, возможно, двухрядный или трехрядный, с внутренними помещениями, как на городище Жидеево. Такими же, вероятно, были и длинные постройки на северном склоне, являющиеся хозяйственными помещениями для хранения зерна и др. имущества, внешняя сторона которых должна была служить оборонительной стеной. Южный, менее крутой склон, уничтоженный карьером, тоже должен быть укреплен уже хотя бы по этой причине. Сложно говорить, имелся ли на укреплениях Новотроицкого вала или хотя бы присыпка деревянной стены снаружи, т.к. обрушение укреплений произошло в сторону рва, исследования которого не производились. Однако зафиксированные следы сгоревших деревянных конструкций на самом крае уступов, а также слои глины указывают на наличие каких-то преград с напольной и боковой сторон городища.

Северный край профиля по линии квадратов И-6-24 задокументировал обрушение каких-то конструкций на склон рва городища со стороны его площадки.

Они состояли из опускающегося от площадки городища на уступ золистого слоя шириной свыше 4 м, мощностью свыше 0,5 м, от которого в северном направлении, в ров опускалась углистая линзообразная прослойка, находящаяся в слое глины. В нижней части первая стала горизонтальной, направленной параллельно уровню второго уступа. Последний, не исключено, служил входом на городище. В пользу последнего предположения говорит наличие свободной площадки напротив уступа в ров размерами около 10 м на 6 м. Можно предполагать, что находящиеся с обеих сторон этой площадки ямы № 1 и № 7 тоже могли каким-то образом иметь отношение к оборонительным сооружениям. Они имеют близкие размеры (диаметр около 1,5 м, глубина 0,7-0,8 и 1,5 м соответственно), в заполнении обеих были слои золы, как на линии сгоревших укреплений по уступам.

К сожалению, исследование укреплений Битицкого городища-1 раннего железного века и волынцевского типа проводилось в основном на периферийных участках, рядом с раскопами на площадке. Укрепления с напольной стороны остались лишь слабо задетыми небольшими работами, по существу зачисткой, произведенной в месте повреждения укреплений современным въездом на городище. Вероятно, это было обусловлено тем, что работы на памятниках у с. Битица были прерваны в 1993 г. по не зависящим от исследователей обоим городищ причинам. Еще в 1985 г., в самом начале работ на Битице, при участии автора, на расположенном на соседнем мысе роменском городище-2 был произведен полный разрез укреплений вала и рва со стороны заселенной стрелки мыса, идущей от городища в долину Псла.

На городищах Битица, Ваколовщина и Новотроицкое наблюдается скошенность линии укреплений с напольной стороны, т.е. она не строго перпендикулярна линии перешейки, а один из концов углом несколько выдвинут вперед. Это деталь фортификации городищ раннего железного века, перенесенная затем, вероятно через посредство Битицы, на Новотроицкое.

Изучение находок, датирующихся первыми веками н.э. с городища Новотроицкого свидетельствует, что вряд ли речь могла идти о случайном попадании их на поселение. Скорее всего, на городище при строительстве укреплений было разрушено погребение сарматского времени. Укрепления Новотроицкого, на основании зафиксированных И.И.Ляпушкиным в ходе полевых исследований данных, могут быть отнесены к типу сложных дерево-земляных, с пустотелыми камерами, имеющие относительно небольшую наружную глиняную присыпку. Укрепления других роменских городищ отличались наличием заполненных глиной или суглинком с примесями, иногда с применением камня, конструкций стен.

Литература:

- Горюнова В.М., Родинкова В.Е. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // *Stratum plus*. 1999. № 4. С. 167-195.
- Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале IX века по археологическим данным. Тула: Гриф и К⁰, 2000. 264 с.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. К.: Наукова думка, 1984. 119 с.
- Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). К.: Наукова думка, 1968. 268 с.
- Кашкин А.В., Приймак В.В. Археологические исследования Б.А.Шрамко в бассейне верхнего Псла // *Феномен Більського городища: збереження, дослідження та популяризація найбільшої в Європі пам'ятки доби раннього залізного віку*. Київ: Центр пам'яткознавства НАНУ і УТОПІК, 20012. С. 63-67.
- Куза А.В. Древнерусские городища X-XIII вв. Свод археологических памятников. М.: РГНФ, 1996. 256 с.
- Кулатова И.М., Супруненко А.Б. Памятники времени проникновения сармат в Днепровское лесостепное Левобережье // *Полтавський археологічний збірник – 1999 (до 1100-ліття м.Полтави за результатами археологічних досліджень)*. – Полтава: Археологія, 1999. С.134-161.
- Кулатова І.М., Супруненко О.Б., Терпиловський Р.В. Пізньоскіфські та пізньозарубинецькі старожитності Полтавщини. – К.- Полтава: Археологія, 2005. – 100 с.
- Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // *МИА*. 1958. № 74. 328 с.
- Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами // *МИА*. 1961. № 104. 383 с.
- Максимов Е.В., Петрашенко В.А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. К.: Наукова думка, 1988. 148 с.
- Моця О.П., Колибенко О.В. До 75-річчя Олега Васильовича Сухобокова // *Археологія*. 2012. № 3. С.140-141.

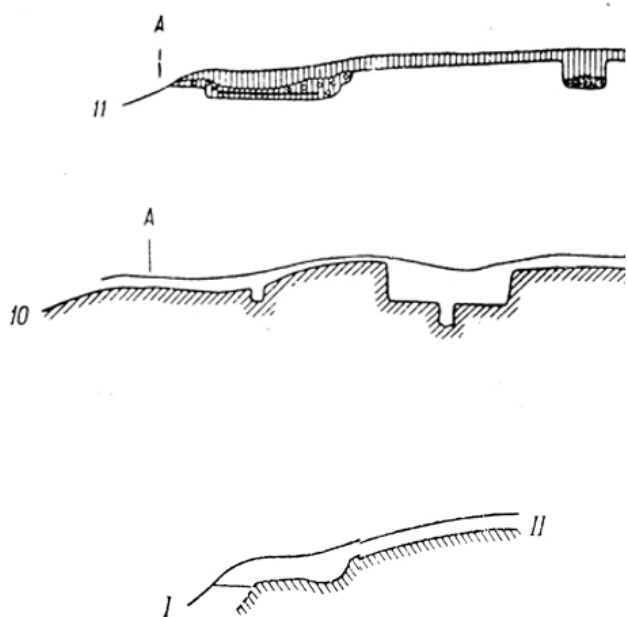
- Осадчий Є.М. Пам'ятки вийської історії Північно-Західної Слобожанщини XVII ст. Суми: Джерело, 2011. 346 с.
- Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I – V вв. н.э. Москва – Сумы, 1991. 203 с.
- Позднерубинские памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н.э.). М.: ИА РАН, 2010. 330 с.
- Приймак В.В. Кремационные погребения городища Новотроицкого // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара: СОИКМ, 1997. С.48-51.
- Приймак В.В. Ямні поховання городища Новотроїцького // Археологія. 1998. № 2. С.93-100.
- Приймак В.В., Поряднева В.О. Населені пункти на шляху з Чернігова до Білої Вежі й Тмуторокані // Археологія. 2002. № 3. С.108–114.
- Приймак В.В. Идеи Е.А.Горюнова в свете изучения систем расселения Днепроовского Левобережья I тыс.н.э. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепроовском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб: Петербургское востоковедение, 2004. С.282–287.
- Приймак В.В. Путивльське удільне князівство Чернігово-Сіверщини. Полтава: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПК, 2007. 180 с.
- Приймак В.В. До дискусії щодо ямних поховань за обрядом кремації городища Новотроїцького // АЛІУ. 2007. № 1-2. С.93-97.
- Приймак В.В. Проблемы изучения древностей Днепроовского Левобережья VIII – XI вв. // Славяно-русские древности Днепроовского Левобережья. – Курск: КГУ, 2008. – С.118-129.
- Приймак В.В. Проблеми вивчення старожитностей I тис. н.е. Більського мікрорегіону (до 70-річчя Є.О.Горюнова) // Пам'ятки археології північно-західного і західного секторів округи Більського городища (I тис. до н.е. – I тис. н.е.). Полтава: Техсервіс, 2010. С. 74-97.
- Пуздровский А.Е. Лепная курильница позднескифского времени из Полтавского краеведческого музея // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Областной научно-практический семинар. ТДС. Полтава: ПКМ, 1988. С.32-33.
- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Сухобоков О.В. Славяне Днепроовского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). К.: Наукова думка, 1975. 167 с.
- Сухобоков О.В., Моця О.П. Давньоруські пам'ятки поблизу хутора Зелений Гай Сумської області // Археологія. 1987. № 58. С. 83–94.
- Сухобоков О.В. Некоторые итоги археологических исследований в Путивле // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. С. 66–80.
- Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII – XIII ст. (за матеріалами досліджень 1968 – 1989 рр.) К.: Наукова думка, 1992. 216 с.

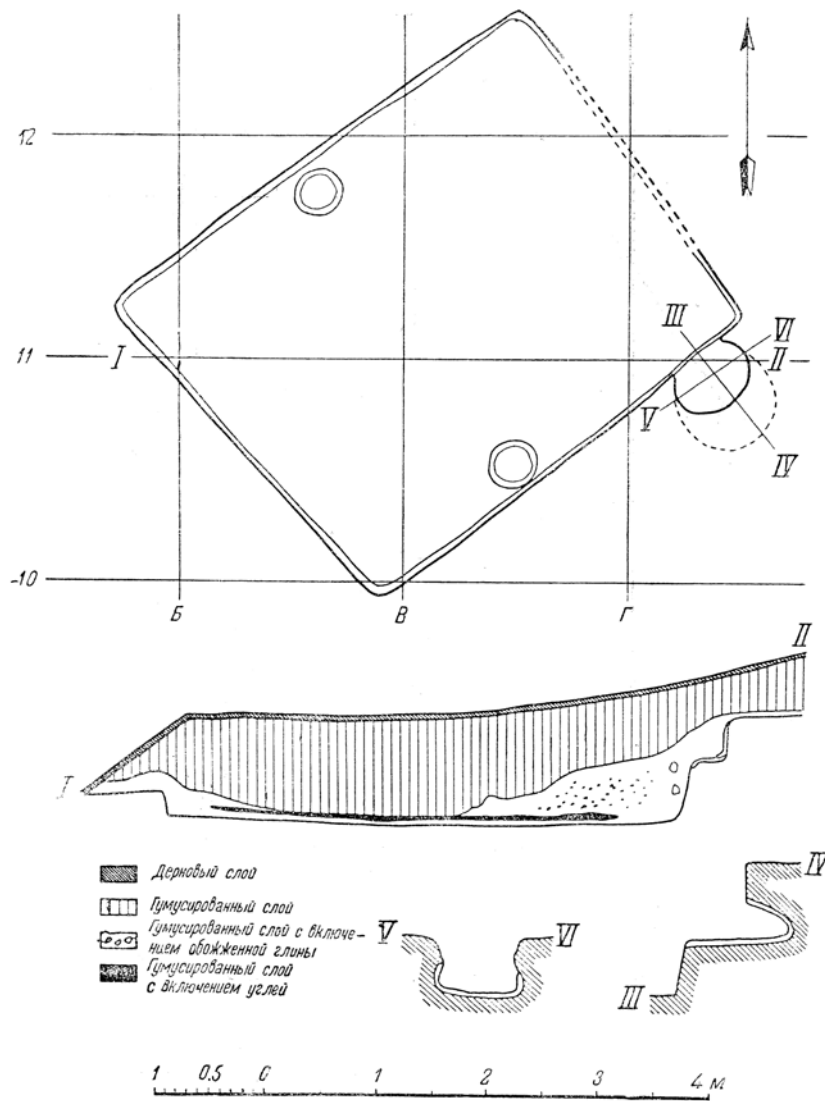
Сухобоков О.В., Юренко С.П. Опошнянское городище (по материалам археологических исследований 1975г.). Полтава, 1995. 72 с.

Фехнер М.В. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников // Ярославское Поволжье X – XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М.: ГИМ, 1963. С. 75-85.

Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. С. 70-89.

Шрамко Б.А. Отчет об археологических разведках экспедиции ХГУ на территории Белгородской и Курской обл. в 1958 г. // Архив ИА РАН, фонд Р-1. № 1843. 24 л.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ НОВОТРОИЦКОЙ ОБЩИНЫ РОМЕНЦЕВ: КОМПЛЕКСЫ, КАТЕГОРИИ И ВЕСОВЫЕ НОРМЫ

В.С. Кулешов

Государственный Эрмитаж
kuleshov@hermitage.ru

Введение. Денежное обращение и динамика нумизматических ситуаций в культурах раннесредневековых славян до сих пор остаются крайне малоизученной и малоизвестной областью историко-нумизматической науки, хотя к настоящему времени накоплен большой фонд разноплановых источников. Причину такого положения дел следует видеть в том, что до сих пор не проведена не только полная и системная, но даже отрывочная реконструкция раннеславянских денежных категорий по лексическим и археологическим данным (см. один из недавних опытов в этом направлении: Кулешов 2012). Тем важнее отыскать, описать и интерпретировать факты, значимые для решения (или для продвижения на путях решения) этой задачи. Предлагаемый доклад посвящён анализу системы денежного обращения в славянской общине, представленной культурой Новотроицкого городища. Памятник полностью раскопан экспедицией И. И. Ляпушкина в 1952–1954 гг., монографически опубликован (Ляпушкин 1958) и признан эталонным для роменской археологической культуры Днепровского лесостепного Левобережья.

Вопреки точке зрения, согласно которой нумизматический материал на памятнике исчерпывается 11 арабскими серебряными монетами (дирхамами), я попытаюсь показать, что денежную валентность имеют и другие категории находок, сокрытые общинниками VIII–IX вв. и найденные раскопками И. И. Ляпушкина в виде кладов.

Комплексы. На Новотроицком городище найдены, по меньшей мере, десять кладов и комплексов кладового облика.

Клад в квадрате У3 (Ляпушкин 1958: 24–26, рис. 12): 1 медное и 6 серебряных колец (по И. И. Ляпушкину — «височных колец»; далее они будут называться просто *кольцами*), серебряный браслет с пластинчатыми окончаниями, серебряное пятилучевое височное кольцо, медный перстень и медная шейная гривна (в двух фрагментах).

Клад в квадрате Ш2 (Ляпушкин 1958: 26–29, рис. 13): «в небольшом лепном горшочке» лежали 10 целых арабских серебряных монет и 14 различных серебряных предметов ювелирного убора и ременной гарнитуры (главным, образом сломанных).

Комплекс в квадратах М8–Н8 (Ляпушкин 1958: 30): «набор» из 3 серебряных колец.

Комплекс в квадратах П14–Р15 (Ляпушкин 1958: 30): «набор» из 11 серебряных колец.

Комплекс, найденный в столбовой яме к юго-востоку от печи в жилище № 9 (Ляпушкин 1958: 66, рис. 44, 4–5): «цепь» из 5 наглухо соединённых друг с другом серебряных колец и «россыпь» бус трёх типологических групп (жёлтые, зелёные, многочастные пронизки).

Клад I в «гумусированной линзе» к юго-востоку от печи в жилище № 21 (Ляпушкин 1958: 87, рис. 58, 1–2): 6 серебряных колец и серебряная серьга.

Клад II из столбовой ямы у северо-западной стены жилища № 21 (Ляпушкин 1958: 90, рис. 58, 3): 5 височных колец, украшенных металлическими «бусинами» и «около сотни» бус тех же трёх групп (жёлтых, зелёных, многочастных пронизок).

Комплекс, найденный около юго-западной стены на печи в жилище № 24 (Ляпушкин 1958: 95, рис. 63): 6 серебряных колец, «лежащих столбиком одно над другим».

Кроме того, ещё два «набора» серебряных колец не нашли подробного отражения на страницах книги (Ляпушкин 1958: 30). Единичные серебряные кольца и другие категории серебряных вещей встречены в культурном слое и заполнении жилищ; нельзя исключить, что они в ряде случаев могли так же играть роль кладов.

Основания интерпретации и набор денежных категорий. В археологической науке очень слабо разработаны способы выделения и методы интерпретации памятников примитивного денежного обращения (быстро заполнить эту лакуну, к сожалению, нельзя). Поскольку здесь нет возможности раскрывать эту тему, я сформулирую лишь самый общий принцип такой интерпретации.

Денежный статус может быть приписан некоторой категории предметов, удовлетворяющей одновременно нескольким признакам из следующего списка:

- (1) предметы этой категории изготовлены из металла или другого *достаточно* ценного материала;
- (2) предметы этой категории *достаточно* стандартны морфологически и/или метрологически;
- (3) предметы этой категории *достаточно* часто встречаются в виде комплексов;
- (4) число предметов этой категории в произвольном комплексе заранее не предсказуемо и может быть *достаточно* большим;
- (5) предметы этой категории *достаточно* часто встречаются в комплексах с другими категориями, имеющими денежный статус;
- (6) предметы этой категории встречаются в таких контекстах, в которых исключена или маловероятна их прямая утилитарная интерпретация;

(7) показатель частотности появления *целых* предметов этой категории может быть (значительно) выше этого же показателя у предметов утилитарного назначения.

Этот простой тест позволяет выделять не только отдельные денежные категории, но и системы категорий и хорошо отвечает данным письменных и этнографических источников о «живых» нумизматических ситуациях. Кроме того, по степени выраженности «синтаксических признаков» денежности могут выделяться категории различной «степени денежности» (именно так, как это имеет место в живых культурах).

Представленная на Новотроицком городище серия кладов позволяет описать *норму тезаврации*, сформировавшуюся в новотроицкой общине, и определить присущий ей состав денежных категорий.

Основу денежной системы новотроицких общинников составляло серебро. Оно обращалось как на вес (морфологически и метрологически нестандартные вещи, вещевой лом, арабские дирхамы), так и в виде морфологически и технологически стандартных простых колец из проволоки круглого сечения со слабо обработанными окончаниями. В плане содержания эта система была основана на весовых единицах серебра, которым в плане выражения соответствовали стандартные формы — кольца (эта гипотеза будет проверена далее). Большое количество находок таких колец на одном памятнике, а также их тенденция встречаться не в виде единичных находок, а целыми наборами, резко подрывают «утилитарную» трактовку их в контексте кладов (но, разумеется, не отменяет её в общем случае). В комплексах они сочетаются с серебряным ломом и с бусами. (Последние, как известно, являются одной из наиболее универсальных категорий примитивных денег всех культур и всех не слишком отдалённых эпох.) Повидимому, эти бусы были самыми мелкими денежными единицами новотроицких общинников.

Нельзя пройти и мимо «микросимволики» кладовых упаковок: клад в жилище № 9 был найден в виде неразъёмной цепи серебряных колец, а клад в жилище № 24 — в виде стопки («столбика») их. Оба способа хорошо подчёркивают, так сказать, «цельнооформленность» соответствующих наборов.

Не менее четырёх (около половины) сокрытых на городище кладов тяготеет к сфере жилища (конкретнее: к лиминальным зонам жилища, отмеченным печью и столбами), а сами эти клады могут интерпретироваться как личные накопления малых семей.

Весовые нормы серебряных колец. В соответствии с давним пожеланием В. Л. Янина (Янин 1956: 202; 2009: 228), мною обследованы 40 из 45 однотипных серебряных колец Новотроицкого городища. Пять выглядящих совершенно идентичными колец из клада, соединённые в цепь ещё до тезаврации, имеют общий вес 27,44 г, что даёт средний вес одного кольца ок. 5,49 г (к сожалению, индивидуальный вес каждого не может быть

определён). Остальные кольца были для начала разделены мною по размеру на две хорошо различимые весовые группы (25 экз. лёгких и 15 экз. тяжёлых колец), а затем перевешены.

Весовые показатели лёгких колец располагаются на отрезке 3,17–5,9 г. Средний арифметический показатель — 4,84 г, медиана отмечает экземпляр весом 4,90 г. Из 25 экз. лёгких колец 5 экз. весят менее 4,00 г и 3 экз. — 5,90 г. Показатели остальных 17 экз. компактно расположены на отрезке 4,47–5,72 г. Средний арифметический показатель этого отрезка — 5,01 г, медиана отмечает экземпляр весом 5,07 г. Если считать крайние значения этого «компактного» отрезка соответствующими ремедиуму в 12%, то вес эталона оказывается равным 5,10 г.

Абсолютные весовые показатели тяжёлых колец располагаются в диапазоне 7,28–9,45 г. Средний арифметический показатель — 8,33 г, медиана приходится на экземпляр весом 8,16 г. Из 15 экз. тяжёлых колец 2 экз. весят менее 7,84 г и 2 экз. — более 9,00 г. Показатели остальных 11 экз. компактно расположены на отрезке 7,84–9,00 г. Средний арифметический показатель этого отрезка — 8,32 г, медиана — тот же экземпляр весом 8,16 г. Если считать крайние значения «компактного» отрезка соответствующими ремедиуму в 7%, то вес эталона оказывается ок. 8,42 г. Аналогичный расчёт по всему отрезку (с ремедиумом в 13%) даёт близкое значение ок. 8,37 г.

Таким образом, весовые нормы заготовок лёгких и тяжёлых колец располагаются на отрезках 5,01–5,10 г и 8,16–8,42 г соответственно. Соотношение этих норм (1 : 1,64) выглядит нетривиально, и впоследствии придётся как-то это объяснить. Случайно ли то, что более лёгкая из найденных единиц исключительно близка 1/40 части гривны в половину каролингского фунта (будущей древнерусской *гривне серебра* в 204 г), а более тяжёлая очень напоминает 1/40 часть византийской литры в 327 г? Без дополнительных изысканий пока невозможно ответить на эти вопросы. Кроме того, не исключено, что обе единицы могли на каком-то этапе испытывать давление арабской метрологии и претерпевать «подтягивание» и/или «привязку» своей весовой нормы к весу соответственно двух и трёх стандартных дирхамов (ногат) в 2,95 г. (Что-то подобное можно усмотреть в факте появления в материалах памятника колец весом ок. 5,9 г и ок. 8,9 г.)

Проверка релевантности найденных единиц для другой серийной категории металлических предметов — пластинчатых браслетов — показала следующее. Целый пластинчатый браслет № ПБс-3014 весит 10,05 г (две лёгких единицы), целый пластинчатый браслет № ПБс-3029 — 14,67 г (три лёгких единицы), целые пластинчатые браслеты № ПБс-3001 и № ПБс-3031 — 17,79 и 18,22 г (четыре лёгких единицы). Кроме того, в точности одну лёгкую единицу (5,10 г) весит медное (того же самого типа, что и серебряные) «височное кольцо» № НТ-1239 из клада в квадрате У3.

Я далёк от того чтобы абсолютизировать роль и функциональный статус реконструированных весовых единиц. Но что не может быть опровергнуто,

так это тот факт, что обнаруженные единицы были несомненной метрологической реальностью как для «новотроицкого ювелира», опиравшегося на них в своей работе и снабжавшего своей продукцией новотроицких общинников (безотносительно к месту собственного проживания и труда, если таковым не являлся Новотроицкий городок), так и самих общинников, ожидавших получить и получавших от мастера морфологически и метрологически стандартные формы драгоценного металла, использовавшиеся как объект сбережения и вполне регулярной тезаврации.

Проблема реконструкции денежно-весовой заушни. Если верно, что новотроицкие серебряные кольца были не только формой и средством обращения серебра, но в действительности использовались или могли использоваться в женском драгоценном уборе как височные кольца, то оправдано их сопоставление с названием одной серебряной денежно-весовой единицы, сохранённой (разумеется, в функционально и метрологически преобразованном виде) денежными системами Полоцко-Витебской земли XIII–XIV вв. Эта малоизвестная единица, история и предыстория которой не получили сколько-нибудь ощутимого освещения в историографии, носила название *заушни* (Бектинеев 1999: 157; ПГ-1: 39–42; СРЯ-5: 331.6) и во второй трети XIV в. составляла в Полоцке ок. 0,6 г серебра (1/6 часть пражского гроша в 3,6 г). Её название и схема лексикализации (др.-рус. *заушня* из общ.-слав. **zaušnja* от **icho* ‘ухо’; ср. общ.-слав. **zaušnja* ‘височное кольцо, серьга’: продолжения этого слова известны во многих славянских языках) типологически и структурно полностью аналогичны общеславянской и древнерусской гривне (др.-рус. *гривна* из общеславянского **grivna* I ‘жёсткое шейное украшение’ и II ‘денежно-весовая единица’). Есть основания усматривать в этой *заушне* лёгкую денежно-весовую единицу раннеславянской эпохи. Таким образом, новотроицкие безымянные единицы можно условно (в порядке гипотезы и реконструкции) назвать *лёгкой* и *тяжёлой заушней* соответственно.

Проблема датировки Новотроицкого городища по монетным находкам. Коль скоро выше речь шла, среди прочего, и о монетном материале Новотроицкого городища, полагаю целесообразным завершить доклад вопросом о датировке памятника (и, следовательно, представленной на нём системы денежного обращения) по монетам. Полезно вновь повторить данные о комплексе дирхамов из клада весового серебра в квадрате Ш2 (все определения заново сверены мною с монетами и кое-где переписаны с учётом принятой сейчас типологии):

- (1) Умайяды, Васит, 93 г. х. = 711/712 (в ОАВЕиС ГЭ не передавалась, местонахождение неизвестно);
- (2) ‘Аббасиды, ас-Саффах, ал-Куфа, 133 г. х. = 750/751 (ОАВЕиС ГЭ, № ПАС-96);

- (3) ‘Аббасиды, ал-Мансур, ал-Куфа, 143 г. х. = 760/761 (ОАВЕиС ГЭ, № ПАС-97)
- (4) ‘Аббасиды, ал-Мансур, Мадина́т ас-Салам, 158 г. х. = 774/775 (ОАВЕиС ГЭ, № ПАС-98)
- (5) ‘Аббасидские наместники Ифрикии, Йазид ибн Хатим, ал-‘Аббасийа, 171 г. х. = 787/788 (в ОАВЕиС ГЭ не передавалась, местонахождение неизвестно)
- (6) ‘Аббасидские наместники Ифрикии, Наср ибн Хабиб, Ифрикийа, 175 г. х. = 791/792 (ОАВЕиС ГЭ, № ПАС-99)
- (7) ‘Аббасиды, ар-Рашид, Мадина́т ас-Салам, 188 г. х. = 803/804 (ОАВЕиС ГЭ, № ПАС-101)
- (8) ‘Аббасиды, ар-Рашид, ал-Мухаммадийа, 190 г. х. = 805/806 (ОАВЕиС ГЭ, № ПАС-100)
- (9) ‘Аббасиды, ал-Ма’мун, Мадина́т Самарканд, 198 г. х. = 813/814 (ОАВЕиС ГЭ, № ПАС-102)
- (10) ‘Аббасиды, ал-Ма’мун, Мадина́т ас-Салам, 203 г. х. = 818/819 (ОАВЕиС ГЭ, № ПАС-103)

Диагностическими признаками выборки является сравнительно малая доля африканских дирхамов (20%) и сравнительно большая доля азиатских дирхамов первой четверти IX в. (40%). По своей композиции этот набор типичен для ступени С (ок. 800–850-х гг.) новой хронологической системы обращения дирхамов Халифата в Восточной Европе (Кулешов 2011). Сверхмалый размер монетной выборки исключает датировку сокрытия клада близко ко времени чеканки младшей монеты (см. об аналогичном случае с Баклинским кладом: Кулешов 2012б). Правдоподобно синхронизировать сокрытие клада с единичной монетой из заполнения жилища № 2 (‘Аббасиды, ал-Му‘тасим би-ллах, Мадина́т ас-Салам, 218 г. х. = 833/834, ОАВЕиС ГЭ, № ПАС-104) и датировать эти комплексы концом 830-х и 840-ми гг., не исключая (но и не аргументируя в пользу) более поздней датировки. Что касается расширения верхней даты использования городища — в соответствии с точкой зрения автора раскопок (Ляпушкин 1985: 182) — до второй половины IX в., то нумизматический материал сделать этого не позволяет.

Бектинеев Ш. И. Полоцко-Витебская денежно-весовая система XIII–XIV вв. // Lietuvos archeologija. Т. 18. Vilnius, 1999. Р. 153–163.

Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. (МИА. № 74.) М.; Л., 1958.

Кулешов Вяч. С. Хронология обращения монет Халифата в Восточной Европе (VIII–IX вв.) // XVI Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Репино, 18–23 апреля 2011 г.): Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2011. С. 46–48.

- Кулешов Вяч. С.* К предыстории древнерусской платёжной гривны // *Материалы и исследования Отдела нумизматики. (Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXI.)* СПб., 2012а. С. 151–174.
- Кулешов Вяч. С.* О композиции и датировке Баклинского клада 1999 г. // *II Международный научный симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка»* (Севастополь, 14–19 сентября 2012 г.): Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012б. С. 24–26.
- ПГ-1 = Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Вып. 1 / Составитель А. Л. Хорошкевич. М., 1977.
- СРЯ-5 = Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5 / Главный редактор С. Г. Бархударов. М., 1978.
- Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
- Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.

ПАМЯТНИКИ ДОНСКИХ СЛАВЯН В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ И.И.ЛЯПУШКИНА

В.Н. Ковалевский

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
KVN43@yandex.ru

История археологического изучения донских славян насчитывает более столетия. Памятникам славян на реках Дон и Воронеж уделяли внимание А.А.Спицын (1908), В.А.Городцов, местные краеведы Е.Л.Марков (1891), Л.Б.Вейнберг (1891), А.И.Мartiнович (1908), но лишь после работ конца 20-х – начала 30-х гг. экспедиции под руководством П.П.Ефименко (1931) и выхода в послевоенное время монографии «Древнерусские поселения на Дону» в серии МИА, они становятся широко известны научной общественности (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948).

Не мог обойти вниманием данный комплекс памятников и И.И.Ляпушкин, который был в курсе событий о работах проводимых под Воронежем уже экспедицией ВГУ (рук.А.Н.Москаленко). Анна Николаевна, ученица В.И.Равдоникаса, как представитель ленинградской археологической школы, общалась с коллегами, делилась научной информацией. И, видимо не случайно, сам И.И.Ляпушкин в 1948 и в 1950 гг. осмотрел ряд донских городищ разных эпох (Ляпушкин И.И., 1950).

Сформировавшиеся тогда представления, откорректированные вновь получаемыми материалами, позволили исследователю, опираясь на данные о славянах лесостепного Подонья, коснуться некоторых важных вопросов. Одной из таких проблем стала проблема социальных отношений у славян в период формирования государственности.

До проведения масштабных археологических раскопок на донских городищах и полной публикации полученных материалов в советской исторической науке господствовала точка зрения на данный вопрос, наиболее полно выраженная Б.А.Рыбаковым. Основываясь на данные письменных источников, а также на вышедшую в 1931 году статью П.П. Ефименко, он характеризовал славянскую общину как патриархальную, неразделенную (Рыбаков Б.А., 1939, с. 326-327). Правда, относил он донские памятники к ангам и датировал VI-VII вв. Данное направление было озвучено и П.П.Ефименко: «Эти обширные сооружения, дававшие приют, видимо, не одной сотне человек, запечатлевают картину настоящего общинно-родового хозяйственного гнезда» (Ефименко П.П., 1931, с. 8). Эта предварительная публикация материалов раскопок вызвала настоящий взрыв отзывать в отечественной исторической и археологической литературе (Ковалев С.И. и др., 1934, с.15; История ..., 1939, с.214-215; Рыбаков Б.А., 1939, с. 323-327; Равдоникас В.И., 1995, с.125; Артамонов М.И., 1935, с.270 и др.). Как уже говорилось с 1948 года материалы раскопок на Дону и Воронеже вводятся в широкий научный оборот. Они становятся эталоном при публикации материалов о славянах предгосударственного периода и включаются в различные пособия и учебники (История... ,1951, с. 3; Арциховский А.В., 1955, с. 193; Косвен М.О., 1963, с. 99-100; Третьяков П.Н., 1953а, с.288; Третьяков П.Н.,1953б, с. 22-23; Воронин Н.Н., 1951, с. 204-205; Никольская Т.Н., 1950, с. 94 и др.).

Чем был обусловлен подобный интерес? Видимо, свою роль сыграл тот фактор, что 18-ть исследованных полуземляночных построек соединялись между собой внутренними переходами. Это вроде бы подтверждалось данными письменных источников о славянах (известная цитата из Псевдо-Маврикия, что «живут они в лесах, у неудобно проходимых рек болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей» (Мишулин А.В., 1941, с. 253)). Хорошая «состыковка» данных археологии и письменного известия о славянах надолго предопределила направление развития славистики в области общественных отношений эпохи раннего средневековья. Вплоть до середины 50-х гг. в советской исторической науке бытовало мнение, что а) «особенностью жилищ является соединение их внутренними переходами»(Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948, с. 11). Отсюда следовал вывод, что б) эти жилища заселялись группой родственных семей (то есть общественная организация славян была представлена патронимией (Косвен М.О., 1963, с. 99-100)).

Потребовались определенные усилия И.И. Ляпушкина, подвергшего детальнейшей проработке материалы раскопок донских городищ и доказавшего разновременность перекрывавших друг друга сооружений Большого Боршевского городища, чтобы пересмотреть эту точку зрения. К тому времени он имел для сопоставления полностью раскопанное

Новотроицкое городище на Псле. В специально посвященной жилым комплексам восточных славян статье он пришел к выводу, что полуземлянки «являлись жилищами не больших (патриархальных), а малых (индивидуальных) семей, объединенных в сельскую общину» (Ляпушкин И.И., 1957, с. 13). Эти же выводы он повторил в вышедшей в следующем году книге (Ляпушкин И.И., 1958а, с. 172-179). Вообще-то первым усомнился в существовании крытых переходов на Большом Боршевском городище Л.П. Гуссаковский, указавший в кандидатской диссертации на неточности в публикации планов Большого Боршевского городища (Гуссаковский Л.П., 1956б, с.192(195); 197(199)). Работа, к сожалению, так и не опубликованная, стала значительным шагом в истории изучения восточно-славянского жилища. Л.П. Гуссаковский рассмотрел материалы 160 археологических памятников VIII-XIII вв. (Гуссаковский Л.П., 1956а, с.4), в том числе большое количество архивных данных (раскопки Д.Т.Березовца в Вольнице; Б.А.Рыбакова в Гочеве) (Гуссаковский Л.П., 1956б, с. 180(183)-181(184);203(206)-204(207)). Однако, в специальной литературе взгляд на соединенные переходами постройки, как на черту, свидетельствующую о сохранении у славян основ родового строя, встречался еще и в 60-е годы. В пример можно привести книгу М.О. Косвена (Косвен М.О., 1963), на соответствующий раздел которой обратила внимание А.Н.Москаленко, давшая его критический анализ (Москаленко А.Н., 1981, с. 19-20). Сама исследовательница, также пыталась разрешить проблему общественных отношений у славян в предгосударственный период. Эта линия прослеживаясь с первых работ 50-х гг. (Москаленко А.Н., 1955, с.61; 1958, с. 141), была завершена в итоговой работе о славянской группировке на Дону. До выхода работы И.И.Ляпушкина в 1957 году исследовательница писала по данному вопросу буквально следующее: «...здесь, как и на всей территории Древней Руси, существовала территориальная, или соседская община. Отличительной особенностью этой общины является объединение ее членов не на основе родства, как это было в родовых общинах, а по принципу соседства, общей территории». К этому времени (VIII в.) уже выделилась индивидуальная семья, существовала социальная и имущественная дифференциация (Москаленко А.Н., 1955, с. 61).

Взгляд И.И.Ляпушкина на славянскую общину как на соседскую, состоящую из отдельных семей по 4-5 человек, не претерпел изменений, свидетельством чему служит его итоговая книга о славянских племенах накануне образования Древнерусского государства (Ляпушкин И.И., 1968; Винников А.З., 1993, с. 45-46). Но надо сказать, что с момента выхода работ И.И. Ляпушкина и вплоть до середины 70-х гг. наблюдается снижение активности в публикации материалов, свидетельствующих об общественных отношениях.

Таким образом, рассматривая основные работы о социальной организации славян VIII-IX вв., можно сделать заключение о нескольких точках зрения по

данному вопросу. Большинство же исследователей на конец 1980-х – середину 2000-х гг. высказывались за то, что уровень общественных отношений восточных славян соответствовал большесемейной общине, которая в конце IX - начале X вв. начинает распадаться на общину соседскую, где главным экономическим звеном была малая (индивидуальная) семья. И в создании этой научной парадигмы вклад Ивана Ивановича Ляпушкина несомнен.

Касался Ляпушкин И.И. и некоторых других актуальных проблем, ссылаясь на материалы со славянских памятниках Подонья.

Это и частные вопросы - домостроительства (Ляпушкин И.И., 1968); хронологии средневековых донских памятников; и вопросы общего порядка, требующие широкого кругозора – в частности, взаимодействия славян с носителями салтово-маяцкой культуры (Ляпушкин И.И., 1958,б). И каждый из них требует отдельного рассмотрения через призму времени (соответственно - пополнения источниковой базы) и через учет научного наследия великого русского ученого.

Список упоминавшихся работ И.И.Ляпушкина

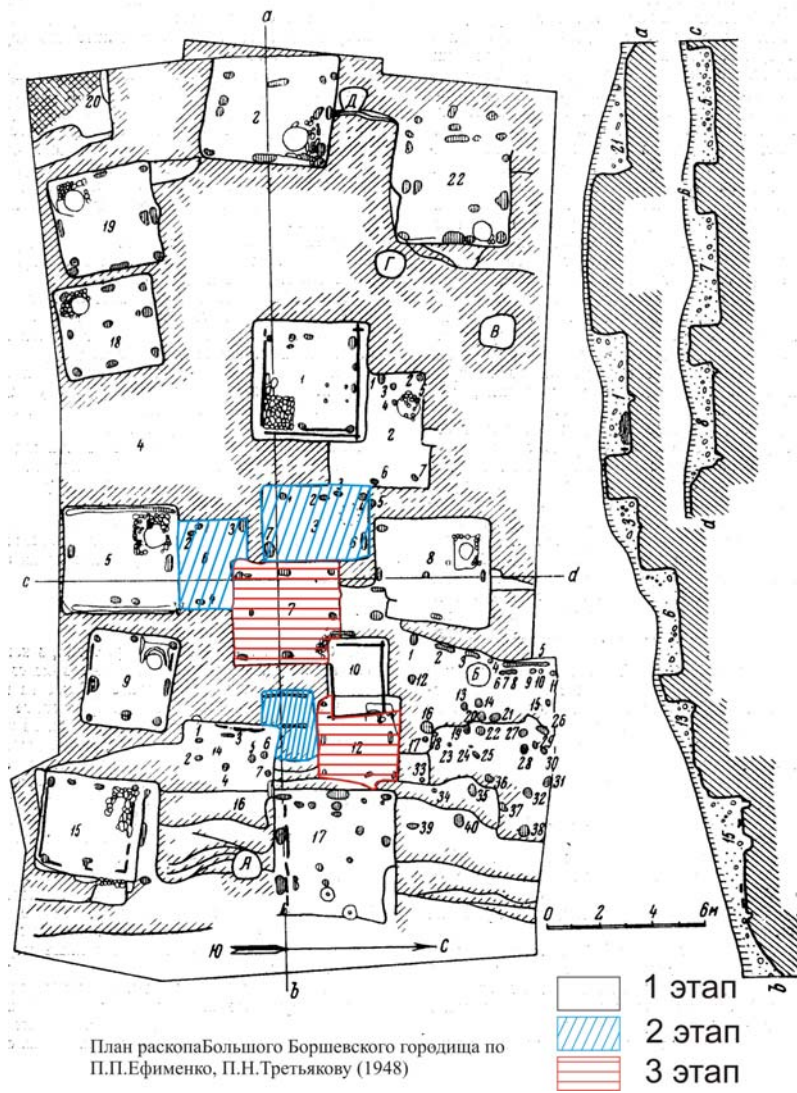
Ляпушкин И.И., 1950. Отчет за 1950 год // Архив ЛОИА, ф.35, №70.

Ляпушкин ИИ, 1957. О жилищах восточных славян Днепровского левобережья VIII-X вв. // КСИИМК. Вып. 68.

Ляпушкин И. И., 1958 а. Городище Новотроицкое // МИА. № 174.

Ляпушкин И.И. 1958 б. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона / Труды Волго-Донской археологической экспедиции // МИА №62.

Ляпушкин И. И ., 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА. № 152.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И.И. ЛЯПУШКИНА В ПОДЕСЕНЬЕ

Е.М. Веремейчик

*Черниговский национальный педагогический университет им. Т.Г. Шевченко,
Чернигов, Украина
veremeychik@mail.ru*

На протяжении 40 – начала 80-х гг. XX в. в археологической науке наблюдался повышенный интерес к проблемам славянского этногенезиса. Эти проблемы послужили толчком к проведению масштабных археологических работ на территории Восточной Европы с целью выявления славянских памятников разного времени и дальнейшего их исследования.

Одной из территорий, где сосредоточились исследования ученых, была Левобережная Украина, в том числе территория Черниговщины. Здесь на протяжении середины – второй половины XX в. работали различные экспедиции Институтов археологии Академии наук СССР, Академии наук УССР, Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР, Эрмитажа под руководством Е.А. Горюнова, И.И. Ляпушкина, Е.В. Максимова, А.М. Обломского, Э.О. Сымоновича, Р.В. Терпиловского, П.Н. Третьякова, М.Б. Щукина. Они занимались поисками и исследованием памятников первого тысячелетия нашей эры в бассейне Десны, но одновременно обследовали известные ранее памятники разных эпох и находили новые.

Одним из первых исследователей, который целенаправленно искал славянские памятники роменской культуры на Черниговщине, был И.И. Ляпушкин. В первые послевоенные годы он провел многочисленные разведочные работы на Левобережье Днепра с целью обнаружения новых памятников.

Днепровская Левобережная экспедиция под руководством И.И. Ляпушкина – старшего научного сотрудника в то время Ленинградского отделения Института истории материальной культуры (Мезенцева 1997: 142–143), на территории Черниговщины проводила разведки дважды: в 1947 г. (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 31) и в 1961 г. (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1961. Д. 21). Благодаря этим разведкам, в 1947 г. были обследованы памятники вдоль нижнего и среднего течения Десны, а в 1961 г. – вдоль Снова, от его устья вверх, на север.

Именно материалы экспедиции 1947 г., в частности результаты обследования И.И. Ляпушкиным комплекса памятников около с. Шестовица, вызвали наш интерес, что и послужило темой отдельного исследовательского сюжета (Веремейчик 2006). Но данные о событиях и результатах разведочной экспедиции 1947 г. не исчерпались предыдущей публикацией.

Экспедиция того года состояла из 5 человек: И.И. Ляпушкина (начальник экспедиции, Ленинградское отделение Института истории материальной культуры), Л.С. Кухаревой (старший лаборант, Ленинградский государственный университет), Д.М. Гурвича (старший лаборант, Публичная библиотека), А.М. Дукаревича (лаборант, студент Ленинградского государственного университета) и В.Л. Ястребова (водитель экспедиционной базы Академии наук, г. Москва).

В отчете зафиксировано, что экспедиция выехала из Ленинграда двумя группами: первая – машиной 24 июня, вторая 28 июня поездом и 29 июня обе группы прибыли в Киев. Исследователь отметил, что полевые работы длились с 5 июля по 17 ноября 1947 г., и экспедиция прошла 5 982 км, из них 3 047 км точно по маршруту, предусмотренному планом (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 31. Л. 3).

Маршрут экспедиции охватывал как будто по кругу территорию Украины на левом берегу Днепра – от устья Десны, вдоль нижнего и среднего ее течения до устья Сейма. Потом маршрут проходил по речкам Сейм, Оскол, Орель до Днепра, дальше по левому берегу Днепра до Десны. И.И. Ляпушкин отмечал, что обследовались памятники, в большинстве известные в литературе, хотя значительная их часть была открыта непосредственно в ходе экспедиционных работ. В целом, в 1947 году на Украине было осмотрено более 70 разновременных памятников эпохи бронзы, разных периодов эпохи железа, в том числе и раннеславянские памятники. Культурные отложения на памятниках X – XIII вв. и в дневнике, и в отчете относились автором к великокняжескому периоду.

Все основные события и результаты обследования археологических объектов во время экспедиции фиксировались в полевом дневнике, который вел непосредственно ее руководитель – Иван Иванович. Дневник состоял из двух школьных тетрадей в клеточку. Левая сторона оставалась чистой, справа велись записи простым карандашом. Листы были пронумерованы автором, ежедневно фиксировались дата и день недели; слева на полях обозначались пункты сбора подъемного материала. Результаты обследования Черниговской области вошли в первую часть дневника, которая была начата 05.07.47 г. и окончена 14.08.47 г.

Вся научная документация экспедиции (дневники, научный отчет, негативы фотографий и оттиски) хранится в Научном архиве ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург). Коллекция материалов (№ 63, состоящая из 20 ящиков) и учетные карточки обследованных памятников (в середину карточек вложены коллекционные описи материалов, иногда фотографии памятников и рисунки наиболее интересных находок) – в фондах и архиве ИА НАН Украины. Как выяснилось в результате исследования, частично находки из Черниговской области хранятся в фондах Черниговского исторического музея имени В.В. Тарновского (далее ЧИМ).

В нижнем течении Десны маршрут экспедиции проходил вдоль левого берега реки и начался с обследования городища в с. Крехаев (Киевская область) и летописного «Остерского городка», расположенного в с. Старогородка (сейчас г. Остер) (рис. 1) Исследователь описал городище, отметил, что его площадка в значительной степени повреждена окопами. На территории городища и расположенного рядом с ним селища были собраны обломки гончарных сосудов (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 32. Л. 4–5).

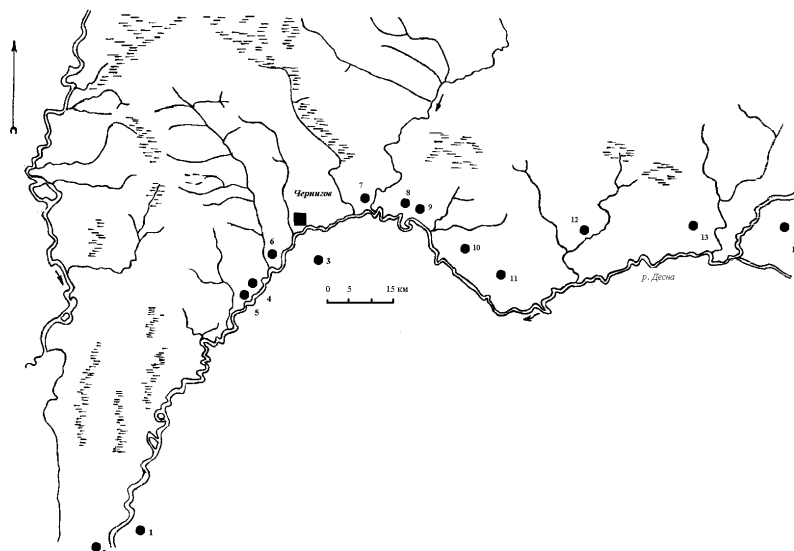

Рис. 1. Карта памятников, обследованных И.И. Ляпушкиным в 1947 г. в Подесенье. 1 – городище и поселение, г. Остер; 2 – поселение, с. Выползов; 3 – поселение в ур. Татарская Горка, с. Анисов; 4 – городище в с. Шестовица; 5 – городище, поселение, могильник в ур. Коровель, с. Шестовица; 6 – городище, с. Гушин; 7 – городище, с. Брусилов; 8 – поселение в ур. Провалье, с. Горица; 9 – поселение в ур. Дворище, с. Горица; 10 – поселение, с. Николаевка; 11 – городище, с. Блистова; 12 – городище и поселение, с. Феськовка; 13 – городище и поселение в ур. Буромка, пгт. Сосница, 14 – городище, с. Шабалинов.

Потом экспедиция переправилась на противоположный берег реки и обследовала поселение возле с. Выползов, расположенное на мысу правого берега р. Десны. Тут тоже были собраны фрагменты гончарных сосудов (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 31. Л. 51). Среди них преобладают обломки сосудов X в., хотя материал XII – XIII вв. тоже присутствует (рис. 2:

2), в том числе и 4 фрагмента от 2 амфор «никейско-триллийской» группы типа II/2 по В.Ю. Ковалю (Коваль 2003: 349).

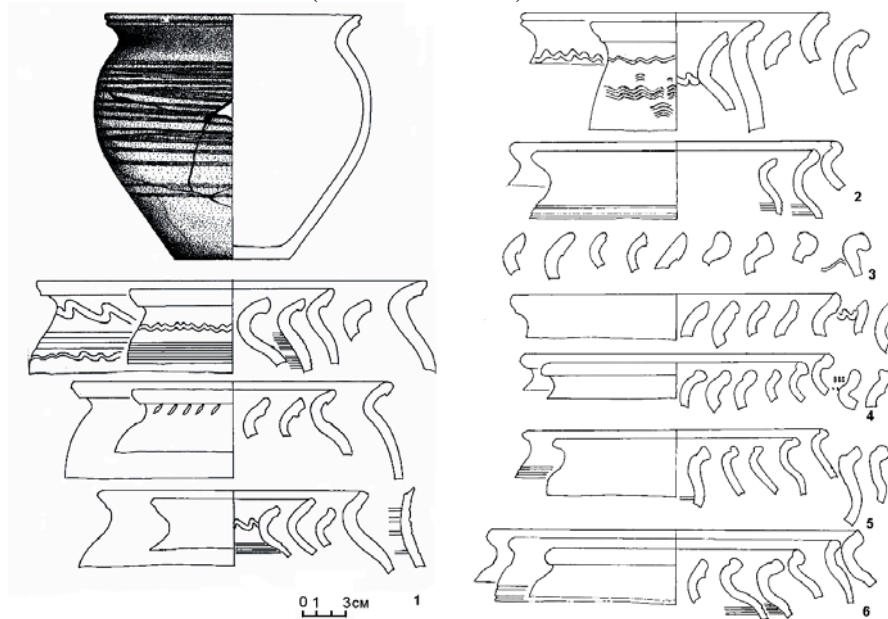

Рис. 2. Керамический материал из разведки 1947 г. И.И. Ляпушкина в Подесенье (фонды ИА НАНУ, коллекция № 63). 1 – городище и поселение в ур. Коровель, с. Шестовица; 2 – поселение, с. Выползов; 3 – городище, с. Брусилов; 4 – поселение в ур. Провалье, с. Горица; 5 – поселение в ур. Дворище, с. Горица; 6 – городище, с. Блистова.

Следующим пунктом, обследованным экспедицией, была «Татарская горка» близ с. Анисов, известная в литературе благодаря публикации В.А. Шугаевского (Шугаевский 1911). И.И. Ляпушкин отметил, что территория памятника засажена лесом и задернована, поэтому подъемный материал удалось собрать только на песчаных выдувах. В большинстве своем он состоял из обломков лепных сосудов эпохи бронзы и немногочисленных фрагментов гончарных сосудов великокняжеского периода. В коллекции материалов (фонды ИА НАНУ) с поселения происходит 53 фрагмента из двух пунктов сборов подъемного материала, среди них 4 фрагмента сильно поврежденных венчиков XI – XII вв. и 23 фрагмента лепных сосудов эпохи бронзы (среди них 4 венчика) с пункта № 7 по дневнику, и 26 фрагментов (среди которых 2 фрагмента венчиков) лепных сосудов эпохи бронзы и раннего железного века с пункта № 8 (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 32. Л. 7).

В дневнике отмечено, что «Из Анисова направились в Чернигов, где выполнили необходимые формальности (регистрация документов и т.д.) и около 18 час. доехали в Шестовицы» (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 32. Л. 7). Это произошло 8 июля, возможно, тогда экспедиция впервые и посетила Черниговский исторический музей.

Вечером, после обустройства на ночлег члены экспедиции осмотрели городище в северной части села. Утром работы проводились на городище и поселении, расположенном на юго-запад от села (*в ур. Коровель – Е.В.*). После общего описания памятника в дневнике зафиксировано, что «Вся площадь усеяна черепками глиняной гончарной посуды, шлаками железа, костями животных и т.п. Встречаются куски необработанного красного овручского (?) шифера. Мощность культурного слоя местами (судя по отложениям) достигает до 0,7 – 0,8 м» (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 32. Л. 7). Отмечено, что вдоль западного края поселения обследована канава, ориентированная в направлении север-юг, глубиной 1,5 м (*остатки противотанкового рва времен Второй мировой войны – Е.В.*), в которой на расстоянии 150 м от края склона, в восточной стенке обнаружен горшок, изготовленный на гончарном круге, заполненный угольками и пережженными костями. Эту находку сфотографировали. В фотоархиве ИИМК РАН хранятся три фотографии горшка с Шестовицкого поселения. Две из них сделаны непосредственно в ходе работ Днепроградской Левобережной экспедиции, при зачистке стенок противотанкового рва: обе – с одного ракурса, только на разном расстоянии от объекта (НА ИИМК РАН. ФА. Инв. № 1343–46/1, № 1343–47/1), на третьей был представлен реставрированный горшок X в. (НА ИИМК РАН. ФА. Инв. № 1260–62).

На фотографиях четко видно, что вследствие песчаного грунта произошел обвал стенок рва, благодаря чему, вероятно, и удалось заметить сосуд. В отчете автор уже дает дополнительную информацию: «Горшок находился на глубине около 40–50 см от дневной поверхности. Большая часть его была в материке (песчанистая глина). Цвет горшка оранжево-красный. Он имеет хорошо выраженный, почти горизонтально отогнутый венчик. А по краю венчика – с внешней стороны проложена бороздка... Большая часть поверхности горшка, начиная от плечиков, покрыта врезными горизонтальными линиями» (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 31. Л. 52). Гончарный сосуд X в. хранится в фондах ИА НАНУ. Его высота 17 см, диаметр венчика 17 см, диаметр доньшка 8,5 см, толщина стенок сосуда составляет 0,6 – 0,8 см. По цвету он больше коричнево-красный, чем оранжево-красный, обжиг неравномерный, в середине черепок черного цвета (рис. 2: 1).

По месту расположения остатки погребения, исследованного И.И. Ляпушкиным, находятся ближе к урочищу Узвоз. Однако, среди погребений этой группы курганов (IV по Д.И. Блифельду) (Блѣфельд 1977: 91, 183–184) обряд кремации не был зафиксирован, лишь ингумация в

могильных ямах. Эта группа погребальных памятников датируется концом XI – XII вв. Возможно, поэтому Д.И. Блитель и отнес погребение X в., выявленное в 1947 г. к V группе, где зафиксированы погребения по обряду кремации на месте и на стороне: оно, вероятно, фиксирует южную границу группы (Ситий 2006: 182).

Кроме остатков погребения X в., в западной стенке противотанкового рва, несколько севернее погребения, обнаружено «зольное скопление, содержащее большое количество железных шлаков» (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 32. Л. 10). Здесь также были найдены обломки гончарной древнерусской керамики. Подобное взаиморасположение могильника и поселения может свидетельствовать о двух вещах: со временем могильник начинает наступать на застройку поселения, в результате сокращения жилой площади памятника или наоборот, поселение занимает территорию, ранее занятую могильником. В связи с тем, что выяснить хронологические рамки культурных остатков пятна с углем, пеплом и шлаками, обнаруженных в 1947 г. севернее погребения, на сегодня невозможно (на основе описи материала, которая хранится в учетной карточке из Шестовицы, керамический материал из этого пятна состоит лишь из фрагментов стенок и доньшка кружальных сосудов X – XI вв.) (НА ИА НАНУ. Ф. э. 1947. Д. 29. № V), решение вопроса о взаиморасположении могильника и поселения зависит от будущих исследований в этой части памятника.

Тем не менее, в других местах комплекса памятников около с. Шестовица наблюдается аналогичная картина – размещение поселения и погребальных памятников на одной территории (Хамайко 2004: 297).

Значительно усложняют локализацию находок И.И. Ляпушкина существующие до сих пор остатки двух противотанковых рвов в ур. Узвоз, которые проложены практически параллельно, вдоль двух сторон дороги на с. Слабин. Не понятно, какой именно ров осматривала Днепровская Левобережная экспедиция. Во время работ Я.В. Станкевич в 1946 г. отдельные участки рва в ур. Узвоз были зачищены, тут обнаружены культурные наслоения X – XIII вв. (Станкевич 1962: 7, 14). А высказанное Л.Ф. Сытой аргументированное предположение о существовании в ур. Узвоз в XII – середине XIII вв. отдельного поселения со своим могильником, требует более внимательного отношения к культурным напластованиям этой части памятника (Сита 2002: 29).

В целом, в 1947 г. из комплекса памятников в ур. Коровель взято в коллекцию 89 артефактов, среди которых один реставрированный гончарный сосуд, 26 фрагментов венчиков гончарных сосудов, один фрагмент доньшка и 5 обломков пиррофиллита, остальное – фрагменты стенок, печина и шлак (рис. 2: 1).

9 июля в 15 часов экспедиция из Шестовицы отправилась в сторону Чернигова, по дороге обследовав городище в с. Гушин. В Жавинке и в

Павловке экспедиция не зафиксировала археологических памятников (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1.1947. Д. 32. Л. 11).

В дневнике Иван Иванович записал, что около 20 часов вечера прибыли в Чернигов и остановились на ночевку. Следующий день (четверг, 10 июля) члены экспедиции провели в г. Чернигове – утро было посвящено «приведению в порядок хозяйства экспедиции ... Во второй половине дня осматривали музейные археологические фонды, относящиеся к маршруту, а также... место раскопок Б.А. Рыбакова 1946 г.» (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 32. Л. 12). Отправиться дальше в тот же день не позволил длительный дождь, и поэтому экспедиция осталась в Чернигове еще на одну ночь.

Определенным свидетельством посещения И.И. Ляпушкиным Черниговского исторического музея являются фотографии музея и экспедиционной машины на его фоне, которая хранится в фотоархиве научного архива ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. ФА. Инв. № 1343–37, № 1343–39/1).

Очевидно, экспедицию от Чернигова до Сосницы сопровождал заведующий в то время отделом первобытнообщинного строя музея М.И. Кот, хотя об этом и нет записи в дневнике И.И. Ляпушкина. Однако ряд косвенных свидетельств позволяет сделать такое предположение. Так, в Черниговском историческом музее имени В.В. Тарновского в основной группе фондов хранится коллекция из поселений в селах Брусилов, Горица (поселения Дворище и Провалье), Николаевка, Феськовка и Буромка, датированные 1947 г. (номера коллекций А–62, А–88, А–89, А–90, А–91, А–92). В музейной документации отмечено, что это материалы обследования М.И. Котом выше перечисленных памятников. Во время работы с этими коллекциями выяснилось, что фрагменты керамики не мыты, не шифрованы, а в середине пакетов сохранились этикетки, написанные в 1947 г. и даты на них совпадают с датами пребывания И.И. Ляпушкина на этих памятниках, зафиксированные в дневнике. Вероятно, руководство музея обратилось с просьбой к исследователю передать часть найденных материалов в музей для пополнения коллекций, которые понесли значительные потери во время Второй мировой войны. Тот факт, что материал не был обработан, не существует отдельного отчета по этой разведке М.И. Кота, свидетельствует, что последний не был археологом. Кроме того, ни до 1947 г., ни позднее им не проводились археологические обследования и исследования. Музей в то время не имел археолога-профессионала. А.А. Попко – черниговский археолог, до 1946 г. сотрудник музея, уже работал в Институте археологии Академии наук УССР, а М.А. Попудренко была направлена по распределению в Чернигов лишь в 1948 г. (Мезенцева 1997: 187).

После Чернигова маршрут экспедиции проходил на восток, вдоль среднего течения р. Десны. Следующим пунктом, обследованным 11 июля И.И. Ляпушкиным, было городище в с. Брусилов, расположенное на мысу правого берега р. Снов, при впадении его в р. Десну. Исследователь отметил,

что городище повреждено усадьбами и размывами во время половодий. На городище собран подъемный материал, который состоял из фрагментов гончарной керамики, фрагментов амфор и обломков пирофиллита (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 31. Л. 53). В фондах ЧИМ коллекция с городища в с. Брусилов (№ А-89) состоит из 8 фрагментов венчиков круговых сосудов X – XIV вв., 10 фрагментов венчиков XVII – XVIII вв., 8 фрагментов амфор и обломков стенок круговых сосудов (рис. 3: 1). В фондах ИА НАНУ из древнерусского материала тоже хранится 19 фрагментов венчиков круговых сосудов X – XIV вв. (рис. 2: 3), практически 40 обломков стенок и доньшек этого же времени и лишь два обломка амфор с граффити. 6 фрагментов от одной амфоры из фондов ЧИМ и 1 фрагмент с граффити в виде буквы «Н» принадлежат к амфорам «трапезундской» группы типа I/2 и один фрагмент с граффити – к «никейско-триллийской» типа II/2 по В.Ю. Ковалю (Коваль 2003: 347, 349).

Следующими памятниками, обследованными И.И. Ляпушкиным, были поселения Провалье и Дворище около с. Горица. Вероятно, поводом послужило предварительное знакомство с материалами коллекций из Горицы в фондах ЧИМ, которая формировалась из случайных находок на протяжении 1905 – 1928 гг. (№ Арх. 1/1). Возможно, полученные консультации специалиста и опыт, полученный в экспедиции, позволили сотруднику музея М.И. Коту сделать вывод, что коллекция из Горицы – это совокупный материал из двух памятников – урочища Дворище и Провалье и составить самую лучшую опись коллекции в документации того времени, без ошибок в атрибуции и датировки вещей, что и отметила Е.Е. Черненко (Черненко 2007: 47).

Материал коллекций из Дворища и Провалье (№ А – 88, А – 90) в фондах ЧИМ сложен в один пакет, где хранятся две этикетки, датированные 12 июля. В дневнике И.И. Ляпушкина отмечено, что 11 июля прибыли в с. Горицу около 19 часов, где и остались на ночевку. С вечера обследовали урочище Провалье, на следующий день – урочище Дворище. В целом, в ЧИМ хранится 8 фрагментов венчиков круговых сосудов XI – XIII вв. (рис. 3: 2), 11 фрагментов стенок и 7 фрагментов лепных сосудов.

В фондах ИА НАНУ коллекция с поселения Провалье состоит из 66 артефактов, среди которых 30 фрагментов венчиков XI – XIII вв. (рис. 2: 4). Коллекция находок с многослойного поселения Дворище насчитывает 52 артефакта, среди которых 11 фрагментов круговых венчиков XII – XIV вв. (рис. 2: 5). Кроме этого, с поселения происходят фрагменты лепных сосудов эпохи бронзы, раннего железного века и роменской культуры.

12 июля датируется пребывание экспедиции на поселении в с. Николаевка и на этикетке коллекции № А – 92 с этого памятника в ЧИМ. И.И. Ляпушкин записал, что поселение расположено в пойме р. Десны, на дюнной возвышенности, остатков укреплений не найдено.

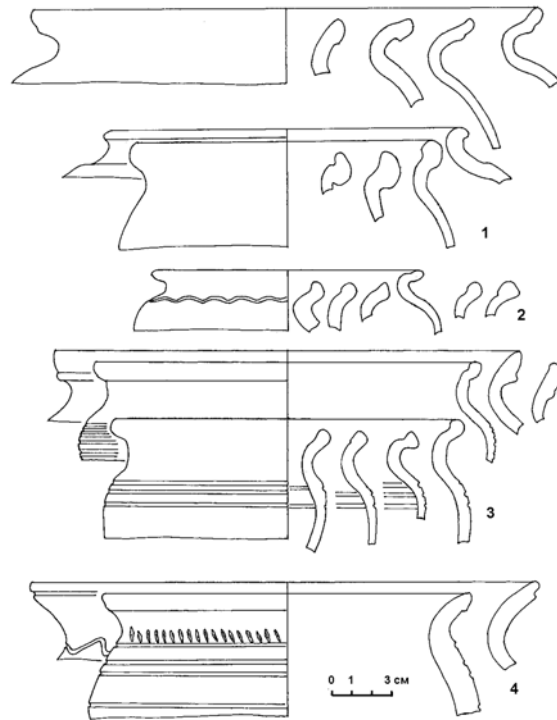

Рис. 3. Керамический материал разведки 1947 г. из фондов ЧИМ.
 1 – городище, с. Брусилов; 2 – поселение в ур. Дворище и Провалье, с. Горица; 3 – поселение, с. Николаевка; 4 – городище в ур Буромка, пгт. Сосница.

В коллекции ЧИМ с этого памятника хранится 17 фрагментов венчиков и 3 фрагмента стенок круговых сосудов конца XI – XIII вв., и 1 фрагмент стенки лепного сосуда (рис. 3: 3). В фондах ИА НАНУ хранится 76 фрагментов круговой керамики, среди которых 33 фрагмента венчиков XII – XIII вв. (НА ИА НАНУ. Ф. э. 1947. Д. 29. № X).

После этого экспедиция хотела отправиться в с. Салтыкову Девичу на левый берег р. Десны. Но паром не работал, поэтому, направились в с. Блистову, где обследовали городище в селе, на котором собрали фрагменты керамики XI – XIII в. (рис. 2: 6) и нашли нож.

Следующим населенным пунктом, где побывала экспедиция, было с. Феськовка. Внимание исследователя привлекло городище, расположенное на восток от села, на правом берегу р. Мена. Городище с хорошо выраженным валом и рвом, диаметром около 70 – 80 м, немного было повреждено со стороны реки, где размывалось во время разливов. Рядом с

городищем найдено поселение. Культурные остатки представлены фрагментами круговой керамики XII – XIII вв. (ЧИМ, № А – 91), в том числе и фрагментами венчиков. В ИА НАНУ хранится 30 фрагментов керамики, среди которых 4 фрагмента венчиков XII – XIII вв. Рисунок одного из них есть в публикации И.И. Ляпушкина (Ляпушкин 1952: табл. III, 5). Кроме того, при зачистке культурного слоя в нижней части вала обнаружены фрагменты лепных сосудов эпохи бронзы (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 32. Л. 16).

В тот же день (13 июля) экспедиция прибыла в г. Соснцу, и около 17.30 вместе с научным сотрудником Сосницкого музея Ю.С. Виноградским отправилась осматривать городище возле озера Буромка (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп.1. 1947. Д. 32. Л. 17). Городище расположено на южном берегу озера, в долине р. Десны. Большая часть памятника уже в то время разрушалась из-за весенних половодий. В повреждениях культурного слоя собрано много фрагментов лепной керамики роменской культуры и круговой древнерусского времени. В фондах ЧИМ хранится коллекция № А – 62 из городища Буромка, которая состоит из фрагментов лепных сосудов роменской культуры и круговых сосудов X в. (рис. 3: 4). В фондах ИА НАНУ также хранится материал из этого памятника.

Следующий день участники экспедиции посвятили осмотру археологических коллекций в фондах Сосницкого музея. И.И. Ляпушкин отметил в дневнике, что коллекции в хорошем состоянии, кроме того, составлен указатель к каждому памятнику, который находится в зоне внимания сотрудников музея. Безусловно, таким состоянием археологических коллекций и вниманием к археологическим памятникам мы должны быть благодарны Ю.С. Виноградскому, который в 20-е годы XX в. возглавлял Сосницкий краеведческий музей. По идеологическим соображениям он был отстранен от руководства, но всю жизнь проработал научным сотрудником этого заведения (Коваленко, Ткаченко, Ясновская 1991: 335).

Последним пунктом, который на Черниговщине посетила экспедиция И.И. Ляпушкина 1947 г., было городище рядом с с. Шабалинов, известное в литературе, как и предыдущее, благодаря разведкам Ю.С. Виноградского (Виноградский 1928: 154, 160). 15 июля, вместе с экспедицией выехали директор Сосницкого музея Д.И. Лавьук и Ю.С. Виноградский, о чем есть специальная запись в дневнике И.И. Ляпушкина (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 32. Л. 19). Городище распахивалось, на поверхности были найдены многочисленные фрагменты керамики юхновской, роменской культур и фрагменты круговой древнерусской керамики.

Подводя итоги разведочной экспедиции 1947 г., И.И. Ляпушкин в отчете вполне обоснованно отметил, что не все так называемые великокняжеские поселения возникли одновременно. Хотя в то время не было достаточных оснований для внутреннего распределения керамического материала по хронологическим признакам, исследователь отметил, что есть отдельные

памятники с более ранними по времени культурными остатками (X – XI ст.), а также более поздними (XII – XIII ст.) (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 31. Л. 61–62). Эту проблему исследователь поставил и в публикации, посвященной результатам работы Днепровской Левобережной экспедиции 1947 – 1948 гг. (Ляпушкін 1952: 298). Проблема хронологии керамики X – XIII ст. до сих пор окончательно не решена, однако наблюдения И.И. Ляпушкина в этом направлении в середине XX в. следует признать верными шагами в решении этого вопроса.

Суммируя вышесказанное хотелось бы отметить, что работы И.И. Ляпушкина отличаются высоким уровнем фиксации археологических объектов, качеством полевой и отчетной документации, своевременным введением в научный оборот результатов исследования. А точные заметки в дневнике позволяют реконструировать события, произошедшие во время экспедиции.

Литература

- Бліфельд 1977 – *Бліфельд Д.І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
- Веремейчик 2006 – *Веремейчик О.* Розвідкові роботи І.І. Ляпушкіна в Шестовиці на Чернігівщині // Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи на формування Давньоруської держави IX – XI ст.). Чернігів, 2006.
- Виноградський 1928 – *Виноградський Ю.С.* Сосниця та її околиці (Топографічні й археологічні матеріали, перекази та історичні відомості) // Чернігів і Північне Лівобережжя. Київ, 1928.
- Коваленко, Ткаченко, Ясновская 1991 – *Коваленко О.Б., Ткаченко В.В., Ясновська Л.В.* Виноградський Юрій Степанович. (Український історик, археолог, етнограф, музейний працівник, активний учасник краєзнавчого руху першої половини XX ст.) // Репресоване краєзнавство (20 – 30-і роки). Київ, 1991.
- Коваль 2003 – *Коваль В.Ю.* Амфори византийского культурного круга в Средневековой Руси (X – XIII вв.) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.
- Ляпушкін 1952 – *Ляпушкін І.І.* Дослідження Дніпровської Левобережної експедиції 1947 – 1948 рр. // АП УРСР. Т. III. Київ, 1952.
- Мезенцева 1997 – *Мезенцева Г.* Дослідники археології України. Чернігів, 1997.
- Сита 2002 – *Сита Л.Ф.* Участь співробітників Чернігівського історичного музею у дослідженні пам'яток XII–XIII ст. біля с. Шестовиця // Скарбниця української культури. Вип. 2. Чернігів, 2002.
- Ситий 2006 – *Ситий Ю.М.* До питання про місцезнаходження курганів та курганных груп в ур. Коровель // Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи на формування Давньоруської держави IX – XI ст.). Чернігів, 2006.
- Станкевич 1962 – *Станкевич Я.В.* Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года // КСИА. Вып. 87. 1962.

Хамайко 2004 – *Хамайко Н.В.* Дуалізм поселенської структури Шестовицького комплексу // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII – X ст. Київ, 2004.

Черненко 2007 – *Черненко О.* Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В.В.Тарновського (1896 – 1948 рр.) // Скарбниці Української культури. Вип. 9. Чернігів, 2007.

Шугаевский 1911 – *Шугаевский В.* «Татарская Горка» близ гор. Чернигова // Труды Московского Предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. Москва, 1911.

Архивные материалы

НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Фонд экспедиционный. 1947. Д. 29. Ляпушкин И.И. Памятники эпохи железа Левобережной Украины.

НА ИИМК РАН. РА – Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Рукописный архив. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 31. Ляпушкин И.И. Отчет о работе экспедиции в 1947 г. по обследованию памятников в бассейне р. Сейм, нижнего течения р. Десна и левого берега Днепра, Киевской, Курской, Полтавской, Сумской, Харьковской областей.

НА ИИМК РАН. РА – Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Рукописный архив. Ф. 35. Оп.1.1947. Д. 32. Ляпушкин И.И. Полевой дневник экспедиции по обследованию памятников в 1947 г. Часть. 1.

НА ИИМК РАН. РА – Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Рукописный архив. Ф. 35. Оп. 1. 1961. Д. 21. Ляпушкин И.И. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции Института археологии АН СССР 1961 г.

НА ИИМК РАН. ФА – Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Фотоархив. Шифр нег. Л. 1326–1, Л. 1327–1. Шифр фот. О. 2531–14, О. 2531–15. Инв. № 1343–46/1, № 1343–47/1. Обследование селища – сосуд с пережженными костями в обресе канавы. С. Шестовицы, Черниговская обл. Днепровская Левобережная экспедиция 1947 г.

НА ИИМК РАН. ФА – Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Фотоархив. Шифр нег. II 50229. Шифр фот. О. 1598–48. Инв. № 1260–62. Сосуд с остатками трупосожжения. С. Шестовицы, Черниговская обл. Днепровская Левобережная экспедиция 1947 г.

НА ИИМК РАН. ФА – Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Фотоархив. Шифр нег. Л. 1317, Л. 1319–1. Шифр фот. О. 2531–5, О. 2531–7. Инв. № 1343–37, № 1343–39/1. Чернигов, музей, северный фасад. Днепровская Левобережная экспедиция 1947 г.

ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ VIII-XI ВВ. К ВОСТОКУ ОТ ДНЕПРА

VIII ВЕК – РУБЕЖ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОСТЮМА И УБОРА ИЗ УКРАШЕНИЙ)

Н.В. Жилина

*Институт археологии РАН Москва Россия
nvzhilina@yandex.ru*

Между двумя крупными комплексами кладов: второй половины VI – первой половины VIII в. и IX – первой трети XIII в. есть временная лакуна, приходящаяся на середину VIII в. Для этого времени трудно представить костюм и убор из украшений. Приходится предположительно продлевать на период лакуны бытование древностей более раннего комплекса и опускать бытование древностей более позднего. Но хотелось бы понять и охарактеризовать своеобразие именно данного столетия.

Внутри каждого из крупных комплексов не наблюдается резкого прерывания в бытовании какой-либо категории. Если же сравнивать сами эти крупные комплексы, то наряду со сходными категориями, есть и не совпадающие. В анализе этих совпадений и различий можно увидеть начальный ключ к характеристике лакуны VIII века.

Первый комплекс кладов мы называем славянским, второй – древнерусским, хотя ранняя группа кладов внутри второго – IX – рубежа IX/X вв. еще практически полностью славянская.

В соответствии с датировками по монетам в составе вещей кладов IX в. выделяется наиболее ранняя подгруппа, отложившаяся до 80-х гг. VIII в., то есть, касающаяся по времени середины VIII в. Эти вещи создают точку абсолютного хронологического отсчета для всего последующего древнерусского комплекса кладов. В подгруппу входят категории украшений, далее не встречающиеся: фибулы, трапециевидные привески, салтовские серьги и перстни. Этот, не очень, на первый взгляд, выразительный материал дает краткое представление об уборе из украшений, характерном для временной лакуны.

Как пример можно рассмотреть клад с городища Новотроицкого (квадрат Ш 2), вещи которого делятся на две части: 1) имеющие аналогии в материалах VIII в. (серьги салтовского типа, серьги с длинными привесками, прототиповые варианты лучевых височных колец); 2) имеющие аналогии в материалах IX в. (пластинчатый браслет, усатый перстень, наконечник ремня и др.). Поздний пласт в комплексе данного клада в соответствии с

нумизматическим материалом вряд ли выходит за пределы второй половины IX в.

К IX в. исчезает категория наплечных парных фибул, многочисленно представленная в восточнославянских кладах (пальчатые, антропоморфные и др.). Последняя пара двупластинчатых фибул второй половины VIII в., есть в кладе Ивахники Полтавской губ., 1905 г. Материал кладов показывает, что такая категория становится далее не нужна. Полное исчезновение эффектного женского художественно-оформленного убора с фибулами удивляет, но причина кроется в закономерностях развития костюма: очевидно, как раз около середины VIII в. в женском славянском костюме произошел переход от драпированной хитинообразной одежды, требующей застегивания фибулами к туникообразной, которая не требовала фибул. Это первая, довольно резкая грань, которая характеризует середину VIII в., как переломный период.

Исчезла категория, но художественные традиции не прервались. В стилистике звериных образов антропоморфных фибул исследователи уловили народные традиции, существовавшие в искусстве резьбы по дереву и камню, навыки которых столь важны в искусстве литейщика для вырезания литейных шаблонов и форм (стиль оформления фибул в европейском искусстве получил название «кербшнит» – резьба). Эти традиции наблюдаются и позже, по деревянным изделиям из культурного слоя Новгорода X в., обнаруживающим стилистические аналогии с оформлением антропоморфных фибул.

В первой группе восточнославянских кладов (по датировке О.А. Щегловой: вторая половина VI – первая половина VII вв.) распространены как маленькие, так и крупные проволочные (до 10 см) височные кольца, соединяемые с системой столь же крупных металлических пластин – «наушников». Это стадия металлического убора, связанная с использованием тяжелых украшений, выполнявших в уборе конструктивную роль: поддерживать костюм (фибулы, спиральные браслеты).

Шумящие трапецевидные привески и бубенчики, также связанные с металлическим убором, находят аналогии в кладах VII–VIII в. Аналогии подвескам из клада в Ивахниках имеются в кладах из Козиевки Харьковской губ. и с. Хацки Киевской губ.

Во второй группе славянских кладов (вторая половина VII – первая половина VIII в.) распространены миниатюрные ювелирные украшения – звездообразные височные кольца, приближающиеся к серьгам, прототипами которых были антично-византийские филигранные серьги. Параллельно с восприятием новых форм славянские мастера начинают осваивать и традиции филигранного дела. Литые звездообразные украшения подражают по форме украшениям в технике филигрании. Звездообразные украшения резко отличаются по форме от предшествующих височных колец – они имеют выделенный снизу медальон, то есть, часть, отвисяющую вниз, что

характерно именно для серьги. В технологии филиграни выполнена цепь из клада в Мишнево (середина VIII в.), упрощенная копия византийских наградных «золотых шнуров».

Таким образом, в начале VIII в. намечается переход к ювелирному убору, основанному на тонких техниках, связанному с созданием новых художественных ювелирных стилей, что также является переломным моментом.

VIII в. – период иконоборчества в Византии, когда ее культурное влияние на другие народы могло ослабнуть и даже в каких-то областях прерваться. Звездообразные украшения прекратили свое существование и в кладах IX в. не встречаются. По материалам городища Новотроицкое встречен ряд интересных переходных форм. Развитие тиснения дает возможность создавать в конце VIII – начале IX в. первые простые бусинные формы височных колец. Комплекс клада из Новотроицкого позволяет отнести прототиповые формы лучевых украшений к концу VIII в.

В IX в. в кладах представлены новые формы литых височных колец, по которым ощущается продолжение византийских традиций в местной оригинальной форме. Спиральные проволочные височные кольца теперь оформляются с медальоном, оттянутым вниз аналогично византийским прототипам предшествующего периода. В форме лучевых колец чувствуются освоенные славянами элементарные навыки филиграни, разрабатывается укладка зерни в треугольник, что формирует луч, но одновременно ощутимо стремление к плоскостной форме украшения. Это период довольно самостоятельного творчества в условиях ослабления иноземного влияния.

В конце VIII в. славяне используют салтовские серьги с объемными литыми подвесками, которые, судя по кладам, бытуют только в конце VIII в. Эта группа материала подчеркивает переломный характер политически сложного периода. Основы ювелирного дела только осваиваются, собственные формы ювелирных украшений только зарождаются. Салтовские серьги заполняют определенную лакуну славянского убора: отсутствие объемных украшений ювелирного облика. Навыки ювелирного дела уже продемонстрировали красоту объемной филиграни. Как показывает материал Железницкого клада, салтовские серьги соединяются при использовании с традиционными браслетообразными височными кольцами. Перстни со вставками салтовского типа впоследствии также не встречаются в кладах, но в X в. появятся филигранные перстни сходной формы.

Во второй половине VIII–IX вв. на территории Руси появляются скандинавские украшения, в Старой Ладогe и ее округе. Появление скандинавского убора в это время еще не вызвало распространения каких-либо его элементов в местной среде. Восточно-славянские клады IX в. не содержат скандинавских украшений. Немногочисленные скандинавские вещи принадлежали в это время самим переселенцам и показательны, скорее, как выделяющий их этнический признак. Судя по летописи, варяги собирали

дань с местного населения и, значит, находились с ним в определенной конфронтации, видимо, отличаясь костюмом и убором. Но важно отметить, что новая традиция еще одного иноземного ювелирного убора коснулась славянских земель именно в VIII в.

Примером продолжающейся собственной традиции является изготовление гривен. В кладах VII – начала VIII вв. – известны весьма разнообразные гривны, как местного, так и импортного происхождения: дровые, кованые из трубчатой пластины, с частичным кручением или нарезкой обруча, витые (единично) гривны. Есть гривны с пуансонной орнаментацией дрота, с чеканной разделкой ромбами и шестигранниками. Используется замок как впереди, так и сзади. Выделяются замки: на петлю и крючок, грубо оформляемые концами дрота; более аккуратный с уплощенной петлей; с обмоткой раскованными концами; оформленный пластинчатыми наконечниками (единично).

Общее сравнение с гривнами кладов IX в. показывает, что не все из прежнего разнообразия сохраняется, но преемственность явно есть. Продолжается развитие более удобных конструкций застежки – уплощение крючка и формирование крючка в форме буквы «М». Актуальным в IX в. делается замок впереди. Обмотка раскованными тонкими концами в целом уходит в прошлое, ее можно увидеть на редких экземплярах. Как абсолютная новация IX в. выглядит расковывание концов дрота после замковой части до широких пластин. Гривны кладов IX в. разделились на хронологические пласты: 1) 780 – 820 гг. – сохраняющие традиции гривен VII–VIII вв.; 2) 820–850 гг. – гривны с первыми новациями (широкие раскованные пластины); 3) после 880-х гг. – с поздними новациями (кручение, щитковый замок).

Преемственность в развитии наблюдается и по категории браслетов. Гладкодротовые браслеты с расширяющимися и гвоздевидными концами, имеющиеся в составе кладов Полтава и Железницы продолжают традиции более ранней эпохи VII–VIII вв. Дротовые браслеты с сужающимися концами – новое явление, которое можно трактовать, как переход к завязыванию, очень распространенному варианту скрепления украшений последующего времени. Монетная датировка клада в с. Угодичи Ростовской обл. (№ 9) по начало IX в. позволяет определить датировку этой новации как период 820–850 гг., ближе к середине столетия. Исходя из этого, подтверждается датировка *post quem* для дротовых браслетов с расширяющимися концами как конец VIII – начало IX вв.

Таким образом, в тех категориях, которые связаны с более ранним металлическим убором, наблюдается преемственность.

Своеобразие убора из украшений VIII в. – в переломности традиций ювелирной культуры, и в параллельной традиционности металлического убора.

ХРОНОЛОГИЯ ВОЛЫНЦЕВСКОЙ И РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУР: ПРИНЦИПЫ И ПРАКТИКА

А.В. Комар

*Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина
akomar@mail.ru*

Проблема датировок и хронологии памятников волынцевской и роменской культур остро проявилась уже в начальный период изучения данного круга славянских древностей Днепровского Левобережья и остается актуальной поныне.

В работах Н.Е.Макаренко, Б.А.Рыбакова, И.И.Ляпушкина, Д.Т.Березовца, О.В.Сухобокова, Е.А.Горюнова, С.П.Юренко, О.А.Щегловой, А.В.Григорьева, В.А.Петрашенко и др. исследователей предлагались различные оценки как общих границ культур, так и времени функционирования отдельных памятников.

Использование эволюционно-типологического метода для построения относительной хронологии и привязка отдельных хронологических маркеров „по аналогии” к различным хронологическим шкалам с абсолютными датами, обусловили серьёзные противоречия в датировках, создающие впечатление крайней размытости и запутанности проблемы, что позволило ряду исследователей прибегать к совершенно произвольному подбору удобных для себя мнений и дат.

Подобное отношение никак не следует непосредственно из состояния источников, позволяющих выстроить несколько взаимосвязанных относительных относительных колонок.

I. *Клады*. В ареале волынцевской и роменской культур обнаружена серия кладов ювелирных украшений, часть из которых непосредственно ассоциирована с памятниками и объектами. В отличие от горизонта кладов VII – нач. VIII в., клады последующего времени не образуют больших единовременных горизонтов, равномерно распределяясь по хронологическому отрезку от второй четверти VIII в. до конца X в. Последовательная линия представлена Харьевским, Фотовижским, Битицкими, Новотроицкими, Супрутским, Лухтовским, Полтавскимкладами (и синхронными им).

II. *Закрытые комплексы поселений*. Значительная часть волынцевских и раннероменских памятников прекратили существование вследствие пожаров или пожаров со следами разгрома, вследствие чего на них представлены закрытые комплексы со значительным количеством полных профилей сосудов. Такие поселения присутствуют на ранневолынцевском этапе (Александровка) и заключительном горизонте культуры (Битица, Бучак, Обухов, Андрияшевка); аналогичная картина наблюдается в раннероменское время, представленное двумя горизонтами сожженных поселений – Опошни

и Новотроицкого. Важным моментом является наличие на сожженных поселениях кладов (Битица, Андрияшевка, Новотроицкое, а также родственное роменским Супрутское городище Поочья), позволяющих совместить две колонки. Для позднероменского этапа уверенный горизонт пожара зафиксирован только на Донецком городище, тогда как ни один из декларированных случаев «повсеместных пожаров» на поселениях роменской культуры её завершающего этапа в настоящее время не документирован введенными в научный оборот комплексами.

III. *Погребальные комплексы.* Ещё одним видом закрытых комплексов выступают погребения, предоставляющие как керамические материалы, позволяющие синхронизировать их с колонкой поселенческих закрытых комплексов, так и ювелирные изделия, синхронизирующие погребения с колонкой кладов. Для волынцевской культуры базовым остается собственно Волынцевский могильник. Переход от волынцевского к раннероменскому обряду иллюстрируют могильники Лебяжьего, тогда как позднероменский этап и перерастание роменских могильников в древнерусские иллюстрируют могильники Гочево, Каменное, Липино.

IV. *Импорт и аналоги.* Наличие в кладах и закрытых комплексах могильников и поселений предметов инокультурного происхождения или стиля позволяет синхронизироваться собственно волынцевско-роменскую шкалу с хронологическими колонками степных и древнерусских древностей. Для волынцевской культуры и раннероменского этапа первоочередную роль играет хронологическая шкала салтовской культуры, а также памятников Субботцевского типа (древних мадьяр). Начиная с этапа Новотроицкого параллельно проявляется импульс второго вектора – древнерусского, доминирующего на позднероменском этапе.

V. *Абсолютные реперы.* Собственно волынцевские комплексы полностью лишены внутренних абсолютных реперов, которые, в то же время, для данного периода хорошо представлены в салтовской хронологической шкале. Полное отсутствие в волынцевских комплексах арабских монет может свидетельствовать о прекращении функционирования данных памятников ранее начала проникновения дирхема в славянскую среду, которое маркирует клад дирхемов из Нижней Сыроватки с младшей монетой 812/13 гг., сообщающей нам *terminus ante quem* для памятников основного (левобережного) ареала культуры. Раннероменский горизонт Новотроицкого содержит пробитый для ношения дирхем 833 г. чеканки, дающий *terminus post quem* гибели городища. Но в близком ему по времени Супрутском городище младшая монета из клада принадлежит чекану 903/904 гг., что позволяет отнести отсутствие на Новотроицком монет сер. IX в. к общим особенностям обращения дирхемов данного периода на Днепровском Левобережье, где наблюдается очевидный кризис в притоке дирхема ранее 70-80- гг. IX в. В поднероменском кладе из Лухтовки младший дирхем чеканен в 932 г., тогда как в Жидеевском кладе *terminus post quem*

обеспечивают дирхемы 974/975 гг. и милиарисий 976-1025 гг. чеканки, т.е. после 976 г. Финальный горизонт роменской культуры собственными абсолютными реперами также пока не обеспечен, заставляя использовать таковые из синхронной древнерусской колонки.

В качестве выводов следует констатировать, что система хронологии волынцевской и роменской культур в настоящий момент обеспечена достаточным количеством ярких закрытых комплексов, позволяющих уверенно судить об этапах и направлении развития материальной культуры славянского населения Днепровского Левобережья VIII – первой трети XI в. Проблема же абсолютных привязок выделенных этапов вполне преодолима путем введения в схему колонок салтовской и древнерусской хронологии.

ХРОНОЛОГИЯ БЫТОВАНИЯ КАНЦЕРСКОЙ ГОНЧАРНОЙ ПОСУДЫ

Я.В. Володарец-Урбанович
Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина
Volodargrad@ukr.net

Для определения хронологии типов вещей обычно применяют датировки закрытых комплексов, в которых обнаружены эти вещи. Однако, комплексов, касающихся темы исследования, достаточно мало, а датирующих вещей в них еще меньше. В таком случае мы были вынуждены собрать все вещи, обнаруженные в комплексах и на поселениях, с канцерской посудой. В то же время, хронология этих вещей не указывает собственно на хронологию бытования посуды, а лишь на определенный хронологический период.

Поскольку канцерская посуда обнаружена как на славянских, так и кочевнических памятниках, считаем необходимым рассмотреть хронологию бытования данной категории отдельно для разных этнокультурных памятников (Рис. 1).

Все хронологические индикаторы (далее — Х.И.), обнаруженные на славянских памятниках с канцерской посудой, можно разделить на две условные группы. К первой относятся вещи, имеющие широкий хронологический диапазон бытования, ко второй — имеющие узкий хронологический диапазон. Однако хронологию первой группы вещей для территории лесостепи Украины можно сузить.

К первой группе относятся:

1. височная спиралевидная подвеска;
2. цепочка;
3. перстень с раздвоенными спиральными концами;
5. железные пряжки;
6. ворворка;
7. трубочка-пронизь;

8. луница.

Вторая группа представлена:

1. пальчатыми фибулами;
2. широкопластинчатой фибулой;
3. антропоморфной фибулой;
4. византийской железной фибулой с треугольной спинкой в разрезе;
5. сережками пастырского типа.

Все эти вещи довольно часто попадают в составе кладов круга «древностей антов». Такие категории вещей как пальчатые, антропоморфные и широкопластинчатые фибулы относятся к вещам, которые входят в состав первой хронологической группы по О.А. Щегловой, в то время как серьги пастырского типа входят в состав второй группы.

Итак, проанализировав хронологию находок следует отметить следующее. Прежде всего, хронология большинства находок не выходит за пределы VII в. или рубежа VII/VIII в. К таким вещам относятся фибулы, трубочка-пронизь, перстень с раздвоенными спиральными концами. Спиральное височное кольцо, пряжки и ворворка попадают в древностях VII и VIII вв. Лишь серьги пастырского типа относятся к вещам первой половины — середины VIII в.

Все эти данные указывают на то, что гончарная посуда канцерского типа бытовала у славян в период от второй четверти VII в. и до рубежа VII/VIII вв. Хотя не исключено, что бытует она до выпадения в землю кладов второй хронологической группы — середина VIII в.

Как уже отмечалось, канцерская посуда обнаружена также на ряде кочевнических комплексов. Датировка и детальный анализ этих находок проведен многими исследователями. Поэтому считаем нецелесообразным еще раз проводить их рассмотрение. Предложенные датировки существенно не отличаются между собой и укладываются в период существования одного поколения.

Среди находок из Келегеев известные византийские монеты, крест, перстни, ременная гарнитура ножен, ручки кинжала, пряжки, бляхи, серьги, бусы, обломки серебряного блюда и фрагменты канцерской посуды. Относительно датировки этого комплекса есть две точки зрения: вторая половина VII в. или первая половина VIII в.

Посуда данного типа обнаружена среди вещей Ясиновского комплекса. Среди предметов также есть детали поясного набора, конского снаряжения, вооружения и украшения. Разные исследователи по-разному датируют этот комплекс: вторая половина VII в. или первая половина VIII в.

Дата Шиловского комплекса определяется в пределах второй половины VII — начала VIII в.

Вознесенский археологический комплекс — тюркский поминальный храм. Его датировка предложена еще автором раскопок В.А. Гринченко, а именно

рубежом VII/VIII в. Сегодня большинство исследователей все же склонны датировать памятник началом или первой третью VIII в.

Относительно этнической принадлежности этих комплексов высказывались различные точки зрения. Преобладающими являются «хазарская» и «болгарская» принадлежность. Однако касаться этого вопроса в данной работе не считаем нужным. Важным для контекста распространения канцерской посуды являются ее находки в комплексах, связанных с кочевниками.

Канцерская посуда бытовала со второй половины VII в. в славянской среде. Хронология комплексов, связанных с кочевниками, укладывается в основном во вторую половину VII и рубеж VII-VIII вв. Лишь Вознесенка датируется началом VIII в. Пастырское городище существует на протяжении всего указанного времени. В целом можно утверждать, что бытование канцерской посуды в среде славянского и кочевого населения в целом совпадает по времени.

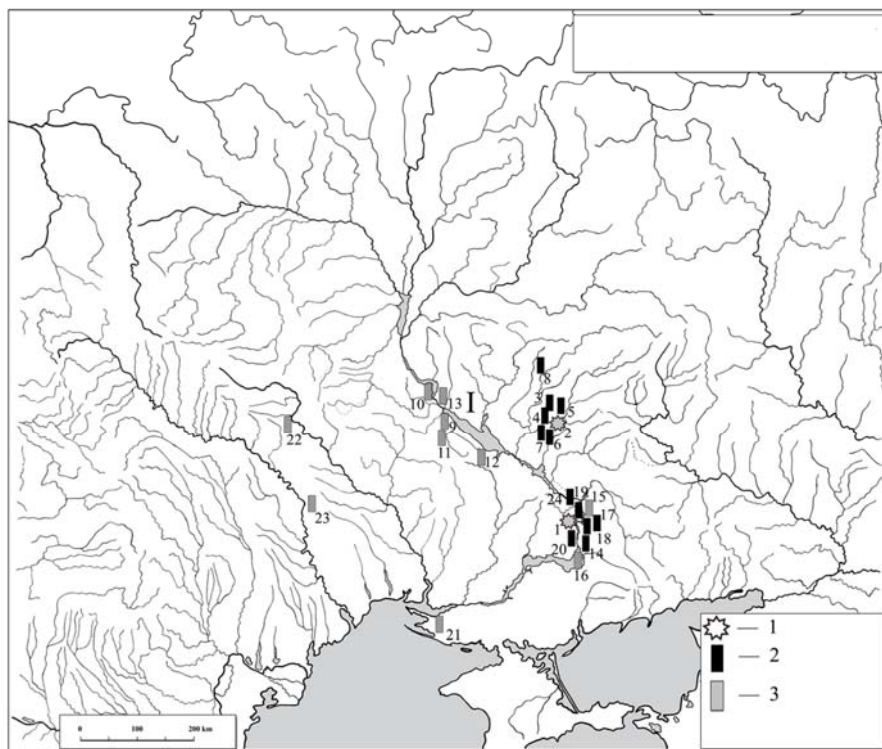

Рис. 1. Карта находок канцерской посуды на поселениях с хроноиндикаторами.

Условные обозначения:

1 — балка Канцерка та Мачухи, 2 — памятники с канцерской посудой, 2 — памятники с канцерской посудой и с хроноиндикаторами.

1 — Балка Канцерка, 2 — Мачухи, 3 — Белокопи, 4 — Браилки-Васьки, 5 — Лаврики, 6 — Полузерье-II, 7 — Чередняки, 8 — Вовки, 9 — Будище, 10 — Григоровка, 11 — Пастирское городище, 12 — Стецовка, 13 — Сушки, 14 — Орлово (балка Калинова), 15 — Балка Яцева, 16 — Вознесенка, 17 — Марьевка (б. Ключникова, пункт 1), 18 — Василевка (б. Тягинка, За Левым Мысом), 19 — Любимовка («Над забором»), 20 — Федоровка (балка Квитяна, Левый мыс), 21 — Келегеи, 22 — Семенки, 23 — Ясыново, 24 — Вовниги.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА РУСИ В КОНЦЕ IX – X ВВ

В.П. Коваленко

*Черниговский Национальный педагогический университет им. Т.Г. Шевченко,
Чернигов, Украина
vpkarh@ukr.net*

Среди множества научных проблем, находившихся в центре внимания И.И. Ляпушкина, видное место занимали славянские памятники Днепроовского Левобережья эпохи формирования Древнерусского государства. И среди них – один из крупнейших северянских центров – летописный Сновск (ныне пгт Седнев Черниговского р-на), памятники которого он обследовал в 1961 г. в ходе работ Днепроовской Левобережной археологической экспедиции ИА АН СССР.

«Севера», «севериты», «северяне» среди многочисленных народов Европы и сегодня остаются одним из наименее известных. Их происхождение и история, а также роль в процессах формирования отечественной государственности продолжают оставаться в центре дискуссий, что объясняется как пребыванием части историков в плену традиционных представлений и штампов, так и недостатком письменных и сложностью интерпретации археологических источников.

Не затрагивая раннего (балканского) периода истории народа, отметим, что в конце VIII в. севериты начинают движение из Подунавья в обратном направлении, на север. Синтез пришлых и аборигенных элементов привел к формированию тут т. н. волынцевско-роменских древностей, которые заняли огромную территорию и в дальнейшем соответствовали племенным объединениям северы, радимичей и вятичей. Решительное изменение политической ситуации на юге Восточной Европы в начале IX в. привело к новому витку миграционного потока из степной зоны. В этих сложных условиях северы практически завершили освоение Днепроовского

Левобережья и начали активную колонизацию регионов Верхней Оки и Среднего Дона. Именно в это время они достигли на Днепре района Любеча, где возникает их мощный укрепленный центр, а на Десне – района Чернигова, где пересеклись со встречным потоком переселенцев с правого берега Днепра.

Древности роменской культуры ниже Чернигова по Десне представлены лишь отдельными находками. Вероятно, дойдя Чернигова, колонизационный поток вдоль высокого правого берега р. Снов повернул на северо-запад. При этом на окраине Седнева в начале IX в. возникло городище в ур. Орешня, ставшее опорным пунктом северянской колонизации в регионе.

После захвата в 882 г. Киева князь Олег, установив контроль над всей восточноевропейской торговлей с Византией, начинает упорную борьбу за подчинение своей власти окрестных славянских племен. Данниками Киева вскоре стали, кроме полян, древляне, радимичи и северяне, причем, судя по следам пожарищ на большинстве славянских городищ, это был далеко не мирный процесс. Особой сложностью он отличался на Левобережье Дніпра, где многочисленное племя северян не желало добровольно менять номинальную зависимость от хазар на беспредел «дикого полудья», не ограниченного тогда, практически, какими-либо правовыми нормами и оказывало «новым властителям» отчаянное сопротивление, которое не смогли сразу сломать даже варяжские дружины Олега. Это заставило их повернуть по правому берегу р. Снов на северо-запад и в районе летописного Стародуба замкнуть кольцо, вбив клин между землями северы и радимичей, между территорией молодого государства Русь и основным массивом северянских земель. При этом северянские центры Посновья были безжалостно уничтожены, а вместо них на седневских кручах основывается новое городище – в ур. Коронный Замок, ставшее опорным пунктом киевской великокняжеской администрации.

Так р. Снов более, чем на полвека, стала границей между Русью и Северой, а Сновск – главной крепостью на ней. Судя по материалам раскопок на детинце Новгорода-Северского и в его округе, роменские городища в Среднем и Верхнем Подесенье были уничтожены уже в ходе походов Святослава Игоревича, а завершил разгром северян (по Сейму и левым притокам Днепра) уже его сын Владимир Великий, который, к тому же, «заковал» их территорию несколькими линиями мощных крепостей, населенных «мужами лепшими», собранными сюда со всей Руси.

О «ВТОРОЙ ВОЛНЕ» СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕПРА И ДОНА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

А.В. Григорьев

Музей "Тульские Древности", Тула, Россия

AVGrigorjev@yandex.ru

В процессе многолетнего изучения славянских культур последней четверти I тыс.н.э. междуречья Днепра и Дона, возникали вопросы, трудно разрешимые в рамках общей концепции славянской колонизации региона. Так, вызывает недоумение многократное увеличение населения в перв.пол. 9 в. Если для втор.пол. 8 – нач. 9 в. нам известно ок. 25 памятников, расположенных исключительно в пределах Северной земли, при чём восточной её части, то в 9 в. они распространяются далеко на восток и северо-восток. Славянское население появляется в восточной части Северной земли в верховьях рек Псла, Ворсклы, Северского Донца, в Подесенье. Осваивается бассейн Верхнего Дона, Верхней Оки и междуречья Оки и Дона. Возможно, в то же время заселяется Посожье.

Говорить об абсолютном количестве памятников 9 в. в настоящее время затруднительно. Они не имеют чётких хронологических индикаторов и выявляются исключительно в процессе сколь-нибудь широких раскопок. Однако расширение географии и общее увеличение количества – несомненны. Такое, в разы, увеличение населения не может объясняться естественным приростом у первых насельников Северной земли.

Материальная культура 9 в. так же во многом отличается от более ранней. Это касается не только вновь освоенных территорий, но и земель колонизированных славянами ещё в 8 – нач. 9 в. Так в Земле вятичей и донских славян наблюдаются отличия в конструкции отопительных сооружений (печи каменки вместо останцовых) и погребальном обряде (широкое использование «домовин»). По всей территории, включая Северскую землю, распространяется новая конструкция укреплений. Появляются стены составленные из ряда срубов, забутованных землёй. При этом, на новых землях этот строительный приём является единственным, в то время как в Северной земле он сосуществует с более архаичным – столбы с заложёнными за них досками и засыпанные грунтом.

Появляются новые типы украшений. Прежде всего это лучевые серьги первого этапа их развития. Т.е. миниатюрные украшения имеющие орнамент в виде «псевдозерни», нанесённый на обе стороны изделия. В настоящее время они известны как в Земле Вятичей (Тульская, Орловская обл.) так и в Северной земле (Курская обл.). Данные серьги наиболее близки своим Подунайским прототипам. Так же с Дунаем типологически связаны и трёхрогие лунницы, хорошо представленные на Донских памятниках.

Таким образом, очевидно, что в нач. 9 в. не только резко возрастает количество населения, но и происходят заметные изменения в его материальной культуре. При чём коснулись эти перемены не только вновь освоенных территорий, но и земель освоенных славянами в предшествующее столетие. Можно предполагать, что в нач. 9 в. новая мощная волна славянских переселенцев заполнила всю территорию от Днепра до Дона. Характер украшений позволяет предполагать, что новые поселенцы, так же как и первые, происходили из районов Подунавья. Близость ряда черт материальной культуры говорит об их близости к ранним славянам, пересекшим в 8 в. р.Днепр. Уточнить время и причины этого процесса могут лишь дальнейшие исследования.

О СЕВЕРНОЙ И ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦАХ ПОСТ-СЕВЕРЯНСКИХ ЛУЧЕВЫХ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ КОНЦА X - СЕРЕДИНЫ XII ВВ

Е.А. Шинаков, В.О. Пискунов

*Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского
shinakov@mail.ru*

С конца 70-х гг. XX в., когда практически одновременно Г.Ф. Соловьева и один из авторов этого сообщения высказали свои предположения (причем последний базировался на результатах корреляционного и картографического анализов), продолжают дискуссии об этнокультурной принадлежности лучевых височных колец. Как и раньше (Т.В. Равдина и др.), так и сейчас (А.В. Алексеев, А.В. Григорьев и др.) практически в отдельную тему выделяются кольца так называемого «деснинского» типа. Поэтому, хотя даже одним из своих названий (а есть и иные) они касаются той реки, бассейн которой будет одним из стержневых в данном сообщении, они не являются предметом данной работы, хотя один из авторов (Е.А. Шинаков, иногда вместе с В.Н. Гурьяновым) вынужден был данной проблематикой заниматься (2006, 2008, 2009) в ответ на утверждение А.В. Алексеева (2001, 2003; правда, со ссылкой на более ранние работы А.К. Станюковича, 1985) о чуть ли не радимичской колонизации Подмосковья. Другое дело, что в Подмосковье и ранее (Шинаков, 1977-1980), и сейчас (Алексеев, 2001) были обнаружены лучевые височные кольца группы V (по классификации Шинакова), т.е. «пост-северянские», впрочем, ничего нового это одно кольцо к уже отмеченным Шинаковым трем (Шейка III, Звенигород, Деснинское селище) (Шинаков, 1980. Рис.3) не добавляет. Пост-северянское проникновение (и надо отметить, маркируемое кольцами группы IV позднесеверянское) отмечено и дальше к северу – на верхнюю Волгу (Крева), Плещеево озеро (Купанский могильник), Клязьму (Кубаево) (там же).

Новгород Великий, в котором, как в любом крупном городе, «есть всё», мы даже не учитываем.

Ясно, что и здесь, в финно-угорских землях, и в Подмосковье, в вятичских, северяне оказались чужеродным элементом, хотя для вятичей и близкородственным. А их лучевые кольца (группы V) явно дали стимул к развитию семиллопастных украшений. В частности, процесс перехода от колец этой группы к ранневятичским с каплевидной формой лучей-лопастей наблюдается и в Хотяжи (Подмосковье) (Алексеев, 2001. С.14. Рис.6).

Однако Подмосковье – самая северная окраина вятичских земель, а Плещеево и Клязьма – вообще район их колонизации в земли мери, поэтому отрезанная расстоянием в несколько сот километров от своей этнической базы. Почему это произошло – благодаря частной инициативе, или по воле правительства – сказать по материалам одной археологии затруднительно.

Другое дело Десна – одна из «вотчин» северян по летописи. Кольца их здесь, за исключением Кветуни и Слабодки (на Навле, левом притоке Десны), долгое время не находилось. И вообще отрезок Средней Десны с левыми притоками от Брянска и почти до Новгорода-Северского представлен ранневятичскими кольцами (Пушкари), радимичскими (группа III по классификации Шинакова), «деснинского» типа и радимичскими группы III (Батагово). В последнем, правда, встречены и северянские спиралевидные кольца (Шинаков, Гурьянов, Миненко, 1998).

Что касается Вщижа и Пеклино, расположенных выше по течению, на границе с кривичской территорией, то при обилии косвенных данных о наличии здесь лучевых колец, точный их тип так и не удалось установить. Одному из авторов удалось увидеть в Орловском музее кольца «деснинского» типа из Пеклино (раскопки П.М. Еременко 1896 г. или С.А. Чуева 1901-1902 гг.) (Шинаков, 1993; Шинаков, Гурьянов, 2006; Поляков Г.П., Миненко В.В., 2004).

За последние годы благодаря масштабным хозяйственным разведочным работам, связанным в основном с прокладкой линий ОВС, а также деятельности группы «Поиск» в зоне боев 1941 г. и отступления 50-й и 13-й армий, на правом берегу Десны вокруг Кветуни и к северу от нее выявлены несколько местонахождений лучевых височных колец пост-северянской группы V. Был уточнен этнический облик самой Кветуни благодаря повторному корреляционному анализу ее материалов (черновые материалы первого анализа, проведенного в 1986 г. во время стажировки в МГУ, были в значительной мере утрачены). В итоге среди этноопределимых комплексов погребальных женских украшений из раскопок В.А. Падина можно достоверно вычлениить шесть северянских (пять из них – с лучевыми кольцами группы V), четыре радимичских, около десятка чисто вятичских, но с очень «слабыми» этноидентификационными признаками (например, сердоликовыми бусами), два радимичско-вятичских (или общерусских?), два дреговичских комплекса. Из пяти случайных находок височных колец на

месте распаханых курганов, все лучевые, из них три – группы V (пост-северянские), одно – деснинского типа, одно – неопределенное.

Севернее по несколько фрагментов раздробленных распашкой колец группы V были обнаружены на селищах у городищ Любожичи, Яковская (Яцковцы), Лопушь. Расстояние от Кветуни: 32 км, далее – 12 км, далее – 20 км. От Лопуши до Батагово (минуя Брянск, где в этом аспекте пока ничего не обнаружено) – около 55 км. Почти целый экземпляр кольца группы V хорошей сохранности был найден в 20 км к западу от древнерусского Брянска на огородах селища Староселье (рядом с распаханым городищем у с. Большая Дубрава), правда, не на самом берегу Десны, а в 5 км выше по водоразделу. Впрочем, этот факт лишь «расширяет» узкий клин северян, поднимающийся вдоль Десны. Но наибольшего расширения на запад зона распространения колец группы V достигает по линии Трубчевск-Стародуб. В с. Рассуха, в 55 км с ЗСЗ от Трубчевска, на селище у городища Рассуха (Росусь) обнаружено почти целое лучевое кольцо группы V. Это уже бассейн Судости, правого притока Десны. Далее к западу находят либо многочисленные лучевые кольца группы III (радимичские), либо гибридные (включая из новых находок – Левенку – гибрид группы II и IV, т.е., скорее всего – середины X в.).

В аспекте распространения этих колец на запад вдоль Десны, можно предположить, что кольца группы V присутствовали и во Вщиже и в Пеклино (35 и 60 км к западу от древнерусского Брянска). Однако и без этих предположений получается, что правый берег самой Десны от Кветуни до Брянска был северянским (причем в большинстве случаев, кольца группы V обнаружены рядом с существующими или уничтоженными городищами), т.к. остатков височных колец другого этнокультурного облика здесь пока не найдено, а могильник Палужье (20 км от древнерусского Брянска) – волынцевский, т.е. этнически близкий к северянам, так же, как и селище Голяжье в устье Гасомы (13 км к западу от древнерусского Брянска). Плюс Батагово и великолепный экземпляр кольца группы V с разрушенной группы у с. Пастушье (рис. 1) на левом берегу Болвы, неподалеку (7 км) от Батагово, обнаруженный уже не в типичном для северян ополье, а в Деснинско-Жиздринских долинно-зандровых лесах (15 км к северу от древнерусского Брянска).

«Втиснулись» пост-северянские украшения и на чисто кривичские (правда, окраинные) земли на другом левом притоке Десны – р. Ветьме (с. Николаевка). Впрочем, для пограничья это – нормально. Именно здесь, причем зачастую в единичном экземпляре, появлялись вещи-гибриды, например, северянско-вятичские (Шуи в верховьях Десны; Шинаков, 1995. С. 167, 174), кстати, неподалеку от Николаевки на Ветьме, или уже упомянутая Левенка.

С другой стороны, вятичские этноопределяющие украшения проникают на правый берег Десны в регионе Хотылево и Вщиж – Пеклино, и

распространяются на юг вдоль правого притока Десны – р. Гасома, достигая в одном месте даже Ипути. Но это, во-первых, естественно для XI – XII вв., а, во-вторых, является темой отдельной работы.

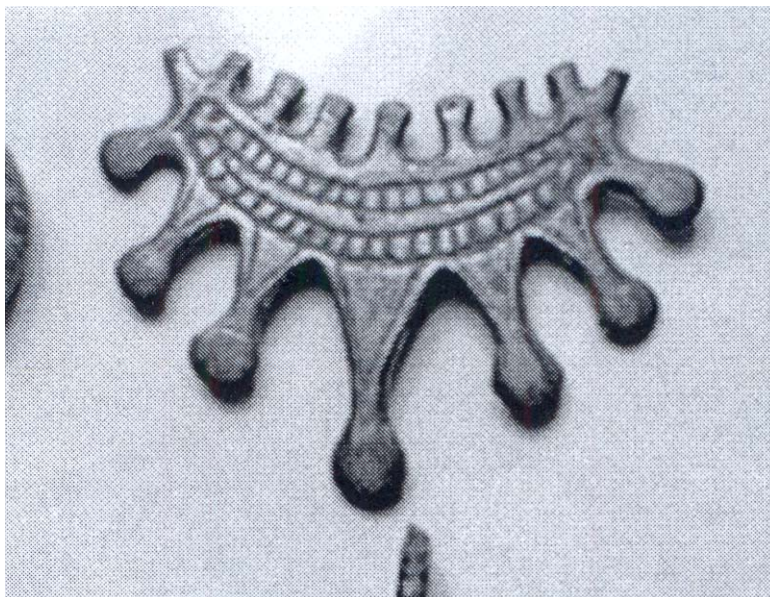

Рис. 1. Пост-северянское серебряное семилучевое кольцо группы V (по классификации Е.А. Шинакова, 1977-1980), село Пастушье, бассейн Болвы.

СКАНДИНАВСКИЕ НАХОДКИ ИЗ РАСКОПОК СУПРУТСКОГО ГОРОДИЩА

В.В. Мурашева

Государственный Исторический Музей, Москва, Россия

vmurasheva@mail.ru

1. Многослойное городище у с.Супруты расположено на высоком мысу правого берега р.Упы в 50 км к югу от Тулы (Щекинский р-н). Памятник исследовался в течение полувека (С.А.Изюмовой, А.В.Шековым и А.В.Григорьевым). Культурные напластования содержат слои мощинского и роменского времени, а также отдельные объекты эпохи развитого Средневековья. Доклад посвящен исключительно роменскому периоду жизни памятника.

Поселок роменской эпохи погиб в результате штурма и финальный горизонт оказался насыщен огромным количеством находок, в состав которых входят предметы славянского, (роменского), хазарского (салтовского) и

скандинавского происхождения. Феномен данного памятника, очевидно, обусловлен как его расположением на границе сфер влияния варяжских князей и Хазарии, которая проходила в бассейне Оки, так и вхождением в систему Донского речного пути.

2. Несмотря на то, что основную часть населения поселка составляли славяне-роменцы, что документировано керамической коллекцией и домостроительными традициями, скандинавская составляющая отчетливо читается в составе материальной культуры.

3. **Украшения.** Статистический анализ коллекции украшений, насчитывающей 242 предмета показывает, что с роменской традицией можно связать лишь 15 % изделий, 50% изделий составляют вещи иных этно-культурных традиций, 35% вещей не имеют точной этно-культурной привязки. В составе «импортов» 24% составляют украшения скандинавского происхождения, они представлены различными категориями.

Рубчатая («бусиная») проволока была использована для изготовления височных колец (4 экземпляра). Исследование супрутских экземпляров с помощью бинокулярной лупы показало, что они были изготовлены с помощью органариума – инструмента для механической штамповки рубчатой проволоки. Проволочные кольца из рубчатой проволоки значительной толщины (около 2 мм), используемые не как накладные детали, а в качестве отдельных предметов (петли для подвешивания мелких предметов к круглым и овальным фибулам и др.) характерны лишь для Скандинавской традиции.

Железные гривны представлены двумя экземплярами. Одна из гривен сохранилась полностью, она сделана из квадратного в сечении тордированного дрота, имеет замок в виде крючка и петли и представляет собой классический вариант гривны Тора.

Среди подковообразных фибул, которые характерны, в целом, для всего северо-западного мира, в супрутской коллекции можно отметить два типа, наиболее встречаемых именно в Скандинавии: «маленькие» спиралеконечные (диам. до 30 мм) (1 экз.) и фибулы с многогранными головками и напускными бусинами (2 экз.).

Замечательным образцом скандинавского ювелирного искусства является серебряная щитообразная подвеска, украшенная изображением «сегнерова колеса», состоящего лучей, загнутых по часовой стрелке. Безусловно, продукцией скандинавских ювелиров являются и ладьевидные браслеты. На супрутском городище зафиксировано 7 экземпляров, из них 3 целых, остальные фрагментированы.

4. **Снаряжение коня.** Наборные украшения узды, имеющие аналогии в декоративно-прикладном искусстве о.Готланд и удила с псалиями, украшенными в стиле Борре, входили в состав всаднического клада, найденного на городище в 1969 г. Аналогии комплекту удила и псалий зафиксированы в королевском кургане Борре (курган 1) и указывают на

высокий социальный статус владельца предметов из клада. Предположительно объемная полая латунная обойма (рис. 1) в виде головы дракона также может быть отнесена к категории конского снаряжения и интерпретирована как деталь стремени. Железные стремена, украшенные деталями из медного сплава, встречаются на территории Дании и Англии.

5. *Предметы вооружения.* Коллекция стрел Супрутского городища насчитывает около 100 предметов. Среди наконечников, сохранность которых позволяет определить их форму, около трети относится к типам, характерным для Северной Европы. Большинство стрел происходит из финального горизонта, связанного с разрушением поселка и часть из них, безусловно, могла принадлежать отряду, штурмовавшему и уничтожившему поселение. Однако, коллекция предметов вооружения не исчерпывается набором наконечников стрел – в составе культурного слоя зафиксированы две оковки ножен ножей и копье с готическим орнаментом, переделанное в пешню.

6. Коллекция предметов из раскопок городища Супруты указывает на пестрый этнический состав населения, одной из составных частей которого были выходцы из Северной Европы. Об этом свидетельствуют не только общепринятые маркеры, указывающие на скандинавское присутствие, но и, на наш взгляд, большая коллекция торгового инвентаря, включающая 24 гирьки для малых взвешиваний, совершенно не встречающихся на «классических» роменских поселениях, но являющихся обычными находками на памятниках эпохи викингов Скандинавии и «дружинных» памятниках Восточной Европы. Наличие в составе материальной культуры Супрут скандинавских древностей и предметов торгового инвентаря резко отличает памятник от других поселений междуречья Оки и Дона. Именно появление скандинавов, вероятно, выделило Супруты из всех поселков региона, превратив его в административный и торговый центр в северной части Донского речного пути.

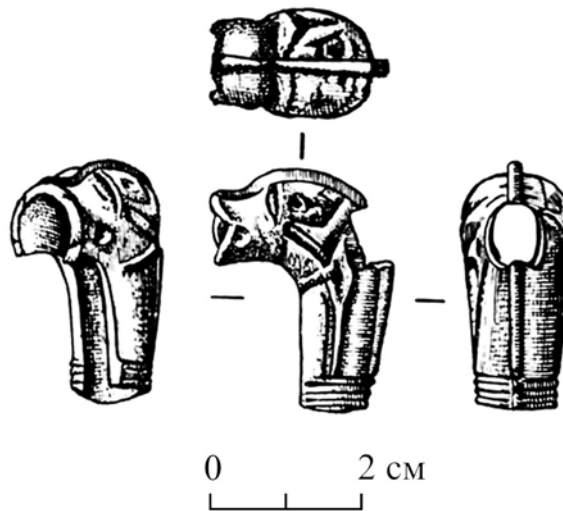

Рис. 1. Обойма в виде головы дракона. Латунь.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДО ОБРАЗОВАНИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

С.А. Горбаненко
Институт археологии НАН Украины
gorbanenko@gmail.com

Развитию сельского хозяйства на территории Киевской Руси до образования государства посвящены специализированные работы. На их основе можно получить представление об эволюции сельского хозяйства, ставшего одной из важных составляющих экономики будущего государства. Частично вне внимания остается анализ вклада различных человеческих сообществ непосредственно накануне образования Киевской Руси — последней четверти I тыс.

В то время существовали (с запада на юг) объединения полян, древлян, уличей, тиверцев, волынян, хорват (райковецкая культура), северян (волынцевско-роменская культура), население Хазарии (салтовская культура), донских славян (боршевская культура). К настоящему моменту анализ сельского хозяйства указанных культур в основном проведен по аналогичной схеме, что позволяет сделать его сравнительный анализ, выявить общие тенденции и различия в развитии и позитивные влияния внутри обозначенного блока.

Привлечение материалов Пастырского городища довольно условно, так как оно до некоторой степени характеризует переходной период от культур третьей до последней четверти I тыс.

Экологические условия. На территории будущей Киевской Руси существовали хорошие природные условия. Основное количество рассматриваемых памятников находится в лесостепной зоне, что указывает на оптимальные условия для развития земледелия. Анализ ряда памятников всех сообществ показал, что в окрестностях поселений сельскохозяйственной направленности всегда есть две составляющие: водораздельные плато и речные поймы. Подчас сильные различия в рельефе окрестностей в данном случае несущественны. Разница в почвах также обозначена только региональными особенностями природы: поселения сельскохозяйственной направленности не известны на почвах, непригодных для земледелия.

Земледелие. Во всех культурах существует тот или иной набор *орудий земледелия*, отвечающий всем процессам земледелия, но имеющий определенные отличия. Фактически, наиболее разнообразный набор имеет салтовская культура. Немногим уступают ей материалы волынцевско-роменских памятников. Более бедным ассортиментом представлены орудия земледелия райковецкой культуры. Наименьшим ассортиментом обладали носители боршевской культуры. Аналогичным образом представлено и количество орудий земледелия. Часть орудий, по-видимому, в инфильтрационной зоне, было воспринято от салтовских традиций волынцевско-роменскими земледельцами; то же можно сказать и о боршевской культуре. Часть орудий земледелия у салтовцев (не известных у славян) отображает их собственную специфику. Заметим, однако, что среди материалов славянских культур есть форма (втульчатое чересло), не известная для салтовской культуры. В подавляющем же большинстве случаев можно утверждать, что орудия земледелия в основном имеют свои корни в предыдущих местных культурах.

Палеозтноботанический комплекс. Для сравнения взяты не данные процентных соотношений зерновок, а их показатели по массе, исходя из современных показателей разницы по пробам (10 г каждая):

просо	ячмень	твердая	мягкая	рожь	овес
	пленчатый	пшеница	пшеница		
1	5,5	6,2	5,7	4,8	3,4

где за эталонную единицу принята зерновка проса; все остальные приравнены к ней с соответствующим коэффициентом, показывающим соотношение 1 зерновки ... культурного растения к n зерновкам проса.

Явные сходства: незначительные близкие доли проса (около 1/10 от общего объема) свидетельствуют о высоком уровне техники обработки почвы.

В ПБК салтовской культуры ячмень пленчатый составляет более 1/3 общей массы, в отличие от всех славянских показателей (около 1/4). При определенной специфике хозяйства — подчиненности земледелия

потребностям животноводства — его могли выращивать целенаправленно. Вероятнее всего, это связано с более развитым коневодством у носителей салтовской культуры, нежели у славян.

Пшеницы — пленчатая—голозерная. В трех случаях (райковецкая, волынцевско-роменская, салтовская культуры) в ПБК эти пшеницы в паре составляют приблизительно по 1/3 от общего объема, а в боршевской культуре — около 2/5: в райковецкой культуре первые преобладают, в боршевской составляют равные доли, волынцевско-роменской и салтовской преобладают последние. Широкое распространение пшениц голозерных в посевах связано с усовершенствованием техники обработки почвы. Исследователи также связывают рост роли ржи в посевах с усовершенствованием орудий для обработки почвы. В этой связи также интересно рассмотреть пару рожь—пшеница голозерная, крайние позиции которых между ПБК составляют около 1/3 в райковецкой культуре и более чем 2/5 в волынцевско-роменской. То есть, в этом плане также имеем наименьшие показатели для райковецкой культуры и немногим больше — для боршевской. Незначительное отставание ржи в ПБК салтовцев по сравнению с волынцевско-роменской культурой, вероятно, свидетельствует об определенной специфике ведения сельского хозяйства первых в целом.

Овес в настоящий момент не является каким-либо определителем, свидетельствующим о формах земледелия. Возможно, его несколько больше обычного доли в ПБС указывают на потребности животноводства.

Высокий уровень развития техники обработки почвы, а также палеоботанические данные (находки костра ржаного — озимого сорняка ржи) указывает на возможное существование двух-, трехполья во всех культурах.

Животноводство. Из указанных культур у салтовцев охота играла наименьшую роль, составляя в археозоологическом комплексе по числу особей менее 1/10 доли. Среди иных памятников столь низкий показатель дали лишь материалы Пастырского городища и Обухова 2 (оба памятника — наиболее ранние из рассматриваемых). У славян показатели количества охотничьей добычи по отношению к домашним животным — от 1/3 (райковецкие, волынцевско-роменские материалы) до 2/3 (некоторые боршевские памятники). Роль животноводства у салтовцев однозначно была преобладающей в снабжении продуктами питания. В стадах у славян часто свиньи занимают гораздо более важное место, чем у салтовцев — свиньи практически не нуждались в специальном корме. В салтовской культуре коневодство было развито намного сильнее, чем у славян, что требовало дополнительного ухода и кормов.

* * *

Можно констатировать положительное влияние носителей салтовской культуры на традиции сельского хозяйства славян, в первую очередь — в земледелии. Видимо, в контактной зоне таковыми являются комплекс —

лемех и чересла. На боршевских памятниках таким показателем является коса, присущая исключительно салтовской культуре. Вывод о положительном влиянии салтовцев на непосредственных соседей косвенно подтверждается и показателями ПБК, менее прогрессивными в райковецкой культуре, чем у соседей салтовцев — волынцевско-роменской. К тому же, у салтовцев было более развитое животноводство. Соответственно, земледелие в салтовской культуре было подчинено потребностям животноводства, косвенным доказательством чему являются показатели в ПБК ячменя пленчатого. Вместе с тем, находки орудий земледелия и высокие показатели ржи и пшеницы голозерной не дают возможности усомниться в высоком развитии техники земледелия у последних.

Данный доклад является постановкой задачи, а не окончательным решением взаимного влияния способов ведения сельского хозяйства 4 сообществами накануне образования на территории Киевской Руси.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖИЛИЩА ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ: ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Ю.Ю. Башкатов

Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина

j_bashkatov@otradny.net.ua

Жилые постройки, являясь одним из главных атрибутов любой археологической культуры, находятся постоянно «на виду». Сложно найти археолога, который бы вообще не писал о жилищах. В 1980-90-м гг жилища практически утрачивают статус самостоятельного археологического источника. У большинства авторов они привлечены как иллюстрация общего облика культуры. С начала 2000-х появился ряд исследований посвященных именно постройкам, были предложены несколько новых типологий созданных на основе материалов первой половины I тыс. н.э.

В целом же при работе с описаниями жилищ сложилось несколько стереотипов, которые, на наш взгляд, приводят к неправильному описанию и, соответственно, могут приводить к неверным выводам. В первую очередь это касается термина «полуземлянка» который начал употребляться ко всем постройкам со следами углубленности. Так, ряд объектов углублен на 0,2-0,4 м. чего явно недостаточно для использования подобного термина. В таком случае более оправданным будет термин «постройка с углубленным полом». Еще одним стереотипом является описание конструкции стен. Хорошо известны три основных приема их возведения: сруб, каркасно-столбовой и каркасно-плетневой (с возможными вариантами). Если с первым и последним ситуация более или менее ясна, то в каркасно-столбовой очень часто записывают все постройки, имеющие столбовые ямы независимо от их

расположения, размера и глубины. Такой подход, на наш взгляд, существенно искажает общую картину домостроительства.

Место основной праславянской культуры традиционно занимает киевская. Памятники Днепроовского лесостепного Левобережья на протяжении многих лет исследовались Э.А. Сымоновичем, А.М. Обломским, Р.В. Терпиловским, О.А. Щегловой, Е.А. Горюновым и другими исследователями. В результате их работ исследовано около 30 жилищ. В основном они похожи на постройки Подесенья и Среднего Поднепровья и представляют собой срубы, опущенные в грунт на 0,2-0,6 м, квадратной или близкой к квадрату формы, часто с центральным столбом.

Однако на ряде памятников есть постройки со следами каркасно-столбовой конструкции. На наш взгляд, к ним можно отнести постройку 3 поселения Букреевка 2, постройку 2 Родного Края 3, постройку 1 Гочево 1, постройку 3 Боромли 2. Подобные жилища широко известны на памятниках с северо-западной традицией: как на черняховских, так и на пшеворских и вельбарских.

Также несколько жилищ, вероятно, имели наземную конструкцию стен (Шишино 5, постр 5 раскопа 1 и постр. 2, раскоп 2). Таким образом, на памятниках киевской культуры Днепроовского Левобережья известны три типа жилищ: традиционные для праславян углубленные срубные постройки и нехарактерные каркасно-столбовые и наземные. Два последних типа связаны с влиянием черняховской культуры.

На степени ее влияния и основываются непрекращающиеся споры о автохтонном либо аллохтонном происхождении и культурном определении части памятников (Букреевка 2, Родной Край 3, Боромля 2). Наиболее последовательными сторонниками местного происхождения и непосредственной связи между позднезарубинецкими и киевскими древностями являются А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский. А.Н. Некрасовой была выдвинута противоположная точка зрения о том, что эти памятники образуются в результате продвижения на восток праславянского населения Верхнего Днестра в составе черняховской культуры. Сейчас эта точка зрения активно поддерживается М.В. Любичевым. Не вдаваясь в подробности спора, отметим, что действительно часть жилищ на этих памятниках имеет, вероятнее всего, северо-западное происхождение (постр. 2а, 9 Букреевки 2, сооруж. 3 Боромли, сооруж. 2 Родной Край 3), однако они не составляют большинства даже на данных поселениях. Более того, постройка 2 поселения Букреевка 2, интерпретированная Э.А. Сымоновичем как «двухкамерная полуземлянка», на наш взгляд, таковой не является. Это два разных объекта, из которых более ранний и глубокий имеет печь-камин, что автоматически ставит вопрос наличия на поселении нескольких строительных горизонтов, с одним из которых могли быть связаны данные постройки. Также следует учесть, что все вышеназванные памятники не доживают до гуннского времени и, соответственно, между ними и

раннеславянскими древностями имеется хронологическая лакуна около ста лет.

Второй культурой, занимавшей в позднеримское время территорию Днепровского лесостепного Левобережья, была черняховская. О некоторых моментах, связанных с интерпретацией части памятников, было сказано выше. На наш взгляд, остается еще одна проблема. Подавляющее большинство поселений датируется временем черняховской классики – первая половина – середина IV в. Таким образом, встает вопрос о возможности их влияния на сложение домостроительных традиций в V–VI вв. Как сейчас показано И.О. Гавритухиным, черняховская культура Левобережья Днепра не прекращает существования в 375 г., а продолжается как минимум до первой четверти V в. К сожалению, не смотря на набор хроноиндикаторов, о памятниках в целом и жилищах в частности мы знаем не так много. На данный момент работы проводились на поселениях Кантемировка, Соснова, Боромля, Хлопков, Сенча, Краснополье, верхний горизонт поселения Войтенки. К ним можно отнести верхний горизонт поселения Дмитровка III, раскапываемого автором. Хотя оно находится в самых низовьях Псла и формально может относиться к югу Среднего Поднепровья, но по всем признакам оно гораздо ближе к вышеперечисленным памятникам, чем к известным среднеднепровским.

Все названные памятники можно разделить на две группы: с наземным домостроительством и с углубленными постройками. Первая группа (Кантемировка, Войтенки, Дмитровка III, Краснополье) характеризуется следующими признаками: 1. На всех поселениях к гуннскому времени относятся наземные постройки, 2. Практически на всех поселениях встречена керамика, связанная с южной традицией. К сожалению, сейчас нет устоявшегося термина, отображающего данный пласт материала. Несмотря на то, что такая керамика имеет абсолютно четкие аналогии среди материалов позднескифских нижнеднепровских городищ и юга Украины, наши уважаемые коллеги скифологи категорически отрицают возможность использования данного термина, апеллируя к тому, что все позднескифские городища уничтожены в III в. Однако на черняховских поселениях, таких как Каменка-Анчекрак, и в слоях Ольвии IV в. подобная керамика присутствует. Вторая группа (Сенча, Боромля, Хлопков, Соснова) характеризуются: 1. Углубленными постройками, 2. Большая часть лепной керамики относится к праславянской традиции.

Наличие такого разделения отображает сложные этнокультурные процессы, происходившие на территории Днепровского Левобережья после середины IV в. В целом складывается впечатление, что население, оставившее наземные постройки – это еще одна волна заселения региона носителями черняховской культуры. Общий облик черняховских памятников не отличается от привычного за исключением наземного домостроительства. Похоже, что истоки последнего нужно искать не среди северо-западных

древностей, а среди южных. В пользу этого говорят различия между известными постройками «классической» черняховской культуры и гуннского времени Днепрового Левобережья. Первым и, пожалуй, основным параметром является размер жилищ. А.М. Обломским выделена группа жилищ площадью от 10 до 30 м², причем практически все они относятся к гуннскому времени. И как уже писалось выше, керамика на большинстве из них связана с южной традицией. Более крупные постройки площадью от 45 до 120 м² известные на Левобережье Днепра и связанные с северо-западной традицией до гуннского времени не доживают. На данном уровне исследований сложно сказать с чем связана подобная миграция оставившая памятники первого типа. Так же сложно определить их дальнейшую судьбу, но вероятнее всего они относились к населению которое впоследствии переселилось в Верхнее Подонье.

Углубленные постройки второй группы имеют непосредственное продолжение в древностях раннего средневековья.

С северной лесной зоны на территорию Днепрового Левобережья в гуннское время проникают памятники киевской культуры Деснинской группы (Киселевка 2, Ульяновка, Курган-Азак, Комаровка 2, Песчаное, Каменево 2, Роище, Александровка). Все постройки квадратной, подквадратной, реже прямоугольной формы с открытыми очагами и центральным опорным столбом. Конструкция стен вероятнее всего была срубная. Возможным исключением может быть жилище 3 с поселения Ульяновка. Хотя на наш взгляд столбовые ямы не относятся напрямую к конструкции стен, в пользу чего свидетельствуют их малый диаметр и глубина.

В середине V в. на Левобережье Днепра происходит смена археологических культур. На смену киевской и черняховской приходят генетически связанные с ними на севере - колочинская, в центральной лесостепи и на юге - пражская. Их жилища так же являются продолжением предшествующих.

Для колочинской культуры в основном характерны срубные постройки площадью от 11 до 24 м² в основном близкие к квадрату, глубиной 0,3 – 0,8 м. Так же известны несколько объектов каркасно-столбовой конструкции: жилища 11, 16 Александровки 1 и жилище 1 поселения Колочин. К сожалению точных дат для этих построек нет, но авторы раскопок датируют их VI-VII вв. Р.В. Терпиловский и А.В. Шекун писали о пражском влиянии на керамический комплекс Александровки 1.

Жилища пеньковской культуры Днепрового Левобережья представляют собой близкие к квадрату либо прямоугольные постройки углубленные на 0,3 – 1,8 м, площадью 10 – 20 м². Отопительные сооружения открытые очаги. Конструкция стен срубная и лишь на последнем этапе на поселениях Богородичное, Сухая Гомольша, Сушки исследовано 5 жилищ со следами каркасной конструкции. О.М. Приходнюк отдельно отмечал наличие на этих же поселениях печей-каменок, появление которых он связывает с

территорией между Днепром и Дунаем, и объясняет влиянием пражской культуры. Таким образом, вполне логично предположить, что эти памятники оставлены населением переселившимся с Днепро – Дунайского междуречья. В VIII - IX вв. на памятниках волынцевской и роменской культур на территории Днепроовского Левобережья встречаются как срубные, так и каркасно-столбовые конструкции. Однако если первые имеют основу в местных древностях, то происхождение вторых вероятнее всего связано с памятниками Правобережья. Именно в пражской культуре каркасно-столбовые конструкции получают широкое распространение (Кодын 1 и 2, Рашков 1 и 2, Теремцы и др.). В дальнейшем они известны на памятниках Райковецкой культуры. На Левобережье и Среднем Поднепровье господствующим типом до VI – VII вв. был сруб, в свою очередь не характерный для Правобережья Днепра. Такая разница в конструктивных особенностях, на наш взгляд, связана с различиями в процессах формирования праславянского субстрата в различных культурных средах на протяжении первой половины I тыс.

РАННИЕ КОМПЛЕКСЫ СЕВЕРЯНСКОЙ ЛТАВЫ (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ)

Ю.А. Пуголовок

*Центр охраны и исследования памятников археологии управления культуры
Полтавской ОГА
raudbard@ukr.net*

Полтавское северянское поселение считается одним из наиболее южных памятников роменской археологической культуры. Время основания этого пункта, как и большинства подобных городищ, ученые связывают с IX веком. Месторасположение памятника весьма характерно для населенных пунктов летописных северян, которые в первую очередь осваивали господствующие над местностью высоты. Для Полтавы таковыми являются (с севера на юг) Монастырская, Старополтавская и Институтская горы. Указанные топографические доминанты разделены оврагами — долинами небольших ручьев притоков Ворсклы, которые имели первостепенное значение для размещения поселения, так как являлись источником питьевой воды.

Археологические исследования на территории города Полтава с небольшими перерывами ведутся уже более 100 лет. Они прошли путь от выявления случайных находок в пределах городской черты до планомерных и широкомасштабных исследований в зонах застройки исторической части этого населенного пункта.

Особенностью Полтавского поселения летописных северян является отсутствие четко выраженной сельскохозяйственной округи, которая бы обеспечивала жизнедеятельность такого крупного центра. Помимо вопроса

существования сельских поселений, для этих комплексов проблемным местом является отсутствие внутренней хронологии.

Особое место среди исследования роменских древностей в Полтаве занимают раскопки И.И. Ляпушкина, которые были начаты в 1940 году и продолжались в послевоенное время. В результате проведенных работ исследователю удалось определить мощность культурных напластований, а также установить культурно-хронологическую принадлежность Полтавского поселения и его место среди славянских древностей Днепровского Левобережья Украины. Общая хронология памятника, по мнению И.И. Ляпушкина, находилась в пределах VIII — XIII вв., хотя раскопки, проведенные в последней четверти XX — начале XXI вв. несколько уточнили общую хронологию памятника, суммарно датируя его IX — XV вв. Упуская древнерусский этап истории летописной Лтавы, отметим, что большинство северянских комплексов относятся к позднероменскому времени. Что же касается материалов раннего этапа культуры, то они весьма немногочисленны.

В первую очередь к ним относятся исследованные И.И. Ляпушкиным остатки жилых и хозяйственных построек на Соборной площади. К жилым объектам относятся остатки трех углубленных сооружений, которые не содержали материалов для узкой датировки. Поэтому исследователь в хронологическом плане распределил их следующим образом — к роменской культуре он отнес жилище В1, а жилища А и В2 — суммарно датировал X-XIII вв. Общей чертой жилищ В1 и А, является отопительное сооружение — кубовидная печь, вырезанная в материковом останце одновременно с сооружением углубленной части жилища. Такие печи относятся к типу I по классификации О.В. Григорьева и представляют собой тип отопительных устройств, характерный для ранних памятников роменской культуры. Период их существования, вероятно, относится к VIII — началу X в. Отметим также, что в большинстве жилищ роменской культуры, исследованных в Полтаве, преобладают глинобитные печи, вылепленный как с применением деревянного каркаса, так и без него. Датируются такие сооружения серединой X — началом XI вв. Вероятно, что зачисление И.И. Ляпушкиным двух жилищ с идентичными отопительными сооружениями к различным хронологическим этапам произошло на основании того, что в завале печи из постройки В1 были обнаружены глиняные «конусы», в то время как в печи жилища А — только округлые камни. Поскольку такие «конусы» были известны И.И. Ляпушкину из материалов Опошнянского городища и, по его мнению, имели признаки «... очень характерных для определенного круга памятников (и хронологически и территориально) так называемой Роменско-боршевской культуры...», то такое хронологическое расчленение представляется вполне понятным, в связи с отсутствием хорошо датированного материала.

Кроме жилых сооружений, исследованных в 40-х годах XX века, привлекают внимание хозяйственные объекты, в частности яма №2, раскопанная в 1945 г. Это объект цилиндрической формы, в северной стенке которого был устроен полусферический подбой, вытянутый в направлении восток-запад. Культурно-хронологическая характеристика ямы определяется залегающим находок роменской культуры, которые происходят из обвала свода подбоя. Хозяйственные ямы такой конструкции не свойственны роменской культуре, в то время как в материалах волынцевских древностей подобные хранилища с нишами известны среди комплексов Волынцевского поселения (ур. Стан).

Следующий этап археологических исследований роменских комплексов связан с застройкой исторической части Полтавы с 90-х гг. прошлого века до настоящего времени. Так при раскопках на территории кондитерской фабрики в нач. 90-х годов были обнаружены комплексы, датируемые второй половиной-концом IX — началом X вв. В 2012 г. в результате научно-спасательных археологических исследований на территории Ивановой Горы (Соборная площадь) были вскрыты остатки жилищно-хозяйственной застройки северян. Жилые сооружения, судя по выявленным в заполнении объектов материалам, а также по отопительным сооружениям (в материковом останце и глинобитные), датируются IX — X вв., второй половиной X — началом XI вв. Среди керамического материала привлекает внимание группа гончарных изделий с вертикальными венчиками, линейно-волнистым орнаментом и следами вертикального заглаживания.

Описанные остатки жилой и хозяйственной постройки, которые можно отнести к раннему этапу развития Полтавского поселения. Они концентрируются преимущественно в пределах Ивановой Горы, в то время как на соседней возвышенности — Институтской Горе, преобладают жилища с глинобитными печами, а в керамическом комплексе заметно увеличивается число гончарной древнерусской керамики, в сравнении с постройками более раннего времени.

За все время исследований роменской культуры на территории Полтавы был накоплен массовый вещественный материал, нуждающийся в отдельном освещении. Кроме отмеченных выше находок посуды, привлекают внимание украшения, связанные с кругом салтово-маяцких древностей, которые поступали в ареал роменской культуры в качестве импорта во второй половине VIII – первой половине IX вв. Например, в заполнении жилища А обнаружено бронзовую литую бляшку с ушком на внутренней стороне, украшенную с внешней стороны орнаментом в виде розетки, окаймленной ободком из трех полос. Вероятно, это изделие следует отнести к амулетам, которые встречаются преимущественно в женских погребениях и датируются второй половиной IX века. Среди прочих находок выделяется бронзовая литая серьга так называемого «салтовского типа», который был распространен во второй половине VIII – первой половине IX вв.

Напоследок стоит упомянуть находку клада арабских дирхемов 1898 года, в состав которого входило несколько сотен серебряных арабских монет VIII – IX в., на сегодня частично утерянных. Клад, датируется 882/883 годами и принадлежит ко второму периоду обращения куфического серебра в Восточной Европе (учтено 61 монету).

Таким образом, перечисленные выше жилые и хозяйственные постройки, а также индивидуальные находки, составляют круг материалов, которые следует связывать с ранним этапом существования роменской культуры. Важно отметить, что наиболее ранние из представленных комплексов концентрируются на территории Ивановой горы, где, вероятно, располагалось ядро Полтавского северянского поселения. Однако следует отметить, что для более конкретных выводов о хронологии памятника требуются не столько новые археологические раскопки, как обработка и введение в научный оборот уже имеющегося материала.

РАННЕРОМЕНСКИЙ ГОРИЗОНТ ПОСЕЛЕНИЯ КУРОВО-6

В.Н. Гурьянов

*Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского
gurian032@mail.ru*

В 2006 году Брянской древнерусской экспедицией под руководством Е.А.Шинакова в связи со строительством мостового перехода через р. Судость были проведены охранные раскопки поселения Курово-6 в Погарском районе Брянской области (Шинаков, Гурьянов, Карпов и др., 2009). Многослойное поселение Курово-6 находится в 0,12 км к югу от южной окраины села Курово, на склоне первой надпойменной террасы правого берега р.Судость. Поверхность памятника плавно понижается в сторону реки, памятник подвергался многолетней распашке, до начала строительства мостового перехода территория памятника была занята огородами жителей села Курово.

На поселении была вскрыта площадь 1216 кв. м. По всей площади раскопа мощность культурного слоя вне ям и сооружений достигала 0,4-0,5 м, он состоит из темно - серой плотной супеси с вкраплениями углей и пещины. В ходе проведенных исследований было выявлено и изучено 287 объектов, различающихся временем функционирования и конструктивными особенностями. В их числе 7 построек (6 жилых и 1 хозяйственная), 2 объекта производственного назначения (печи), 74 ямы-хранилища зерна, 46 ям хозяйственного назначения, 117 столбовых ям, 14 ям неопределенного назначения и 27 природных образований (промоины, канавки, овражки и т.д., в том числе участок берега древнего русла р.Судость).

Древнейший культурный горизонт поселения относится к эпохе неолита, представлены материалы деснинской и ямочно-гребенчатой культур (вторая половина IV - начало III тыс. до н.э.). Материалы бронзового века относятся к среднеднепровской, сосницкой и бондарихинской культурам (вторая половина III-II тыс. до н.э.) культуре. Древности раннего железного века представлены находками, относящимися к южновской культуре I тыс. до н.э. и к позднему римскому времени. В той или иной степени на поселении представлены почепская культура (I-II вв. н.э.), киевская культура (II-V вв.), черняховская культура (III-V вв.). Имеются также находки колочинской культуры (V-VII вв.), древнерусского времени (XI-XIII вв.) и развитого средневековья XVI-XVIII вв.

Основной период существования поселения приходится на ранний этап роменской культуры VIII-IX вв. (горизонт типа Сахновки – Волынцево). К этому периоду отнесены все шесть жилых построек, исследованных на поселении (Фатьков, 2008). Жилища представляют собой котлованы прямоугольной и почти квадратной в плане формы размерами от 2,80 X 2,90 м до 4,70 X 5,20 м, заглубленные в материк на 0,4-0,5 м. Постройки №№ 1, 4, 7 были ориентированы углами практически по сторонам света, постройки №№ 2, 3, 6 ориентированы стенками по сторонам света. Постройка № 1 носит следы ремонта, которые читались в профиле заполнения котлована в виде прослоек подмазки бело-желтым материковым суглинком дна постройки поверх отложений культурного слоя. По углам котлованов и посередине стен в ряде случаев зафиксированы ямки от столбов, но ни одна постройка не имеет полного набора столбовых ям, позволяющих реконструировать ее конструкцию как каркасно-столбовую, за исключением постройки № 3. Конструктивное отличие этой постройки состоит в том, что помимо ям от столбов внутри постройки, с ней связаны 9 столбовых ям, опоясывавших котлован постройки по периметру с севера, запада и юга, что позволяет предположить каркасно-столбовую конструкцию данной постройки.

Печи в пяти постройках из шести устроены на материковых останцах, в постройке № 1 печь устроена частично на материковом останце, а частично на подсыпке, сделанной поверх более ранней зерновой ямы. Четыре печи из шести располагались в юго-восточных углах построек, в постройке № 6 в северном, в постройке № 3 - в северо-восточном углу. Печи овальной в плане формы, в одном случае печь прямоугольной формы. Печи были сложены из глиняных яйцевидных и веретенообразных блоков (в литературе часто называемых конусами). Интересно отметить, что на расположенном примерно в 8 км выше по течению Судости селище Посудичи печь, исследованная в роменской постройке, была «сложена из плотной сырой глины, старой печины и мелких камней» (Заверняев, 1960). Печи, устроенные в материковом останце, традиционно относятся к раннему этапу роменской культуры (Куза, 1981). Однако О.Н.Енукова в новейшей работе

высказывает мысль о том, что все типы печей, по крайней мере в Посеймье, сосуществовали, и конструкция печей не может служить хронологическим признаком. Жилища, по ее мнению, были преимущественно срубными с отступом стен от котлована (Енукова, 2007). Жилища поселения Курово-6, за исключением постройки № 3, также вероятно имели срубную конструкцию.

Кроме жилых и хозяйственных построек на поселении Курово-6 обнаружено большое количество хозяйственных ям, использовавшихся для хранения зерна. В разрезе они имели характерную для этого типа сооружений грушевидную или колоколовидную форму. В плане такие ямы в своей верхней части имели округлую или овальную форму диаметром от 1,0 до 1,60 м, резко расширяясь ко дну до 1,5 - 2 м. Глубина ям колебалась от 0,20 до 1,0 м. Заполнение ям, как правило, многослойное. Все они по завершении своей эксплуатации по прямому назначению вторично использовались в качестве мусорных ям для утилизации бытовых и пищевых отходов. В заполнении некоторых ям встречены скелеты свиней, несколько ям, судя по прослойкам рыбьей чешуи, использовались для засолки рыбы. Абсолютное большинство ям также относится к основному периоду жизни на селище.

К основному периоду существования селища – раннему этапу роменской культуры VIII-IX вв. относится и большая часть керамики (около 45% всего керамического материала) (Ивлева, Карпов, Шинаков, 2010). Посуда изготовлена из плохо промешанной глины с крупными включениями шамота, реже – дресвы. Сосуды печного обжига, толстостенные, с бугристой поверхностью, орнаментированы пальцевыми и ногтевыми вдавлениями по краю венчика, а также различными сочетаниями оттисков веревочного штампа. Наиболее типичны для поселения высокие горшки с усеченно-коническим низом, узким дном, выпуклыми плечиками и отогнутым наружу венчиком. Реже встречаются горшки с вертикальным цилиндрическим венчиком. Помимо горшков, найдены также фрагменты глиняных мисок и сковородок с аналогичным орнаментом.

Немногочисленны находки псевдоволынцевских сосудов, являвшихся подражанием роменских мастеров круговой волынцевской керамике. Тесто этих сосудов более плотное, в качестве отощителя использован мелко раздробленный шамот. Обжиг также печной, но более качественный в сравнении с основной массой роменской керамики. Основной тип сосудов – горшки с высоким вертикальным венчиком и выпуклыми плечиками. Наиболее яркие фрагменты псевдоволынцевской керамики с поселения - верхняя часть правленого на медленном круге чернолощеного сосуда с вертикальной шейкой и волнистым концентрическим орнаментом по плечикам; крупный фрагмент верхней части лепного лощеного сосуда с вертикальным венчиком, украшенным по краю косыми оттисками веревочного штампа, а по плечикам композицией из вертикальных зигзагов, выполненных тем же инструментом; и фрагмент верхней части точно такого же по форме, но не лощеного лепного сосуда, орнаментированного по срезу

венчика косыми оттисками веревочного штампа, а по плечикам – горизонтальным зигзагом, выполненным веревочным штампом

К основу периода существования поселения относится и ряд украшений из цветных металлов и стекла. Широко распространенные в прибалтийских и финно-угорских древностях трапециевидные подвески представлены экземпляром с однорядным пуансонным орнаментом, аналогии которой есть среди древностей пражско-пеньковского типа, территориально – в Трубчевском кладе (Приходнюк, Падин, Тихонов, 1996). Лапчатая литая треугольная подвеска с двумя шариками по углам имеет аналогии в древностях мери и муромы VIII – X вв. К тому же кругу древностей относится литая подвеска из трех S-образных спиралей, расположенных треугольником (Голубева, 1987). Подобные подвески широко распространены на памятниках Северной земли как раннего, так и последующего периодов (Григорьев, 2000).

Обнаружены также фрагмент литого щиткового перстня (тип 2 по типологии Дмитриевского могильника - Плетнева, 1989), которые «были весьма популярны... на раннем этапе существования славянских памятников» (Григорьев, 2005) и круглый в сечении перстень с расширяющимися концами, украшенными тремя параллельными ребрами, аналогии которому пока не найдены. Обкладка наконечника ремня с пуансонным орнаментом имеет аналогии в салтовских древностях с поселения Волынцево (Щеглова, 1987). Аналогии круглой гладкой бляшки и возможно розетки есть в кладе VII в. с колочинского поселения Хутор из Сумской области (Горюнова, 1987). Пряжка имеет простейшую прямоугольную, чуть трапециевидную форму и представлена на разных территориях и в разные эпохи. В частности С.А. Плетнева подобные пряжки относит к деталям воинского пояса (пряжки типа 1 «простейшие»). Однако соотносить куровский экземпляр только с салтовскими образцами нет достаточных оснований.

Бусы представлены всего четырьмя экземплярами. Это глазчатая бусина синего глухого стекла с белыми невыступающими глазками, темно-синяя бусина с белой полосой и желтая шестичастная пронизка. Все они относятся к типам, распространенным на памятниках VIII – IX вв. (Деопик, 1961). Четырнадцатигранная почти кубическая бусина голубого прозрачного стекла относится к ведущим типам бус, встреченных на поселениях водораздела Оки и Дона (Григорьев, 2005), время наибольшего распространения этих бус также падает на VIII – IX в. (Деопик, 1961). Интересно отметить, что по данным Н.А.Школьниковой (1978), бусы этого типа совершенно не характерны для памятников Северной земли.

Таким образом, основной слой поселения Курово-6 на основании полученных материалов можно датировать IX в. и отнести к раннему этапу роменской культуры. Расположение памятника всего в 14 км выше устья Судости позволяет связать его с первой волной продвижения роменского

населения вверх по Десне и ее крупнейшему правому притоку Судости (Гурьянов, Фатьков, 2008).

В окрестностях поселения Курово-6 находится еще несколько памятников роменского времени. В 1,5 км к северу на левом берегу Судости расположено поселение Борки-3, при раскопках которого также встречены раннероменские материалы (Шинаков, 2006). Роменская керамика обнаружена и в самом Погаре – Радоще (Шинаков, 1995). Севернее Погара роменские селища тянутся вдоль Судости до Юдинова, наиболее известный памятник с раннероменским материалом – селище Посудичи (Заверняев, 1960). Примерно в 0,7 км южнее Курово-6 расположено селище Суворово-7, известное по разведкам Ф.И.Заверняева и П.Н.Третьякова (Заверняев, 1960). Далее к югу, до устья Судости роменские древности встречены на селище Дежковичи, на трех селищах у с. Чаусы, на селище Горицы, селище Сопычи-1 и поселении Спычи-3, на одном из селищ у с. Случевск. Все эти памятники обследовались только в ходе разведок (АКР, 1993). Вероятно все они маркируют продвижение носителей роменской культуры вверх по Судости.

Именно ранний этап становления роменской культуры на Брянщине изучен недостаточно хорошо. Памятники этого времени исследовались И.И.Ляпушкиным (Выгоничи, Палужье – Ляпушкин, 1959) и Ф.М.Заверняевым (Посудичи, Госома – Заверняев, 1960, 1974) в 50 – 60-ые гг. прошлого века. Однако проведенные тогда раскопки были сравнительно небольшими по площади. По существу поселение Курово-6 на сегодняшний день – наиболее исследованный широкой площадью памятник раннего этапа роменской культуры в Брянском Подесенье, что придает полученным материалам особую ценность. Несомненно, эти материалы нуждаются в дальнейшем осмыслении и прежде всего – в наиболее полной публикации.

ЖИЛАЯ ПОСТРОЙКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI В. В ЗАКУРНОЙ ЧАСТИ КУРСКА

А.В. Зорин

*Курский государственный областной музей археологии, г. Курск, Россия
ilingit@mail.ru*

Весной-летом 2008 г. силами Курского государственного областного музея археологии были проведены охранные археологические исследования на месте планируемого строительства жилого дома по ул. Гайдара.

Исследования 2008 г. подтвердили результаты, полученные в ходе предыдущих раскопок проведенных в непосредственной близости от данного участка, выявив существование культурных напластований, относящихся к периоду XI–XIII вв. и XVII–XVIII вв. Следует отметить, что комплексов роменского периода на исследованной площади обнаружено не было. На территории раскопа культурный слой в значительной степени разрушен

позднейшим строительством XVIII–XX вв. Однако при этом хорошо сохранились объекты, врезанные в материк, что и показало исследование постройки-1. Данная постройка является редчайшим для Курска закрытым комплексом периода ранней истории города, что придаёт данному участку уникальное историческое значение.

Постройка-1 представляла собой врезанную в материк полуземлянку подквадратной формы с размерами котлована 2,8х2,8х3х2,8 м при глубине до 1 м от уровня обнаружения пятна. Стенки котлована отвесные (исключая некоторый наклон северо-восточного участка), дно плоское, с небольшим понижением на юг. В северо-западном углу постройки располагалась глинобитная печь размерами 1,3х1,4 м, вплотную примыкавшая к её стенам. В ходе выборки котлована в углах постройки и вдоль восточной её стенки был выявлен ряд ям. Исходя из особенностей их расположения и конфигурации, следует предположить, что одни из них появились уже при разрушении постройки в ходе выкорчёвывания столбов, вбитых в её углы. Другие, вероятно, являлись опорой для лавок, шедших вдоль южной и восточной стен. Представляет интерес и расположение у юго-восточной стены постройки двух округлых столбовых ям. Возможно, они являются следами столбовой конструкции, оформлявшей вход в жилище.

Заполнение постройки распадалось на три чётко выраженных слоя. Слой 1 — мешаный бурый суглинок с вкраплениями обмазки, глины и углей — представлял собой затёк, образовавшийся на дне просевшего котлована засыпанной постройки. Он содержал фрагменты круговой и лепной керамики середины XI в. Слой 2 — плотный сырой серый суглинок — представлял собой заполнение котлована постройки, засыпанной сразу после оставления её жителями. Керамический материал датируется концом X–серединой XI в. Ниже залегала тонкая золисто-углистая прослойка, под которой был прослежен слой 3 — плотная мешаная жёлтая глина с вкраплениями золы и углей. Он, вероятно, образовался на дне постройки в результате неоднократного ремонта печи. Именно в районе устья печи был особенно насыщен углями и золой. Никаких находок данный слой не содержал.

Единственной индивидуальной находкой в заполнении постройки является наконечник стрелы, обнаруженный близ северной стенки котлована в пределах слоя 2. Наконечник лавролистный, с упором, имеет длину 9 см при ширине пера 1,7 см, черешок в сечении четырёхгранный, обломан, шейка также четырёхгранная, уплощённая. Согласно классификации А.Ф. Медведева, он относится к лавролистным наконечникам типа 63, распространённым в южнорусских землях с IX в. Относительно керамического материала постройки следует отметить, что круговая керамика составляет в нём 80,2%, а на долю лепной приходится всего 19,8%, что немногим больше доли раннекруговой керамики — 18,3%.

Особый интерес представляет конструкция сравнительно хорошо сохранившейся печи, находившейся в северо-западном углу жилища. Печь была целиком вылеплена из глины на основе каркаса из толстых прутьев. По контуру пода удалось проследить 20 ямок, оставшихся от этих прутьев. Форма ямок свидетельствовала о том, что прутья каркаса были заострены и плотно вбиты в материковую глину пола жилища. Следы выгоревших прутьев отчётливо читались в прокалённой глине внутренней поверхности сохранившихся стенок печи. В разрезе пода отчётливо виднелись чередующиеся золистые и глинистые прослойки, свидетельствующие о трёх периодах ремонта печи, последовавших за сооружением первоначального пода. Первоначальный под — площадка овальной формы размерами 0,9x1,1 м, — имел в своей центральной части вымостку из плоских обломков песчаника, прочно вмазанных в глину. Вероятно, это было сделано с целью повышения теплоотдачи печи — накалившиеся камни дольше сохраняли жар.

Анализ материала, полученного при исследовании постройки, а в первую очередь керамического комплекса, позволяет сделать вывод о том, что жилище прекратило своё существование в середине XI в. Постройку разобрали, деревянные части её, вероятно, продолжали использоваться в хозяйстве, а котлован был засыпан. Образовавшаяся в результате естественного проседания грунта выемка постепенно заполнялась различным бытовым мусором и дождевыми смывами. Интересно отметить, что постройка-1 была возведена в традициях роменского домостроительства, что свидетельствует о сохранении культурной преемственности в жизни региона в «северянский» и древнерусский периоды.

В ходе дальнейших, более обширных исследований данного участка, удалось выявить и изучить ещё целый ряд объектов, связанных хронологически с постройкой-1. Это даёт основания утверждать, что на возвышенности правого берега р. Кур уже в первой половине XI в. существовало довольно обширное поселение, являющееся составной частью Курска. С известной долей условности можно говорить о том, что этими раскопками был открыт город, описанный в житии Феодосия Печерского.

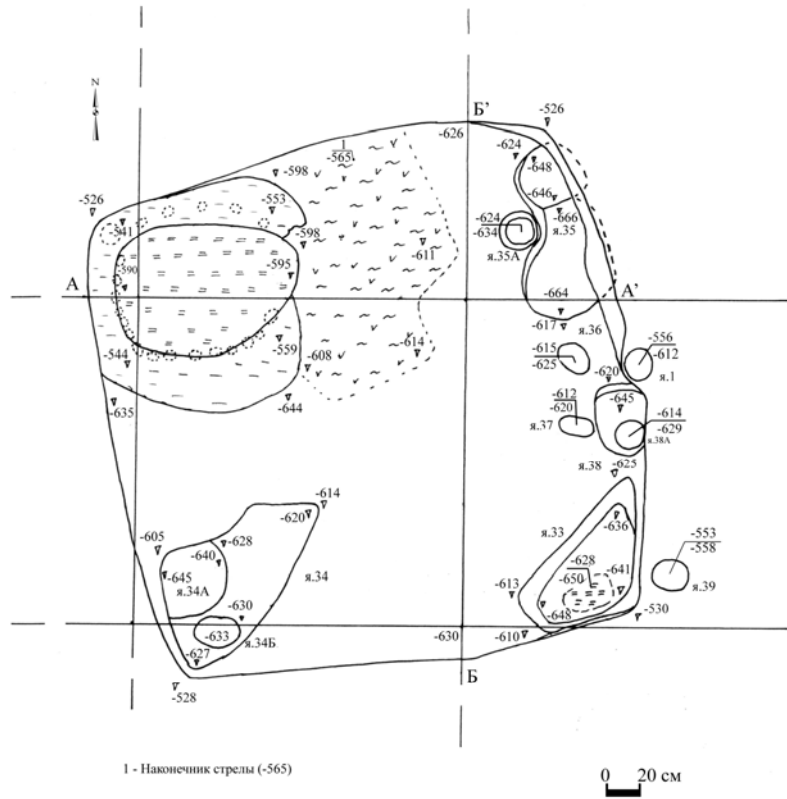

Рис.5. Курск-2008. Раскоп-1. Постройка 1.

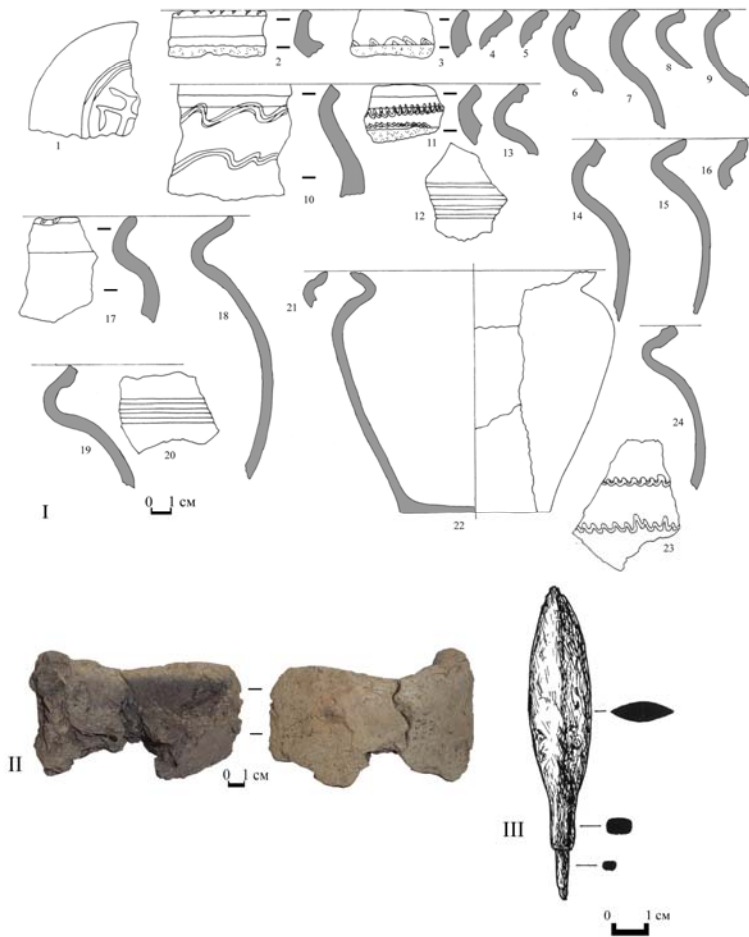

Рис.7. Материал из заполнения постройки 1.

I - Керамика: 1-9 - слой 1, пл.1; 10 - слой 2, пл.1; 11-15 - слой 2, пл.2;
 16 - слой 2, пл.3; 17-18 - из разборки печи; 19-20 - я.33; 21-22 - я.34;
 23-24 - я.35.

II - Обломок борта верхней части свода печи.

III - Наконечник стрелы.

ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ НА ДОНУ

ПАМЯТНИКИ VI-VII ВВ. В ВЕРХНЕМ ПОДОНЬЕ. НАПРАВЛЕНИЯ КОЛОНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ

А.М. Обломский

Институт археологии РАН, Москва, Россия

oblomsky_a@rambler.ru

Реконструкция этнокультурных процессов в любом историко-географическом регионе невозможна без построения общей колонки древностей. Для лесостепного Подонья 1 тыс.н.э. эта работа пока не завершена. В регионе известны сарматские и синхронные им позднескифские памятники I - III вв. Их сменяет культурная группа типа Каширки-Седелок середины III - начала (первой половины) IV в., связанная по происхождению с черняховской археологической общностью. В гуннское время (конец IV – V вв.) в регионе распространены памятники типа Чертовицкого-Замятино и синхронные им могильники круга Животинного, оставленные полиэтничным населением. В середине VIII в. в южной части региона появляются древности салтово-маяцкой культуры северной окраины Хазарского каганата, а в конце VIII или в IX в. в северной части Верхнего Подонья – боршевской раннеславянской культуры. Древности VI-VII вв. практически не изучены. До недавнего времени для этого периода в Верхнем Подонье были известны лишь единичные находки различной этнокультурной принадлежности. К ним относятся жилище колочинской культуры на многослойном поселении у с. Ярлуково на р. Матыре, случайные находки в ряде пунктов в верховьях р. Воронеж, яркое кочевническое погребение VII в. у с. Арцыбашево к востоку от верховий Дона. Во время раскопок Лавского археологического комплекса (г. Елец) Н.А. Тропиным были исследованы несколько ям и погребение, с которыми связаны кавказская крестовидная фибула V – IX вв. и лепная керамика с шероховатой и лощеной поверхностью, не имеющая точных аналогий.

В раннем средневековье территория Верхнего Подонья находится между юго-восточной границей колочинской культуры, северо-восточной – пеньковской, южной ареала рязано-окских могильников и западной – древнемордовских. Отдельные памятники VI-VII вв. в последнее время открыты в ареале мощинской культуры в Верхнем Поочье. Большинство из перечисленных выше пунктов с находками раннесредневековых материалов в лесостепном Подонье концентрируются в бассейне верхнего течения р. Воронеж, а наиболее восточный памятник – Коровий Брод – расположен на

р. Цне ниже г. Тамбова. При обследовании долины р. Воронеж между с. Кривец Добровского р-на Липецкой обл. и г. Мичуринском Тамбовской обл. были обнаружены 14 пунктов, из которых происходит груболепная неорнаментированная керамика с примесью относительно крупного шамота в тесте. По аналогиям с территорией Днепровского Левобережья она характерна для культурных групп 2 – 3-ей четвертей I тыс.н.э., которые большинством исследователей связываются с восточной линией славянского этногенеза.

Для конкретизации сведений об археологической культуре региона в раннем средневековье стационарные раскопки были проведены на поселении Кривец-4, а разведывательные (небольшими площадями) на селищах Ярок-5 и Новоникольское-8 Мичуринского р-на Тамбовской обл.

Размеры поселения Кривец-4 – 220 x 40-60 м. Оно занимает низкий останец первой надпойменной террасы на высоте 2 - 3,5 м от уровня поймы. Всего в 2011-2012 г. на памятнике вскрыто 1386 кв. м. К раннему средневековью на поселении относятся ритуальный комплекс, три жилища и несколько хозяйственных ям.

Ритуальный комплекс состоит из небольшого прямоугольного сооружения размерами около 2,4 x 2 м с ямами от 9-ти столбов по периметру и 4-х – в центре, окруженного 4-мя неглубокими ямками, в трех из которых исследованы кострища с кальцинированными костями. В пределах сооружения обнаружено скопление кремированных костей (кальцинированных и обожженных) с отдельными несожженными косточками, перемешанными с углем, имевшее размеры 0,3 x 0,6 м. С востока к нему примыкало пятно прокала материкового грунта размерами 1,0 x 0,74 м. В пределах пятна прокала была выкопана ямка размерами 0,57 x 0,4 м глубиной до 0,16 м, в которую также были помещены уголь и кремированные кости. Рядом зафиксирована еще одна овальная ямка размерами 1,6 x 1,2 м, также заполненная кремированными костями (включая отдельные несожженные) и углем, но она по отношению к сооружению была более ранней, т.к. ее перекрывали три столбовых ямы из его конструкции.

Аналогии подобным сооружениям известны на могильнике колочинской культуры Картамышево-2. Здесь исследована серия прямоугольных оградок с одной-двумя линзами кальцинированных костей в их пределах. Ритуальные объекты из Кривца-4 очень похожи на погребения колочинской культуры, но по определению антрополога М.В. Добровольской человеческих костей в них не было, а найдены только кости животных разных видов, преимущественно, домашних.

Все три жилища - полуземлянки, причем все они погибли в пожаре. Два из них в плане прямоугольные. Размеры одного 4,25 x 4,7-3,7 м, второго - 4,2-4,98 x 3,9-4,02 м, глубина котлована обоих – около 0,5 м. По периметру котлована первой постройки заметны следы от нерегулярно стоявших

столбов, на полу – остатки открытого очага в виде линзы угля размерами 1,5 x 1-0,7 м. Около него находилось скопление керамики.

Во втором жилище остатки столбов зафиксированы по периметру и внутри помещения, имелась яма от центрального опорного столба кровли. Очаг также представлял собой линзу угля размерами 1,2 x 0,5-0,6 м. Рядом с ним тоже зафиксировано скопление керамики.

Обе постройки погибли в пожарах, следы которых в виде углистых пятен отчетливо читались в заполнении и на полах.

Подобные полуземлянки широко распространены на памятниках колочинской культуры по всей ее территории. Наиболее близки к постройкам из Кривца по планировке жилища 2 и 4 Смольяни, 17 Роища, 3 Нисимковичей-1, 1 Ярлуково, 1 Стрелицы, 1 Колодезного Бугра, 1 Носовичей, 1 Заяря.

Третье жилище уникально. Основой сооружения является подквадратное сравнительно сильно углубленное в грунт помещение размерами 4,4 x 4,2-4,8 м. Пол объекта плоский, он находился на уровне 0,43-0,54 м от верхнего края жилища. В центре сооружения прослежена яма от столба. С юга и востока к глубокой части постройки примыкала менее углубленная шириной 1,3 на юге и до 2,4 м на востоке. Снаружи наиболее глубокого помещения вдоль периметра его котлована прослежены 8 ям от столбов. У восточной оконечности постройки находились еще две столбовые ямы. Общие размеры постройки – 7,2 x 6 м.

Наиболее глубокая часть сооружения типична для построек колочинской и пеньковской культур. Своеобразие жилищу придает менее углубленная часть. Не исключено, что здесь мы столкнулись с "индивидуальным строительным проектом".

Набор изделий из металла представлен орудиями труда и предметами быта (ножами с прямыми спинками, резцами для работы по дереву, скобелем, серпом, пробойниками, зубилом, рыболовными крючками). Из предметов вооружения найдены кольчужные кольца, обломки копья, сулицы, два наконечника стрел. Изделия из глины, кроме лепной керамики, представлены биконическими пряслицами, преимущественно, средней высоты, с широкими отверстиями.

К поясной гарнитуре относятся две накладки и серия пряжек: вертикально-овальная с хоботовидным язычком, подпрямоугольная и гитаровидные. Последние появляются в гуннский период (Беляусский могильник), но широко распространены в эпоху раннего средневековья. Прямые аналогии бляшкам геральдического стиля известны в Суджанском и Куриловском кладах.

Из украшений наиболее интересны 2 фрагмента днепровских пальчатых фибул, малая пальчатая фибула, пронизь с валикообразными утолщениями, колокольчик, монетовидная привеска, 3 фрагмента браслетов (два - с расширенными концами, один - с расплюснутым окончанием,

орнаментированным квадратными вдавлениями), обломок гривны или височного кольца.

Аналогия малой пальчатой фибуле известна на поселении пеньковской культуры Сурская Забора на Днепровских порогах. Обломок височного кольца или гривны с лопастями у концов из Кривца представляет собой очень редкую для Восточной Европы находку. Прямая аналогия такому изделию происходит из погребения 3 кургана 13 Городни. Е.Р. Михайлова относит вещи из этого комплекса к числу хронологических индикаторов второй фазы культуры псковских длинных курганов (вторая половина VI-VII вв. по ее периодизации). Прочие вещи (днепровские фибулы, браслеты, геральдическая поясная накладка) находят параллели в днепровских кладах типа Мартыновского и составляют наиболее позднюю группу вещей в колочинской и пеньковской культурах. Время сокрытия кладов по нашему с И.О. Гавритухиным мнению относится ко второй половине - концу VII в. Этим же периодом датируется финал колочинской и пеньковской культур. По всей видимости, поселение Кривец-4 было сожжено приблизительно в то же время.

Кроме днепровских, из Кривца-4 происходят и две финских вещи: бутылчатая подвеска, кольцо с рифленой поверхностью.

Набор лепной посуды из раннесредневековых комплексов памятника своеобразен. Закрытые слабопрофилированные округлобокие и открытые тюльпановидные горшки имеют прямые аналогии на памятниках колочинской культуры. Наряду с ними в одних и тех же комплексах найдена керамика иного происхождения: груболепные округлобокие горшки с уступом под венчиком и лощенные широкодонные округлобокие и ребристые миски с резким переломом на шейке. В VI-VII вв. подобные горшки и миски встречены в слое пожара Тереховского городища рязано-окской культуры, который датируется VII в., и в погребениях могильников Среднего и Нижнего Поочья (Шартрищи, Старый Кадом, Ундрих, Малышево).

Совершенно иной керамический комплекс обнаружен в объекте 2 (хозяйственной яме) раскопа 1 поселения Ярок-5. Горшки сильнее профилированы, чем на прочих памятниках верхневоронежского региона. Кроме округлобоких форм, имеются и ребристые, в т.ч. и биконические. Под шейкой одного из сосудов находится массивный треугольный в сечении валик, орнаментированный редкими насечками. В культурном слое поселения обнаружены обломки сковородок со слабо отогнутым бортиком. На территории Днепровского Левобережья подобный набор посуды характерен не для колочинской, а для пеньковской культуры.

По бронзовой подвеске к наконечнику, обломку зеркала, массивному биконическому пряслицу с воронковидными основаниями памятник с наибольшей вероятностью датируется V-VI вв.

Таким образом, работы в верховьях р. Воронеж выявили особый пласт раннесредневековых древностей, достаточно сложный по составу. Среди них

выделяются поселения с керамикой колочинской культуры (Ярлуково, Коровий Брод, возможно, Новоникольское-8), смешанным комплексом колочинской и финно-угорской традиций (Кривец-4), набором посуды пеньковской культуры (Ярок-5). Атрибуция ряда поселений неопределенна, хотя на них имеются достаточно яркие находки эпохи раннего средневековья (Красный Городок-2, Старое Тарбеево-2). Вещи, обнаруженные на раннесредневековых памятниках, либо типичны для многих культур этой эпохи, либо относятся, преимущественно, к днепровскому кругу (украшения и детали поясной гарнитуры, аналогичные входящим в состав ранних кладов круга "древностей антов"). В Кривце-4 и Ярке-5 встречены также отдельные финно-угорские украшения.

Верхнее течение р. Воронеж было зоной колонизации, причем в этот регион были направлены три разных ее потока: раннеславянские (пеньковский и колочинский) и финно-угорский. Каким было территориальное и хронологическое соотношение этих трех групп населения, пока не ясно. Археологический комплекс поселения у с. Кривец демонстрирует симбиоз колочинских и финских (скорее всего, рязано-окских) традиций, но он надежно документирован пока только на этом памятнике.

С предшествующими древностями конца IV - V вв. Верхнего Подонья (поселения типа Чертовицкого – Замятино, могильники круга Животинного) верхневоронежская раннесредневековая группа никак не связана. В регионе не позднее VII в. происходит смена населения.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Секции истории РАН "Нации и государство в мировой истории".

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДОНСКИХ СЛАВЯН (КОНЕЦ VIII - НАЧАЛО XI ВВ.)

А.З. Винников

Воронежской государственной университет
kvn43@yandex.ru

Как известно памятники донских славян привлекали достаточно пристальное внимание И.И.Ляпушкина на протяжении всей его творческой деятельности. Он не раз высказывал свое мнение и по поводу хронологии этих памятников, и характеру их домостроительства, уровню хозяйственного развития славян данного региона, и по ряду других принципиальных вопросов истории и культуры этой славянской группировки.

Первые полевые исследования, проведенные более 100 лет назад, на Боршевском комплексе памятников (Большое Боршевское городище и могильник) А.А.Спициным, положили начало исследованию памятников донских славян, не считая раскопок воронежских краеведов конца XIX –

начала XX вв., результаты которых довольно противоречивы. Затем, после значительного перерыва, в конце 20-х гг. XX в. исследования экспедиции ГАИМК (рук. П.П.Ефименко) на тех же Боршевских городищах и могильнике, и небольшие работы на ряде памятников на р.Воронеже, исследования сотрудников ВОКМ в 30-х гг. на Кузнецовском городище явились весьма серьезным прорывом в славянской археологии, это были практически первые исследования восточнославянских поселений широкими площадями.

Продолжение полевых исследований памятников донских славян связано с именем А.Н.Москаленко, которая в 1945 защитила кандидатскую диссертацию в ЛГУ «Северяне (по данным археологии)». Масштабные раскопки, проведенные ею на Титчихинском городище в 1954-1962 гг. дали исключительно важный материал для истории и культуры славянского населения данного региона. В последующие годы раскопки, проведенные экспедицией ВГУ на ряде других среднедонских памятниках (рук. А.Н.Москаленко, А.Д.Пряхин), существенно дополнили представления об этой группе славянского населения. Начиная со 2-ой половины 60-х - начала 70-х гг. XX в., полевые исследования в области славянской археологии в бассейне Дона были перенесены на р.Воронеж (рук. Славянского отряда А.З.Винников). Раскопки велись на четырех курганных могильниках, и на ряде городищ: Михайловский кордон, I и II Белогорские, Животинное. Исследование славянских памятников на р.Воронеж дало возможность внести определенные коррективы в наши знания об этногенетических процессах, протекавших в данном регионе, в вопросы хронологии пребывания славян в бассейне Дона, в проблему взаимоотношения донских славян со своими южными соседями – алано-болгарским миром.

Стало совершенно очевидным, что Лесостепное Подонье в последней четверти I – начале II тысячелетия н.э. представляло собой окраинные районы не только восточнославянского, но и в целом славянского мира. На территории расселения донских славян, можно выделить две группы памятников, прежде всего погребальных: Средний Дон (Боршевский могильник) и р.Воронеж (Кузнецовский, Лысогорский, три Белогорских и другие могильники). Для Боршевского могильника, на котором исследовано 34 кургана, характерны следующие черты погребального обряда: 1. трупосожжение за пределами кургана; 2. деревянные погребальные конструкции в виде камер, кольцевых оградок; 3. размещение камер с остатками кремации в северо-восточном секторе; 4. кольцевые ровики вокруг насыпи; 5. абсолютное преобладание в погребениях (более 90 %) славянской лепной керамики. На воронежских могильниках исследовано 107 курганов, которые содержат разные типы погребений: 1. трупосожжение на стороне с помещением остатков кремации на погребенной почве в восточной половине; 2. трупосожжение за пределами кургана с помещением остатков кремации в деревянные камеры; 3. трупосожжение на стороне с вторичным обжигом на

месте захоронения в восточной половине кургана на уровне погребальной почвы; 4. трупосожжение на месте и захоронением в восточной половине кургана; 5. трупосожжение на месте в деревянных конструкциях.

Коллекция керамики из курганов на р.Воронеж насчитывает более 120 сосудов. Наиболее многочисленная славянская лепная керамика (горшки, миски). В большом количестве представлена гончарная керамика салтово-маяцкой культуры (около 30 %): кувшины, горшки, кружки, светильники. Кроме того, в воронежских курганах встречена волынцевская керамика и ряд лепных сосудов, которые являются своеобразным подражанием волынцевским гончарным. Имеется также значительное количество сосудов, отражающих своеобразный симбиоз славянского и салтовского керамических производств.

Наличие двух микрорегионов в ареале расселения донских славян объясняется историей освоения восточными славянами Донского бассейна и прежде всего теми отправными точками, откуда шел переселенческий поток на Средний и Верхний Дон. Рядом исследователей неоднократно подчеркивалось наличие довольно существенного сходства между деревянными погребальными конструкциями Боршевского могильника и ряда Верхнеокских, которые не без основания связываются с вятическим племенным объединением и объяснить это можно только этнической общностью населения, оставившего эти памятники. Истоки славянской миграции на р.Воронеж необходимо искать в материалах Днепровского Правобережья – поздних памятниках типа Корчак и наиболее ранних, культуры Лука-Райковецкая. Не следует полностью исключать из этого процесса и памятники пеньковского круга, отголоски которых мы видим и в ряде сосудов, встреченных в могильниках на р.Воронеже. Незначительная серия типично волынцевской лощенной посуды дает право говорить о появлении здесь населения и Днепровского Левобережья.

Донские славяне были активными партнерами в торговле с Востоком и со своими южными соседями – населением салтово-маяцкой культуры. Кроме широких торговых связей со своими южными соседями, в процессе общения этих двух этносов шло взаимное обогащение в области материальной культуры. На территории, занятой донскими славянами, вероятно, были своеобразные хазарские (алано-болгарские салтово-маяцкой культуры) центры, осуществлявшие функции по организации сбора податей и доставки их в крепости, отстоявшие на несколько десятков километров к югу.

Исследование памятников на р.Воронеж дало возможность внести некоторые коррективы в хронологию славянских древностей бассейна Дона. Совершенно очевидно, что начало освоения данной территории славянами относится к эпохе ранее IX века. Грунтовые погребения, более раннее селище на месте Лысогорского могильника, некоторые типы слабопрофилированной, без орнамента по тулову керамики на ряде поселений (Лысогорское селище, Животинное городище, Чижовское 5), волынцевская посуда – все это дает

основание говорить о первой волне славянской миграции в бассейн Дона, во всяком случае, в конце VIII века. Прекращение функционирования славянских поселений на р.Воронеже можно отнести к первой половине XI в., о чем свидетельствуют некоторые типы раннегончарной керамики и ряд фрагментов стеклянных изделий с Животинного городища.

Исследование памятников донских славян ставит новые задачи, которые стоят перед исследователями: во-первых, расширение источниковой базы на уже известных памятниках, таких как городище Михайловский кордон, которое упоминается во многих изданиях и о котором мало что известно; во-вторых, выявление новых памятников в Донском Левобережье, некоторые в данном районе уже известны; в-третьих, необходимы поиски новых материалов для уточнения и более полной аргументации хронологии памятников донских славян; в-четвертых, проблема славяно-алано-болгарских взаимоотношений требует дальнейшего исследования; в-пятых, необходимо дальнейшее изучение всего комплекса элементов, составляющих материальную культуру донского славянства.

ПАМЯТНИКИ БОРШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОСТРОЙ ЛУКИ ДОНА

А.Н. Голотвин¹, Г.Л. Земцов², М.В. Ивашов²

1 - ОБУК "Госдирекция"

2 - Липецкий педагогический университет

golotwin@mail.ru

Изучая славянские древности конца I тыс. н.э., Иван Иванович Ляпушкин в 1940-х гг. выделял роменско-боршевскую культуру (Ляпушкин, 1947, с. 121–136; Ляпушкин, 1968). Она занимала значительные территории Левобережья Днепра и Подонья. Однако, в результате накопления новых данных, был поставлен вопрос о разделении этой громадной общности и выделении боршевской культуры (Москаленко, 1981; Винников, 1995). Тщательный анализ ее древностей позволил А.З. Винникову обосновать отличие между памятниками Среднего и Верхнего Дона. Как видно из этого тезисного историографического пассажа, изучение обозначенной И.И. Ляпушкиным общности шло по пути ее дробления.

Не является исключением и современный этап изучения. Так, Н.А. Тропин отмечает специфику материалов поселения Замятино 10, Паженьского и Воргольского городищ в Верхнем Подонье. Она выразилась в распространении наземных построек, небольшой доли орнаментированной посуды, немногочисленности орнамента в виде веревочного штампа (Тропин, 2006, с. 252–253).

Сегодня явно назрела необходимость вновь обратиться к проблеме выделения региональных «групп» памятников боршевской культуры. Одной

из задач в этом направлении является уточнение культурно-хронологической принадлежности некоторых поселений. На наш взгляд, в число памятников боршевской культуры попал целый ряд памятников позднеаримского и гуннского времени, которые стали выделяться только в середине 1990-х гг. Реконструкция характера освоения славянским населением Верхнего Дона в IX–X вв. не является задачей данных тезисов. Тем не менее, уже сейчас можно говорить об отсутствии сплошного массива славянского населения на Верхнем Дону в этот период. На наш взгляд, здесь намечаются несколько районов концентрации памятников боршевской культуры. Это нижнее течение р. Воронеж, правый берег р. Дон в округе г. Семилуки, Острая Лука Дона, бассейн р. Быстрая Сосна в округе г. Ельца, бассейн р. Красивая Меча (?). Эти группы концентрации поселений находятся на значительном расстоянии друг от друга.

Одним из наиболее изученных регионов является Острая Лука Дона в современном Задонском районе Липецкой области. Это уникальная историко-географическая территория. Дон здесь делает несколько поворотов, обтекая Задонский кряж – цепь высоких холмов с выходами скальных пород, где местами сохранились реликтовые дубравы. Широкая пойма Дона и долины впадающих в него рек Сновы, Каменки и Репца, обилие относительно низких террас, разнообразных всхолмлений и мысов, леса, которыми в древности был покрыт весь кряж, способствовали высокой концентрации населения на Острой Луке во все исторические эпохи (Острая Лука Дона в древности, 2004). Напластования боршевской культуры встречены на 6 памятниках (Рис. 1.1).

Поселение Затишье 1 (разведочные работы И.Е. Бирюкова и А.Н. Голотвина) располагается на склоне надпойменной террасы правого берега р. Дон. Поселение вытянуто по линии запад-восток, длиной до 130 и шириной до 100 м, однако концентрация материала фиксируется на небольшом всхолмлении в центральной части. Мощность культурного слоя до 0,3 м. В шурфе №1 изучена хозяйственная яма овальной формы, размерами 1,6х1 м, глубиной в материке до 0,7 м. Из объекта происходят несколько фрагментов лепной керамики и шлаков (Бирюков, 2011).

Поселение Замятино-10 (разведочные работы И.Е. Бирюкова, раскопки Н.А. Тропина и М.В. Ивашова). Памятник занимает участок коренного правого берега р. Дон на высоте около 30 м над уровнем поймы. Размеры поселения (с учетом разрушенной карьером части) около 100х150 м. Памятник многослойный. Изученная раскопками площадь составила 1325 кв.м. Мощность культурного слоя – 0,3–0,4 м.

Со славянским населением IX–X вв. авторы раскопок связывают одно полуземляночное жилище (постройка 5), пять наземных построек и отдельные хозяйственные ямы.

Полуземлянка подквадратной формы, размером около 2,3х2,7 м, в материк углублена на 0,13 – 0,2 м. В юго-западном углу прослежен развал камней от

печи-каменки, разбросанных на площади 1,3х1,7 м. В центре сооружения находилась овальная яма глубиной до 0,09 м, размером 1х0,8 м. Скорее всего постройка имела срубную конструкцию (Рис. 1.3).

Наземные сооружения были выделены по концентрации керамики и костных остатков, скоплению хозяйственных и столбовых ям. Отмечены и отдельные прокаленные камни и участки материка, связанные с остатками печей-каменок. Однако не все выделенные постройки могли относиться к интересующему нас времени, и вряд ли все из них были жилыми.

С поселения происходят фрагменты от 180 лепных горшков и 14 сковородок. Среди других находок стоит отметить 8 бусин (лимонные; синяя круглая; синяя четырехгранная со скошенными углами; слоистая из палочки глазка; граненная палочка; изготовленная в технике millefici), датируемых в пределах VIII – первой четверти XI в., глиняные льячки (целая и 3 фрагмента), костяные иглы, амулет из медвежьего клыка (Ивашов, Тропин, 2003. с. 3–30).

Поселение Ксизово-17 (открыто И.Е. Бирюковым, А.М. Обломским и Р.В. Смольяниновым, раскопки А.М. Обломского) находится на обширном плоском отроге второй надпойменной террасы или низком крае коренного берега, плавно понижающегося в сторону реки. Общая высота над уровнем поймы от 13 до 27 м. Размеры памятника составляют 240х155–220 м. Поселение многослойное.

Материалы боршевской культуры встречены вдоль склона мыса, в раскопе 2 и 3 Ксизово 17А (586 кв.м.) и раскопе 2 Ксизово 17Б (928 кв.м) (Григорьев, Обломский, 2008, с. 100–107). В раскопе 2 Ксизово 17А зафиксированы 2 скопления керамики и развал печи каменки. Развал представлял собой завал камней 1,4х1,25 м, зафиксированный на уровне материка. Из мелких камней был сложен свод, который рухнул, частично сохранились стенки печи, состоявшие из крупных камней, поставленных на ребро (Рис. 1.4). Данный объект А.В. Григорьев и А.М. Обломский интерпретируют как отдельно стоящую «летнюю» печь, или как отопительное сооружение постройки (Григорьев, Обломский, 2008, с. 102–107).

Из культурного слоя происходит более 50 фрагментов лепной керамики, а так же бронзовая трапецевидная подвеска (Григорьев, Обломский, 2008, с. 103–106; Обломский, 2009).

Городище Ксизово (обнаружено И.Е. Бирюковым, раскопки Н.А. Тропина и А.А. Иншакова) расположено на мысу правого коренного берега р. Дон, превышающем уровень воды в реке на 27–32 м.

На площадке городища Н.А. Тропиным был заложен небольшой раскоп (48 кв. м), в котором выявлено 3 венчика и 29 фрагментов стенок от лепных горшков, а также серебряный перстень, с орнаментированной «волчьим зубом» центральной пластиной, относящийся к типу усатых и датированный X–XI вв. (Тропин, 2007а; Тропин, 2007б. с. 10).

Укрепления исследовались в 2007 г. при участии Ю.Д. Разуваева, которым и были опубликованы (Разуваев, 2011). Они были возведены в период раннего железного века. Славянская керамика представлена фрагментами двух венчиков и шести стенок горшков. Все они найдены в восточной поле насыпи вала, что, позволило авторам отчета предположить ее досыпку в это время, однако не исключается и наличие здесь славянской полуземлянки (Иншаков, 2007, с. 28–29).

Поселение Ксизово-4 (разведочные работы А.А. Чубура и Г.Л. Земцова). Располагается на склоне коренного берега р. Снова, на высоте 14 м. от уровня реки. Площадь поселения (75x30 м) определена по распространению подъемного материала и данным шурфовки (Земцов, 2002). Поселение многослойное. Мощность культурного слоя до 0,9 м. В шурфе №1 А.А. Чубуром изучена хозяйственная яма, округлой формы около 1 м в диаметре, глубиной 0,35–0,4 м от уровня материка. Всего с памятника происходит несколько фрагментов лепной боршевской керамики, в том числе и два достаточно выразительных венчика из ямы, ошибочно отнесенные А.А. Чубуром к эпохе раннего железного века (Чубур, 1993. Рис. 23–24).

Поселение Мухино 2 (обнаружено Ю.Г. Екимовым, раскопки Г.Л. Земцова) находится на склоне первой надпойменной террасы р. Снова, высотой 7–10 м от уровня реки. Поселение многослойное, большинство находок датируется гуннским временем.

В пределы раскопа (2100 кв. м.) попала полуземлянка размерами 3x3 м и глубиной до 0,26 м в материке. В юго-восточном углу сооружения прослежена печь-каменка, юго-западном углу – хозяйственная яма глубиной 0,53 м. Свод печи был сложен из крупных камней, поставленных под наклоном к полу сооружения. Сверху на эту основу были насыпаны камни меньшего размера. Судя по расположению печи на расстоянии от стенки котлована и прослеженным следам древесного тлена, постройка имела срубную конструкцию стен (Рис. 1.2). В сооружении и рядом с ним обнаружены не многочисленные фрагменты керамики этого времени (Земцов, 2009. С. 12–13).

Таким образом, на территории Острой луки Дона выявлено несколько поселений, которые функционировали в IX–X вв. н.э. Все они имели достаточно тонкий культурный слой. Видимо, население боршевской культуры не сумело закрепиться в данном регионе. Не выделяется среди них и памятника, претендующего на роль какого-либо административного центра. В случае с Ксизовским городищем, можно только предполагать факт использования заброшенных укреплений в боршевское время. Данный пример не является единичным. Небольшие напластования боршевской культуры вывалены на городищах раннего железного века – Семилукском (Пряхин, Цыбин, 1991, с. 99; Пряхин, Цыбин, 1996, с. 50) и Чернышева Гора I (Голотвин, 2008).

Несмотря на достаточно масштабные раскопки, на Острой Луке Дона остается ряд необследованных районов, где и следует ожидать открытия

новых памятников боршевской культуры. Сегодня, состояние источниковой базы не позволяет делать каких-либо утвердительных выводов, однако, сугубо предварительно, можно отметить некоторые специфические черты этой группы памятников. Среди них – отсутствие укрепленных поселков, использование исключительно печей-каменок, преобладание жилищ срубной конструкции, практически полное отсутствие орнаментированной веревочной штамповой посуды (3 фрагмента на Замятино-10), преобладание орнаментации пальцевыми вдавлениями и защипами по венчику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирюков И.Е.* Отчет археологической экспедиции Липецкой госдирекции по охране культурного наследия области за 2001 г. // Архив ИА РАН
- Бирюков И.Е.* Выявление и обследование объектов археологии на территории Липецкой области // Археологические открытия 2010 г. в Липецкой области. Липецк, 2011.
- Винников А.З.* Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж, 1995.
- Голотвин А.Н.* Отчет о раскопках городища Чернышева гора на р. Дон в Семилукском районе Воронежской области в 2007 г. Воронеж, 2008 // Архив ИА РАН
- Григорьев А.В., Обломский А.М.* Материалы боршевской культуры поселения Ксизово-17 // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи. Воронеж, 2008.
- Земцов Г.Л.* о проведении археологических работ в Задонском, Елецком и Краснинском районах Липецкой области экспедицией Липецкого государственного педагогического университета в 2001 году. Липецк, 2002 // Архив ИА РАН.
- Земцов Г.Л.* Раскопки поселения Мухино-2 в Задонском районе // Археологические открытия 2008 г. в Липецкой области. Липецк, 2009.
- Ивашов М.В., Тропин Н.А.* Древнерусское селище X – первой половины XIII вв. у д. Замятино на р. Дон // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула, 2003.
- Инишаков А.А.* Отчет о раскопках городища у с. Ксизово Задонского района Липецкой области в 2007 г. Елец, 2008
- Ляпушкин И.И.* О датировке городищ роменско-боршевской культуры // СА. IX. 1947.
- Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования государства (VIII – первая половина IX в.) Историко-археологические очерки. МИА № 152. Л., 1968.
- Москаленко А.Н.* Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981.
- Обломский А.М.* Отчет о работах раннеславянской экспедиции в 2008 г. Москва, 2009 // Архив ОБУК «Госдирекция».

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времен (Раннеславянский мир. Вып. 6). М., 2004.

Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец, 2006.

Тропин Н.А. Отчет о раскопках городища у с. Ксизово в 2006 г. на территории Задонского района Липецкой области. Елец, 2007а // Архив ИА РАН.

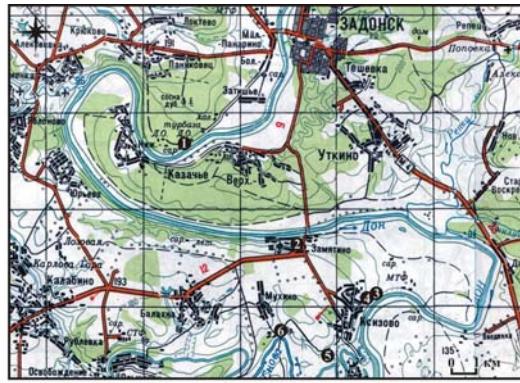
Тропин Н.А. Раскопки городища у с. Ксизово Задонского района // Археологические открытия 2006 г. в Липецкой области. Липецк, 2007б.

Разуваев Ю.Д. Первые данные об укрепленных поселениях конца I тысячелетия до н.э в лесостепном Подонье (по материалам Ксизовского городища) Восточно-европейские древности скифской эпохи. Воронеж, 2011.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987-1993 гг. // На Юго-Востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования. Воронеж, 1996.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище XII-XIII вв. на р. Дон (итоги раскопок 1984-86 гг.) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.

Чубур А.А. Отчеты о работах в Задонском районе Липецкой области за 1992–993 гг. // Архив ОБУК «Госдирекция».

- 1 - Затишье 1, поселение;
- 2 - Замятино 10, поселение;
- 3 - Ксизово 17, поселение;
- 4 - Ксизово, городище;
- 5 - Ксизово 4, поселение;
- 6 - Мухино 2, поселение.

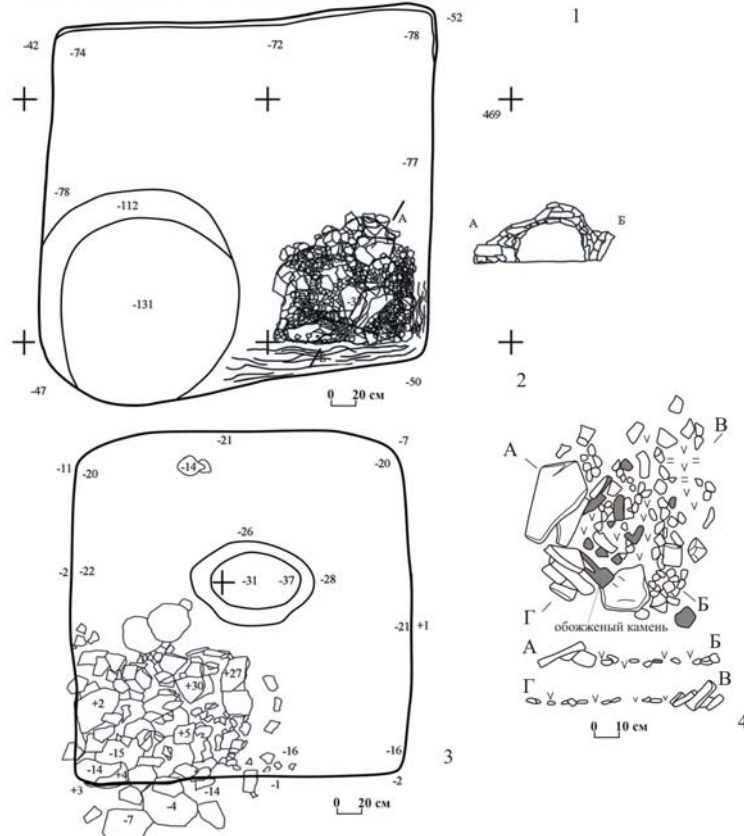

Рис. 1

ОСТЕОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЭТАПНОГО РАЗВИТИЯ СКОТОВОДСТВА СЛАВЯНО-РУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДНОЕ

В.В. Колода¹, Р.В. Кройтор²

*1 - Харьковский национальный педагогический университет, Харьков,
Украина*

*2 - Центр археологии Института культурного наследия АН Молдовы,
Кишинев, Молдова
koloda_v@mail.ru*

Славяно-русский памятник у с. Городное Краснокутского района Харьковской области (Украина) расположен близ южной окраины села на высоком правом берегу р. Мерла (правый приток р. Орель) в 1 км от впадения в неё р. Мерчик. Памятник состоит из небольшого городища "Замок", обширного селища и могильника. Поселение исследовали А.А. Моруженко (1974–1975 гг.) и В.В. Колода (2002). Остеологические материалы последних исследований легли в основу данной работы. На селище выделяются несколько культурных горизонтов: IX–X вв., X–XI вв., XI–XIII вв. Последний представлен и на городище. Весьма показательным являются остеологические материалы этих горизонтов.

Археозоологический комплекс IX–X вв. характеризуется разнообразием дикой фауны (медведь, волк, лиса, косуля, дикий кабан, лось), которые чаще всего представлены единичными экземплярами. Домашние животные представлены одной особью домашней свиньи и двумя особями крупного рогатого скота. Комплекс X–XI вв. представлен остатками лося (одна особь), дикого кабана (две особи), крупного рогатого скота (две особи) и домашней козы (одна особь). Материал XI–XIII вв. (суммарно по селищу и городищу) представлен фрагментами домашних (лошадь и свинья – по 1 особи, коза – 2 и крупного рогатого скота – 3 особи) и диких животных (лось – 1 особь, кабан и косуля – по 2 особи); в целом, по количеству костных остатков домашние животные представлены лучше.

Таким образом, не смотря на мало репрезентативную выборку, видна динамика развития хозяйства и изменение общего характера потребляемой мясной пищи. Если на первом этапе видовой состав дикой фауны, потребляемый в пищу превалировал над домашними животными, а наличие хищников сдерживало развитие скотоводства. В археозоологическом материале на втором и третьем этапе кости хищников отсутствуют. Кроме того возрастает удельный вес домашних животных, что свидетельствует о возрастании роли скотоводства по мере вхождения территории и населения в Киевскую Русь.

О ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ ДОНСКИХ СЛАВЯН (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА ТИТЧИХА)

В.В. Енуков, О.Н. Енукова
Курский государственный университет, Курск, Россия
vvenukov@gmail.com

История осмысления облика славяно-русского жилья имеет почтенный возраст, причем первый серьезный опыт реконструкции был предпринят в сер. XX вв. на материалах боршевской культуры. П.П. Ефименко и П.Н. Третьяковым было доказано знакомство боршевцев со срубной техникой (Ефименко, Третьяков, 1948. С. 26). Изучение домостроительства Подонья было продолжено А.Н. Москаленко, в основу чего были положены материалы масштабно и качественно изученного памятника – городища Титчиха. Исследователь с большим сомнением относилась к возможностям реконструкции наземной части сооружений, считая при этом вслед за П.П. Ефименко и П.Н. Третьяковым, что сруб не соотносится со стенами дома, а является, как и облицовка из досок, покрытием стен земляной камеры (Москаленко, 1965. С. 44, 53). В изданной посмертно работе позиция А.Н. Москаленко относительно наземной части домов остается осторожной, хотя и уточняется. В частности, она возражает против предположения П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова о плетневой конструкции стен, допуская при этом, что в неглубоких полуземлянках в случае использования срубной техники стены возвышались над землей (Москаленко, 1981. С. 80, 90, 91).

Заметно более определенную позицию занял ведущий современный исследователь боршевских древностей А.З. Винников. По его мнению, обшивка котлованов и стен в большинстве случаев представляло собой единое целое. В каркасно-столбовых конструкциях ведущей была схема крепления горизонтальных плах в пазы вертикальных стояков, что позволяло стенам возвышаться над уровнем земли. Допускается и существование каркасно-столбовых стен с закладкой плах, для чего возвышающиеся части жилища присыпались землей (Винников, 1995. С. 20, 27–30). С этой позицией в основном солидарен В.Н. Ковалевский, который со ссылкой на данные А.З. Винникова приводит план Титчихи с выделением построек разных конструкций (Ковалевский, 2005. С. 69. Рис. 5).

В целом вопросам методики реконструкции славяно-русского жилья посвящена обширная литература, однако можно выделить исследования, оказавшие определяющее влияние на решение проблемы. Несомненно, к их числу относится публикация И.И. Ляпушкиным материалов Новотроицкого городища с графическими реконструкциями, которые широко использовались в разных работах вплоть до современных. В их основе была каркасно-столбовая землянка, перекрытая грунтом, хотя вероятность использования срубной техники не отрицалась. Отметим, что И.И.

Ляпушкин предположил наличие отступа между стенками котлована и кровлей, что фактически предполагало существование лавы-«полки» по периметру жилища (Ляпушкин, 1958. С. 200. Рис. 110, 112–114). Близок подход и П.А. Раппопорта, в реконструкциях которого, однако, отступ исчез, а стены стали возвышаться над уровнем земли. К востоку от Днепра, по его мнению, господствовала каркасно-столбовая схема (фактически, закладная), при этом стены были призваны укреплять увеличившиеся по размерам внешние подсыпки (Раппопорт, 1975. С. 158., 159. Рис. 58, 59). Выступивший с критикой этих построек Г.В. Борисевич пришел к выводу, что такой дом нереален с точки зрения строительной техники. Выход из этой ситуации сводился к следующему: стены домов представляли собой сруб, поставленный с отступом от котлована (Борисевич, 1978. С. 284).

Предложенное Г.В. Борисевичем решение в дальнейшем в немалой степени определило направление исследований, в результате чего были выделены признаки реконструктивного характера (Дьяченко, 1991; Моргунов, 2002; 2011; Григорьев, 2003; Петрашенко, 2004. Рис. 21; Коваль, 2007), что в итоге позволило свести их в комплексы, свидетельствующие об использовании той или иной строительной схемы (Енукова, 2005; 2007. С. 21–29; 2011). Исходя из них, проанализируем домостроительство населения боршевской культуры на примере городища Титчиха, обращение к которому является неслучайным. Во-первых, в большинстве жилищ сохранились остатки сгоревшего дерева, что встречается довольно редко и значительно расширяет возможности реконструкции. Во-вторых, материалы раскопок полностью опубликованы, что позволяет любому потенциальному критику полученных в настоящей работе выводов обратиться к первоисточнику.

Рассмотрим постройки с предполагаемой каркасно-столбовой конструкцией, для чего используем сводную таблицу характеристик котлованов А.Н. Москаленко (1981. Табл. 1) и упоминавшийся план В.Н. Ковалева (2005. Рис. 5). Их данные в большинстве своем совпадают (постройки 2–6, 8–12, 15, 16, 21, 22, 24, 34, 39, 41, 42, 45, 46), однако в 7 случаях интерпретация различается (постройки 7, 27, 29, 30, 32, 36, 38). В результате образуется группа из 28 сооружений.

Каркасно-столбовой конструкции стен с использованием наборной техники должен соответствовать комплект столбовых, в идеале «регулярно» расположенных, ямок в количестве 8 (с учетом центральных), хотя в относительно небольших котлованах их может быть 4 (по углам). Сразу оговоримся, что в ходе археологических исследований их может быть зафиксировано и меньше по самого разного рода причинам (специфика грунта, разрушение объекта землероями и т.д.), поэтому к случаям с небольшими отклонениями от «комплектности» нужно относиться с особым вниманием. Ямки должны быть достаточно крупными, соответствующие бревнам не менее 20 см, т.к. в противном случае независимо от того, использовалась ли наборная или закладная техника, они вряд ли могли

выполнять функции стояков. В тоже время необходимо учитывать случаи, когда для установки столба выкапывалась значительная по размерам ямка, в которую устанавливался тонкий столбик, а свободное пространство забутовывалось. Такие ситуации зачастую трудноуловимы, однако известны, в том числе и на Титчихе (постройка 9).

Из 28 выделенных объектов в 13 (№№ 4, 7, 9, 10, 15, 16, 22, 24, 39, 41, 42, 45, 46) была зафиксирована облицовка котлована, выполненная в закладной технике, что подтверждается сохранившимися столбиками-подпорками, прижимающими к стенкам горизонтальные плахи. В качестве примера остановимся на постройке 39 (рис. 1). Если бы не сохранились остатки деталей обшивки, то по формальным признакам конструкцию стен дома можно было бы считать каркасно-столбовой. Этому полностью соответствует комплект из 8 расположенных «регулярно» столбовых ям, в основном имевших довольно крупные размеры. Однако расположение с внешней стороны облицовки вертикальных столбиков, сохранившихся в северо-западном и северо-восточном углах, а также в центральных частях северо-западной и юго-западной стенок однозначно указывает на использование заклада. В последнем случае столбик, расколотый пополам, прижимал плаху, в которой была специальная вырубка. Дополнительным аргументом использования именно закладной техники являются остатки горизонтальных деталей обшивки котлована, которые не имеют «разрыва» на месте центральных ямок, что было бы обязательным при использовании забирки.

Данные постройки 39 ставят еще один вопрос по методике реконструкции, который пока возникает только при анализе материалов Титчихи. Дело в том, что в целом ряде случаев под сохранившимися столбиками отсутствует ямки (постройки 15, 24, 39, 41, 42, 45, из числа отнесенных к предполагаемым срубным – 23, 40, 43). Иногда это может объясняться смещением обшивки по направлению к центру котлована в процессе археологизации объекта, как это делает А.Н. Москаленко при описании постройки 40 (1965. С. 210). Можно полагать, что в некоторых объектах такие следы столбов были просто не прослежены, однако, вполне вероятно, отсутствие ямок отражает ситуацию, когда столбики не вкапывались, а просто «стояли», закрепленные нагрузкой от горизонтального покрытия лав, на чем мы остановимся ниже. В этих случаях облицовка, несомненно, имела еще более облегченный характер. В постройке 39 положение стояка в северо-западном углу может объясняться смещением, однако столбики в центре северо-западной и юго-западной стен, скорее всего, просто «стояли».

Обшивка еще 12 котлованов (№№ 2, 3, 5, 8, 21, 27, 29, 30, 32, 34, 36, 38) была определена как «неаккуратная». Фактически это – вариант заклада еще более ослабленного характера, что выражается в некомплектности ямок, в «нерегулярности» их расположения и небольшом диаметре. Судя по всему, в части этих объектов закладная техника дополнялась приемом расклинивания (№№ 13, 29, 38). Последний был впервые достоверно зафиксирован при

раскопках Липинского селища. Суть его сводится к следующему: плахи, расположенные вдоль двух параллельных стенок котлована, упираются в края обшивки, идущей вдоль двух других параллельных стенок (Енуков, 2007. Рис. 93, 109, 110). Использование такого сочетания можно предположить и в других случаях некомплектности столбовых ямок.

В результате в 25 котлованах из 28 облицовка имела явно облегченный характер, при этом во всех определяемых ситуациях она была выполнена с использованием закладной конструкции, дополнявшейся расклиниванием. Только в трех сооружениях можно предполагать набор плах в пазы стояков (№№ 6, 11, 12), хотя это и неоспорно. Так, в постройке 11 крупная подпрямоугольная яма у юго-восточной стенки была заметно выдвинута к центру, в постройке 12 нарушена «регулярность» в расположении столбов, а остатки плахи у северо-восточной стены полностью перекрывали ямку, что более соответствует закладу. Поэтому не исключено, что и здесь мы имеем дело с закладной обшивкой, как и в случае с постройкой 39.

Оставшиеся 18 построек предположительно были отнесены к срубным. Два сооружения из этого списка надо исключить: постройка 18 была исследована частично, а постройка 37 не имела печи и использовалась для сбора мусора. Соответственно, «претендентов» остается 16 (№№ 1, 13, 14, 17, 19, 20, 23, 25, 26, 28, 31, 33, 35, 40, 43, 44). Однако большинство котлованов имело столбовые ямки, нередко многочисленные и небольшого диаметра, в том числе и у стенок (№№ 1, 13, 14, 17, 19, 20, 23, 26, 28, 35), что зачастую не позволяет их связывать со стульями под закладные венцы. Судя по всему, это следы все той же «неаккуратной» облицовки котлованов, но худшей археологической сохранности. На это указывают и случаи, когда в объектах сохранились детали обшивки: в двух постройках были прослежены остатки стоек от заклада (№№ 40 и 43). Судя по всему, не могли составлять единого целого со стенами дома и облицовка котлована постройки 33, т.к. пространство за печкой было выложено кусками мела. В результате срубы, впущенные в котлован, можно предполагать только в постройках 19, 25 и 31, в которых ямки были единичными.

Подведем промежуточные итоги. Из 44 построек в 3 случаях, хотя и предположительно, можно говорить об использовании забирки и еще в 3 – срубной техники. В подавляющем большинстве котлованов облицовка имела облегченный характер и технически не могла иметь наземное продолжение в виде стен жилища. Это подтверждается и относительно небольшим диаметром большинства столбиков, которые в целом ряде случаев раскалывались пополам.

В этой ситуации практически единственным техническим решением проблемы являлось возведение стен с отступом от котлована, причем отсутствие в непосредственной близости от сооружения столбовых ямок логично расценивать как один из признаков срубной конструкции. Это вариант, предложенный еще В.Г. Борисевичем, в дальнейшем плодотворно

использовался в представительном ряде исследований реконструктивного характера (Дьяченко, 1991. Рис. 5; Моргунов, 2002. Рис. 5; 2011. Рис. 2, 3, 4; Григорьев, 2003. Рис. 1, 2; Петрашенко, 2005. Рис. 21; Енукова, 2005. Рис. 1, 2; Супруненко и др., 2009а. Рис. 41; Супруненко и др., 2009б. Рис. 89, 90). В результате вдоль стен дома получались лавы или полаты, которые наряду с расположенной в углу печкой определяли интерьер славянского дома на протяжении сотен лет.

Ослабленная конструкция обшивки котлованов является наиболее часто встречаемым признаком поставленных с отступом срубных стен. Конечно, идеальным доказательством этой строительной схемы является наличие следов закладного венца. Такого рода находки на славяно-русских памятниках известны, хотя и немногочисленны, что вполне понятно с учетом фактически наземного характера строений и наличия на памятниках зачастую сухого слоя (Моргунов, 2002. Рис. 5: Б; Енукова, 2007. Рис. 51). Однако выделяются и другие признаки. Так, самой удобной строительной площадкой для сруба является горизонтальная плоскость. Относительно небольшие перепады микрорельефа, до 0,5 м, устраняются с помощью подвалов или ступеней, однако на памятниках роменской культуры (Горналь, Рать) хорошо известны специальные нивелировки путем подрезки или подсыпки. Площадка Титчихи относительно ровная, однако один такой случай отмечен и здесь (постройка 4). Перекрыть котлованы, имеющие выступающие за его пределы элементы интерьера (вход, ниша), также можно только стенами с отступом от него (№№ 20, 31, 34). Вероятно, к числу последних следует отнести и постройку 3, к углу которой, редчайший случай, примыкало маленькое хозяйственное помещение. Свидетельством наличия покрытия у горизонтальных частей «полок» и, как следствие, отступа, являются опорные столбики в забутовке между обшивкой котлована и его стенками (№№ 35, 36, возможно, 23).

В Титчихе фиксируется еще один, ранее не отмечавшийся на памятниках с сухим слоем, признак поставленных с отступом от котлована срубных стен. Для большей части исследованной на городище площади характерно отсутствие столбовых ямок, однако на юго-восточном участке раскопа I, где располагается примерно треть всех исследованных жилищ, их неожиданно много. В целой серии случаев отчетливо читаются следы наземных сооружений, которые А.Н. Москаленко совершенно справедливо трактует как остатки хозяйственных построек с плетневыми стенами (Москаленко, 1965. С. 60, 61. Вклейка). Однако для нас важнее другое: вокруг котлованов, как правило, идет зона, свободная от ямок, которые за ее пределами иногда даже как бы повторяют форму жилищ. Трактовать эту картину можно вполне определенно: эти участки перекрывались жилищем. В некоторых случаях есть основания полагать, что такие ямки соответствовали плетневым стенкам платформ для фундамента под сруб, что хорошо известно по материалам из мокрого слоя киевского Подола (Сагайдак, 2010. Рис. 3). В качестве примера

обратимся к планиграфии постройки 35. С северо-востока ее котлован охватывает П-образная цепочка столбовых ямок, расположенных на расстоянии около 1 или несколько более метра. В Киеве обычно граница платформы если и превышала предела сруба, то не намного. Соответственно, в постройке 35 стены отступали от границы примерно на полметра или немного больше.

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют считать, что ведущей домостроительной схемой населения Титчихи являлся сруб, поставленный с отступом от котлована, обшивке стен которого как несущего элемента явно уделялось второстепенное внимание (рис. 2). Отклонения от этой конструкции можно предполагать только в 6 случаях, которые, однако, не имеют бесспорных доказательств. В заключение отметим, что аналогичные строительные решения безраздельно господствовали и у ближайших западных соседей – роменцев междуречья Сейма и Псла, территория которых в пределах Днепро-Донской лесостепи на сегодня изучена лучше всего с позиций воссоздания облика жилья.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-11-46000 «Домостроительство населения лесостепи Днепро-Донского междуречья в VIII–X вв.: реконструктивный анализ».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисевич В.Г.* Рец. на свод Раппопорта П.А. Древнерусское жилище // СА. 1978. № 4.
- Винников А.З.* Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж, 1995.
- Григорьев А.В.* Жилые постройки начального этапа славянской колонизации бассейна р. Упы // Куликово поле: исторический ландшафт. Природа. Археология. Музейное дело. Т. I. Тула, 2003.
- Дьяченко А.Г.* О характере жилищно-хозяйственной архитектуры и планировке Донецкого городища в IX – начале X вв. // Археология славянского юго-востока. Воронеж, 1991.
- Енукова О.Н.* К вопросу о методике реконструкции славяно-русского жилища // Ю.А. Липкин и археология Курского края. Мат. межрегион. научн. конф. (Курск, 15–17 ноября 2004 г.). Сб. статей. Курск, 2005.
- Енукова О.Н.* Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Труды НИИ археологии юго-востока Руси Курск. гос. ун-та. Курск, 2007.
- Енукова О.Н.* Вопросы методики реконструкции славяно-русского жилья в условиях «сухого» слоя // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 3 (19). Т. 2.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Древнерусские поселения на Дону // МИА. 1948. № 8. М.: Л.

- Ковалевский В.Н.* Славянские срубные жилища VIII – первой половины XI вв. с территории Днепро-Донского междуречья // Ю.А. Липкин и археология Курского края. Мат. межрегион. научн. конф. (Курск, 15–17 ноября 2004 г.). Сб. статей. Курск, 2005.
- Коваль В.Ю.* Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // Археология Подмосковья: Мат. научн. семинара. Вып. 3. М., 2007.
- Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое о культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА. 1958. № 74.
- Москаленко А.Н.* Городище Титчиха (из истории древнерусских поселений на Дону). Воронеж, 1965.
- Москаленко А.Н.* Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981.
- Моргунов Ю.Ю.* О некоторых особенностях домостроительства поселения Самсониев Остров на средней Суле // РА. 2002. № 2.
- Моргунов Ю.Ю.* Домостроительство летописного г. Снепород // РА. 20011. № 3.
- Петрашенко В.А.* Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). Киев, 2004.
- Сагайдак М.А.* Гражданская архитектура Киева X–XIII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Мат. Междунар. научн. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб, 2010.
- Супруненко О.Б., Пуголов Ю.О., Мироненко К.М., Ткаченко О.М., Шерстюк В.В., Яремченко В.А.* Дослідження посаду літописної Лтави: Інститутська гора. Київ–Полтава, 2009а.
- Супруненко О.Б., Пуголов Ю.О., Мироненко К.М., Шерстюк В.В., Яремченко В.А.* Дослідження посаду літописної Лтави: Інститутська гора. Київ–Полтава, 2009б.

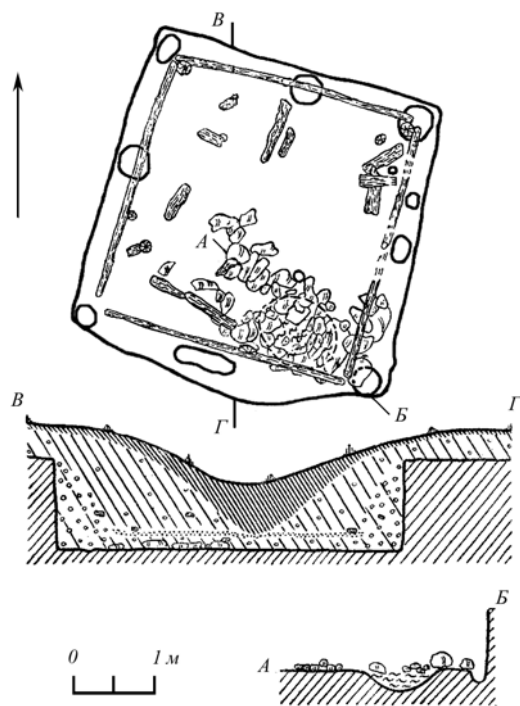

Рис. 1. Городище Титчиха. Постройка 39.

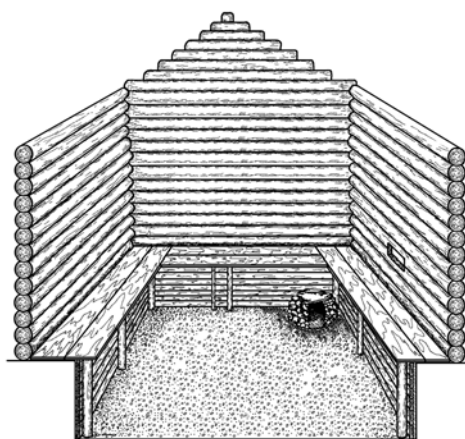

Рис. 2. Городище Титчиха. Реконструкция постройки 39.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК ВБЛИЗИ СТАНИЦЫ СУВОРОВСКОЙ НА НИЖНЕМ ДОНУ

Я.А. Кияшко

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
kiyashko.ya@gmail.com*

В истории изучения салтово-маяцкой культуры (далее СМК) одним из наиболее важных моментов является деятельность Волго-Донской археологической экспедиции, связанная с изучением археологических памятников в зоне заполнения Цимлянского водохранилища. Для более детального изучения территории был специально организован в составе экспедиции разведывательный отряд во главе с И.И. Ляпушкиным. Перед ним была поставлена задача произвести сплошное обследование зоны затопления с целью выяснения археологического облика региона, а также проведение археологических работ разведывательного характера на наиболее важных обнаруженных памятниках. Территория исследований захватила оба берега р. Дон от Калачевского района Волгоградской области (хутор Малый Набатов) до станицы Цимлянской Ростовской области. Работа отряда длилась два летних сезона 1950-1951 гг. [Ляпушкин И.И., 1958, с. 227-228].

Среди изученных отрядом поселенческих памятников раннесредневекового времени, поселения СМК являются наиболее многочисленной группой. Обследованию подверглось 10 поселений, которые находились как по берегу р. Дон так и по р. Чир и озеру Ильмень. [Ляпушкин И.И., 1958, с. 255-259].

После сооружения Цимлянского водохранилища, данные памятники считались утерянными для науки и их исследования практически не проводились. Однако, стоит отметить, что прогнозы исследователей касательно масштабов зоны заполнения водохранилища себя не оправдали и оказались менее значительными, чем ожидалось.

В связи с этим, автором были проведены археологические работы носившие разведывательный характер на поселении вблизи станицы Суворовской Суровикинского района Волгоградской области.

Данный памятник был открыт И.И. Ляпушкиным в 1951 году, где вышеупомянутый разведывательный отряд провел раскопочные работы (6-10 июля 1951 г., 25 октября - 2 ноября 1951 г.). В обоих случаях исследования были посвящены тем участкам, где в обресе оврагов и балок были отчетливо заметны ямы, врезанные в материк, а также выходы сильно обожженной глины. В процессе раскопок был вскрыт мощный культурный слой, содержащий хозяйственные и производственные комплексы (две полуземлянки, хозяйственная яма грушевидной формой и три гончарно-обжигательных печи). Керамика, найденная в большом количестве, позволила отнести памятник к салтово-маяцкой культуре, а анализ материала

дал И.И. Ляпушкину возможность датировать памятник VIII - X вв. [Ляпушкин И.И., 1958, с. 335].

В ходе работ проводившихся нами осенью 2011 года был снят топографический план памятника, из которого следует, что поселение Суворовское I (данное название было присвоено в связи с отсутствием сведений о поселении в Государственном списке памятников Волгоградской области) расположено на второй надпойменной террасе реки правого берега Дон, которая в настоящее время размыта водами Цимлянского водохранилища (Рис.1).

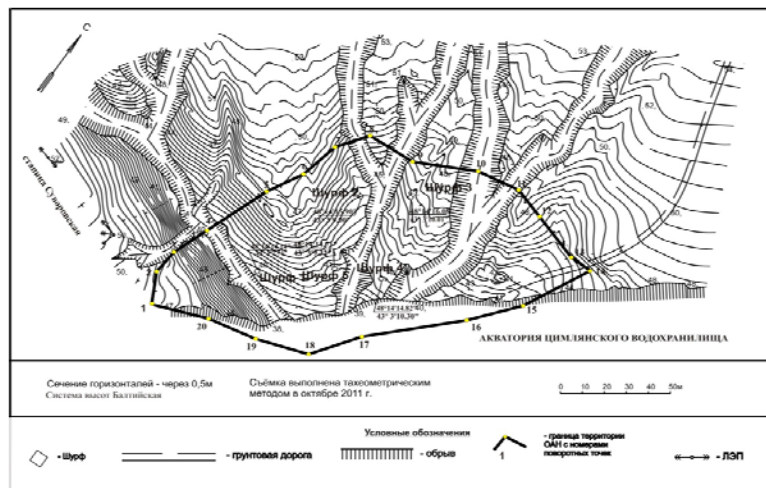

Рис. 1. Топографический план поселения Суворовское I

Памятник занимал участок террасы, изрезанный многочисленными оврагами, верховья которых сохранились до настоящего времени. Площадка поселения имела, по описанию И.И. Ляпушкина "амфитеатрообразную" форму, большая часть которой на данный момент оказалась обрушенной из-за действий вод Цимлянского водохранилища во время весенних паводков.

Помимо визуального осмотра и сбора подъемного материала были проведены шурфовочные работы с целью выявления границ и основных особенностей памятника.

В итоге было установлено, что территория поселения вытянуто по краю береговой линии с запада на восток не более чем на 200 м, ширина (по линии север-юг) составляет не более 140 м. С севера и запада памятник граничит с современной станицей Суворовской. Южная окраина представляет собой береговую полосу, созданную путем заполнения водохранилища. Естественной восточной границей памятника является склон террасы.

Подъемный материал располагался как на поверхности площадки, так и в обрезах оврагов и балок, которые прорезают площадку по направлению от плато к береговому обрыву. Выходы культурных отложений наиболее отчетливо заметны в береговых отложениях оврагов. В основном подъемный материал собран непосредственно по берегу Цимлянского водохранилища. Также в ходе осмотра береговой полосы было обнаружено две гончарно-обжигательных печи.

Количество керамических продукции и плотность их расположения очень высока (1066 фрагментов на 20 м²). Стоит отметить, что керамический материал поселения Суворовское I крайне разнообразен, однако практически все типы сосудов известны нам и на других памятниках СМК (Крымское, Правобережное Цимлянское, Левобережное Цимлянское и т.д.) [Артамонов М.И., 1958; Иванов А.А., 2009; Плетнева С.А., 1994, 1959]. Большое количество найдено фрагментов лощеной посуды (Рис 2. 2,4). Помимо лощенных одноручных кувшинов с поднятым либо загнутым сливом, имеется также и двуручные сосуды. Орнаментация варьируется от параллельных горизонтальных либо вертикальных линий, до более сложных элементов (волна и т.д.). Также встречается большое количество горшкообразных сосудов самых разных размеров (Рис.2. 1, 3, 5-7). Поверхность их сплошь покрыта прочерченным линейным орнаментом вдоль всего тулова либо комбинированным линейным-волнистым орнаментом. По краю венчиков зачастую прослеживается орнамент в виде наколов нанесенных оттесом зубчатого штампа, либо же пальцевыми зацепками (ложноперевитый). Среди интересных материалов, можно отметить фрагмент сероглиняной сковородки с прочерченным линейным орнаментом. По краю венчика нанесен орнамент в виде дуги. Тесто плотное с примесью шамота и песка (Рис.2. 8) . Среди керамических материалов не найдено ни одной амфоры, характерной для поселений СМК.

Особенность топографии местности, наличие гончарных комплексов и большого количества керамических изделий, наводит на мысль об производственном характере поселения Суворовское I, что достаточно редко для нижнедонских памятников СМК. Учитывая тот факт, что территория поселения ежегодно подвергается разрушению по причине разлива вод Цимлянского водохранилища, проведение масштабных археологических работ по сохранению и изучению памятника является первостепенной задачей дальнейшего хода исследования.

Литература:

1. Артамонов М.И. Саркел - Белая Вежа / М.И. Артамонов // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. 1958. - Т. I. (МИА; №62). М. – С. 7-84
2. Ляпушкин И.И. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища / И.И. Ляпушкин // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. 1958. - Т. I. (МИА; №62), М. - с. 227-262

3. Ляпушкин И.И. Средневековое поселение близ ст. Суворовской / И.И. Ляпушкин // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. 1958. - Т.1. (МИА; №62), М. - С.323-336.
4. Иванов А.А. Крымский археологический комплекс: исследования 2006-2009 гг. / А.А. Иванов // Хазары: миф и история. М.(Мосты культуры) Иерусалим.(Гершаим), 2011, с. 249-272
5. Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV
6. Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи //Труды Волго-Донской археологической экспедиции. 1959. - Т.II. (МИА №75), М. - с. 212-272.

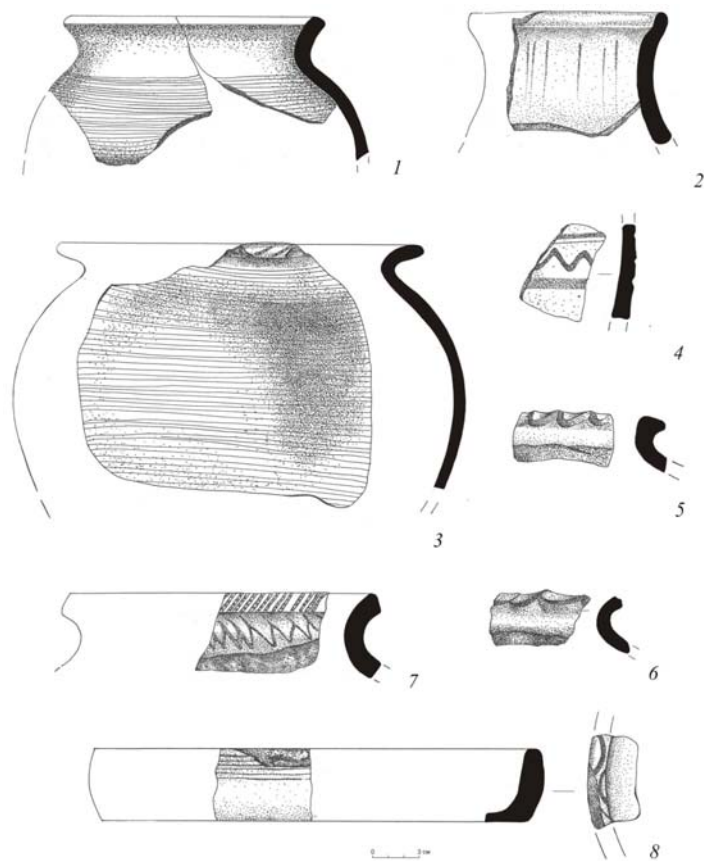

Рис.2 Керамический материал поселения Суворовское I

1, 3, 5, 6, 7 - горшкообразные горшки

8 - фрагмент сковородки

2, 4 - лощеная посуда

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ X–XII ВВ. НА ТАМАНИ?

В.Н. Чхаидзе

Институт археологии РАН, Москва, Россия
chkhaidze.v@yandex.ru

Впервые вопрос о появлении и присутствии славяно-русского населения на Дону и Тамани возник в русской исторической науке в конце XVIII в. и был связан с обнаружением Тмутараканского камня. Однако, на всем протяжении XIX в. гипотеза о так называемой «азово-причерноморской Руси» не выходила за рамки «баталей», имевших в своей основе различную трактовку скудных нарративных данных (историография вопроса: Гадло, 2002. С. 14-39; Кириленко, 2004. С. 39-47).

Лишь с 20-х гг. XX в. археологические изыскания внесли существенные изменения в рассмотрение этого вопроса. И первый опыт привлечения и анализа новых источников был предпринят И.И. Ляпушкиным в его классической работе *“Славяно-русские поселения IX–XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам”* (1941). В основу исследования были положены не опубликованные до сих пор материалы археологической экспедиции А.А. Миллера, работы которой в 1930–1931 гг. проводились на территории Таманского полуострова и, прежде всего, на Таманском городище (Таматарха–Тмутаракань) (Миллер, 1931. С. 26-29; 1932а. С. 58-60; 1932б. С. 67-68; Иессен, Миллер, 1932. С. 58-61). И.И. Ляпушкиным был проведен первый анализ керамического материала с Таманского городища в сопоставлении с другими, синхронными памятниками, прежде всего с Саркелом–Белой Вежей и рядом поселений Крымского полуострова. На основе изучения керамики, исследователем впервые были выделены: «салтовский» (хазарский) слой памятника, датированный VIII–X вв. и «тмутараканский» слой конца X–XII вв. (Ляпушкин, 1941. С. 191-244. Табл. III-V. Рис. 2-4).

Важно отметить, что уже на момент выхода в свет работы И.И. Ляпушкина идея о существовании приазовской прародины Руси и о раннем расселении славян на территории Таманского полуострова, была признана не научной. Данные археологии о появлении здесь славян до конца X в. отсутствовали, что и было отмечено исследователем (Ляпушкин, 1941. С. 199-201, 232). В целом, несмотря на попытки «реанимировать» Приазовскую Русь, предпринятые в начале 50-х гг. XX в. Б.А. Рыбаковым (см.: Брайчевский, 2001. С. 175-184; Воеск, 2005. Р. 32-46), а в последние годы – рядом маргинальных авторов, «азово-причерноморская Русь» IX в. не находит никакого подтверждения в источниках и на ней «можно поставить крест» (Назаренко, 2012. С. 31-32).

Большое внимание в работе И.И. Ляпушкина было уделено гончарным горшкам «с линейным и волнистым врезным орнаментом», которые предшествующие исследователи, в том числе А.А. Миллер, считали сходными со славянскими (Ляпушкин, 1941. С. 208, 214, 218, 227. Табл. III.3-4). Присутствие этих горшков только в слое VIII–X вв. как органически неотъемлемой части керамического комплекса, имеющего аналогии на Дону, позволили автору соотнести эту керамику, и, соответственно, ранние слои Таманского городища, с салтово-маяцкой культурой. С другой стороны, наличие в слое конца X–XII вв. лепной керамики («роменско-боршевской») (Ляпушкин, 1941. Табл. IV.1-4), не имеющей аналогов в Крыму, но хорошо известной на поселениях верхнего Дона и левобережья Днепра, по мнению исследователя, придают поселению этого времени «специфические черты», которые он склонен трактовать как присутствие здесь славянского населения (Ляпушкин, 1941. С. 213, 218, 220). Всего было выявлено 49 фрагментов лепных горшков, неравномерно распределенных в слое. Какое количество из них можно соотнести с «роменско-боршевским» типом, автор не указал. Между тем, по материалам масштабных работ 1952–1955 г. на Таманском городище экспедиции Б.А. Рыбакова было выявлено всего 2 фрагмента лепных горшков, которые были отнесены к «роменско-боршевскому» типу и датированы второй половиной X в. (Плетнева, 1963. С. 17-18. Рис. 9.15-16). Археологическое изучение Таманского городища, проводящееся с 1965 г., позволяет внести существенные коррективы в выводы И.И. Ляпушкина. Так необходимо отметить, абсолютное большинство археологических находок средневекового периода (прежде всего керамический материал, данные сфрагистики и нумизматики) не только Таманского городища, но и всех поселений полуострова, имеет греческое (византийское) происхождение (Чхаидзе, 2008. С. 253-255; 2012в. С. 256). За весь этот период не выявлено ни одного фрагмента славянской керамики. Не встречена она и ни на одном поселении на Таманском полуострове. И можно полагать, что лепная керамика, в силу ее незначительного количества, была неверно интерпретирована И.И. Ляпушкиным. Что же до 2 фрагментов из раскопок Б.А. Рыбакова, то уже было отмечено, что они не имеют отношения к Таманскому городищу (Чхаидзе, 2012в. С. 256). Усилия экспедиции под руководством Б.А. Рыбакова, работавшей в Тмутаракани в 50-е гг. XX в., специально направленные на поиски массовых следов славянского населения в средневековье, успехом не увенчались – результаты работ привнесли много нового в средневековую археологию Северо-Западного Предкавказья, но – ничего в идею о славянской доминанте на этой территории в средневековье (Чхаидзе 2012в. С. 256). Таким образом, уже сейчас следует отказаться от утверждений о славянской колонизации Северного Причерноморья и Крыма (см.: Хапаев, 2008. С. 247-248). Можно говорить лишь о незначительном присутствии славянского этнического компонента в составе городского населения. О поселениях же говорить не

приходится. И нет никаких свидетельств массового перемещения и преобладания в северокавказском регионе славянского населения с конца X в. и на протяжении всего XI в., как это отмечает ряд исследователей (Гадло, 1973. С. 88; 2004. С. 159; Алексеева, 1992. С. 37-38; Войтович, 2007. С. 70-71; и др.). При этом этнографические исследования показали, что славянское население появилось на Тамани не ранее конца XVIII в., с переселением сюда казаков, принесших свои традиции и новую строительную технику.

Мы можем отметить лишь ряд предметов, выступающих свидетельствами пребывания в Тмутаракани русских князей в XI в. Помимо тмутараканского камня, это накладка на лук с «трезубцем Рюриковичей» и три славянские кириллические надписи–граффити на фрагментах сосудов (Чхаидзе 2012в. С. 257).

Подобные факты позволяют утверждать, что в Тмутаракани (византийской Матархе) сохранялось очень сильное византийское влияние, обусловленное, прежде всего, наибольшей активностью торговых связей как с Византией, так и через ее посредство. При этом, безусловно, крупный торговый центр не мог не являться этнически разнородным (греки, ясы, касоги, козары). Русское же население в городе представлял наместник с управленческим аппаратом (если таковым являлся князь – с дружиной), а также торговый люд, с пребыванием и деятельностью которого на Северном Кавказе обнаруживается некоторое количество «русских» вещей.

И в XII в. в уже византийской Матрахе фиксируется русское присутствие, однако далеко не в таких масштабах, как об этом пишут отдельные авторы (Плахонін, 2004. С. 78-83). Так на Таманском городище была найдена каменная иконка второй половины XII в., связанная с культом Бориса и Глеба (Архипова, 2009. С. 161-165. Илл. 1). А недавно было высказано предположение, что нижняя строка на Тмутараканском камне была выполнена в XII–XIII вв. (Хоруженко, 2010. С. 278-287).

Перечисленными фактами исчерпываются свидетельства о присутствии славянского населения на территории Таманского полуострова в X–XII в., представления о значении и количестве которого, оказываются сильно преувеличенными в историографии. Подобным образом, на основании скудных и неверно интерпретированных данных, длительное время утверждалось о заселении Тамани протоболгарами в конце VI – конце VII вв. (Чхаидзе, 2012б. С. 14-22). Можно констатировать, что вплоть до XIV в. основным населением здесь являлись греки (византийцы). Политические же реалии четко свидетельствуют о включении Таматархи–Тмутаракани в сферу обширного бюрократического аппарата Византийской империи (Чхаидзе, 2012а. С. 48-50). И это несмотря на последовательное управление регионом Хазарским каганатом, а затем Древней Русью.

Литература

- Алексеева Е.П. 1992. Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X–XV вв. в отечественной исторической науке. Черкесск.
- Архипова Е.И. 2009. Каменная иконка с Тамани с изображением воина-мученика св. Глеба // Борисо-Глебский сборник. Вып. 1. Paris.
- Брайчевський М.Ю. 2001. Кримська сесія 1952 року // Ruthenica. Том 1. Київ.
- Войтович Л. 2007. Проблема утворення Тмутараканського князівства у світлі русько-хазарських стосунків X ст. // Хазарський альманах. Том 6. Київ–Харьков.
- Гадло А.В. 1973. О начале славяно-русской миграции в Приазовье и Таврику // Славяно-русская этнография. М.
- Гадло А.В. 2002. Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии. (История идеи) // От Тмуторокана до Тамани IX–XIX вв. Сб. РИО, № 4 (152).
- Гадло А.В. 2004. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.
- Иессен А.А., Миллер А.А. 1932. Таманская экспедиция 1931 г. // Сообщения ГАИМК, № 11/12.
- Кириленко С.О. 2004. Причорноморсько-Азовська Русь: історіографічний нарис // Український історичний журнал. № 3. Київ.
- Ляпушкин И.И. 1941. Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. № 6.
- Миллер А.А. 1931. Таманская экспедиция ГАИМК // Сообщения ГАИМК, № 1.
- Миллер А.А. 1932а. Таманская экспедиция ГАИМК 1931 г. (Краткий предварительный отчет об исследованиях в Таманском городище) // Сообщения ГАИМК, № 3/4.
- Миллер А.А. 1932б. Таманская экспедиция ГАИМК // Сообщения ГАИМК, № 7/8.
- Назаренко А.В. 2012. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.–Вологда.
- Плахонін А. 2004. Русь на Боспорі в XII столітті // Крим в історичних реаліях України. Матеріали наукової конференції. Київ.
- Плетнева С.А. 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
- Хапаев В.В. 2008. Славянская диаспора в средневековом Крыму: к преодолению историографических иллюзий // Сугдейский сборник. Вып. III. Киев–Судак.
- Хоруженко О.И. 2010. Надписи Тмутараканского камня и вспомогательные исторические дисциплины // Вопросы эпиграфики. Вып. IV. М.
- Чхаидзе В.Н. 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.

- Чхаидзе В.Н. 2012а. Византийская администрация в Таматархе–Тмутаракани в IX–XII вв. // IV Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь.
- Чхаидзе В.Н. 2012б. К вопросу о присутствии протоболгар на территории Таманского полуострова в конце VI – конце VII вв. и о “столице” Великой Болгарии – Фанагории // Дриновський збірник. Том V. Харків-Софія.
- Чхаидзе В.Н. 2012в. Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI в. // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев–Судак.
- Voeck B.J. 2005. Stone of Contention: Medieval Tmutarakan` As a Measure of Soviet Archeology in 1950s and 1960s // Ruthenica. Том 4. Киев.

НОВЫЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС РАННЕСАЛТОВСКОГО ВРЕМЕНИ С ГОРОДИЩА ТЕПСЕНЬ

В.И. Баранов¹, В.В. Майко²

1 - Институт археологии НАНУ, Киев, Украина

2 - Крымский филиал Института археологии НАНУ, Симферополь, Украина
Baranov_v@mail.ru

Поселение Тепсень расположено на юго-западной окраине поселка Коктебель в юго-восточной части Крымского полуострова и занимает практически всю территорию одноименного плато. Площадь плато, плавно понижающегося к югу, составляет 19,5 га, с южной и северной стороны оно ограничено крутыми склонами, высотой до 20 м., с востока и запада – неглубокими балками.

Исследования городища проводятся со значительными перерывами с 1927 г. За это время было изучено более 7000 кв. м. Н.С. Барсамов, первым исследовавший городище в 1927 г., датировал его XI – XII вв. и связал со славянами. Лишь 15 лет спустя И.И. Ляпушкин предложил новую культурную и хронологическую интерпретацию комплекса, отметив близость обнаруженных Н.С. Барсамовым артефактов к салтово-маяцким древностям. Сегодня городище на плато Тепсень прочно вошло в копилку археологической науки как один из эталонных комплексов крымского локального варианта салтово-маяцкой культуры и во многом благодаря именно И.И. Ляпушкину.

В 2011 г. экспедиция Крымского филиала Института археологии НАН Украины провела охранные археологические исследования на городище Тепсень, связанные с активной застройкой восточной части городища. На разных участках городища было разбито два раскопа, общей площадью 66 и 31,5 кв. м. соответственно и если на втором участке археологические комплексы были практически полностью уничтожены еще в древности и зафиксировать удалось только отдельные практически не стратифицированные артефакты и фрагментированные остатки кладок (стоит отметить, что среди них был найден точильный камень с рунической надписью), то на первом участке, несмотря на небольшую площадь, был выявлен целый ряд разновременных археологических комплексов, отразивших практически все этапы жизни городища на плато Тепсень. Среди них выделяется крупный производственный комплекс, относившийся к наиболее раннему периоду существования городища на плато Тепсень – концу VII – началу VIII вв.

Комплекс был зафиксирован в восточной части раскопа. Он состоял из двух печей (рис. 1, печь 2 и 4, фото), перед которыми была сделана производственная площадка. В древности здесь была неглубокая балка, которая визуально фиксировалась и во время раскопок. Именно в эту балку в слой материковой желтоватой глины и был врезан первый горн (рис 1, печь 2, фото). Горн овальной, почти округлой формы, размером 1х1,1 м, сохранился на высоту 0,25 – 0,3 м., стенки прокаленные на 0,05 – 0,06 м. Поверхность пода была утрамбована морским песком и галькой – видимо в целях термоизоляции от материковой глины. В древности горн был перекрыт глиняным сводом, достаточно небольшой высоты (до 0,5 м), о чем можно судить исходя из его остатков. Устье горна шириной 0,25 – 0,3 м выходило на восток в балку. Непосредственно перед горном в балке была сделана предпечная яма глубиной 0,6 м – материк здесь был подрезан, сnivelирован и плотно утрамбован щебнем, видимо для удобства работы с горном. Обслуживание горна осуществлялось через его свод, после использования он разбивался, а его остатки выбрасывались в предпечную яму, в результате чего она оказалась забита остатками печины, пепла и различного мусора (костей животных и керамики, что позволяет предположить использование предпечной ямы для сброса также и бытового мусора). Всего в предпечной яме удалось выявить четыре слоя щебеночной трамбовки толщиной 0,06 – 0,1 м, уложенной непосредственно на материковый грунт. Поверх слоя щебня, видимо, в ходе использования горна, образовался слой глинобитного пола мощностью 0,02 – 0,04 м, поверх которого залегал практически стерильный слой суглинка (мощностью до 0,2 – 0,3 м), поверх которого накопился слой суглинка с большим количеством артефактов, костей и разложившейся печины (мощность этого слоя составила так же 0,2 – 0,3 м).

Второй горн (Рис. 1,1, печь 4) был сооружен уже непосредственно на поверхности этого слоя, в результате чего он сохранился значительно хуже. Его удалось зафиксировать по термоизоляционному слою трамбовки поверхности пода морским песком и галькой, ни стенок горна, ни каких-либо иных конструктивных особенностей зафиксировать не удалось. Размеры горна, насколько это удалось установить, составляли около 1 – 1,2 м.

В дальнейшем комплекс был полностью сnivelирован, а на его месте во второй половине IX в. возвели обычный салтовский дом пятистенку.

Археологические артефакты были зафиксированы как в предпечной яме, так и непосредственно в горне, куда они попали уже после прекращения его использования. Среди находок, выявленных внутри горна необходимо отметить прежде всего остатки керамического сопла (рис. 2,2), использовавшегося, скорее всего, в ходе работы горна. Также в заполнении горна были обнаружены остатки нижней части остродонной красноглиняной амфоры с перехватом (рис. 2,3), ойнахой баклинского типа, лепных сероглиняных кухонных сосудов (рис. 2,4 – 6, 10). Ойнахой баклинского типа имеют достаточно широкий период бытования – по крайней мере с VII

в. н.э. по первую половину X в. Амфоры с перехватом известны с III в. н.э. и доживают по крайней мере до VII в. Наличие таких амфор в целом ряде салтово-маяцких комплексов на территории Керченского полуострова обычно трактуется как примесь снизу, но наличие дна подобной амфоры в нашем комплексе не оставляет сомнений – производство подобных амфор доживает до рубежа VII – VIII вв, а возможно и несколько позже. Уникальна коллекция лепной посуды, полученной из комплекса. С середины VIII в. на территории восточного и юго-восточного Крыма получает широкое распространение кухонная посуда салтово-маяцкого облика – яйцеподобные сероглиняные горшки с валикообразными венчиками, орнаментированные линейным или линейно-волнистым гребенчатым орнаментом. Практически с самого начала они производились при помощи ручного гончарного круга, который, в отличие от Подонечья, крайне быстро получает широкое распространение среди крымских салтовцев. В данном же случае практически все сосуды лепные (в выбросе предпечной ямы содержатся отдельные фрагменты гончарных кухонных сосудов). Отличает обнаруженные сосуды от салтово-маяцких и форма, более близкая к керамике юго-западного Крыма салтовского времени, чем юго-восточного. Особенно необходимо отметить сосуд тюльпановидной формы (рис. 2,4) – сосуды подобной формы практически не встречаются в салтово-маяцких древностях Крымского полуострова, зато широко распространены в комплексах болгар предсалтовского периода.

Уточнить дату функционирования комплекса позволяют артефакты, обнаруженные в заполнении предпечной ямы. Как уже отмечалось, непосредственно со временем функционирования горна было связано образование поверх трамбованной щебенки слоя глинобитного пола. Здесь были выявлены фрагменты амфор с мелким зональным рифлением (МЗР, 24 класс по Херсонесской классификации 1995 г.), фрагмент крупного кухонного сероглиняного сосуда, украшенного линейно-волнистым орнаментом, нанесенным острым предметом, и фрагмент кухонного сосуда изготовленного на ручном гончарном круге украшенного линейным орнаментом, нанесенным острым предметом (рис. 2,9). В слое суглинка, перекрывшем пол, были обнаружены фрагменты амфор с МЗР, фрагменты ойнахойевидных сосудов баклинского типа, и фрагменты лепных кухонных сосудов, а в перекрывшем его мусорном слое – фрагменты амфоры с ребром на горле (рис. 2,1), оранжевоглиняных пифосов, сосудов-ойнахой баклинского типа, фрагменты оранжевоглиняной фляги, фрагменты лепных и раннегончарных кухонных сосудов (рис. 2, 8, 11 – 12), лепного сероглиняного пифоса (рис. 2,7) и костей животных. Амфоры с мелким зональным рифлением (24 класс по Херсонесской классификации 1995 г.) относятся к одному из наиболее распространенных типов амфор салтово-маяцкого времени. На сегодняшний день, весьма условно, датой их появления можно считать конец VII – начало VIII вв. Верхний рубеж их

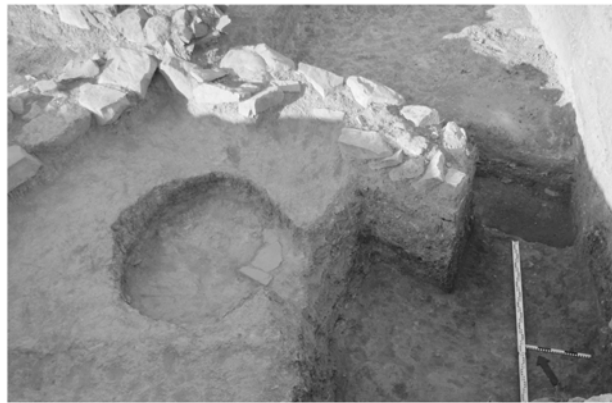
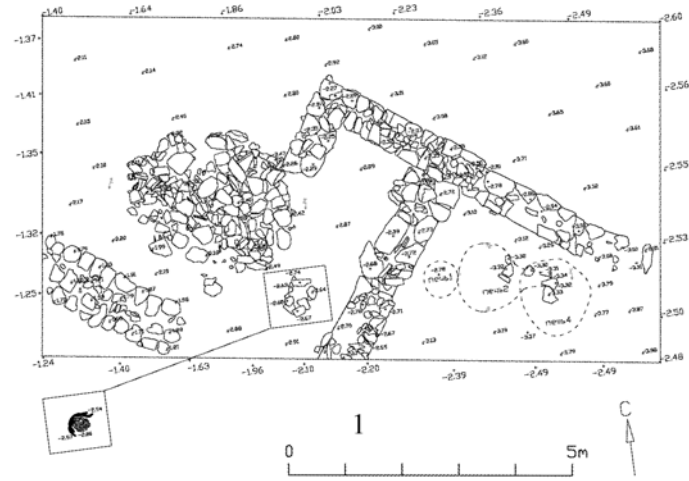
бытования не выяснен. Эти амфоры хорошо известны в Саркеле, где они вряд ли могли появиться раньше середины IX в. В целом, пока хронология амфор с МЗР должна быть ограничена концом VII – X вв. Несколько более редки амфоры с ребром на горле. Верхнюю границу бытования подобных амфор можно ограничить X в., сказать же что-то более конкретное о нижней пока не представляется возможным. Еще менее определенно можно сказать о лепной кухонной посуде, т.к. она пока не имеет прямых аналогий в салтово-маяцких древностях. Скорее интуитивно можно предположить, что она предшествует салтово-маяцкому гончарному производству, но насколько и где ее истоки мы пока сказать затрудняемся.

Суммируя выше сказанное, постараемся определить дату существования производственного комплекса, исследованного в 2011 г. на городище Тепсень. Наличие в одном комплексе амфор с перехватом, использование которых если и заходит в VIII в. то весьма незначительно, амфор с МЗР и амфор с ребром на горле, а так же преобладание лепной кухонной посуды и полное отсутствие салтовских форм позволяют нам отнести период функционирования комплекса к концу VII – первой половине VIII в. Более сложно судить о его предназначении. Никаких шлаков, бракованных изделий или иных следов производства, за исключением самого горна зафиксировано не было. Наличие сопла показывает достаточно высокую температуру, которая достигалась в горне в ходе применения. Можно предположить, что горн использовался для каких-то металлургических процессов – на это указывают находки большого количества толченой железной руды, обнаруженной в предпечной яме. В целом, комплекс занимает крайне важное значение для изучения салтово-маяцкой культуры, особенно ее начального этапа и нуждается в дальнейшем осмыслении и поиске аналогий.

Список иллюстраций.

Рис. 1. Раскоп 2011 г. на городище Тепсень. 1. План раскопа. 2. Фото горна и предпечной ямы.

Рис. 2. Артефакты обнаруженные в производственном комплексе. 1, 7–8, 11–12 – предпечная яма, мусорный слой. 2–6, 10 – заполнение горна. 9 – предпечная яма, пол.

2
Рис. 1

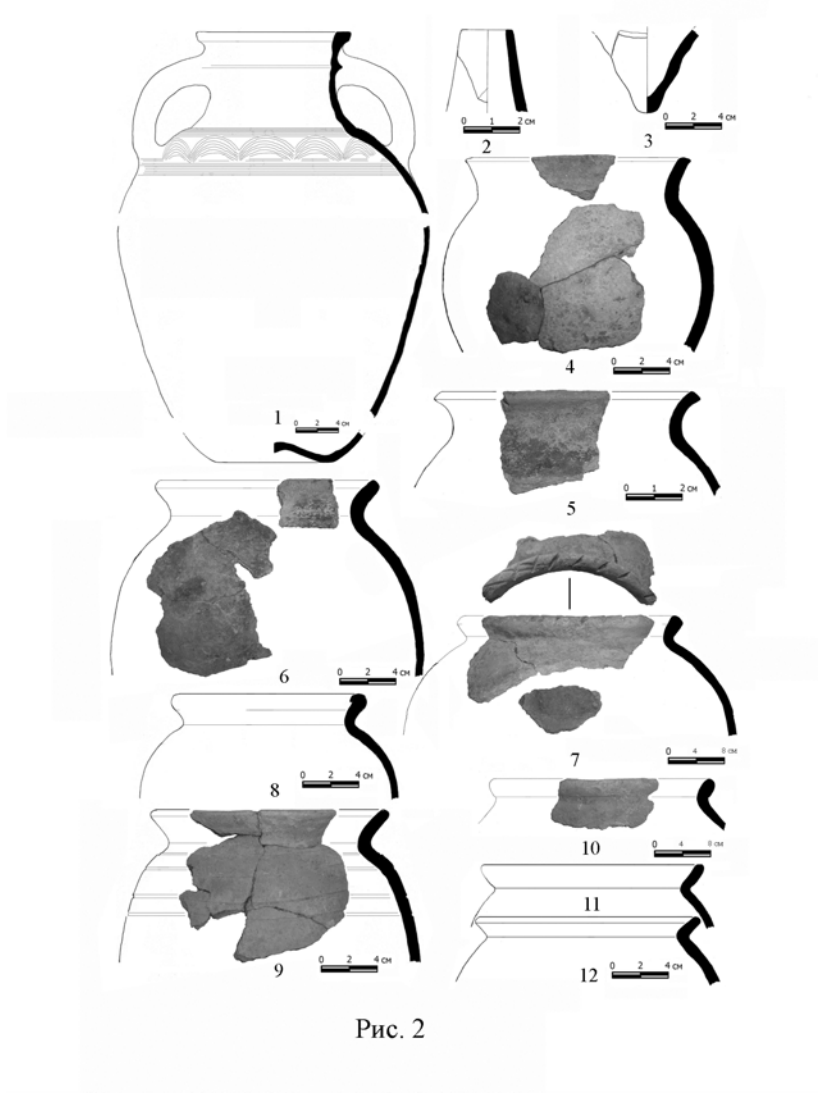

Рис. 2

БУСЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ САЛТОВСКОГО КРУГА)

О.Ю. Жиронкина

*СПбГУ, Факультет свободных искусств и наук (Смольный институт
свободных искусств и наук), Санкт-Петербург, Россия
ozhironkina@gmail.com*

Классификация памятников салтовского круга, которую сформулировала и развила С.А.Плетнева (1999), до сих пор остается единственным четко артикулированным подходом к выделению так называемых локальных вариантов салтово-маяцкой культуры. Однако предложенный принцип, очевидно, не позволяет решить ни одну из актуальных исследовательских задач, поскольку опирается не на анализ особенностей памятников, а на их формальное географическое расположение. С классификацией категорий находок дела обстоят еще хуже – по мнению той же Плетневой (Плетнева 1989), салтовские древности не поддаются дифференциации в связи с тем, что отдельные вещи имеют распространение на протяжении нескольких веков на обширной территории от Дуная до Байкала.

Действительно, попытки создать хронологическую или этнокультурную классификацию салтовских древностей неизменно приводили либо к констатации очевидных различий на уровне отдельных памятников, объясняемых нередко полиэтничностью «салтовцев», либо к выделению невнятных и расплывчатых наборов «диагностирующих» признаков, использовать которые на практике оказывалось затруднительным (Аксенов, Михеев 1998; Аксенов, Михеев 2003; Комар 1999; Крыганов 1987а; Крыганов 1987б; Плетнева 1989, Фоякова 1988). При стандартных вещеведческих подходах салтовские древности неизменно сохраняли свойства плохо структурируемого, цельного массива.

Исходной посылкой для разработки иного подхода стало наблюдение над бусами, происходящими из могильников салтово-маяцкого круга. Это наблюдение было основано на сравнении нескольких памятников посредством анализа ассортимента бусин и составленных из них комплектов. Суть наблюдения заключалась в том, что набор разновидностей бусин в коллекциях разных могильников выглядел примерно одинаково, в то время как сформированные из этих бусин комплекты внешне были непохожи друг на друга.

Теоретически, внешний вид комплектов должен зависеть от характера составляющих его деталей, их количественного соотношения и последовательности – иными словами, от набора разновидностей бусин и структуры комплекта. Однако на практике, как отмечалось выше,

наблюдалась однотипность ассортимента изделий, то есть набор разновидностей в коллекциях разных могильников в целом представлялся сходным, и значит, различия комплектов должны быть связаны с соотношением и последовательностью бусин, то есть со структурой этих комплектов.

В результате анализа ситуации было выдвинуто предположение, что факторами, определяющими пропорции изделий в комплектах и коллекциях, являются (1) состав исходной совокупности бусин, то есть такой совокупности, из которой осуществлялся их выбор, и (2) запросы потребителей – групп населения, оставивших памятники. Другими словами, коллекции и комплекты бусин сформировались под влиянием, с одной стороны, предложения – ассортимента изделий, предоставленных для покупки или обмена, а с другой – спроса, то есть запросов потребителей. Следовательно, решение исследовательской проблемы непосредственно было связано с определением соотношения предложения и спроса, степени и причин их сходства и различия для групп населения, оставивших памятники. В экономической теории предложение – это обобщающий термин, характеризующий поведение фактических и потенциальных продавцов товаров; объем предложения определяется количеством товара, которое продавцы желают продать за некоторый период (по: Фишер, Дорнбуш, Шмалензи 1998). Предложение определяется и возможностями торговца, которые неизбежно зависят от его связи с определенным источником производства и траекторией торгового пути. Среди факторов, определяющих объем предложения, экономисты называют (1) основные средства производства, (2) имеющиеся технологии, (3) цены переменных производственных ресурсов.

Спрос, согласно экономической теории, – это «обобщающий термин, описывающий поведение фактических и потенциальных покупателей товара»; объем спроса определяется количеством товара, которое покупатели желают приобрести за некоторый период (по: Фишер, Дорнбуш, Шмалензи 1998). На спрос оказывают влияние (1) цены взаимосвязанных товаров, (2) доходы потребителей, (3) вкусы потребителей, (4) ожидаемые в будущем цены. Другими словами, спрос зависит, с одной стороны, от желаний покупателя, которые могут быть обусловлены вкусами, а с другой – от его возможностей.

Для объяснения различия комплектов на фоне сходства коллекций мною была выдвинута гипотеза, согласно которой наблюдаемая близость ассортимента изделий в коллекциях разных памятников объяснялась одинаковым предложением, в то время как разный облик комплектов был результатом различного спроса, отражающего культурно обусловленное экономическое поведение. Другими словами, разный спрос, предопределенный различиями в традициях, должен был способствовать формированию комплектов, в которые одни и те же бусины были включены в

разных пропорциях. Это, как представляется, и повлияло на внешний облик комплектов, происходящих из разных памятников, сделав их внешне непохожими друг на друга.

На основе такой трактовки спрос был представлен в виде своеобразного фильтра, проходя через который одно множество изделий – коллекция торговца – превращается в другое множество – коллекцию потребителя, то есть группы населения, оставившей памятник. Если спрос у разных потребителей был разным, то даже при одинаковом предложении такие потребители «отфильтровали» бы разные изделия (или одни и те же изделия, но в разных пропорциях), а составленные из них комплекты отличались бы друг от друга. Если же фильтры были одинаковыми, то при условии одинакового предложения комплекты также должны быть сходными.

Опуская решение ряда задач, предшествовавшее анализу коллекций и комплектов, необходимо отметить специфику данного исследования – при условии разного предложения задача сравнения коллекций и комплектов бусин как результата соотношения предложения и спроса была бы неразрешимой. В этом случае причины и степень различий комплектов невозможно определить, не располагая данными о составе коллекций, предлагавшихся для продажи или обмена. Не зная, из чего именно приходилось выбирать, нельзя понять, по какой причине были отобраны те или иные изделия. Другими словами, при условии разного предложения невозможно определить, каким был спрос – сходным или различным, так как анализ коллекций, хранящихся в музеях, может помочь определению различий этих коллекций, но не причин их возникновения. Таким образом, данное исследование имело смысл только при условии доказанности сходного предложения. Именно поэтому анализу коллекций и комплектов предшествовало выявление хронологических и хронологических параметров памятников; определение принадлежности разных групп населения, оставивших могильники, к тому или иному политическому образованию; анализ конфигурации торговых контактов и доходов групп населения, оставивших различные могильники; выяснение наличия и объема местного производства бусин; установление условий залегания находок и степени их сохранности – всего того, что влияет на облик коллекций и комплектов, которые попадают в руки исследователя. Прделанная работа позволила утверждать совпадение предложения, а анализ состава коллекций посредством вычисления критерия Хи-квадрат логлинейный анализ, подтвердил совпадение их ассортимента. Благодаря логлинейному анализу удалось выявить типы, характерные для разных памятников, а также степень близости памятников друг другу (см. графики). Причем результаты этого анализа были отличными от результатов сопоставления памятников по признакам, которые исследователи традиционно считают этнодифференцирующими. Другими словами, визуальные стереотипы, реализованные в рамках погребальной традиции и представленные

комплектами бусин, свидетельствуют об иной структуре взаимоотношений между группами населения, оставившими могильники, чем та, которая фиксируется через погребальные конструкции. Такой подход может послужить основой для выработки иной дифференциации салтовских древностей – невербализованные мысленные шаблоны, к которым относятся и визуальные стереотипы, указывают на связи по типам «скрытой культуры», которые считаются наиболее надежными для установления глубинного сходства и различия (Hall 1959). Следовательно, выявление закономерностей в комплектации наборов бусин, предназначенных для погребального обряда, актуально для определения генетического родства различных групп населения, оставивших памятники, и может быть основанием для пересмотра прежних оценок в отношении памятников салтово-маяцкого круга.

График 1: Нетайловский могильник: характерные бусины

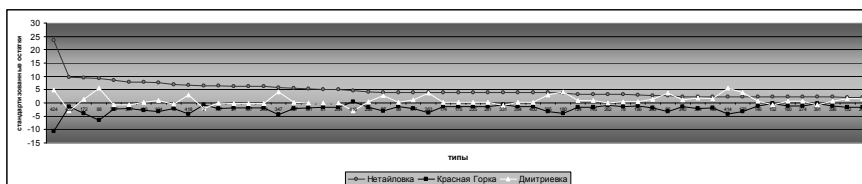

График 2: Красногорский могильник: характерные бусины

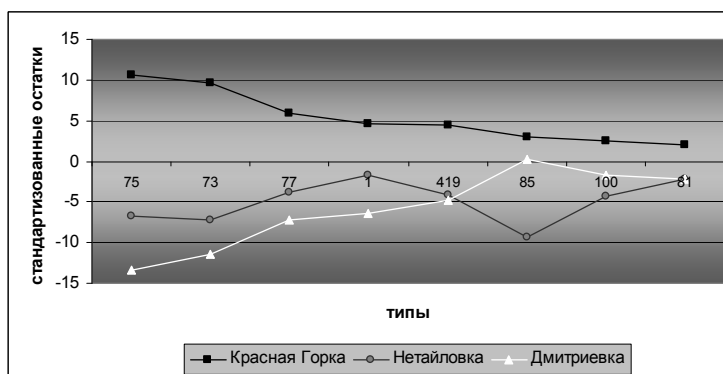
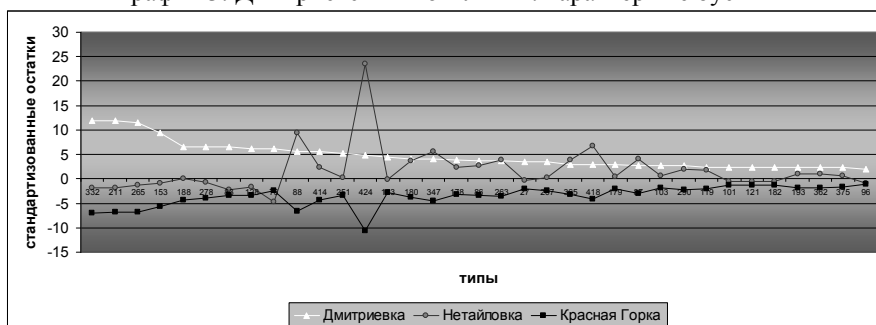

График 3: Дмитриевский могильник: характерные бусины

Аксенов В.С., Михеев В.К. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии)*. Самара, 1998. С.344-357.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // *Vita antiqua*. 2003. № 5-6. С.179-191.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita antiqua*. 1999. № 2. С.111-136.

Крыганов А.В. Вооружение и конское снаряжение кочевников Восточной Европы VIII-X вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 1987.

Крыганов А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры // *Советская археология*. 1987. № 2. С.63-69.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 1999.

Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика: Пер. с англ. М.: Дело, 1998.

Фонякова Н.А. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII — начала X вв. (по материалам художественной металлообработки): Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1988.

Hall E.T. *The Silent Language*. Garden City; New York, Doubleday, 1959.

ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕСОСТЕПНОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ В
ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

**ЗОЛЬНИКИ ЗАПАДНОГО БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА:
ПЛАНИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ**

И.Б. Шрамко

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Харьков,

Украина

belsk.archaika@mail.ru

Одно из направлений научной деятельности И.И.Ляпушкина было связано с изучением лесостепной культуры скифского времени в Днепровском лесостепном Левобережье. Среди многих памятников начала раннего железного века внимание исследователя привлекли поселения с зольными насыпями в бассейне р. Ворсклы. В 1949 году В.П.Андриенко по материалам своих многолетних исследований, с учетом на одном из них, расположенном у с. Пожарная Балка, ученым были проведены археологические раскопки. Значительно позже результатов работ И.И.Ляпушкина, проследил относительную хронологию зольников Пожарной Балки, хотя полностью материалы раскопок до сих пор не введены в научный оборот.

В своих научных разработках И.И.Ляпушкин опирался и на данные первых раскопок (1906 г.) на Бельском городище, зольники которого по характеру материальной культуры близки к селищу Пожарная Балка. В 1940 году ученый провел на Западном городище небольшие разведки, собрал подъемный материал. Однако, до конца 80-х годов прошлого столетия эта часть поселения была изучена слабо. После работ В.А.Городцова, отдельные раскопы на зольниках 11, 12, 19 и 40 в разные годы были заложены Б.Н.Граковым, Б.А.Шрамко, В.П.Андриенко, А.А.Моруженко. Полностью исследован лишь зольник 7 (П.А.Гавриш) в северной части укрепления.

С 1988 года на Западном городище нами были начаты планомерные широкомасштабные раскопки, предполагавшие комплексное изучение зольников и окружавшего их межзольничного пространства. В результате многолетних исследований нескольких зольных насыпей открыты жилые, хозяйственные и культовые объекты в разных частях укрепления, получена важная информация о времени начала заселения территории Бельского городища, уточнена схема расположения зольников, а их материалы соотнесены во времени. По данным стратиграфии выделены хронологические горизонты, намечены основные этапы в развитии городища. Некоторая сложность возникла с идентификацией зольных насыпей.

Как известно за долгую историю изучения памятника разными исследователями было составлено несколько общих планов городища и отдельно каждого укрепления. Впервые общий схематичный план был предложен в 1895 году А.А.Бобринским. Более подробная карта-схема поселения впервые была представлена в отчете об археологических раскопках 1906 года В.А.Городцовым. На отдельной схеме Западного укрепления он отметил видимые на тот момент 34 зольные насыпи. Те из них, на которых были заложены раскопы, В.А.Городцов выделил цветом и пронумеровал. В 1968 году Б.А.Шрамко составил более точный инструментальный план Западного укрепления, нанеся на него уже 53 зольника с соответствующей нумерацией. Этой схемой и пользовались долгие годы исследователи. Однако при проведении археологических раскопок в восточной части укрепления (зольники 5, 13, 10) нам стало понятно, что в расположении одних и тех же зольников на планах В.А.Городцова и Б.А.Шрамко имеются некоторые несоответствия. Идентификация раскопанных в начале прошлого века зольных насыпей и сопоставление их с раскапываемыми нами зольниками, а также с зольниками указанными на схеме Б.А.Шрамко, осложнялась рядом объективных причин. Задача точного соотнесения исследованных зольников была решена, когда под несколькими зольными насыпями были обнаружены траншеи 1906 года. Сопоставление их параметров, ориентировки с описаниями в дневниках В.А.Городцова позволило идентифицировать три раскопанных им зольника и внести корректировки в современную рабочую схему укрепления. Так, стало понятно, что зольник 5 на современной схеме соответствует зольнику 4 на схеме В.А.Городцова, зольник 13 – зольнику 5, а зольник 10 – зольнику 3. Зольник 7, исследованный П.А.Гавришем, на наш взгляд, может быть соотнесен с зольником 22 на схеме Б.А.Шрамко. К зольнику 7 В.А.Городцова он также не имеет никакого отношения. Кроме того, один, не замеченный ранее зольник был обнаружен и частично раскопан нами в 2007 году в восточной части укрепления. Древняя зольная насыпь оказалась перекрыта плотным слоем наброски (пережженный грунт), образовавшейся в результате деятельности селитроварщиков. Лишь после многолетней распашки в этой части поселения стало заметным зольное пятно.

Таким образом, на схему Западного Бельского городища сейчас нанесено 54 зольника, основная часть из которых расположена в северной части укрепления.

Достаточная мощность культурного слоя зольников и исследование межзольничного пространства позволили выделить в каждом из них основные хронологические горизонты, которым соответствуют открытые жилые, хозяйственные или культовые комплексы, определенный набор предметов материальной культуры.

Впервые хронологическая выкладка, составленная по данным раскопок зольников 5 и 28, была предложена нами в 2004 году. За последние годы

рабочая хронологическая схема была уточнена, скорректирована и является опорной не только при соотнесении хронологических позиций различных раскопов Бельского городища, но и при изучении других поселений скифского времени Днепровского лесостепного Левобережья. Полную хронологическую колонку дают материалы зольника 5, на котором представлена прямая смена напластований широкого временного диапазона: вторая половина VIII вв. до н.э. – первая половина VI вв. до н.э. (зольник), вторая половина VI вв. до н.э. – первая половина V вв. до н.э. (слой за зольником). Хронологическая позиция большинства выделенных горизонтов определена не только типами лепной керамики, изделий из кости, бронзы и железа, а в первую очередь, большим содержанием в культурном слое и открытых комплексах предметов античного импорта. Греческая тарная и столовая посуда широко представлена в слоях каждого горизонта, начиная с третьей четверти VII вв. до н.э. Обилие античной керамики в культурном слое практически всех раскопов, заложенных в разные годы на городище, позволяет выделить несколько хронологических групп зольников, различающихся в первую очередь началом формирования в них культурных отложений. В результате установления хронологического соотношения исследованных зольников мы получили общую картину распространения культурных горизонтов разного времени на плане укрепления.

Как уже отмечалось ранее, по материалам Западного Бельска выделено четыре хронологических горизонта. Наиболее ранний – горизонт А (вторая половина (третья четверть) VIII - первая половина VII в. до н.э.) выделен стратиграфически и зафиксирован только в нижних слоях зольника 5 (4 на схеме В.А. Городцова) и в ранних слоях и комплексах зольника 19. Он содержит материальные остатки с чертами, близкими к периодам Жаботин 2-3. В этом горизонте отсутствует античный импорт и изделия, выполненные в скифском зверином стиле.

Перекрывающий его в зольнике 5 горизонт Б (вторая половина VII-первая четверть VI вв. до н. э.) выделяется еще на нескольких зольниках Западного Бельска, но наиболее четко фиксируется на зольнике 28. Этот зольник начал формироваться не ранее последней четверти VII в. до н.э. (нижняя граница горизонта Б 2). В культурном слое и открытых объектах этого горизонта обнаружена большая коллекция изделий из кости, в том числе предметов, оформленных в скифском зверином стиле, в сочетании с выемчатыми треугольниками, характерные изделия из металлов, представительная выборка античной керамики (определения С.А.Задникова), встреченной не только в культурном слое, но и в комплексах. Верхние слои зольника и связанная с ними часть открытых объектов характеризуют горизонт В (вторая четверть VI в. до н. э.), также представленный соответствующим вещественным материалом в сочетании с античным импортом. Материалы этих двух горизонтов имеют общие черты и соотносятся между собой. За

пределами обеих зольных насыпей зафиксированы отложения второй половины VI – первой половины V в. до н. э. (горизонт Г).

Остальные раскопанные зольники также соотнесены во времени с зольниками 5 и 28, а окружающее их межзольничное пространство содержит материал не ранее второй половины VI в. до н.э.

В целом все исследованные археологически зольники мы разделяем на 6 групп, беря за основу их нижний хронологический горизонт, содержащий не только отдельные находки, но и комплексы соответствующего периода.

Горизонт А:

Группа 1 (горизонт А 1) – зольник 5 (4 на плане В.А. Городцова)

Группа 2 (горизонт А 2) – зольник 19

Горизонт Б:

Группа 3 (горизонт Б1) – зольники 10 (3 на плане В.А. Городцова), 13 (5 на плане В.А. Городцова)

Группа 4 (горизонт Б2) – зольники 1, 7 (22 на плане Б.А.Шрамко), 11, 12, 28, 40

Горизонт В:

Группа 5 – участок возле зольника 30

Горизонт Г:

Группа 6 – зольники 51, 54, культурный слой, исследованный за пределами всех зольных насыпей укрепления.

Таким образом, на основании полученных данных можно предположить, что 1. Во второй половине VIII – первой половине VII в. до н.э. население Западного Бельска не было многочисленным, поскольку отложениями этого времени занята небольшая территория в центральной части укрепления.

2. Во второй половине VII - первой четверти VI в. до н.э. основываются усадьбы на разных участках укрепления в пределах его северной части.

3. Отложения горизонта В содержатся практически во всех раскопанных зольниках северной части укрепления и на участке раскопа возле зольника 30, что позволяет включить эту территорию в зону возможного заселения во второй четверти – середине VI в. до н.э.

4. Полностью вся территория укрепления была освоена во второй половине VI в. до н.э., когда формировались насыпи зольников 51 и 54. Слои этого времени (горизонт Г) зафиксированы также за пределами всех исследованных зольников (межзольничное пространство).

5. В среднем большинство зольников формировалось на протяжении 75 лет. Исключение составляет зольник 5 (4), культурные отложения которого накапливались более 150 лет. Около 50 лет насыпались зольники 51 и 54.

6. Большинство зольных насыпей было сформировано, вероятно, уже к середине-третьей четверти VI в. до н.э. Зольники с материалами более позднего времени известны пока только в южной половине укрепления (зольники 51 и 54). За их пределами имеются культурные отложения первой – второй четверти V в. до н.э.

До второй четверти – середины V в. до н.э. жизнь на укреплении протекала в пределах оборонительного вала, который, судя по всему, возник около середины VI в. до н.э. Около этого времени был сооружен и вал Восточного укрепления. Во всяком случае, его ранние раскопы вписаны в линию обороны и расположены вдоль вала, с его внутренней стороны.

БУЛАВКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСНОЙ- ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ С АЖУРНЫМ ЛИСТОВИДНОМ НАВЕРШИЕМ

А.А. Чубур

*Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского
fennecfox66@gmail.com*

На поселениях раннего железного века (РЖВ) лесной-лесостепной зон центра Восточной Европы встречается особая разновидность украшений – крупные булавки с железной иглой и напаянной на нее бронзовой или, много реже, серебряной ажурной (решетчатой) головкой листовидной формы. Иногда изделия не биметаллические, а цельнолитые, тогда бронзовая игла составляет одно целое с навершием. Все они по совокупности датирующих факторов относятся к II–IV вв. до н.э. и, вероятно, не переживают рубежа н.э. Большинство наверший изготовлено отливкой по модели в технике «воскового вязания». При извлечении готовых изделий форма разбивалась, поэтому каждое изделие оказывалось эксклюзивным. Некоторые более грубые навершия отлиты по оттискам в глине уже готовых булавок.

Поначалу их именовали дяковыми навершиями в связи с одной из первых находок на Ермоловском городище дяковской культуры на Верхней Волге, близ Ржева (Бачинский, 1926). Но ареал дяковцев лежит к северу и северо-востоку от основного ареала распространения таких украшений, которые для нее не характерны (Смирнов, 1974; Сапрыкина, 2006). Попытка отнести булавки к раннему периоду мощинской культуры (Никольская, 1959; 1962) тоже отвергнута как несостоятельная (Массалитина, 1995). Наконец, Р.Л. Розенфельдт и В.В. Седов именуют их балтскими навершиями (Розенфельдт, 1963; Седов, 1967), однако характерны они далеко не для всех балтов РЖВ. Наиболее употребимым стало наименование, которое применяем и мы: булавки с ажурным навершием.

Семантику автор, как и большинство исследователей, трактует как изображение Мирового Древа. Это универсальный образ, характерный для первобытной мифологии на огромных территориях (Топоров, 1980), воплощающий космогоническую концепцию – трёхчастное деление мира.

До сих пор имеются лишь две попытки обозначения ареала этих вещей (Седов, 1967; Массалитина, 1995), а типология этих изделий, образующих довольно разнородную и многочисленную группу, вообще не

разрабатывалась. В.В.Седов учёл 18 пунктов таких находок (24 предмета), причем, среди них один выпадает из контекста, относясь к подгорцевскому типу, изученному С.Е. Рассадным (2005), здесь не рассматриваемому. Сведения о ряде находок, не вошедшие в свод В.В.Седова, содержатся в публикациях о более поздних раскопках ряда памятников – городищ Пекшево, Большое Горнальское и других. Имеется целый ряд случайных находок, сданных в музеи в разное время. В последнее десятилетие в СНГ катастрофические для археологического наследия масштабы приобрел так называемый «любительский металлопоиск». Мы сочли долгом перед наукой учесть все, известные к настоящему времени ажурные напершия, независимо от происхождения, поставив целью спасение хотя бы крох научной информации, массово и безвозвратно уничтожаемой как самой катастрофой, так и некоторыми бездумными методами «борьбы» с ней. В итоге нами, при поддержке коллег-археологов, учтено 76 булавок с ажурным напершием. С верхней Оки и ее притоков в пределах Калужской и, отчасти, Тульской и Смоленской обл. известно 24 экз., основным районом концентрации является течение Оки примерно от устья Жиздры до устья Угры, а также целиком бассейн Угры. Это селище Певкин Бугор (Розенфельдт, 1963), городища Вороново (Никольская, 1964). Гремячево (Булычов, 1898), ряд случайных находок. По Угре находки сделаны на городищах Свинухово и Николо-Ленивец (Никольская, 1959, 1962), селище Козлово (Массалитина, 1995). Есть серия случайных находок в Калужской и на северо-востоке Смоленской обл.

Удалена от этого района, хотя относится к бассейну Оки находка наперший на городище Сатинка в Тульской обл. (Исюмова, 1967). К этой второй территориальной группе можно отнести случайные находки в Ясногорском р-не Тульской обл., в Новосильском р-не Орловской обл., в Измалковском р-не Липецкой обл. и в Воронежской обл. (всего 9 экз.).

Третий район концентрации (учтено 32 экз.) – левобережье Десны в пределах среднего течения и верхнее течение Сейма и притоков. В эту группу попадают булавки с городища Торфель в Брянске (Горюнова, 1950) и случайные находки по левым притокам Десны, все находки из Посемья и верхнего течения Псла. Минимум 13 булавок происходят из Курского Посемья - и случайные, и сделанные во время раскопок находки в Октябрьском (городища Липинское, Быканово), Курчатовском (Александровское городище), Льговском, Дмитриевском, Железногорском, Хомутовском (с. Бупел), Рьльском р-нах Курской обл. (Алихова, 1962; Апальков, 1996; Засурцев, Лисицына, 1968). Тяготеют к ним и 3 находки с верхнего Псла в Беловском (с.Долгий Колодезь) и Суджанском (Большое Горнальское городище) районах Курской обл. (Куза, 1980; Зорин, Стародубцев, Шпилёв, Щеглова, 2008).

На периферии территории, очерченной этими тремя зонами концентрации, возможно связанными с некими племенными группами, известны единичные находки. К югу это 2 булавки из Полтавской обл. Украины, к востоку –

булавка с городища Пекшино в Воронежской обл. (Медевдев, 1999) – в зоне распространения скифоидной лесостепной культуры. К северу – уже упомянутая булавка с Ермоловского городища. В бассейне Западной Двины лежит область булавок с эсовидными волютами по периметру навершия и петлём для привязывания на тыльной поверхности. Это – обломок с городища Бураково к северо-западу от Витебска на Западной Двине (Шадьро, 1985), железная игла с обломком навершия с городища Лакисы на р. Каспле (Ляуданскі, 1930; Массалитина, 1995) и булавка из Витебска (устье р. Лучесы). Все три западнодвинских булавки связаны с культурой штрихованной керамики.

Все навершия имеют форму листа. По долеой оси проходит основной стержень, напаянный на железную иглу. От него расходятся нервюры – гладкие или перевитые жгутиком, прямые или волнообразные, наклонные вверх/вниз, или перпендикулярные оси. Внешний ободок изделия иногда орнаментирован по периметру проволочными волютами, зернью, волной. Сам ободок может состоять как из гладких, так и из витых элементов – шнуров, идущих в 1-4 ряда концентрически. У некоторых наверший имеется внутри второй концентрический контур, отделенный от основного нервюрами. Нервюры в этом случае расположены в два ряда – между внешним и внутренним контуром и между осью и внутренним контуром. Ушко для привязывания обыкновенно расположено с левой стороны и может быть двойным либо одинарным. Только в Западно-Двинской группе ушко расположено у основания навершия на оси с тыльной стороны. Итак, за основу типологии взят рисунок, образуемый нервюрами – наиболее вариативная деталь, образующая четко выделяемые группы.

Тип 1 Верхнеокский – прямые нервюры по отношению к оси образуют «ёлочку». Подтипы: 1-а – однонаправленная «ёлочка» ветвями вверх. 1-б – двунаправленная «ёлочка»: в верхней части внутреннего поля нервюры направлены наклонно вверх, а в нижней – вниз.

Тип 2 Посеймский – навершия с вписанным вторым контуром. Во внутреннем контуре нервюры образуют «ёлочку», как в подтипе 1-а. Во внешнем контуре они радиальные.

Тип 3 Деснинский – нервюры горизонтальные, перпендикулярные оси. Подтипы: 3-а – все нервюры прямые. 3-б – чередование волнообразных и прямых нервюр (через одну или группами по несколько). 3в – все нервюры волнообразны. 3-г – вертикальные волнистые нервюры.

Тип 4 Сеймско-Деснинский – крупноразмерные навершия, контур заполнен косою литой мелкоячеистой решеткой. Край тоже ажурный, с ложновитыми элементами, несет по периметру ряды мелких сквозных отверстий. Эта разновидность наиболее филигранно исполнена и представляется отражением расцвета данной группы украшений.

Тип 5 Окско-Донской – Листовидно-подтреугольное навершие без нервюр, имеет волнистый или зубчатый ободок.

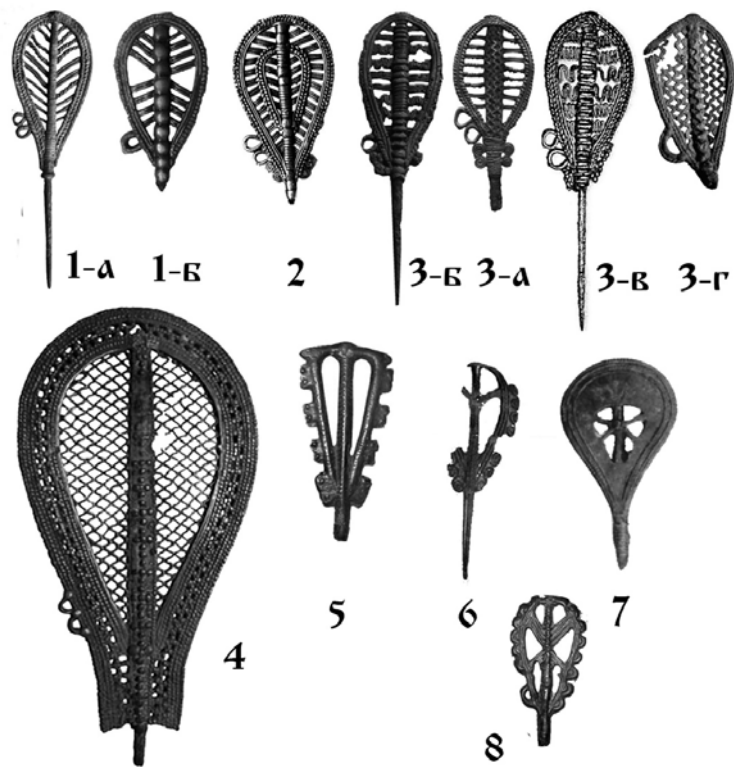
Тип 6 Западновинский – нервюры образуют крест в листовидном контуре, украшенном волнотами. Петля для привязывания сзади, у основания наверхия.

Тип 7 Днепро-Балтийский – нервюры образуют небольшой крест в листовидно-каплевидном наверхии. Ободок широкий.

Тип 8. Донской – нервюры образуют крест в волнистом по внешнему краю листовидном контуре.

Типы 5-8 являются периферийными дериватами – производными формами, вызванными к жизни упрощенным копированием «классических» образцов.

Булавки с листовидными ажурными наверхиями в основном распространены вне ареалов милоградской, скифоидной лесостепной, днепро-двинской, городенской и дьяковской культур раннего железного века лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Из материалов доброго десятка юхновских городищ раскопанных В.А. Падиным, Л.В. Артишевской, В.П. Левенком и О.Н. Мельниковской на Деснинском правом берегу не происходит ни одной булавки с ажурным наверхием. Нет таких находок и в Новгород-Северском полесье (Каравайко. 2012). Основной ареал распространения листовидных ажурных наверхий (исключая дериваты) совпадает с ареалом верхнеокской культуры. Булавки показывают, что естественной её границей с юхновцами служила, скорее всего, река Десна. В таком случае позволительно поставить вопрос об особом месте в культурной мозаике памятников Посемья (традиционно относимых к юхновской культуре), где, в отличие от правобережья Десны, находки ажурных наверхий обильны.

Типы булавок с ажурным навершием

ГЕНЕЗИС ПЛАСТИНЧАТЫХ БРАСЛЕТОВ С ГРЕБЕШКАМИ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

О.А. Хомякова
 ИА РАН, Москва, Россия
 olga_homsy@mail.ru

Пластинчатые браслеты с гребешками, отнесенные Г.Ф. Корзухиной к типу I (Корзухина, 1978. С. 34–35, рис. 26:3, 4), – категория украшений, хорошо известная по материалам горизонта выемчатых эмалей с территории Поднепровья и Поочья. Датировка браслетов обычно соотносится с первой половиной III – началом IV вв. н. э.

Принадлежа к единому типу, эти предметы, тем не менее, демонстрируют некоторые морфологические различия в форме обруча, сечении и характере гребешков. Их отличает также наличие или отсутствие ажурного щитка с эмалью. На браслетах с незамкнутыми концами такой щиток располагался в центральной части обруча. Г.Ф. Корзухина приводит сведения о пяти подобных экземплярах из Межигорья, Плотенцов и Мощинского клада (см. Корзухина, 1978. С. 34; Седов, 1982. Таб. XV), в составе которого известно два подобных украшения. Похожие браслеты найдены в Сумах и материалах Глушковского района Курской области (Терпиловский, Обломский, 2007. С. 119, Рис. 152:2; Радюш, 2010. Рис. 5:1). Несколько изделий недавно стали известны по данным Усухского (Брянского) клада. Последний содержит, в том числе, уникальный браслет с застежкой – его ажурный щиток представлял подвижный сегмент, крепившийся на шарнирах к гребешкам, расположенным на окончаниях обруча.

Более многочисленны браслеты без эмали, представленные как в комплексах Мощинского, Усухского и Межигорского кладов, так и в материалах поселений и случайных находках с территории совр. Воронежской области: с. Большого Сторожевого и Семилук (Терпиловский, Обломский, 2007. С. 119, Рис. 152: 1; Зиньковская, 2011. С.145, 147, рис. 2: 2, 5), в Борисоглебска и Лукьянчикова (где в составе клада обнаружено четыре таких браслета) (Акимов, Ененко, 2012. Рис. 3); в Белгородской области: на поселении Шишино 5 и с. Ездочном, в Волынцево Сумской области Украины (Зиньковская, Медведев, 2005. С. 8, Рис. 5: 2; Терпиловский, Обломский, 2007. С. 119, Рис. 19, 162: 2), на городище Супруты Тульской области (Воронцов, 2010. С. 86, с. 2: 11), селище Заозерье Смоленской области (Шмидт, 2008. С. 24, Таб. 105). Подобное украшение упоминается среди материалов мордовского могильника в с. Ражки Пензенской области (Ахмедов, 2011, Рис. 6: 3–4). Обломок браслета с гребешками обнаружен среди находок на поселении Ксизово 19 Липецкой области (Обломский, в печати. Рис. 4: 2).

Между тем, представления о генезисе данного типа украшений пока являются довольно расплывчатыми. Существующие теории соотносят появление предметов с выемчатыми эмалями с возможным влиянием с прибалтийских территорий, либо считают их продуктом местного мастерства, связанного с носителями киевской археологической общности, сочетающего в себе традиции позднезарубинецкой культуры и возможные влияния провинциально-римского ювелирного искусства.

В качестве параллелей из Прибалтики приводятся браслеты из северо-восточной Литвы: с. Мигонис Купишского района Литвы и реберчатый браслет из Пакачине Зарасайского района (см. Корзухина, 1978. Рис. 26: 2–3). Параллели изделию из Мигониса находит экземпляр из Кшивулько, Сувальского воеводства Польши (Bitner-Wróblewska, 2009. Р. 419). Если украшение из Пакачине является довольно близкой аналогией днепровским

экземплярам, то изделия несколькими поперечными гребешками по ободу, украшенному пуансонным орнаментом напоминают браслеты, которые можно найти среди южно-литовских и мазурских древностей I в.н.э. (см. Gaerte, 1929. Taf. V; Nowakowski, 2009. P. 112–113, Рис. 6–7). Они считаются там одним из примеров синтеза местных традиций культуры западнобалтийских курганов раннего железного века и кельтско-римского влияния. Литые, они имеют, правда, полукруглое сечение, но их обод снабжен гребешками с насечками, расположенными и на плоских окончаниях. Возможно, данная линия развития могла оказать воздействие и на формирование рассматриваемых предметов.

Традиция украшения поперечными гребешками прослеживается в другой категории прибалтийских браслетов, датированных второй половиной II – началом III в.н.э.: массивных биметаллических украшений из материалов могильников Калининградского полуострова, в литературе известных как «тип *Тромпау*» (Nowakowski, 1996. S. 56, 57; Хомякова, 2012. Л. 176–178, рис. 79–80). Эта категория, как возможная параллель, приводилась и ранее (Кулаков, 2002. С. 20). Обод данных браслетов с продольными канавками, дополнительно украшен поперечными перекладинами, таушированными железными проволочками. Эти предметы имеют довольно четкие аналогии в восточно-германских древностях, являясь одной из дегенеративных форм (или местных вариаций) змеевидных браслетов Нижнего Повисленья второй половины II – начала III в.н.э. Наиболее деградированные западнобалтские экземпляры характеризовали вытянутые ромбовидные окончания, которые напоминают отогнутые треугольные окончания браслетов круга эмалей. С другой стороны, западнобалтские браслеты типа *Тромпау* являются одним из образцов локального варианта стиля снабжения предметов убора гребешками, наиболее ярко проявившегося в оформлении фибул серии I группы V О. Альмгрена (Almgren, 1923. S. 50, 51. Taf. V). Корпус этих застежек украшался перекладинами, расположенными ниже футляра, на изгибе корпуса, а также на ножке, завершающейся небольшой кнопкой. Такие фибулы были распространены как в юго-восточной Прибалтике, Мазурском Поозерье, западной Литве, на летго-литовских территориях, так и в ареале могильников типа *Таранд* (Hauptman, 1998. Abb. 8, 13; Шаров, 2006. С. 176–211). Отметим, что в погребениях юго-восточной Прибалтики второй половины II – начала III в.н.э. (например, погр. №37, 38 могильника Хрустальное, погр. D могильника Поваровка (см. Архив Г. Янкуна) браслеты с перекладинами и фибулы группы V серии I О. Альмгрена находят устойчивые сочетания среди элементов убора.

В то же время Т-образные перекладчатые застежки, близкие сериям 5–6 по Томасу Хауптману (Hauptman, 1998, Abb. 1, 13), характерным для Восточной Прибалтики, являются одной из основных категорий украшений, представленных в составе горизонта восточноевропейских эмалей. Гребешки безэмалевых среднеднепровских браслетов часто покрывались насечками –

прямыми (напр. браслеты из Волынцево, Шишино 5, случайные находки из Курской области), или «в елочку» (см. браслеты из Лукьянчикова, Большого Сторожевого), которые могли имитировать таушировку железными проволочками. Несомненно, прототипами днепровских перекладчатых фибул могли быть исключительно провинциально-римские образцы (см. Терпиловский, Обломский, 2007. С. 114–116, Рис. 135, 136). Между тем, связь между стилистическими проявлениями и сочетанием данных категорий в составе костюмного комплекса прибалтийских и среднеднепровских материалов может не быть случайной.

Говоря о непосредственном влиянии провинциально-римских традиций, несомненно, следует обратить внимание на ажурные щитки браслетов с эмалью. В основе структуры щитков большинства браслетов из Мощины и Усуха, а также Межигорья – ромбовидный сегмент, вершины которого соприкасаются с дисками, и/или треугольными элементами, вписанными в прямоугольник. Исключение составляет щиток экземпляра из Семилук, где четырехугольный сегмент оканчивается небольшими полукруглыми выростами, расположенными вдоль его осевой. Центральным элементом щитка также мог быть и диск с примыкающими к нему вершинами треугольниками. Такая орнаментация характеризует браслет, найденный в Глушковском районе Курской области и застежку одного из предметов Усукского клада. Стилистическую близость эмалевые щитки браслетов находят среди оформления других категорий украшений: похожие элементы присутствуют на окончаниях ножек фибул, на подвесках-лунницах (см. фибулы из Пастерного, Черняхова, подвески из Малого Букрина (см. Корзухина, 1978. Рис. 5: 4, 6–7; 8: 1–2). Такая повторяемость композиции в виде ромба с дисками на предметах восточно-европейского круга эмалей отмечалась и ранее (Ахмедов, 2010. С. 32–33)

Между тем, композиция щитков с ромбовидной основой находит широкие параллели среди одних из наиболее распространенных типов провинциально-римских фибул-брошей, относящихся к I – н. III в. н.э., известных как в Паннонии, Реции, так и в Галлии как вариант 24b1 по М. Фожеру (Feugère, 1985. Pl. 156: 1951). Похожие экземпляры встречаются в европейской Сарматии (см. тип III/7 по А. Вадаю) (Vaday, 2003. P. 349, Fig. 17), и, что самое важное, на южно-русских территориях (Амброз, 1966. С. 33, Таб.15: 5, 7). Возможно, восточноевропейские мастера, не будучи в стороне от влияния с территорий римских провинций, при изготовлении своих ювелирных изделий так же следовали в русле каких-то наиболее сильных тенденций в ювелирном искусстве, адаптируя наиболее характерные элементы. Так, например, щиток браслета из Глушковского района Курской области практически аналогичен диску броши из Лепляво Черкасской области Украины (см. Корзухина, 1978. С. 34; Гороховский, 1988. Л. 113, Таб. 9:37).

Привлекает внимание шарнирная застежка браслета из Усуха. В материалах, связанных с античной традицией, в том числе в древностях Причерноморья,

известны похожие браслеты с декоративным щитком, крепившимся к ободу при помощи шарниров. В качестве примера приведем украшения из Анапского склепа (см. Алексеева и др., 2012. С. 113–114), датированное II в. н.э., и Крыма, погребения 35 могильника Черная Речка (Васильев, Савельев, 2008. Рис. 2: Е).

В целом, поиск вероятных прототипов пластинчатых браслетов с гребешками позволяет лишь выделить похожие элементы морфологии и заимствования некоторых стилистических черт. На первый взгляд, они указывают на Прибалтику, как место, где имеет место быть большинство параллелей. Примечательно сочетание категорий изделий с гребешками-перекладинами в составе убора обоих регионов (при том, что костюм считается, едва ли, не главным маркером принадлежности к определенной группе). Между тем, в свою очередь эти балтские аналогии восходят к провинциально-римской традиции. И в то же время, к ней имеются и прямые отсылки среди конструктивных и стилистических особенностей предметов круга восточноевропейских эмалей. Могло ли это влияние осуществляться параллельно? На данный момент очевидно лишь, что будучи продуктом синтеза разных идей и школ ювелирного мастерства, пластинчатые браслеты с гребешками представляли собой самобытную группу украшений локального производства.

Благодарю А.М. Обломского и О.А. Радюша за помощь и любезные консультации.

Архивные материалы:

Архив Герберта Янкуна, хранящийся в Археологическом музее земли Шлезвиг-Гольштейн, Шлосс-Готторф, г. Шлезвиг, Германия.

Гороховский Е.Л., 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Хомякова О.А., 2012. Женский убор самбийско-натангийской культуры периода Римского влияния I–IV вв. н.э. (Анализ компонентов и хронология): Дисс. ... канд. ист. наук. М.

Литература:

Акимов Д.В., Ененко Е.А., 2012. Случайные находки вещей римского времени в пределах лесостепного Подонья // *Stratum plus*, №4. Кишинев. С. 127–137

Алексеева Е.М., Галут О.В., Мельникова И.Н., 2012. Анапский археологический музей // *Античное наследие кубани*, под ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов, Том 3.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР // *Свод археологических источников*, Вып. Д1-30. М.

- Ахмедов И.Р., 2010. "Свев" из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н.э. // *Российская археология*, №1. С. 26–37.
- Васильев А.А., Савельев О.К., 2008. Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная // *Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов*. Калининград. С. 29–43
- Воронцов А.М., 2010. Новые находки предметов горизонта восточноевропейских выемчатых эмалей на памятниках Окско-Донского водораздела // *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.)*. СПб. С. 86–93.
- Зиньковская И.В., 2011. Новые находки украшений круга выемчатых эмалей в Верхнем Подонье // *Археологические вести*, Вып. 17. СПб. С. 144–148.
- Зиньковская И.В., Медведев А.П. 2005. Позднесарматское поселение Ездочное-1 на р. Оскол. // *Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья*. Воронеж. С. 3–12.
- Корзухина Г.Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // *Свод археологических источников*, Вып. Е1-43. М.
- Кулаков В.И., 2002. Козельский микрорегион в 1–7 вв. н.э. Ранняя миграция западных балтов // *Slavia Antiqua*. Warszawa, Poznan, T. XLIII. P. 9–33.
- Обломский А.М., В печати. Некоторые новые украшения римского времени из Верхнего Подонья.
- Радюш О.А., 2010. Украшения и снаряжение круга восточноевропейских выемчатых эмалей в бассейне верхнего течения Псла и Сейма // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула, вып. 2, часть 2. С. 5–18.
- Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. // *Археология СССР под ред. Б.А. Рыбакова, Р.М. Мунчаева, В.А. Баширова, С.А. Беляева*, Т. 14. М.
- Терпиловский Р.В., Обломский А.М., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // *Раннеславянский мир*, Москва. Вып. 10. С. 113–141.
- Шаров О.В., 2006. О находке перекладчатой фибулы в Старой Ладогe // *Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур*. СПб. С. 176–211.
- Шмидт Е.А., 2008. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков. Смоленск.
- Almgren O., 1923. Studien über die nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziäl-römischen und südrussischen Formen. Leipzig.

- Bitner-Wróblewska A., 2009. Emaliu puošti dirbiniai // Baltu menas. Vilnius. P. 400–424.
- Feugère M. Les Fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. // Revue Archéologique de Narbonnaise, № 12. Paris.
- Gaerte W., 1929. Urgerchichte Ostpreussens. Königsberg i. Pr.
- Hauptman T., 1998. Studien zu den Dreisplossenfibeln // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Internationale Arbeitstagung 25–28 Mai 1997, Kleinmachnow, Land Brandenburg (Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg; № 5). Wünsdorf. S. 159–173.
- Nowakowski W., 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt // Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg, № 10. Marburg; Warszawa.
- Nowakowski W. 2009. W dół W)gorapy – odgał)zinie "szlaku burstynowego" w początkach okresu wpływów Rzymskich // Studia W)gorapskie, Warszawa. T. I. P. 107–124.
- Vaday A. 2003. Cloissone brooches in the Sarmatian Barbaricum in the Carpatian Basin // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, № 54 (3-4). Budapest. P. 315–421.

КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ОКИ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Е.В. Столяров, К.А. Столярова
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
stolarov_e@mail.ru

Памятники раннего железного века бассейна верхней Оки исследователи традиционно относят к верхнеокской культуре, понятие о которой сформулировал В.В. Седов. За длительную историю её изучения накоплен обширный археологический материал, который мало и фрагментарно публиковался, и в силу этого до настоящего времени так и не введен в широкий научный оборот. Единственной монографией, посвященной данному региону в этот период, остается труд Т.Н. Никольской «Культура племён бассейна Верхней Оки в I т. н.э.».

До сих пор не уточнены ни хронологические границы культуры, обозначенные Т.Н. Никольской для опорных памятников в рамках IV-II вв. до н.э., ни территориальные, с учетом всех выявленных к настоящему времени памятников. Не выяснена и специфика её культурного комплекса – керамического и вещевого, традиций фортификации и домостроительства – всё то, что должно определить место культуры в системе культур раннего железного века Восточной Европы (Столяров, 2012а).

Исходя из выделенных проблем, основной целью исследования стало определение специфики культурного комплекса, возникшего на базе традиций населения верхнеокской культуры в раннем железном веке и его места в системе культурных традиций населения раннего железного века Европейской части России (Столяров, 2011б).

Памятники верхнеокской культуры распространены на протяжении всего верхнего течения р. Оки – северная граница распространения памятников определяется левобережьем р. Угры до впадения её в р. Ока, западная граница проходит по водоразделу рек Рессы, Болвы, Ресеты, южная охватывает притоки р. Ока рр. Цон и Зуша, восточная очерчена правобережьем р. Ока.

Верхнеокская культура принадлежит к кругу культур с неустановленным обрядом погребения. Поэтому её памятники представлены городищами и селищами. В настоящее время каталог памятников насчитывает 120 поселений, из которых 51 городище, что составляет 42,5 %, остальные 57,5 % приходится на селища. Этот факт позволяет отказаться от традиционного представления о верхнеокской культуре, характерного для всех лесных культур эпохи раннего железного века, как культуре исключительно «городищенской».

Анализ материалов относительно немногих раскопанных городищ верхнеокской культуры и их оборонительных укреплений, таких как Николо-Ленивец, Свинухово, Дуна, Надежда и Торкуновка, позволяет говорить о возведении их валов из плотной глины, иногда подвергавшейся обжигу, как специфической традиции в строительстве оборонительных укреплений.

Жилища верхнеокской культуры, известные в основном по материалам городищ Николо-Ленивец, а также Свинухово и Надежда, представлены остатками прямоугольных в плане наземных домов каркасно-столбовой конструкции, обычно разделенных на две камеры, в одной из которых находился очаг. Все постройки, если не считать некоторых незначительных деталей, однотипны по плану; одинаково ориентированы, имеют одни и те же размеры (9х3 м. или 6х3 м.), изготовлены из одного строительного материала (дерево, глина); сближает постройки и форма обнаруженных в них очагов, не имеющих аналогий в соседних культурах раннего железного века — углубление в материке в виде восьмёрки.

Рассмотрев основные категории вещевого комплекса верхнеокской культуры можно сделать ряд выводов о времени его существования, где в качестве хронологических маркеров выступают, как правило, импортные «стильные» вещи. Вся масса импортов, происходящая с поселений (как правило, городищ) верхнеокской культуры, исходя из направленности культурных связей в эпоху раннего железного века лесной полосы Европейской части России, может быть разделена на три больших группы: 1) скифского 2) подгорцевского и 3) латенского стилей. Исходя из времени бытования этой категории находок, имеющих четкие датировки в синхронных культурах,

хронология вещевого комплекса верхнеокской культуры может быть на данном этапе исследований определена в рамках VI-III вв. до н.э. и синхронизирована в целом со скифской эпохой на юге, средним этапом ананьинской культуры или временем ананьинской постархаики на востоке, древним этапом дьяковской культуры, ранним периодом днепро-двинской культуры Верхнего Поднепровья, а также временем существования классических поселений юхновской культуры V-III вв. до н.э. (Столяров, 2012б).

В ходе изучения керамического материала, как главного дифференцирующего материала для культур раннего железного века, с памятников правобережья верхней Оки, традиционно относимых к верхнеокской культуре, Е.В. Столяровым было установлено, что они имеют совершенно иной культурный облик. Это находит своё выражение, во-первых, в специфике керамического материала, а во-вторых, особенностях домостроительства. Всё это позволило выделить их в отдельную культурно-хронологическую группу, насчитывающую 132 памятника – памятники типа Упа 2 (Столяров, 2011а; 2012в).

Представительный материал этого круга древностей происходит с таких памятников, как селища Упа 2, Супруты, Солодка, городища Борисово, Торхово, Супруты, Страхово, Лобынское, Дедилово. Несмотря на то, что материалы этого типа древностей начинают появляться в коллекциях раскопок с середины 1950-ых годов (раскопки С.А. Изюмовой городища Супруты), ранее они никогда в особую группу не выделялись и рассматривались совокупно с древностями верхнеокской культуры.

Подавляющее большинство памятников типа Упа 2 – это поселения открытого типа, расположенные как по берегам крупных рек (р. Упа, правый приток р. Ока), так и по многочисленным мелким притокам р. Упа, вплоть до расположения по берегам небольших оврагов и ручьев. Размеры селищ, которые составляют практически 90% от всех известных памятников, поистине огромны и порой превышают сотни тысяч квадратных метров.

Одним из первых исследователей, кто описал керамический материал, характерный для памятников типа Упа 2, на основе коллекции с городища Супруты, была С.А. Изюмова. Несколько позднее керамику с примесью известняка с городища Супруты анализировал Г.Н. Пронин, а подобный материал некоторых поселений на верхней Упе И. В. Белоцерковская.

Подавляющая часть керамики, относящейся к памятникам типа Упа 2 – гладкостенная. Основной способ орнаментации края венчика сосудов – пальцевые, пальцево-ногтевые вдавления. В некоторых случаях край венчика никак не орнаментирован. Защипным орнаментом, а также пальцевыми или ногтевыми вдавлениями, составляющими целые ряды, как правило, украшались плечики и тулово сосудов. Известны находки единичных фрагментов и лощеной посуды. Основной примесью в тесте был крупно или среднедробленый известняк, очень часто выщелоченный, отчего поверхность

черепков приобретает пористую структуру и песок, последний делает поверхность сосудов шероховатой на ощупь. В целом, специфику керамического комплекса памятников типа Упа 2 составляют широкогорлые сосуды вытянутых форм, с плавной профилировкой, с толщиной стенок не превышающей 4-7 мм. с «закраинами» у основания днищ. Но наряду с широкогорлыми профилированными сосудами встречаются отдельные, фрагменты горшков чисто баночных форм.

Необходимо отметить что, с памятников типа Упа 2 происходит крайне мало индивидуальных находок, среди которых нет ни одного хроноиндикатора. Известны керамические бусины, костяные и железные наконечники стрел, железные ножи, керамические грузила, которые являются самой многочисленной находкой на памятниках. Поэтому решающую роль в определении времени бытования памятников будет играть форма сосудов и приемы их орнаментации.

С памятников типа Упа 2 известны 8 построек. Исходя из формы построек в плане и их размеров, выделяются варианты:

1) подквадратной формы с заглубленным в слой или материк, с котлованом 2,52x2,12 м, как на городище Торхово; 3,1x3,2 м., как на селище Упа 2; 3x3 м., 2x2,3 м. как на селище Супруты 1.

2) прямоугольной формы небольших размеров, с заглубленным в слой или материк, с котлованом 1,8x3 м. (Лобынское). Учитывая конструктивное сходство и известные размеры, к этому варианту относится частично изученная постройка с селища Супруты 1.

3) прямоугольной формы больших размеров, видимо, с заглубленным в слой котлованом 4x6 м., как на селище Супруты 1, и 4,28x5,8 м., как на селище Упа 2.

Поскольку на памятниках типа Упа 2 полностью отсутствуют хронологические маркеры, они не имеют оснований для собственной датировки. Верхнюю хронологическую границу определяет горизонт древностей римского времени Окско-Донского водораздела – памятники типа Ново-Клеймёново, в нескольких случаях перекрывающие слой памятников типа Упа 2. Памятники типа Ново-Клеймёново датируются II – первой половиной III в. н. э. Исходя из имеющихся материалов памятники типа Упа 2 предварительно могут быть датированы последними веками I тыс. до н.э. – I в. н.э.

Таким образом, можно говорить о существовании на верхней Оке в эпоху раннего железного века двух культурных комплексов, которые ни культурно (генетически), ни территориально-хронологически не связаны между собой:

Первый культурный комплекс – традиционно именуемый верхнеокской культурой, сложился в Верхнем Поочье, преимущественно на территории левобережья верхней Оки, в VI-III вв. до н.э. на базе культурных традиций носителей этой культуры.

Второй культурный комплекс – представлен вновь выявленной в ходе исследования автора группой памятников типа Упа 2. Он ни культурно (генетически), ни территориально-хронологически не связан с предыдущим и сложился на территории правобережья верхней Оки, видимо, в последние века I тыс. до н.э. – I в. н.э. Можно назвать две наиболее вероятных гипотезы его происхождения. Первая – гипотеза «зарубинизации»: вероятным кругом древностей, к которому следует отнести эти материалы, является ареал позднеюхновских древностей Верхнего Подонья рубежа эр (II/I в. до н.э. – I в. н.э.) – памятники типа верхнего слоя городища Полужья. Вторая – гипотеза «скифизации»: формирование памятников типа Упа 2 связано с проникновением вглубь верхнеокского региона отдельных групп позднегородецкого населения Верхнего Подонья, испытавших на себе влияние лесостепной скифоидной культуры. В равной степени нельзя исключать также возможности миграции в последние века I тыс. до н.э. непосредственно скифоидного населения с территории Среднего Подонья или Курского Посеймья (при возможном участии юхновских племен).

Список литературы.

1. Столяров Е.В. К вопросу о культурной ситуации в Верхнем Поочье на рубеже эр / Столяров Е.В. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – Курск, 2011а. - № 3(20) Т. 1.
2. Столяров Е.В. К вопросу о культурной ситуации в бассейне верхней Оки в эпоху раннего железного века / Столяров Е.В. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб.-М.-Великий Новгород, 2011б. С. 389-391.
3. Столяров Е.В. Верхнеокская культура раннего железного века: актуальные проблемы в изучении и перспективы их решения / Столяров Е.В. // Краткие сообщения Института археологии. М., 2012а. С. 150-159.
4. Столяров Е.В. Верхнеокская культура раннего железного века: территориально-хронологический аспект изучения / Столяров Е.В. // В мире научных открытий. Красноярск, 2012б. №4.2 (28) (Гуманитарные и общественные науки). С. 226-238.
5. Столяров Е.В. Памятники типа Упа 2 / Столяров Е.В. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Сб. статей. Тула, 2012в. С. 79-118.

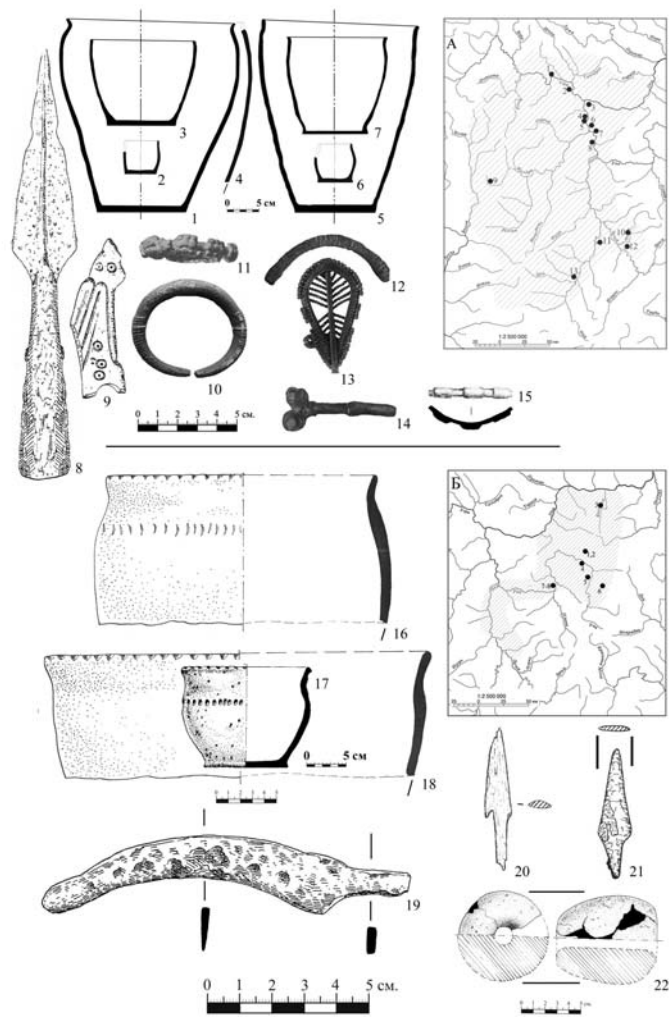

Рис. 1. Культурные комплексы Верхнего Поочья эпохи раннего железного века. Ареал, керамический и вещевой комплекс верхнеокской культуры (1-15-А) и памятников типа Упа 2 (16-22-Б).

1-7, 16-18 – грубые лепные сосуды; 8 – наконечник копья; 9 – фрагмент псаля; 10-12, 14-15 – браслеты; 13 – ажурное навершие булавки; 19 – нож; 20-21, 23 – наконечники стрел; 22 – грузило.

1-7, 15 – Николо-Ленивец; 8-9 – Вороново; 10, 13 – Свинухово; 11 – Мужитино; 12, 14 – Надежда; 16, 18, 23 – Борисово; 17, 22 – Упа 2; 19-21 – Супруты, селище 1.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ КОНЦА IV-V ВВ. НА ГРАНИЦЕ ЛЕСОСТЕПИ И ЛЕСА НА ДНЕПРОВСКОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

О.А. Радюш

*Отдел охранной археологии ИА РАН, Москва, Россия
radegost@rambler.ru*

Одними из важнейших вопросов до сих пор вызывающих многочисленные дискуссии остаётся трансформация культур позднеантичного периода в раннесредневековые. Причины явлений приведших к смене культурных традиций и формированию славянских культур до сих пор слабо изучены ввиду недостаточно количества источников, и в первую очередь полноценных полевых исследований проводимых на современном уровне. Исследования в Курской области на границе леса и лесостепи продолжают играть важную роль в формировании представлений о процессах происходивших на левобережье Днепра на заре славянства.

В послевоенные годы основным районом археологических разведок и раскопок Ивана Ивановича Ляпушкина стало Днепровское лесостепное Левобережье. В 1947–1948 гг. Им были проведены самые крупные до той поры разведочные работы на памятниках археологии Курского Посеймья. В результате - выявлены несколько десятков неизвестных ранее объектов и уточнена культурно-историческую принадлежность большинства уже нанесённых на карту памятников истории области от раннего железного века до русского средневековья. Результаты исследований вошли в его монографии: "Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа" (Материалы и исследования по археологии СССР. № 104. М., 1961) и "Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства" (МИА № 152. М., 1968). За прошедшие с того момента более чем 60 лет в Курском Посемье объем источников и уровень их изучения значительно изменились. До 1996 года были выявлены 133 памятника связанных III-IV вв., и 105 памятников датируемых V-VII вв. (Археологическая карта России, Курская область, М., 1993, 2000), раскопки проводились на 16 поселениях и могильниках позднеримского времени.

Новый этап полевых исследований начался в 2003 году, с тех пор московскими археологами при участии местных коллег удалось открыть более 100 новых памятников археологии связанных с ранними этапами

славянского этногенеза II-VII вв., большинство из них связаны с периодом III-V вв. Значительно увеличилась интенсивность и качество разведок, расширились зоны поисков, что позволило получить более точные представления о структуре, плотности заселения региона в римское время и эпоху переселения. Работами Средне-Сейминской экспедиции ИА РАН за последние 10 лет обследована значительная территория Посемья, наибольшее количество памятников выявлено между Льговом и Курском. Работы были сосредоточены на нескольких направлениях: обследование памятников в долине Сейма по обеим его берегам к западу от Курска, изучение водоразделов между Сеймом и Пселом, поиск памятников позднеимского времени на необследованных ранее участках долины Реута, Сейма, Свапы, изучение археологической ситуации в районе находок «кладов» эпохи великого переселения народов.

Промежуточным этапом работ стало выделение двух разновременных ареалов памятников связанных с черняховской традицией. Ранние относящиеся ко второй половине III- концу IV занимали почти всю территорию между реками Сейм и Псел, вплоть до их истоков ряд из них фиксируется по правому берегу р.Сейм на участке от Льгова до Курска, далее эти поселения прослежены на север по долине р.Тускарь до впадения в нее р.Свапы, и на восток до верховьев р.Рать. Для более позднего этапа – конца IV- начала V вв. удалось локализовать памятники относительно узкого хронологического периода, которые условно обозначены как Льговско-Фатежская группа. Эти поселения занимают почти всю территорию Льговско-Фатежской возвышенности к северу от Сейма и западу от Тускаря. В древности судя по составу почв данная территория была в значительной части занята лесами, в отличии от черноземов к югу от Сейма и востоку от Тускаря. Рельеф местности образован глубокой овражистой сетью, где высота склонов достигает 40-50 м. Поселения по своему расположению в рельефе можно разделить на две группы – первая расположенные на краях высоких балок (Николаевка, Раздолье, Мармыжи, Болованово), вторая поселения расположенные у основания склонов на пойменных мысах балок (Филлипова), и расположенные в высокой пойме рек в нижнем их течении (Жеребцово, Анпилогово, Абугин). В отличии от предшествующего периода, размеры поселков становятся значительно меньше (протяженность до 300 метров). Самые северные находки черняховской керамики доходят до правых притоков Свапы в Железногорском районе (Жидеевка, Линец) и притоков Сновы в Поньоровском районе (Становое). Заселение северных территорий также может подтверждаться кладами денариев на Свапе. Южная граница проходит по низовьям ручьев впадающих в Сейм с севера, материалов этого периода непосредственно в долине главной реки региона до сих пор неизвестно.

Помимо выделяемой группы памятников к северу от Сейма, отдельные находки относящиеся к фазе D1-D2 прослеживаются и на многослойных

поселениях расположенных по основному течению Сейма и Псла. Среди таких находок детали поясной гарнитуры, фибулы, кинжалы с вырезами, шпоры (Гочево, Шмырево, Картамышево, Пены, Быки). Наиболее поздние монеты на поселениях к югу от Сейма чеканены при императоре Валенте (364-378) (Титово, Беловский район). Для понимания общей ситуации важно отметить и ситуацию в Потускарье, где на поселениях раннего периода встречаются вещи относящиеся уже к эпохе переселения народов (Парменовка-4/Свобода). Э.А.Сымонович исследовал раскопками поселения Воробьевка-2 и Каменево-2, материалы которых относятся к концу IV вв. началу V. Ко времени финала черняховской культуры могли относиться и погребение знати в Большом Каменце, и возможное погребение в Паниках (Обоянский клад), расположенные в междуречье Сейма и Псла.

Всего к настоящему времени выявлены 25 поселений на Льговско-Фатежской гряде (рис.1), могильники, кроме одиночного погребения у д.Волниковка по всей видимости синхронного материалам поселений неизвестно. Судя по результатам шурфовок проведённых на поселениях Мармыжи, Раздолье I и II, Николаевка, памятники являются однослойными и весьма недолговременными, это же подтверждается подъёмным материалом (рис.2). Единственное поселение в микрорегионе исследованное раскопками – Колосовка на р.Рогозна (1971 г. - Э.А.Сымонович) подтверждает короткое время существования поселков и их связь с черняховским периодом. Население поселков продолжает использовать черняховскую круговую посуду, как лощёную так и шероховатую. Большое количество находок позволяют датировать эти поселения фазами D1-D2. Наиболее значимыми хроноиндикаторами следует считать монеты императоров Аркадия-Гонория (Мармыжи, Николаевка, Комаровка). Большое количество находок предметов вооружения (разнообразные наконечники стрел, детали щитов, мечей, копий, топоров), в том числе со следами повреждений может указывать на гибель этих поселений в результате военных действий. Среди находок несколько вещей - фибулы, топоры (Николаевка, Жеребцово) возможно связаны с северо-западным кругом древностей.

В последнее время получены и материалы позволяющие выделять горизонт престижной культуры постгуннского периода – конца V рубежа V-VI вв. К нему следует относить находки деталей ременной гарнитуры (Лукашевка-4, Александровский и др.), меч с коробчатым инкрустированным перекрестием из по всей вероятности разрушенного погребения (Картамышево). В связи с этим следует обратить внимание на появление вещей этого же горизонта в Сумской и Брянской областях, также на границе лесной и лесостепной зоны к северу от Десны и Сейма. Отсюда известны детали шлемов типа европейских раннесредневековых шпангенхельмов, конская узда, детали ремённой гарнитуры, также датируемых этим временем. Подобные находки, если подтвердится их связь с местным населением могут свидетельствовать о сохранении связей местной элиты с европейскими и определённую

преемственность сохранявшуюся на протяжении V века. Следует отметить, что ряд находок вещей как конца V так и VI-VII веков сделаны на территории ранее существовавших крупных черняховских селищ. Этот факт может указывать на некоторую преемственность в хозяйственном отношении, и требует более пристального рассмотрения после накопления большего количества материалов.

Продвижение населения черняховской культуры как это было давно отмечено связано с чернозёмными почвами. При наложении известных нам памятников на почвенные карты заметно, что в III-IV веке население этой культуры в Курском ПОсемье осваивало только территории черноземов, не переходя в зону лесов, однако в дальнейшем часть населения возможно мигрирует на север в более безопасные и стабильно плодородные районы с лесными почвами, в то же время сохраняя ещё некоторое время связи с торговыми центрами Северного Причерноморья, что подтверждается находками монет рубежа IV/V вв., фрагментами амфор на поселениях Льговско-Фатежской группы. Очевидно, что значительная часть ранее плотно заселённого междуречья Сейма и Псла в это же время запустевает, однако можно предполагать что отдельные поселения сохранялись, либо на месте старых черняховских поселков селится новое население. На большинстве обследованных поселений Льговско-Фатежской группы не отмечены более поздние наслоения, в то время как на Тускаре эта преемственность отмечается, что позволяет рассматривать памятники на возвышенности, как следы бегства части черняховского населения в труднодоступные места от серьёзной опасности в конце IV века.

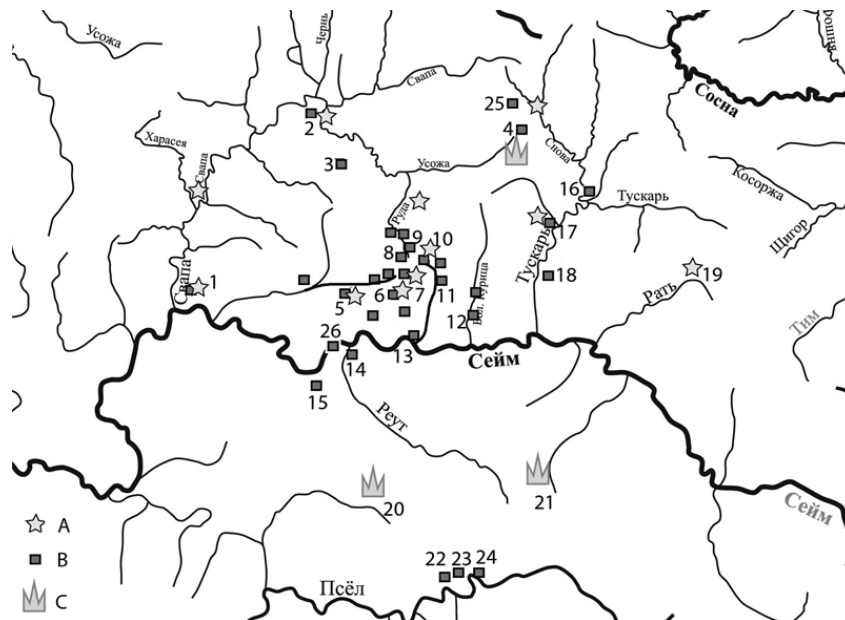

Рис.1 Поселения Льговско-Фатежской группы, погребения и отдельные находки датируемые концом IV-V вв. в Курском Посемье. А) поселения и отдельные находки на поселениях к югу от Льговско-Фатежской группы, В) клады монет к северу от Сейма и находки монет посл. четв. IV – нач. V вв., С) одиночные погребения знати

1. Комаровка, 2. Жидеевка, 3. Линец, 4. Волниковка, 5. Мармыжи, 6. Болованово, 7. Николаевка, 8. Раздолье-1, 9. Раздолье-2, 10. Филлипова, 11. Колосовка, 12. Жеребцово, 13. Александровский, 14. Лукашевка-4, 15. Пены, 16. Воробьевка-2, 17. Парменовка-4/Свобода, 18. Каменево-2, 19. Титово, 20. Большой Каменец, 21. Паники, 22. Гочево, 23. Шмырево, 24. Картамышево, 25. Становое, 26. Быки.

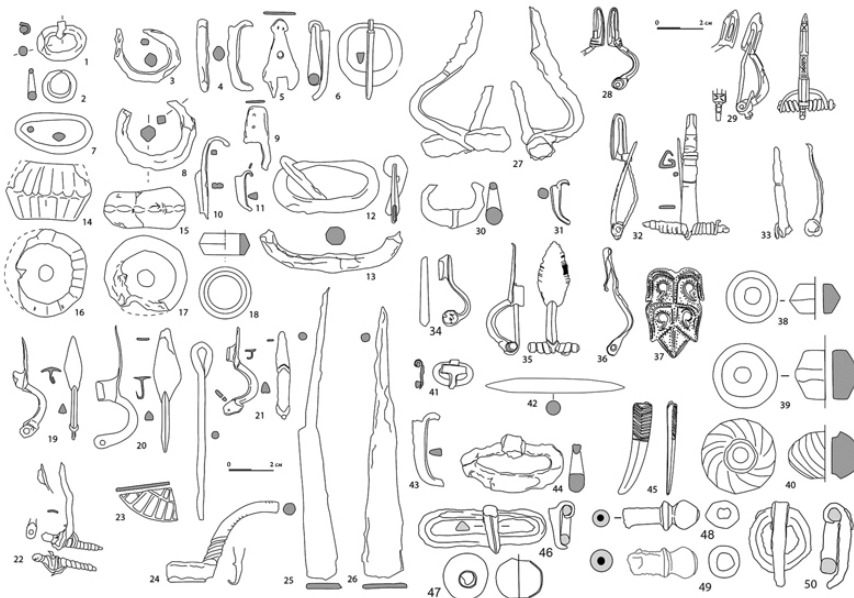

Рис.2. Некоторые находки с поселений Льговско-фатежской группы.

1-26. Николаевка, 27-32. Мармыжи, 33-40, 42, 45. Филлипова, 41, 43, 44. Болованово, 46-49. Раздолье-1, 50. Урочище Абугин.

КЛАДЫ "ДРЕВНОСТЕЙ АНТОВ" И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ МЕЖДУ СЕЙМОМ И ПСЛОМ В КОНЦЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В.Е. Родинкова

*Институт археологии РАН, Москва, Россия
vlasta2004@mail.ru*

Клады «древностей антов» составляют целую эпоху как в истории Поднепровья, так и в истории изучения этого региона. Комплексы и отдельные находки таких вещей известны на широкой территории от Среднего Подесенья до днепровских порогов и от Поосколья до Поросья и верхнего течения Южного Буга. Они разделяются на две хронологические группы, первая из которых датируется рубежом VI-VII/началом VII – серединой/третьей четвертью VII в., вторая – второй половиной/концом VII – первой половиной/серединой VIII в. Накопленный в последнее время

материал позволяет выделить несколько зон концентрации «древностей антов» I группы. Одна из таких зон – территория между Сеймом и Пселом, в частности, нижнее течение впадающей в Псел р. Суджа, где на площади в несколько квадратных километров зафиксированы три клада (рис. 1).

Первый из этих кладов был найден в 1947 г. во время распашки на дюне в пойме р. Суджа, на территории г. Суджа. Он состоит из мужских и женских украшений и предметов убора – пальчатых фибул, височных колец, гривен, различных подвесок, пронизок, цепочек, бус, деталей поясного набора так называемого геральдического типа и др. (Рыбаков, 1949; Корзухина, 1996. № 85). В 2007 или 2008 г. предположительно на той же дюне был собран еще ряд предметов, которые поступили на хранение в Курский областной краеведческий музей. Это подвески, пронизки, детали поясного набора, практически идентичные тем, что были найдены в 1947 г. Не исключено, что они составляют часть Суджанского клада, не выявленную и не извлеченную из земли в 1947 г. Очевидно, данный комплекс относится к кладам-«ларчикам», по классификации О.А. Щегловой, содержащим личные комплекты обрядового или праздничного убора и отдельные семейные реликвии.

Второй клад был обнаружен в 2007 г. в 6 км к югу от предыдущего, у д. Куриловка, между двумя рукавами р. Суджа при впадении ее в р. Псел (Родинкова, 2010). По категориальному составу Куриловский клад близок Суджанскому 1947 г., но по характеру сложнее. Большая часть принадлежностей женского убора из этого комплекса – фибулы антропоморфные, пальчатые и с каймой из птичьих голов, височные кольца, браслеты, подвески различных типов, пронизки, цепочки, бусы – вероятно, входила в комплекты индивидуальных украшений. Детали поясной гарнитуры также, по-видимому, составляют единый набор, который, однако, в отличие от женских вещей, никогда не был в употреблении и даже не прошел послелитейную обработку. Эти изделия наряду с двумя сырьевыми слитками свидетельствуют о том, что клад мог принадлежать ремесленнику-ювелиру, спрятавшему собственную неоконченную продукцию и украшения членов своей семьи.

Третий клад был найден примерно в 1,5 км к юго-западу от первого, на территории входящей в г. Суджа слободы Замостье, также на дюне в пойме р. Суджа, и передан в Суджанский районный краеведческий музей. Он включает более 500 предметов и является одним из самых больших комплексов раннесредневекового времени в Поднепровье. При этом значительную часть клада составляют обломки каких-то изделий, форму и назначение которых представить уже невозможно. Определимые же вещи – принадлежности мужского и женского уборов (пластинчатая диадема, височные кольца, гривны, фибулы и подвески разных типов, пронизки, цепочки, браслеты, бусы, поясные наконечники и накладки различных форм), бытовые предметы (фрагменты серебряного блюда), изделия, связанные с

воинским снаряжением (накладки на Р-образные скобы и, возможно, обкладки ножен меча или кинжала). Все они имеют следы длительного использования, ремонта, многие сломаны. Часто вещи составляют небольшие серии, но ни одного комплекта личных украшений в кладе не выявлено.

В основном в рассматриваемом комплексе представлены «древности антов» I группы, но зафиксированы и изделия, имеющие иную хронологию и связанные с иным культурным контекстом. Например, фибулы типа Новоселица, литые подражания составным двупластинчатым застежкам, по И.О. Гавритухину датируются в Поднепровье второй половиной V в. Пластинчатая диадема относится к украшениям круга восточноевропейских выемчатых эмалей, широко распространившимся во второй половине II-III в. Небольшое серебряное блюдо, судя по клейму, могло быть изготовлено в какой-то из константинопольских мастерских в период правления Константина IV (668-685) [1]. Один из браслетов из Суджи-Замостья имеет прямую аналогию на городище Никодимово в Верхнем Поднепровье.

По словам находчика, клад состоял из нескольких скоплений, залежавших на разной глубине. При обследовании места его обнаружения было установлено отсутствие там раннесредневекового культурного слоя. Результаты морфологического и физико-химического анализов образцов почвы из разрезов, заложенных на месте находки, показали, что на исследованном участке имела место особая гидрологическая ситуация. Здесь происходила смена стоячих и текучих вод; не исключено, что в момент сокрытия клада участок находился в режиме подтопления, характер которого еще предстоит установить. Учитывая приведенные данные, можно предположить, что клад из Суджи-Замостья имел символическое значение.

В скопление кладов «древностей антов» I группы между Сеймом и Пслом кроме суджанских находок следует включать также комплекс, найденный в 1994 г. у с. Гапоново Кореневского р-на Курской обл., на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Сейм, примерно в 35 км к северо-западу от г. Суджа. Составляющие его украшения и аксессуары костюма авторами фундаментальной публикации этого комплекса (Гавритухин, Обломский и др., 1996) отнесены к двум комплектам женского убора и трем мужским поясным гарнитурам. Кроме того, в Гапоновском кладе имеются железные удила и значительное число ворворок из свинцово-оловянного сплава, которые предложено интерпретировать преимущественно как принадлежности конской упряжи, а также ряд предметов, связанных, возможно, с ювелирным ремеслом.

Последний стал известен клад, найденный в 2011 г. у с. Шевченково Буринского р-на Сумской обл. Украины, на левом берегу р. Сейм, примерно в 75 км к западу от Гапоновского клада, и хранящийся в Путивльском районном краеведческом музее. Он состоит из 84 предметов, большая часть которых (пластинчатый головной венчик, гривны, односпиральные височные кольца, две парные крупные и одна малая пальчатые фибулы, подвески

различных типов, пронизки, браслеты, бусы) может быть отнесена к одному комплексу женских украшений. Мужские вещи представлены только коробчатым наконечником пояса и прорезной накладкой, однако следует иметь в виду, что, судя по инвентарю женского погребения в Мохначе, отдельные детали поясного набора могли быть связаны и с женским костюмом. Особенностью Шевченковского клада является наличие в его составе двух пар железных удил, двух ножей и четырех керамических пряслиц.

Рассматривая клады как сокровища элиты (Гавритухин, Обломский и др., 1996. С. 145; Родинкова, 2011. С. 260, 261) [2], можно говорить о концентрации в междуречье Сейма и Верхнего Псла населения, обладавшего высоким имущественным и социальным статусом. Иными словами, на исследуемой территории может быть локализован некий центр власти, одна из «столиц» полиэтничного объединения, реконструируемого по находкам вещей круга «древностей антов» I группы.

В конце эпохи Великого переселения народов территория Посеймья и Верхнего Попселья входила в зону расселения носителей колочинской культуры. По данным А.М. Обломского [3], здесь раскопано 9 памятников (из них 4 – в нижнем течении р. Суджа); кроме того, порядка 20 памятников, известных по разведкам, также могут содержать напластования раннесредневекового времени. Исследованные поселения и могильники не отличают интересующий нас регион от других частей колочинского ареала, демонстрируя традиционный для культуры в целом набор черт, в частности, характерную для всего раннеславянского мира бедность металлом. Вместе с тем изделия круга «древностей антов» встречены на колочинских памятниках бассейнов Сейма и Псла, что подтверждает связь этих двух культурных явлений.

Таким образом, налицо явное противоречие между количеством и качеством вещевого инвентаря, отложившегося в серии представительных кладов, и относительной малочисленностью и бедностью синхронных памятников, с которыми эти вещи могут коррелировать. Представляется, что решать проблему следует в двух направлениях. С одной стороны, в междуречье Сейма и Верхнего Псла должны быть возобновлены масштабные полевые работы. Есть основания полагать, что большинство колочинских памятников в указанном регионе не выявлены, поэтому мы не можем реконструировать систему расселения и определить взаимосвязь разных типов археологических объектов на этой территории полном объеме. С другой стороны, перспективным кажется новое обращение ккладам «древностей антов», определение характера и структуры каждого конкретного комплекса. Не исключено, что, по крайней мере, часть таких находок не манифестирует богатство и высокий статус определенных членов коллектива, а отражает какие-то неизвестные нам пока явления духовной и материальной жизни раннесредневекового населения Поднепровья.

Работа выполнена в рамках исследований по проекту РГНФ «Древности эпохи Великого переселения народов на р. Суджа: комплексное изучение региона» № 12-01-00266, тип «а».

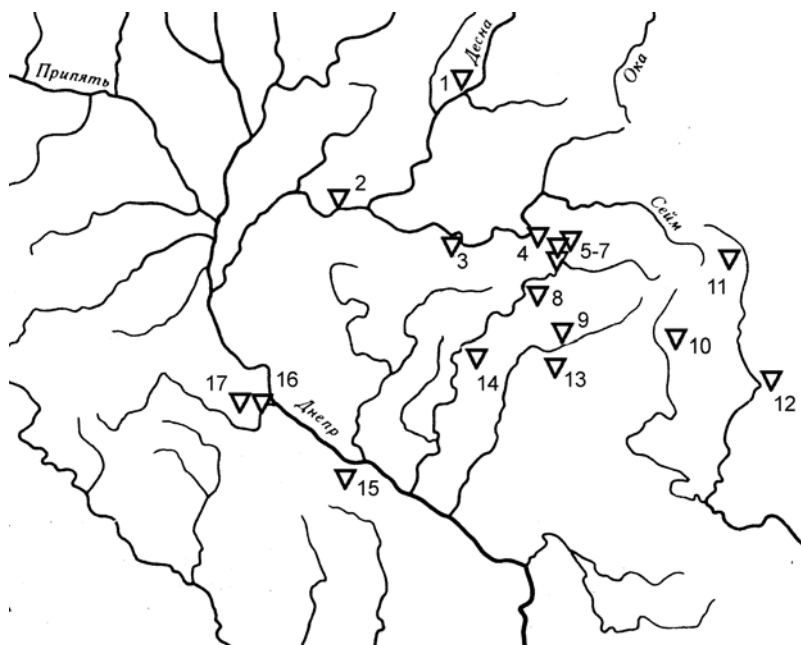

Рис. 1. Распространение кладов «древностей антов» I группы. 1 – Трубчевск; 2 – Мена; 3 – Шевченково; 4 – Гапоново; 5 – Куриловка; 6 – Суджа-Замостье; 7 – Суджа (1947 г.); 8 – Нижняя Сыроватка; 9 – Смородино; 10 – Первое Цепляево; 11 – Углы; 12 – Колосково; 13 – Козиевка/Новая Одесса; 14 – Блажки; 15 – Хацки; 16 – Мартыновка; 17 – Малый Ржавец.

[1] Клеймо было исследовано ведущим научным сотрудником Государственного Эрмитажа доктором искусствоведения В.Н. Залеской, которой я выражаю глубокую признательность.

[2] Еще одна точка зрения состоит в том, что украшения круга «древностей антов» были не «статусными», а обрядовыми, ритуальными вещами, и территория их распространения очерчивает зону сбыта продукции нескольких ремесленных мастерских, связанных общими художественными и производственными традициями (Щеглова, 1999. С. 309, 310).

[3] Благодарю А.М.Обломского за возможность ознакомиться с текстом неопубликованной статьи.

СВОЙСТВА И РОЛЬ СВИНЦОВО-ОЛОВЯННЫХ СПЛАВОВ В «ДРЕВНОСТЯХ АНТОВ»

А.Н. Егорьков

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург,

Россия

yegorkov@mail.ru

Свинцово-оловянные сплавы в раннем средневековье получили широкое распространение в качестве ювелирного металла. В частности, они постоянно встречаются в поднепровских кладах раннеславянского времени, объектах, состав металла которых уже продолжительное время служит предметом исследования автора. Иногда количество изделий из этого сплава может быть очень большим. Так, в раннеславянском кладе VII века из села Великие Будки на Сумшине (Украина) их число превышает 1200 (Горюнова 1992).

Свинец и олово имеют совершенно разное рудопоявление. Первичная руда свинца – галенит, сульфидного характера, вторичная – карбонат, церуссит. Первичная же руда олова, касситерит, является диоксидом. По изложенной причине олово и свинец не могут быть взаимной рудной примесью, и их сплавы рукотворные, артефакты. Закономерен вопрос: находили ли использование индивидуальные компоненты и почему широкое распространение в «древностях антов» получил их сплав.

Что касается олова, то изделия из него в это время немногочисленны. Иногда встречаются подвески, перстни, небольшое его количество использовалось в стеклоделии, для чего, впрочем, однако не требовалась его выплавка из руды. Главное же предназначение олова сводилось к использованию в качестве легирующего металла, прежде всего для бронзовой пластики. В развитом средневековье оно уже стало незаменимым при отливке пушек и колоколов. До их появления востребованность олова в раннем средневековье в Восточной Европе была невысока. Об этом, в частности, свидетельствует его разное название в разных славянских языках: в западных языках его название восходит к немецкому *Zinn*, а в южных обозначается тюркским словом *калай*, да и в латинском языке современное название олова *stannum* - новообразование. Попутно заметим, что само слово *олово* во всех славянских языках, кроме русского и украинского, означает *свинец*.

Иначе обстояло дело со свинцом, его использование в элементном виде было намного шире. Так, он применялся как кровельный материал, для изготовления водосточных труб, в стеклоделии, для технического пломбирования, отливки грузил и др.

Однако в раннеславянских кладах как ювелирный металл получил широкое распространение именно сплав олова со свинцом, иногда в современной литературе называемый пьютером (англ. *pewter*). Причины этого кроются в свойствах этих сплавов, но здесь уместно еще напомнить, что свойства

сплава далеко не всегда аддитивно складываются из свойств слагающих его компонентов, причем отклонения от формально вычисленных значений могут быть очень велики. Достаточно вспомнить бытовой пример, связанный с посыпкой зимой дорог солью. Добавка ко льду соли приводит к его плавлению, хотя температура плавления самой соли составляет сотни градусов. Как видим, при этом не получается соединения с какой-то средней температурой плавления, а, напротив, температура застывания смеси воды с солью при правильном подборе их соотношения может быть опущена до -16°C .

Нечто подобное наблюдается и у сплавов, которые представляют собой твердые растворы. При этом сплавы плавятся при определенной температуре, если они представляют собой т.н. эвтектики. Пьютерам же присущ полиэвтектический характер, в результате чего они имеют начальную и конечную температуру плавления. Это означает, что в процессе плавления первые капли жидкой фазы появляются при одной температуре, а последние твердые частицы исчезают при другой, более высокой. Некоторые свойства свинцово-оловянных сплавов приведены в таблице, причем здесь рассмотрены продажные промышленные и бытовые припои, свойства которых хорошо изучены. Они имеют обозначение ПОС, которое расшифровывается как «припой оловянно-свинцовый», за которым следует число, обозначающее содержание в сплаве олова (Одноралов 1991: 63).

Физико-химические свойства свинцово-оловянных припоев

Марка припоя	Темп. начала плавления, $^{\circ}\text{C}$	Темп. конца плавления, $^{\circ}\text{C}$	Интервал плавления, $^{\circ}\text{C}$	Прочность на разрыв, $\text{кг}/\text{мм}^2$	Относительное удлинение, %
Олово	232	232	0	1,9	43
ПОС 90	183	202	39	4,3	25
ПОС 50	183	209	26	3,6	32
ПОС 40	183	235	52	3,2	63
ПОС 30	183	256	73	3,3	58
ПОС 25	183	265	82	2,8	52
ПОС 18	183	277	94	2,8	67
Свинец	327	327	0	1,1	45

Из таблицы видно, что и конечная, и начальная температура плавления сплавов во всех случаях ниже температуры плавления свинца (327°C), наиболее тугоплавкого компонента! Это наблюдается даже при содержании легкоплавкого (232°C) олова всего 18%! Еще более разительным оказалось увеличение прочности на разрыв, в этом отношении все сплавы значительно превысили свойства исходных материалов! Увеличение прочностных свойств с одновременным снижением температуры и определяет причину появления и широкого использования свинцово-оловянных сплавов в ювелирном деле а, надо думать, и для изготовления некоторых видов утвари.

Можно указать и на другие преимущества сплавов. Одно из них связано с тем, что свинец при плавлении заметно окисляется, что хорошо заметно по появлению красного глета, оксида двухвалентного свинца. Отливка изделий из более низкоплавких сплавов, естественно, снизит степень окисления свинца. Другое состоит в том, что свинец гораздо дешевле олова, а, следовательно, и сами сплавы вполне могут оказаться дешевле олова. Как видим, такой набор преимуществ сплава не мог не остаться незамеченным литейщиками раннего средневековья.

Как следует из таблицы, свойства сплавов не очень сильно изменяются с изменением соотношения компонентов, поэтому в раннеславянских сплавах можно видеть довольно значительные колебания соотношения основных компонентов, когда в качестве основы может выступать как свинец, так и олово (Егорьков, Щеглова 2000: 60-61).

Широкое использование свинцово-оловянных сплавов объясняет и многокомпонентность раннеславянского металла (Егорьков, Щеглова 2001). Вошедшие в это время в обиход в качестве ювелирного металла латуни в целях их экономии часто сплавлялись с пьютером, в результате чего содержание цинка нередко оказывалось сопоставимым с содержанием олова и свинца. Это сплавление особенно хорошо прослеживается для металла раннеславянского клада из с. Куриловки Курской обл., в меньшей степени это заметно для близкого по времени клада из Суджи-Замостья тоже на Курщине (еще не опубликованные результаты). Взгляды некоторых авторов на то, что легирующие элементы вводились порознь, вряд ли можно признать обоснованными, поскольку при разном легирующем действии нет разумных причин вводить их несколько по отдельности. О том, что свинец и олово вводились лигатурой, свидетельствует и состав металла бубенчиков из раннеславянских кладов: для них требуется звучный сплав, которым латунь быть не может и где легирующими элементами для меди оказались и олово, и свинец. Присутствие в таком металле свинца не оказывает существенного влияния на звучание для колокольчиков и бубенцов малых форм.

Таким же образом можно объяснить и многокомпонентность постоянно присутствующих в раннеславянских биллонов. В них всегда цинк имеет значительно меньшее содержание, чем медь, что прямо указывает на легирование серебра латунью. Видимое же иногда присутствие олова и свинца в сопоставимых с цинком количествах может быть расценено как дополнительное легирование свинцово-оловянной лигатурой. Возможен и другой вариант: серебро было сплавлено с латунью, которая в свою очередь уже была сплавлена со свинцово-оловянной лигатурой. Вообще, вопрос о биллонах в раннеславянских кладах представляется сложным, поскольку трата дорогого металла иногда не приводит к достижению благородства внешнего вида изделий, в результате чего они не имели видимых отличий от латуни. Зачем надо было прибегать к столь глубокому легированию дорогого серебра, остается лишь гадать.

Литература

- Горюнова В.М.* 1992. Новый клад антского времени из среднего Поднепровья // Археол. вести. Вып. 1. С. 126-140.
- Егорьков А.Н., Щеглова О.А.* 2000. Состав свинцово-оловянных сплавов раннеславянских кладов «древностей антов» //Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. № 4. Київ. С.56-61.
- Егорьков А.Н., Щеглова О.А.* 2001. Металлы “антских” кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск. С. 279-307.
- Одноралов Н.В.* 1991. Секреты мастера // Сделай сам. № 1. С. 43-68.

МАЛЕНЬКИЙ КОМПЛЕКС ПАСТЫРСКОГО ТИПА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СЕЛА УЛАНОК (СУДЖАНСКИЙ РАЙОН КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

О.А. Щеглова

*ИИМК РАН, Санкт-Петербург, Россия
oascheglova@gmail.com*

Районный центр Суджа, расположенный на юго-западе Курской области, знаменит тем, что на его территории и в ближайших окрестностях обнаружено не менее 3-х кладов «древностей антов», в состав которых входят пальчатые фибулы, детали поясного набора и другие элементы, характерные для этого типа древностей VII в. н.э. (Рыбаков 1949, Корзухина 1996, Родинкова 2010, Родинкова, Сапрыкина, Сычева 2012). Все эти комплексы относятся к первой хронологической группе кладов, представленной многочисленными комплексами в лесостепной зоне Среднего Поднепровья.

Цель нашей публикации – привлечь внимание к находке, сделанной при случайных обстоятельствах близ села Уланок Суджанского района Курской области, которое находится на правом берегу р. Псел, выше по течению от места впадения в него р. Суджа, в 10 км к юго-западу от районного центра. Псел на этом участке течет на Запад, меандрируя и образуя широкую пойму с отдельными всхолмлениями дюн и останцов первой надпойменной террасы.

В личном фонде курского краеведа Ю.А. Липкинга, который хранится в Архиве Курского областного музея Археологии, был обнаружен листок с карандашным рисунком и записью, относящимися к 1967 г.[1] На рисунке помещены наброски предметов – одного из двух найденных близ Уланка височных колец пастырского типа с клювовидными отростками и фрагментированного браслета с подгранеными полыми расширенными концами. Набросок сопровождается записями, сделанными, разными

карандашами ,по-видимому, в разное время: до и после беседы с находчиками:

«Суджанский [нрзбр.] музей».

«Две одинаковые подвески (височные кольца?) из серебра, обе с дефектом при отливке, и фрагменты (2) браслета найдены в с. Уланок на р. После. Доставлены в июне 1967 г. Обратиться к учителю Касьяненко или библиотекарю. Поезд в 2 дня.»

Примечания другим карандашом сделаны наискось, вероятно, позже:

«Подр. [нрзбр...] в зап. Книжке?! Место нахождения коллекции сомнительно. Копали!»

И записей следует, что Ю.А. Липкинг получил в 1967 г. из Суджанского краеведческого музея информацию о находке, съездил туда, зафиксировал вещи и ознакомился с обстоятельствами их находки, которые он посчитал сомнительными, подозревая, что предметы были добыты в результате самодельных раскопок. В свою научно – популярную книгу, где подробно рассматриваются находки «туманных веков» в районе Суджи, Ю.А. Липкинг сведений о находке в Уланке не включил (Александров – Липкинг 1971: 62-70).

В настоящее время в Суджанском районном краеведческом музее хранятся 2 фрагмента серебряного браслета с полыми подгранеными расширенными концами (инв. № СКМ 713, 714); обе «подвески» -- височных кольца – пока не обнаружены. Внутри одного из раструбообразных полых концов браслета сохранились остатки органического заполнения – нити (СКМ – 713).

Найденные в Уланке предметы относятся к довольно редким, но легко опознаваемым украшениям «пастырского типа», основная масса находок которых, и их изготовление связаны с Пастырским городищем на Днепровском Правобережье, которое расположено 3 км на запад от с. Пастырское Смелянского района Черкасской области.

Литые височные кольца (серьгами их не позволяют назвать крупные, более 6-ти см в диаметре, размеры, хотя разъем дужки и заостренный конец для продевания кольца в ткань или отверстие в мочке уха имеется) с подвеской, украшенной шестью противостоящими клювовидными выступами, кратко рассмотрел в работе 1973г. А.И. Айбабин (Айбабин 1973: 65, 70). Он показал, что наряду с некоторыми другими типами серег со звездообразной привеской, рассматриваемый тип был свойственен исключительно среднеднепровским памятникам, которые М.И. Артамонов связывал с «пастырской культурой». На самом деле, можно утверждать, что этот тип серег связан не просто с памятниками « пастырского времени», а исключительно с самим Пастырским городищем: 1 –из коллекции Ханенко в ГИМ, 2 – из коллекции Хвойко в НМИУ, 3 – из клада 1949 г.1—из сборов О.М. Приходнюка – всего 7 штук ; О.М. Приходнюк указывает на 8 находок (2005:42) . Ещё 2 экземпляра без конкретной привязки в Среднем Поднепровье происходят с большой долей вероятности с того же

Пастырского (Корзухина 1996: т. 92). Даже в результате массового ограбления археологических памятников, когда число экземпляров, принадлежащих к типам, доселе считавшимся редкими, многократно увеличилось, нельзя сказать, что такие подвески превратились в обыденную находку. Из кладов «древностей антов» второй, поздней группы, они встречены лишь в одном достоверном Пастырском кладе 1949г., и не менее 3-х раз среди депортированных грабительских находок комплексов, которые нельзя считать достоверными.

На этом фоне зафиксированная Ю.А. Липкиным пара подвесок важна, как самая удаленная от Пастырского северная находка височных колец рассматриваемого типа.

Браслеты с расширенными полыми подграненными концами – находка более частая, но они встречаются также только в лесостепной зоне Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья, а рогообразный инструмент для их формовки обнаружен в числе других ювелирных приспособлений на Пастырском городище. В Зайцевском кладе они встречены с браслетами с полыми округлыми концами, украшенными гравировкой, а распространение различных модификаций этих последних позволяет уверенно связать их происхождение с провинциально-византийской ювелирной традицией, которая наиболее ярко реализовалась в древностях среднеаварского периода в Среднем Подунавье.

Таким образом, находка в Уланке позволяет поставить ещё одну более или менее достоверно привязанную точку на карте распространения антских кладов второй, поздней группы, связываемых с ювелирным производством мастеров, связанных с Пастырским городищем.

Недавняя публикация А.В. Мاستыковой, также основанная на информации, происходящей из архивной документации Ю.А. Липкина, ввела в научный оборот полностью утраченный комплекс парного погребения, обнаруженного в начале 60-х гг. у деревни Разиньково Курского района Курской области (Мастыкова 2012), в котором автор реконструирует наличие браслета с расширенными концами и своеобразной железной гривны с перехватом на плоской лопасти. А. В. Мастыкова указывает на возможное дунайское происхождение вещей, но сопоставляет погребение с аланской традицией, и датирует его второй половиной – последней третью 7 в. н.э.

В комплексах кладов височные подвески с клювовидными отростками и браслеты с полыми расширенными концами встречаются с другими разновидностями височных подвесок (или серег) – со звездообразными и полыми сферическими подвесками, крупными антропоморфными фибулами и плоскими вырезанными из серебряного листа фибулами с тиснением. Собственно, большие серебряные пластины являются лишь декором, они крепятся к кованым пластинам, надрезанным так, что отогнутые детали образуют стойки для сердечника пружины и иглоприемник. Пара таких пластин обнаружена в недавнее время

грабителями несколько северо-западнее Суджанского региона -- в окрестностях Рыльска, однако эта находка не имеет достоверной привязки к контексту.

Рассматривая ювелирный убор, зафиксированный во второй группе «антских» кладов, необходимо подчеркнуть разрыв в традиции ювелирного дела между ним и представленным в ранней группе с пальчатыми фибулами. В качестве материала в этой группе комплексов доминирует серебро (в ранней – латунь), в качестве ювелирных приемов – ковка, тиснение и пайка (в первой – литье по восковой модели в двухстворчатые формы), в качестве образцов – провинциально-византийские изделия, в основном из среднеаварских могильников Подунавья (в первой – «поствосточногерманские» -- термин И.О. Гавритухина). Представляется, что этот разрыв носит на территории Поднепровья не только хронологический характер, и отражает временной хиатус между периодами выпадения двух групп кладов, но и серьезные изменения в направлении и характере культурных связей.

Совокупность данных, выявленных в архиве Ю.А. Липкинга, и отрывочных сведений о находках аналогичных комплексов в глубине Днепровского Левобережья, наряду с находками тисненых украшений во время исследований И.И. Ляпушкиным поселения Выгоничи и ювелирного инструмента для тиснения полусферических деталей в раскопках В.А. Павдина в Макче на Брянщине (достаточно далеко от места их производства, зафиксированного на Пастырском городище), заставляет задуматься о путях и судьбах раннесредневековых мастеров, создавших «тисненый стиль Пастырских кладов». По-видимому, их деятельность развивалась не только на самом городище и не сразу прекратилась после его гибели.

Литература:

Айбабин А.И. К вопросу о происхождении сережек Пастырского типа // СА. 1973. №3. М.: «Наука».

Александров – Липкинг Ю. Далекое прошлое Соловьиного края. Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство. 1971.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. 1996. Вып. V

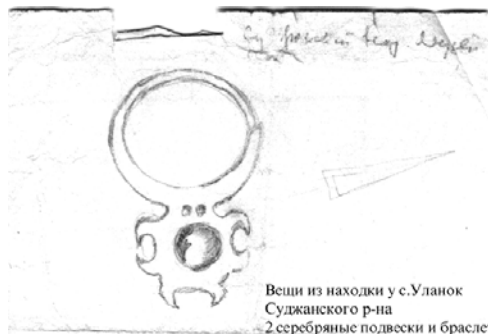
Мастыкова А.В. Раннесредневековое погребение у с. Разиньково Курской области. // РА. 2012. №2.

Приходнюк О.М. Пастырське городище. Київ – Чернівці. 2005.

Родинкова В. Е. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. 2010. № 4;

Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А., Сычева С. А. Раннесредневековые клады Поднепровья: традиционный взгляд и новые данные // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Международной научной конференции (Харьков, 9-10 ноября 2012 г.). – Харьков: ООО «НТМТ», 2012.

Рыбаков Б. А. Новый Суджанский клад антского времени.//КСИИМК. 1949, Вып. 27.

Вещи из находки у с. Уланок
Суджанского р-на
2 серебряные подвески и браслет,
найлены в июне 1967 г.
Переданы в Суджанский музей.

Две одинаков. подвески (весомы 10,5 гр.)
из серебра 800 с вкрапками при
измельчении. Две одинаков. (2)
серебрян. браслета с 10-ю звеньями
из серебра 800 с вкрапками.
Из р. Пана. Доставлены
в июне 1967 г.

Обращение к уполн.
Касьян Александровичу
или Бибикова К. В.
или Бибикова К. В.
или Бибикова К. В.
или Бибикова К. В.

[1] Выражаю глубокую признательность сотрудникам КГОМА А.В. Зорину, А.Г. Шпилеву и О.И. Зориной, которые обратили моё внимание на этот документ и предоставили его для публикации, а также директору Суджанского районного краеведческого музея Л.М. Придубковой, которая выявила в фондах вещи, относящиеся к находке.

ГНЕЗДОВСКИЙ КОМПЛЕКС, И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ГНЁЗДОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ 2008-2012 ГГ.)

Т.А. Пушкина
МГУ им. М.В.Ломоносова
tapush@mail.ru

Изучение поселений Гнёздовского комплекса археологических памятников началось более 100 лет тому назад с раскопок Центрального городища, расположенного на мысу левого берега мелкого притока Днепра. Общая площадь городища, имеющего почти трапециевидную форму, составляет около 1 га. К сожалению, значительная часть площадки была уничтожена при прокладке железной дороги в XIX в. К настоящему времени сохранилась часть вала с восточной и северной стороны площадки и ров с двумя перемычками. Незначительные раскопки, предпринятые разными исследователями в начале XIX в. и до Великой Отечественной войны, были продолжены Смоленской археологической экспедицией МГУ в 1952 г. и с некоторыми перерывами продолжаются по сей день. Общая раскопанная экспедицией площадь составляет около 2500 кв. м. Оказалось, что культурный слой древнерусского времени очень сильно поврежден и переотложен в ходе активной хозяйственной деятельности местных жителей на протяжении XVII-XX вв. На некоторых участках слой прорезан военными траншеями, врезанными в материк.

В 2008 г. были начаты раскопки в юго-западной части площадки, где предполагалось уточнить границы раскопа Смоленского краеведческого музея 1940 г. и его стратиграфическое соотношение с раскопами МГУ 1953 и 1971 гг. В результате удалось не только определить его границы и площадь, но и обнаружить почти непо потревоженный культурный слой гнёздовского времени на участке, «зажатом» на 80 кв. м между раскопами разных лет [1]

Почти на всей площади раскопа 2008-2012 гг. выявлен и зафиксирован слой «балласта» в виде плотной серо-желтой и желтой супеси, толщиной от 0,6 м, содержащий лишь отдельные находки. Этот слой перекрывал культурный слой, насыщенный мелкими прослойками, следами локальных пожаров, и содержащий в верхней своей части не менее двух горизонтов со следами мощных пожаров. В пятнах сгоревших наземных построек располагались развалы обожженных камней площадью до 3 кв. м и развалы печей, сооруженных с использованием камней и глины. Наиболее отчетливые следы двух построек «гнёздовского времени», отнесенные к разным пожарным горизонтам, зафиксированы в восточной и центральной частях раскопа.

Отсутствие следов столбовых ям позволяет предположить, что постройки имели срубную конструкцию. Непосредственно из слоя сгоревших построек происходят фрагменты византийской амфоры (или амфор), бронзовая ременная бляшка, украшенная серебряной инкрустацией, которая относится к изделиям так называемой черниговской школы, фрагменты саманидских дирхемов. Для этого слоя в целом характерно значительное количество мелких стеклянных бус и рубленого бисера.

Ниже выделенных двух пожарных горизонтов культурный слой приобрел характерную слоистую структуру, внутри которого намечены несколько микрогоризонтов со следами локальных пожаров и неоднократно возобновляемых построек. Незначительное количество обломков тиглей из этих горизонтов сочетается с обилием кухонных остатков в виде расколотых костей домашних животных. Слой, объединяющий относительно четко определяемые наземные сооружения и связанные с ними хозяйственные ямы, характеризуется заметным преобладанием лепной керамики над круговой (до 85%). На одном из участков лепная керамика составила до 99%, а в заполнении материковой ямы – 100% от всего собранного материала. В слое относительно равномерно распределены находки стеклянного желтого бисера, желтых и синих бус-«лимонок», отмечены находки фрагментов византийских амфор и нескольких дирхемов. С одной из относительно поздних наземных построек микрогоризонта связана значительных размеров материковая яма правильной формы, которую можно рассматривать в качестве подпола, заполненную рухнувшей в нее обугленными остатками самой постройки и плотным скоплением перекаленных очажных камней. Из ямы происходит находка пятилучевого височного кольца раннего типа. Дату комплекса не ранее середины X определяет высокий процент круговой керамики, найденной в заполнении подпола.

Время возникновения обнаруженных в пределах раскопа наземных сооружений нижних микрогоризонтов можно определить, вероятно, в рамках второй четверти - середины X в. Этим постройкам предшествовали какие-то сооружения, с которыми связаны несколько небольших материковых ям, содержащих от 85 до 100% лепной керамики.

На участке, вскрытом вдоль края площадки городища к югу от границ раскопа 1940 г., был обнаружен ненарушенный поздними перекопами культурный слой, в том числе насыщенный прослойками сгоревшей древесины. Напластования на данном участке были соотнесены с двумя основными горизонтами: насыпным и основным, сформированным в результате длительного последовательного процесса. В слоях, формирующих насыпной горизонт, найдены многочисленные находки, датирующиеся в основном рубежом I-II тыс. н.э. – это бисер, стеклянные и каменные бусы, глиняные пряслица, обломки амфор, лепная и круговая керамика. Находки в этих же напластованиях обломков «муравленых» и поливных изразцов и серо-лощеной керамики, датирующихся XVI-XVII вв., позволяют отнести

время формирования основной части насыпного горизонта к XVII веку и связать его с какими-то масштабными работами, производившимися в этой части площадки городища. На небольшом участке площадью около 2 кв. м удалось зафиксировать прослойку погребенного дерна, отделяющую насыпной горизонт от основного.

Основу нижележащего горизонта составляет темная гумусированная супесь, насыщенная углем, тонкими углистыми и супесчаными прослойками. В нем выявлены остатки сгоревших плах, вероятно, связанных с деревянной постройкой, обрушившиеся части которой вошли в верхние слои заполнения одной из ям. Найденные в горизонте находки характерны для культурного слоя Гнёздова – это стеклянный разноцветный бисер, стеклянные и каменные бусы, обломки роговых гребней, глиняные пряслица и обломки грузил от вертикального ткацкого стана, пиррофиллитовые оселки, ножи, несколько фрагментов амфор, круговая и лепная керамика. Горизонт насыщен обломками костей домашних животных, которые представляют собой кухонные отходы. Культурный слой горизонта сформирован в период существования одной-двух наземных построек, с которыми можно связать несколько отдельных небольших столбовых ям и незначительные скопления обожженных камней. Узко датированных вещей в горизонте не найдено, но, судя по немногочисленности круговой посуды (около 20%), его можно предварительно отнести ко времени от второй четверти до середины X века. Напластования этого горизонта перекрывают две материковые ямы, образование и существование которых можно отнести к более раннему времени, поскольку найденная в них лепная керамика составляет от 96 до 100%.

Анализ всех имеющихся к настоящему времени данных позволяет предположить, что верхний насыпной горизонт слоя на краю площадки образовался в результате работ XVII в. и более позднего времени, а его нижняя часть представляет собой основание насыпного вала раннего времени, вероятно, частично сnivelированного в XVII веке.

Материалы раскопа позволили относительно точно совместить разрезы раскопанных участков 1940, 1971 и 2008-2012 гг. – удалось трассировать южную, северную и восточную стороны раскопа 1940 года. Оказалось, что он не имел формы прямоугольника, а его площадь составляла не более 68 кв. м против указанных в отчете 100 кв. м

Можно достаточно уверенно говорить о совпадении характеристик углистого слоя на соседних участках, раскопанных в разные годы. Толщина лежащего на поверхности материка насыщенного углистыми включениями слоя колеблется от 0,4 до 0,6 м (без учета заполнения ям). Наиболее правильно рассматривать этот слой, как сформировавшийся в течение X в. в процессе неоднократного возобновления сооружений на данном участке, причем с минимальным хронологическими интервалами между периодами застройки. Процент лепной посуды постепенно уменьшается: от 90% среди материала

начального периода освоения участка (первый горизонт значительного пожара), до 75-70% в более позднее время (второй горизонт значительного пожара). Появление гончарного круга в Гнёздове датируется 20-30 гг. либо серединой X в. Интересующий нас первый горизонт наряду с лепной, как правило, содержит и круговую керамику. Поэтому он не может быть датирован временем ранее второй четверти – середины X в. Слои более позднего второго горизонта пожара так же содержат преимущественно лепную керамику, с ним же связаны находки большинства фрагментов византийских амфор. Учитывая единичные находки амфор из твердо датированных слоев 930-970 гг. Старой Ладogi и 960-х гг. Новгорода, второй горизонт можно отнести к середине – третьей четверти X в.

Слой «балласта» содержал немногочисленные фрагменты лепной и круговой керамики, несколько стеклянных бусин. Характер распределения слоя свидетельствует о кратковременности его образования, произошедшее, вероятно, не ранее конца XI вв. Более того, в нем обнаружен развал средневековой амфоры. Таким образом, нижележащий культурный слой, вероятно, сформировался в течение второй четверти – конца X в.

[1] Исследования осуществлялись при поддержке РГНФ, завершение работ – проект 12-01-18034е.

НАХОДКИ - ИНДИКАТОРЫ ЮВЕЛИРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ИЗ РАННЕГОРОДСКОГО ЦЕНТРА ГНЕЗДОВА

Н.В. Ениосова

МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия
eniosova@gmail.com

В специальной литературе, посвященной реконструкции процесса металлообработки в древности, установлен определенный набор находок, документирующий существование ювелирных мастерских в рамках поселения. К нему относятся инструменты для литья и пластической деформации; приспособления для взвешивания металлов, очистки и определения «чистоты» золота и серебра; заготовки, отходы производства и бракованные вещи, а также остатки сооружений, связанных с высокотемпературными процессами (Armbruster, 2010:191-213). На протяжении последних 50-ти лет исследованы различные участки Центрального поселения в Гнёздове, включающие городище и окружающие его селища, общая площадь которых превышает 7000 кв. м (Пушкина и др., 2012:248-249). В результате накоплен материал, позволяющий говорить, что на этом памятнике представлены практически все индикаторы ювелирного производства.

Инструменты литейщиков образуют самую обширную группу, объединяя такие категории находок как тигли, литейные формы и твердые модели для получения оттиска в створках пластичной изложницы. Из пяти производственных зон, связанных с обработкой цветных и драгоценных металлов в Гнездове, происходит 14 целых и более 630 фрагментов плавильных сосудов. Ювелиры использовали не менее пяти видов тиглей, среди которых представлены круглодонные цилиндрические и конусовидные тигли; полузакрытые тигли в виде глубоких ложек с монолитной ручкой и боковым отверстием для загрузки металла; открытые конусовидные тигли с вертикальной ручкой, вытянутой из венчика сосуда и льячки с полой ручкой. Круглодонные конусовидные и цилиндрические тигли разных размеров служили для плавки латуни, бронзы, золота, серебра и легкоплавких металлов. Для благородных металлов чаще использовали небольшие по объему полузакрытые тигли, а льячки - для свинца, олова и их сплавов. Объем металла, расплавленного в самом большом тигле, не превышал 30 см³. Вероятно, условия плавки в открытом очаге определяли максимальный размер сосуда и вес расплавленного металла, но этой емкости хватало для производства большинства типов украшений, представленных в Гнездове. Набор литейных форм Гнездовского поселения состоит из 13-ти фрагментированных глиняных, 4-х каменных и 3-х металлических. Все фрагменты глиняных формочек найдены на Центральном городище и в пойменной мастерской. Определенные экземпляры предназначались для отливки украшений северных типов: овальных, круглых и трилистных фибул и близки к аналогичным скандинавским образцам по конструкции (разъемные, 2-х сторонние) и составу формовочной массы. Немногочисленную группу находок можно связать с техникой копирования твердых моделей в створках глиняных литейных форм. К ним относятся пиррофиллитовый штамп для серийного изготовления стандартных ременных накладок волжско-болгарской традиции из мастерской в пойменной части поселения и свинцово-оловянные модели для производства скандинавской кольцевидной фибулы (случайная находка, ЯП227) и ромбовидных подвесок, характерных для культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в юго-западной части городища. В каменных изложницах, вырезанных из осадочных пород, получали модели или готовые изделия из легкоплавких металлов: височные кольца нитранского типа; круглые подвески с геометрическим орнаментом, имеющие аналогии в Северной Европе; миниатюрные треугольные накладки с ложнофилиганным орнаментом; пуговицы, бусины и грузики. Три из них обнаружены на Центральном городище, одна – случайная находка с открытой части поселения на первой надпойменной террасе. Для изготовления свинцово-оловянных широкосрединных перстней и розеток-гвоздиков, украшавших овальные и равноплечие фибулы, использовали металлические литейные формы. Из археологического

контекста – нижней части постройки производственного характера, исследованной в юго-восточной части городища, происходит единственная находка – изложница для розеток.

В гнездовской коллекции имеется ряд инструментов, предназначенных для пластической деформации. Несмотря на трудности с идентификацией железных объектов, вызванных коррозией, функции многих находок очевидны. Кузнечный инструментарий представлен миниатюрными молоточками-ручниками (3); малыми одноручными клещами (3) и плоскогубцами (5); средними и миниатюрными зубилами (13); пуансонами (6), штихелем (1), лучковыми сверлами (3) и напильниками (4). Визуальное определение некоторых отделочных инструментов для тонких ювелирных работ дополнено металлографическим анализом, свидетельствующим об изготовлении пуансонов и зубил из качественных стальных заготовок, отличающихся высокой твердостью. Инструменты дляковки, рубки, пробивания отверстий, отделки и декора встречены во всех производственных зонах поселения. В двух случаях находки происходят из погребений.

К отделочным инструментам можно отнести и абразивы. Вероятно, песчаники, как более грубые материалы использовали для выделки и заточки железного инструментария ювелиров. Более тонкую заточку – доводку режущих лезвий, а также шлифовку и полировку мелких изделий из цветных и драгоценных металлов производили с помощью сланцевых и филлитовых точил. В курганах и культурном слое гнездовских поселений найдено около 400 абразивных орудий, они массово представлены во всех производственных зонах.

Среди отсутствующих в гнездовских материалах инструментов – оселки из темного филлита для определения «чистоты» драгоценных металлов. О возможности контролировать качество золота свидетельствуют находки пробирных камней из Бирки, Хедебю, Риббе и Винчестера. Тем не менее, процесс очистки драгоценных металлов от примесей был знаком гнездовским ювелирам: миниатюрные блюдца для купели серебра найдены при раскопах ювелирных мастерских на Центральном городище и в пойменной части селища. Мастер, проводивший эту операцию, обладал математическими знаниями и должен был взвешивать металл до и после выжигания, определяя его пробу. Складные весы и гири различного веса входили в инструментарий ювелиров и обнаружены во всех производственных комплексах Гнездова.

Об изготовлении изделий в сложной сканно-зерновой технике свидетельствуют два выпуклых штампа, найденные недавно на Центральном городище и в пойменном селище. С помощью этих инструментов получали тисненые полусферы для бусин или пуговиц, а также рельефную основу для гроздевидной подвески серьги «волынско-го» типа. Находки матриц в Гнездове меняют сложившиеся представления о производстве украшений

киевско-волынської групи виключительно на території Волині или майстерських Києва (Корзухина, 1946:48-50; Мурашова, Рузанова, 2012:128-137).

Цвітний метал поступав в ювелірні майстерські Гнездова в виде слитків, проволочи, монет и лома. В Гнездове обнаружено 10 целых и обломанных слитков различной формы и сечения из меди, свинца и латуни. Помимо сырьевых продуктов стандартной формы в производственных зонах найдены выплески бронзы, латуни и легкоплавких сплавов.

Три миниатюрных слитка весом от 1,9 до 3,7 г. из высокопробного золота найдены на городище и в пойме. Находки каменных, глиняных и бронзовых литейных форм для слитков известны из материалов раскопок Бирки, Хедобю, Каупанга, Сигтуны и других памятников эпохи викингов. На территории Древней Руси изложницы для сырьевых продуктов металлообработки обнаружены в Старой Ладоге и на Рюриковом городище. Эти находки дают основание связывать происхождение и распространение ювелирных слитков IX-X вв. с североευропейской металлургической традицией.

На раскопанных участках Центрального поселения обнаружено более 200 пластин и обрезков, а также 150 фрагментов проволочи различного диаметра и сечения. Известны также свернутые кольцами мотки проволочи, один из таких «запасов» ювелира весом 3,9 г. происходит из клада, открытого на восточной части селища в 2000 г. Металлографическое изучение фрагментов проволочи и проволочных изделий показало, что они чаще всего получены в процессе волочения. Среди инструментария гнездовских ювелиров волочильных досок пока нет. Однако эта техника получила широкое распространение на территории Скандинавии уже в VII-VIII вв. Самая ранняя находка – из Староладожского клада кузнечных инструментов, обнаруженного в мастерской третьей четверти VIII в. (Рябинин, 1994:29).

К отходам литейного производства относятся 5 литков, с которых обрублены все отливки и металл, застывший в литниковой чаше. По составу металла они представлены нелегированной медью, свинцовой латуной, свинцовой бронзой и свинцово-оловянным сплавом. На шести литниковых каналах сохранились необрубленные изделия, принадлежащие к женскому убору культуры смоленско-полоцких длинных курганов (Вешнякова, Булкин, 2001:48). Эти находки документируют использование техники серийного литья в разъемные глиняные формы в местных мастерских.

На производственных участках встречено более 30 экземпляров заготовок для различных изделий и незаконченных украшений: поясных крючков и накладок, круглых, трапециевидных и ромбовидных подвесок, перстней и скандинавских амулетов из листового металла. К отходам производства тисненых пуговиц относятся медные перфорированные пластины с рядами отверстий одинакового диаметра. В гнездовских курганах и на поселении найдено более 200 пуговиц. Маленькие экземпляры с проволочными ушками,

спаянные из двух полусфер диаметром 0,5 см производились в местных мастерских.

Для выявления участков, связанных с деятельностью ювелиров проведено картографирование находок производственного характера. Выяснилось, что они встречаются на территории Центрального гнездовского поселения повсеместно. Однако осязаемая концентрация инструментов, сырьевых продуктов, заготовок украшений, отходов литейных и кузнечных работ прослеживается в пяти зонах.

Самый ранний комплекс локализуется на правом берегу р. Свинец на территории Западного селища. Он начинает функционировать в 20-30-е гг. X в., верхняя дата – начало XI столетия. В этой производственной зоне изготовление изделий из цветных металлов и их сплавов сочеталось с кузнечной обработкой железа, о чем свидетельствуют многочисленные кузнечные шлаки. Примечательная особенность комплекса – изготовление украшений, характерных для смоленско-полоцких длинных курганов (Вешнякова, Булкин, 2001:40-53).

Ювелирно-кузнечные мастерские, расположенные у оз. Камыши в пойменной части поселения функционировали со второй четверти X до рубежа X –XI вв. Ранний этап производственной деятельности на этом участке ограничен обработкой черных металлов, позже мастерская становится полифункциональной. Ювелиры этой ремесленной зоны работали разнообразными материалами, выпуская изделия из драгоценных металлов и литые дериваты серебряных подвесок из свинцово-оловянных сплавов. Несмотря на то, что на позднем этапе существования пойменная мастерская была связана со скандинавской производственной традицией, здесь производили ремennую garnитуру волжско-болгарского облика и височные кольца «волынского» типа (Мурашева и др., 2007:67-68).

Две зоны концентрации находок, документирующих ювелирное производство, локализируются на юго-восточном и юго-западном участках городища. Продукция этих мастерских сочетала скандинавские и центрально-европейские украшения из различных металлов, однако именно на этих участках зафиксировано большинство изделий, сырьевых продуктов и производственных отходов из золота. Ювелиры работали на этих участках в середине – третьей четверти X в. Здесь же встречены находки, свидетельствующие о производстве изделий из кости и рога.

Четвертый комплекс расположен в восточной части селища на левом берегу Свинца. Обилие находок, связанных с различными этапами изготовления скандинавских амулетов, говорит о производстве медных, латунных и железных предметов, связанных с культом и магией в расположенной здесь мастерской во второй половине X – начале XI столетия.

Таким образом, материалы, связанные с обработкой цветных металлов, могут рассматриваться как информативный источник, убедительно свидетельствующий о высоком уровне развития гнездовского ювелирного

ремесла и его стационарном характере. В мастерских этого памятника работали мастера различного происхождения, среди них были постоянные жители города и странствующие мастера. Они изготавливали украшения и другие предметы для местной элиты, рядовых членов социума и своих ближайших соседей - кривичей Верхнего Поднепровья. Деятельность ювелиров Гнездова протекала не в отдельной производственной зоне, а среди жилых и хозяйственных построек на удаленных друг от друга участках поселения.

Литература

- Вешнякова К.В., Булкин В.А., 2001. Ремесленный комплекс Гнездовского поселения (по материалам раскопок И.И. Ляпушкина)// Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. Выпуск 124. Государственный Исторический музей. Москва
- Корзухина Г.Ф., 1946. О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси//КСИИМК, XIII
- Мурашёва В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А., 2008. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения//Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб
- Мурашёва В.В., Рузанова С.А., 2012. Матрица для тиснения подвесок с серьгам «волинского» типа// Образы времени. Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзицкой. Труды Государственного Исторического музея. Выпуск 189. М.
- Пушкина Т.А., Мурашёва В.В., Ениосова Н.В., 2012. Гнездово – раннегородской центр Верхнего Поднепровья периода становления Руси//Русь в IX-X в.: археологическая панорама. М.
- Рябинин Е.А., 1994. У истоков ремесленного производства в Ладогe//Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.
- Armbruster B., 2010. Remains of the Viling-Age goldsmith's craft and workshop//Trade and Communication Networks of the First Millenium AD in the northern part of Central Europe. Neue Studien zur Sachsenforschung. Stuttgart

ПОЛИХРОМНЫЕ БУСЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОРОДИЩА ГНЁЗДОВА ИЗ РАСКОПОК 2004-2012 ГГ

О.П. Доброва
МГУ, Москва, Россия
russa-dolya@mail.ru

В период раскопок 2004 по 2012 гг. коллекция бус Центрального городища Гнёздова значительно увеличилась. Указанное обстоятельство связано с изменением методики раскопок памятника и в частности промывкой культурного слоя. Это в свою очередь привело к значительному увеличению мелких находок и в частности стеклянных бус, общее количество которых насчитывает около 5500 экз. Полихромные бусы и бусы с металлической фольгой составляют незначительную долю среди стеклянных бус Центрального городища всего 310 экз. (5,5%). Для сравнения доля полихромных бус и бус с металлической фольгой в Старой Ладогe составляет не менее 12%, а для селища в пойме р. Днепр Гнёздова это значение составляет около 18%.

Бусы с металлической фольгой насчитывают – 187 экз. Следует отметить, что на городище представлены исключительно бусы из трехслойной трубочки. И совершенно отсутствуют навитые бочонкообразные и цилиндрические бусы широко распространенные в памятниках XI – XII вв. В 50-60 гг. была произведена серия анализов технологии изготовления бус с металлической фольгой. По заданию ГИМ эта работа была проведена М. А. Безбородовым, а произведенные М. А. Безбородовым, Ю. Л. Щаповой и В. А. Галибиным анализы стекла демонстрирует, что все бусы изготовлены из натриево-кальциево-кремнеземного стекла.

Бусы с серебряной фольгой – 86 экз. У бус этого типа кантарель бесцветного прозрачного стекла. В коллекции представлены как одночастные 32 экз., так и многочастные пронизки. Количество частей у пронизок варьируется от 2 до 7 – 54 экз.

Основная масса, представлена бусами, внутренний и внешний слой которых изготовлен из бесцветного прозрачного стекла – 30 экз. и 2 пронизки(?). Патина у подобных бус полностью отсутствует или лишь слегка покрывает тело бусины. У некоторых бус слой кантарели частично или полностью отделен от основного тела бусины. Другая часть бус представлена бусами, внутренняя часть которых 3 одночастных(?) состоит из бесцветно-мутноватого или грязновато-белесого почти полностью расстеклованного стекла. В Старой Ладогe бусы этого варианта встречаются от горизонта Е3 до горизонта Д включительно, численно преобладая в горизонтах Е1-Е2.

Ложнозолотостеклянные бусы – 78 экз. Этот вариант бус объединяет наличие внешнего желтого прозрачного слоя стекла. Бусы представлены как

однчастными, так и многчастными экземплярами. В Ладоге бусы этого варианта встречаются в основном на уровне построек горизонта Д и выше.

Серебряные бусы с голубой кантарелью – 3 экз. С городища происходят 3 экз. двухчастных пронизок. Две из них имеют грязновато-белое внутреннее стекло, одна бесцветно-мутноватое стекло. Все три пронизки покрыты слоем патины. Бугорки у концов отверстий отсутствуют и заглажены. Возможно эффект серебрения достигался у части бус за счет внутреннего слоя грязновато-белого или мутновато-белесого стекла, а фольги в самих бусах не было. По материалам Старой Ладоги пронизки этого типа являются наиболее ранними, численно преобладая на уровне горизонта Е.

Полихромные бусы.

Мозаичные бусы – 8 экз.

Моз-1 Мозаичная эллипсоидная бусина, сваренная из отрезков мозаичных поперечно разрезанных палочек. Синее ядро в белом, печёночно-красном, жёлтом круге, широких жёлтых и узких зелёных ресничках. Диаметр бусины 0,9 см, высота 2,3 см, отверстие бусины коническое 0,2/0,22. В пределах горизонта Е1.

Моз-2 Фрагмент мозаичной уплощенной подквадратной бусины. В центре композиции синий ромб по углам которого печеночно-красные треугольники на белом фоне. Весь описанный выше декор опоясан желтой каймой. Вокруг этой композиции уложены полосатые желто-зеленые полоски. Диаметр 1,3x1 см, высота – 0,4 см, диаметр отверстия – 0,1 см.

Моз-3 Фрагмент округлой мозаичной продольно-проколотой бусины. Печёночно-красной ядро в жёлтом круге и полосатой желто-зеленой поверхностью. Диаметр – 1 см, высота – 1,2 см, диаметр отверстия – 0,2 см.

Моз 4 Фрагмент округлой бусины сваренной из двух половинок, которые изготовлены из 3 видов палочек. По центру три отрезка поперечно разрезанных и сваренных между собой сине-бело-сине-бело-синих палочек. От которых отходят отрезки резрезанных вдоль и уложенных вплотную друг к другу зелёно-желто-(печёночно-красно)-белых палочек. Вторая разновидность палочек это зелено-желто-(печеночно-красно)-синих палочек. Диаметр – 1,3 см, высота – 1,1 см, диаметр отверстия – 0,3 см.

Моз 5 Округлая бусина, сваренная из отрезков сине-бело-(печеночно-красно)-желто-зеленой палочек. Диаметр – 0,8 см, высота – 0,8 см, диаметр отверстия – 0,2 см.

Моз 6 Округлая бусина, изготовленная из сине-бело-синих палочек сваренных вместе и поперечно-проколотая. Диаметр – 1,1 см, высота – 1 см, диаметр отверстия – 0,2/0,15 см. Уровень построек горизонта Д и выше.

Моз 7 Лимоновидная бусина, сваренная из отрезков палочек. Желтое ядро в коричнево-белом круге и полосатой бело-коричневой поверхностью.

Диаметр – 1 см, высота – 1,1 см, диаметр отверстия – 0,1 см. Конец X – рубеж X/XI вв.

Моз 8 Бусина округлая, отрезки поперечно разрезанных сине-бело-синих палочек сварены между собой. Отверстие коническое. Диаметр – 0,9 см, высота – 0,7 см, диаметр отверстия – 0,18/0,23 см.

Продольно-полосатые бусы – 44 экз.

Белые с тремя синими полосками. Рубленый белый непрозрачный бисер, один край обрублен, другой достаточно сильно оплавлен. На поверхность бисера нанесены три синие прозрачные нити – 11 экз.

Полосатые сине-белые бусы. Синие прозрачные лимонобразные бусы (5 экз.) и пронизки (5 экз.) с белыми непрозрачными нитями стекла, нанесенные поверх трубочки. Бусы этой разновидности появляются в горизонте E.

Полосатые бело-коричневые бусы – 4 экз. Все бусы состоят из двухслойного стекла. Внутреннее тело бусины стоит из бесцветного прозрачного или мутновато-белесого стекла, поверх которого уложены бело-коричневые нити. У двух экземпляров нити слегка перекручены. Все бусины по форме принадлежат к лимонобразным бусам. Широко встречаются в слоях X – XI вв.

Еще 19 бус продольно-полосатых бус принадлежат не к столь стандартизированным экземплярам и как правило имеют более полихромную поверхность.

Продольно-полосатые с мозаичным глазком – 1 экз. Представлена фрагментом бусины в черно-белую поверхность которой нанесен мозаичный глазок. Бусина гладкая.

Глазчатые бусы – 29 экз.

Данный тип бус достаточно разнообразен по морфологии декора. Однако по характеру декора и сочетанию его элементов можно выделить следующие разновидности.

Синие округлые бусы с концентрическими бело-синими глазками. Основная масса подобных бус встречена в слое E2-E3 Старой Ладоги.

Бусы с мозаичными гладкими глазками – по материалам Неревского раскопа датируются X – XI вв. Встречен также фрагмент оливковой (визуально чёрной) бусины с мозаичным глазком в белой оплётке.

Так же встречены бусы с одноцветными глазками выпуклыми и гладкими.

Бусы с линейно-зигзагообразным декором – 11 экз.

Все бусы по технологии производства принадлежат к крученым бусам тело которых, как правило, изготовлено из синего или черного стекла. Далее на тело бус наносились накладные линии, волны или зигзаги, которые могли идти параллельно или пересекаться. Цвет накладных нитей может быть печёночно-красным, бледно-желтым или белым.

Отдельно стоит остановиться на фрагменте бусины-привески тело которой изготовлено из зелёного прозрачного (визуально чёрного) стекла. На лицевой стороне по краю бусины и около отверстия ее украшают две бледно-жёлтые

нити, а пространство между ними занимает волнистая голубая нить. Декор бусины гладкий. Диаметр – 3,4 см, высота – 0,9.

Бусы из навитой ленты стекла – 3 экз.

Бусы изготовлены из навитой темно-синей прозрачной (визуально чёрной) ленты, вдоль которой нанесены тонкие белые непрозрачные нити стекла. Толщина ленты около 0,5 см. Две бусины имеют коническую форму, одна представлена небольшим фрагментом.

Фрагмент привески-лунницы из продольно-полосатого стержня, отверстие проколото. Внутренний слой светло-оливковое прозрачное стекло, внешний – полосатая поверхность.

Отдельно стоит остановиться, на фрагменте кручёной синей бусины. Бусина украшена нитями стекла, которые образованы путем сварки продольно разрезанных палочек. Далее эти нити были нанесены по обе стороны отверстий, а также в центральной части параллельно оси отверстия, декор гладкий. Похожая бусина В452Т по Кальмеру.

Значительную группу составляют также крученые бусы, характер декора которых определить достаточно сложно т.к. они представлены крайне малыми фрагментами, а их декор составляют накладные нити.

РАСШИРЯЯ ГРАНИЦЫ СЛАВЯНСКОГО МИРА **ЗАПАД**

РАНЕСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА НИЖНЕЙ ПРИПЯТИ

Е.Ф. Касюк

ГНУ Институт истории НАН Беларуси, Минск, РБ

kasjuk2585@mail.ru

На настоящий момент состояния исследований, на территории Беларуси известно свыше 80-ти памятников и местонахождений с материалами пражской культуры. Количество памятников, на которых была выявлена керамика сменявшей её культуры типа Лука-Райковецкая, ещё больше. Раннеславянские памятники занимали южную часть страны – Белорусское Полесье (бассейны Припяти и Западного Буга). Крайние пункты на западе зафиксированы в районе Бреста и Каменца, северную границу ареала проводят по линии д. Спорово (р. Ясельда)–д. Камень (р. Бобрик)–д. Старые Юрковичи (р. Оресса). На востоке границей распространения памятников данного круга считается Мозырь, восточнее отдельные пункты с материалами пражского типа отмечены в Мохове, Шарейках, Демьянках. В последние десятилетия планомерное археологическое изучение раннесредневековых древностей происходит на территории от Пинска до Петрикова (протяжённость около 160 км), также в некоторой степени исследованы памятники Брестчины. Территория на восток от Петрикова – через Мозырь и Калинковичи вниз по Припяти до белорусско-украинской границы в археологическом отношении практически не изучена. Расстояние по Припяти здесь примерно такое же, как длина упомянутого участка. Рассматриваемый регион охватывает территорию от г. Мозырь до г. Наровля (в административном отношении – Мозырский, Калинковичский, Хойникский и Наровлянский районы), это северная часть бассейна Нижней Припяти по обоим берегам реки (больше левобережье), включая низовья притоков. В этом регионе располагаются не изученные пока памятники зарубинецкой и киевской культур, в середине I тыс. н.э. здесь находился стык ареалов пражской и колочинской культур, граница между которыми не обозначена, как не ясен и характер взаимоотношений между их носителями. О славянских племенах в конце I тыс. на этой территории (время появления, расселение, пути и характер миграций и т.д.) также практически ничего не известно.

Бесспорно, главной преградой, сдерживающей изучение этого региона является близкое расположение Припятского радиационно-экологического заповедника и прилегающей к нему, загрязнённой радиоактивными

веществами территории. Тем не менее, обратившись к материалам, полученным археологами в ходе исследований в 1920-30-х и 1960-70-х гг (до аварии на Чернобыльской атомной электростанции) можно «начать» изучение раннеславянских памятников бассейна Нижней Припяти – на территории, имеющей важное значение для решения проблемных вопросов в исследовании раннесредневековых древностей на территории Восточной Европы.

Первые данные о памятниках археологии на территории Восточного Полесья были получены в конце XIX века в ходе раскопок В.З. Завитневича на курганных могильниках возле дд. Гориводы, Борисковичи, Казазаевка, Степановка, Холмечь, Мохов, Малейки, Рычево. Сведения о древностях Восточного Полесья и Волыни содержит «Археологическая карта Волынской губернии», опубликованная В. Б. Антоновичем в 1901 году. В 1920-х гг. археологические разведки в районе Мозыря проводили Б. Федарака, И. Колодкин, у д. Юровичи – Ю.Ю. Поппель, в современном Наровлянском районе – В. Подберезный. В 1929 и 1931 годах А.Д. Коваленя и К.М. Поликарпович обследовали поселения на Мозырщине, также по правому берегу Припяти до р. Словечна и по левому берегу – от д. Юровичи до д. Ломыш.

В послевоенные годы основным исследователем памятников Восточного Полесья становится В.Ф. Исаенко. Занимаясь изучением культурных напластований каменного века и эпохи бронзы, исследователь попутно выявляет более поздние материалы железного века и эпохи раннего средневековья. Небольшие разведки по левому берегу р. Словечны провела в 1968 г. И.П. Русанова. Сведения о древних поселениях на данной территории по состоянию на 1950-70-е гг. были обобщены в работах Ю.В. Кухаренко «Первобытные памятники Полесья» 1961 г.; В.Ф. Исаенко «Археологическая карта Белоруссии», Вып. 1, 3, Минск, 1968, 1976 гг.; Л.Д. Поболя «Славянские древности Белоруссии», Ч.3, Мн, 1974.

На юго-восток от г. Калинковичи, вниз по течению Припяти, на левом берегу реки, известно несколько групп памятников. Первая группа находится в 15 км от Калинковичей, памятники сконцентрированы вокруг “Шарейковской” (по В.Ф. Исаенко) группы старичных озёр (Горки, Песчанка, Тимошище, Кривуля). Здесь в 1960-х гг В.Ф. Исаенко выявил и обследовал (провёл поверхностные сборы) памятники Шарейки-1-4. Несколько памятников зафиксировано южнее, на юг от деревни Гряда, по берегам старичных озёр Колочье и Литвин (Гряда-1-3).

Следующая группа, насчитывающая 8 памятников находится в 5-ти км юго-восточнее предыдущих, возле д. Юровичи. Древние поселения расположены западнее деревни, на песчаных всхолмлениях, останцах первой террасы и повышениях поймы среди долины реки Припять, возле стариц, к числу которых относится и озеро Литвин (соединяется с Шарейковской группой озёр рекой Песчанка). Для заселения использовался древний береговой вал

Припяти, тянущийся вдоль западного берега озера Литвин. Памятники были обнаружены в 1929, 1931 гг. А.Д. Коваленей, К.М. Поликарповичем, обследованы в 1960-65 гг. А.П. Гарченко, В.Ф. Исаенко. Материалы середины – второй половины I тыс. н.э. были обнаружены на поселениях Юровичи-3 (Литвин-1), Юровичи-4 (Литвин-2), Юровичи-6.

Далее, вниз по течению Припяти, на левобережном притоке – р. Турья и на берегу старичного озера Бернатово расположены поселения Слободка-1-3. Памятники обнаружил в 1960-х гг и исследовал в 1960-70-х гг В.Ф. Исаенко.

Помимо этих групп памятников, горизонт с раннесредневековыми материалами (по поверхностным сборам) содержат городище (?) Калинковичи (памятник уничтожен), поселения Пхов-2, Барбаров, Борисковичи (Мозырщина), Белый Берег (Наровлянский р-н), Борисовщина и Кожушки (Хойникский р-н).

Памятники Шарейки-1-4 и Гряда-1-3 расположены на высоких дюнах по берегам старичных озёр. Помимо материалов каменного века – эпохи бронзы здесь было собрано большое количество фрагментов лепных сосудов с шероховатой, гладкой и лощёной поверхностью, с примесями дресвы в тесте. Выявленные обломки плохо поддаются культурно-хронологическому анализу в силу своей фрагментарности, однако, в целом напоминают керамику «допражского» периода (II–IV вв) с поселений Остров на р. Стырь (раскопки А.А. Егорейченко), Снядин-2, 3 (раскопки В.С. Вергей). На памятниках Шарейки-1 и Гряда-3, также при проведении поверхностных сборов, были обнаружены крупные фрагменты сосудов середины – второй половины I тыс. н.э. Керамика, выявленная на Шарейках-1 (1 целый сосуд и 1 фрагмент венчика) относится к пражской культуре, возможно к её ранней фазе. На этом же памятнике В.Ф. Исаенко неоднократно отмечал наличие захоронений по обряду трупосожжения, которые он относил к железному веку – эпохе раннего средневековья. С Гряды-3 был реконструирован сосуд «пражского» типа с наибольшим расширением на середине высоты.

Наиболее представительные материалы раннеславянского круга древностей были выявлены на поселениях Борисковичи (под Мозырем), Юровичи-3, 4, 6 (Рис. 1), а также Слободка-1. На Борисковичах вскрыта часть жилища, а также отопительное сооружение (печь-каменка?). По набору керамических форм с поселения, выявленные объекты относятся к середине-финалу пражской – ранней фазе лука-райковецкой культур (VI–VIII вв). На поселении Юровичи-4 В.Ф. Исаенко в 1960-х гг исследовал остатки 2-х (?) наземных, слегка углубленных (до 0,4 м) жилищ подпрямоугольной формы. Размеры одной из исследованных построек – 4,6 х 4,8 м, отапливалась очагом (?) сложенным из камней. В северной части поселения Юровичи-4, на памятнике Юровичи-6, в 1976 г. В.Б. Перхавко исследовал остатки 2-х жилищ с отчётливыми следами пожара. Выявленные постройки наземные, подпрямоугольной формы, ориентированы углами по сторонам света, имели размеры 17 и 20 м², отапливались очагом (?) и печью-каменкой. В

культурном слое поселения Юровичи-4, в том числе и в границах объектов, была обнаружена двучастная бусина жёлтого цвета, несколько пряслиц биконической формы, большое количество фрагментов лепных раннеславянских сосудов. Эти находки датируют вскрытые объекты также VI–VIII вв. Материалы лука-райковецкой культуры были выявлены на памятнике Слободка-1. При обследовании в 1960-х гг. на распаханной поверхности поселения прослеживались остатки 9 жилищ в виде зольных пятен с обожжёнными камнями и скоплениями лепной керамики, располагавшихся цепочкой вдоль берега реки на расстоянии 25–30 м одно от другого. Практически на всех перечисленных памятниках присутствуют также материалы более ранних зарубинецкой (?) и киевской культур (Рис. 2). Таким образом, на изученных в 1960-70-х гг. памятниках, расположенных на левом берегу Припяти в районе между Мозырем и д. Слободка, ранний, «допражский» горизонт присутствует на Шарейках-1-4, Гряде-1-3. На поселениях Юровичи-3, Слободка-1 была выявлена керамика киевской культуры. Следующий хронологический период – V–VII вв. представлен на памятниках Шарейки-1 (погребения?), Гряда-3, Борисковичи. Основная масса материалов, в том числе, почти все выявленные жилища, относятся к финалу пражской – ранней фазе лука-райковецкой культур. Комплексы характеризует большое количество фрагментов крупных толстостенных сосудов с профилированным венчиком, имеющим иногда по краю орнамент из пальцевых вдавлений.

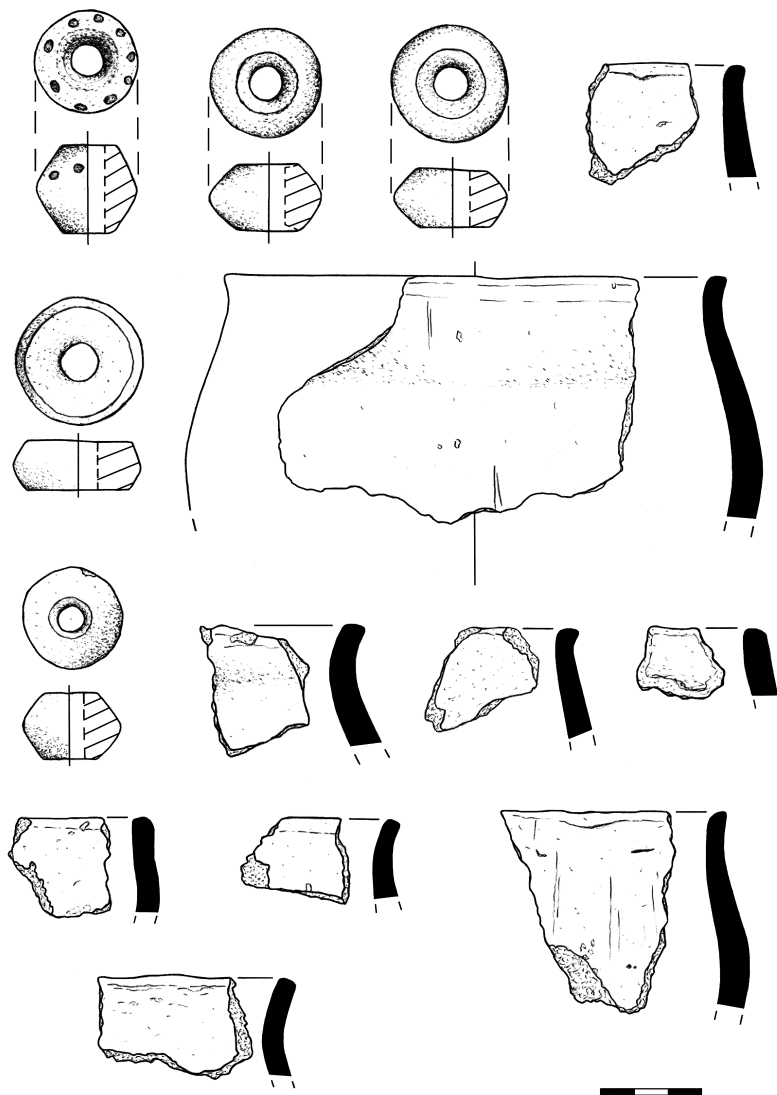

Рис. 1. Лепная керамика и пряслица с поселения Юровичи-4. Раскопки В.Ф. Исаенко 1964 г. Раскоп-1.

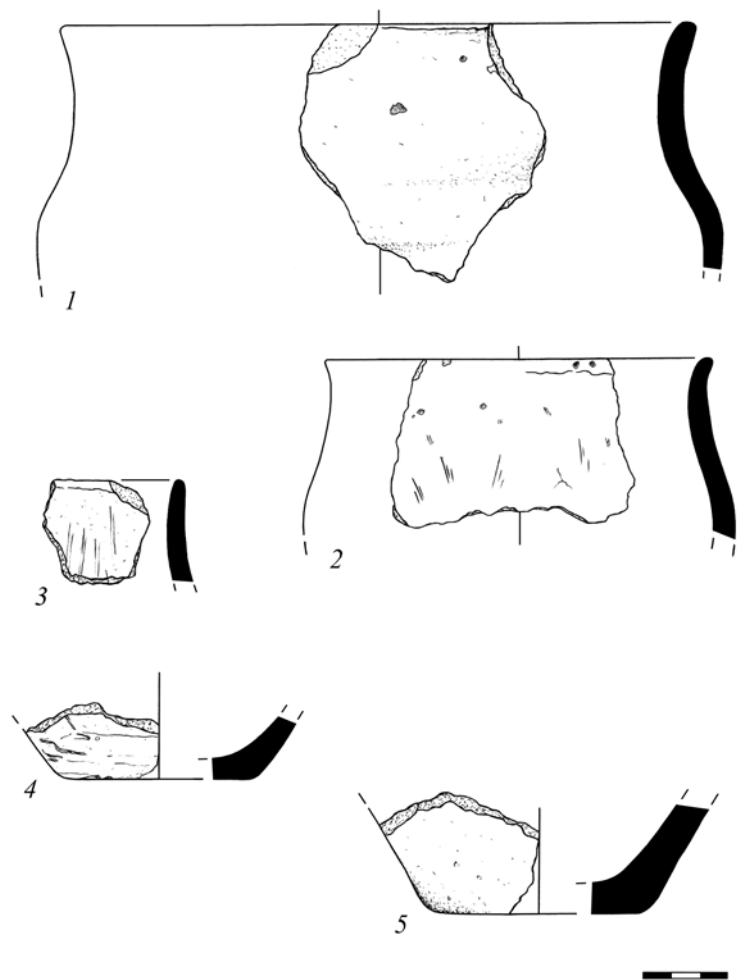

Рис. 2. Лепная керамика с поселения Юровичи-3.
 Раскопки В.Ф.Исаенко. 1-2, 4-5 - раскоп 1963 г.; 3 - 1962 г. Ш-5

К ВОПРОСУ О ФИНАЛЕ КУЛЬТУРЫ СМОЛЕНСКО-ПОЛОЦКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ В БРАСЛОВСКОМ ПООЗЕРЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ОПСА В 2010 Г.)

Н.А. Плавинский

*Национальный исторический музей Республики Беларусь
plavinsky_arc@mail.ru*

Браславское Поозерье является самым северо-западным регионом в Подвинье, куда проникло население культуры смоленско-полоцких длинных курганов (далее – КСПДК). Памятники КСПДК, выявленные в междуречье Западной Двины и Дисны, могут быть объединены в богинско-дривятский микрорегион. К их числу могут быть уверенно отнесены курганные могильники Устье (Богино), Опса, Довбор, Рацкий Бор, Заборные Гумна, Бельмонты, селище Зазоны, а также городища «Замок» на озере Дрисвяты, «Замковая гора» в Браславе и археологический комплекс Прудники, состоящий из городища и селища. Данную группу памятников оставила крайняя северо-западная группа носителей традиций КСПДК, непосредственно граничившая с восточнолитовскими племенами на западе и лагалами на северо-западе.

Наиболее сложными на данный момент представляются вопросы о времени появления памятников КСПДК богинско-дривятского микрорегиона, а также о времени, когда они перестали функционировать. Мне уже приходилось высказывать соображение о том, что население КСПДК появилось в Браславском Поозерье достаточно поздно. Все относительно узко датированные погребальные комплексы относятся к X в. или к X – началу XI в., хотя исключать возможность существования погребений IX в. пока также нельзя.

В конце X – начале XI в. в могильниках КСПДК богинско-дривятского микрорегиона появляются погребения по обряду ингумации. Всего их исследовано 9, причем в 7 из них найдены предметы вооружения древнерусских и североевропейских форм. Очевидно, что эти погребения были оставлены пришельцами, не связанными с погребальными традициями КСПДК. Вероятно, появление ингумаций с оружием отражает начало утверждения в регионе интересов Полоцкого княжества, а сами эти погребения принадлежат представителям полоцкой княжеской администрации. Следует отметить, что единственным из некрополей КСПДК, в котором были выявлены 2 ингумации без оружия, является могильник Опса. Именно этот факт и послужил основанием для возобновления исследования памятника в 2010 г.

Курганный могильник Опса известен в научной литературе с конца XIX в. В 1893 г. археологические исследования тут провел Ф.В. Покровский,

раскопавший 11 курганов. В 1990 г. Л.В. Дучиц исследовала 1 курган, а в 1996 г. А.Н. Плавинский и В.Н. Рябцевич раскопали еще 5 насыпей.

В 2010 г. экспедиция Национального исторического музея Республики Беларусь под руководством автора возобновила изучение курганного могильника Опса. Могильник находится в 3 км к юго-востоку от деревни Опса в лесу, слева от шоссе Браслав–Видзы. В нем насчитывается около 80 полусферических насыпей высотой 0,8–2 м и диаметром 5–12 м. Вокруг многих насыпей прослеживаются ровики. Курганы заросли деревьями и кустами. Практически все они повреждены кладоискательскими ямами.

В 2010 г. было изучено 4 насыпи в центральной части могильника. Исследования осуществлялись путем разработки раскопов, которые включали не только насыпи курганов и прилегающие к ним ровики, но и межкурганное пространство. Всего было изучено 368 м.кв площади могильника. В ходе работ продолжена существующая нумерация исследованных насыпей. Раскопанные курганы получили номера с 18 по 21.

В ходе раскопок было выявлено, что **курган 18** погребения не содержал.

Насыпь **кургана 19** была практически полностью уничтожена несколькими грабительскими ямами, которые повредили погребение. От него осталось лишь несколько переотложенных костей и фрагменты двух круговых горшков (рис. 1:Б), которые могут быть датированы концом X – первой половиной/серединой XI в.

Курган 20 представлял собой сложное сооружение, содержащее погребение по обряду кремации. Часть кальцинированных костей весом 4690 г (определенная в процессе раскопок как погребение 1) размещалась в дерне и непосредственно под ним на вершине насыпи, ее южном и юго-восточном склонах. Среди костей были выявлены фрагменты двух лепных горшков КСПДК и фрагментированные оплавленные бронзовые украшения (широкосрединный перстень с незамкнутыми концами, обоймица от головного венчика-вайнаги, спиральные пронизки, шестнадцатигранная головка от подковообразной фибулы или шейной гривны). Кроме того, в слое костей погребения 1 было найдено 5 фрагментов витого серебряного шнура без следов нахождения в огне.

Погребение 2 выявлено в материковой ямке, заполнение которой состояло из угля, песка и кальцинированных костей (весом 4757 г). Среди костей найдены бронзовые украшения: оплавленные фрагменты шейной гривны, в том числе, шестнадцатигранная головка, миниатюрная подковообразная спиралеконечная фибула, а также 8 фрагментов витого серебряного шнура без следов нахождения в огне. Непосредственно над погребением 2 находились два лепных горшка КСПДК, один из которых был поставлен на заполнение ямы, а второй был перевернут вверх дном.

Очевидно, что инвентарь погребений 1 и 2 практически идентичен, что свидетельствует об их одновременности. Точнее, это одно погребение, вероятнее всего, с женским инвентарем, разделенное на 2 части. На

основании инвентаря датировка погребения может быть определена в рамках X – первой половины XI в. Однако, наиболее вероятной представляется его отнесение ко второй половине X – началу XI в. Вместе с тем, очевидно, что общий вес кальцинированных костей около 9,5 кг слишком велик для погребения одного и даже нескольких индивидов.

Большая часть насыпи *кургана 21* повреждена грабительскими ямами (удалось проследить не менее трех отдельных перекопов). Погребение по обряду ингумации находилось на пепельной прослойке на основании кургана и было ориентировано головой на запад. Большая часть погребения повреждена перекопом, кости переотложены и частично утрачены. Нетронутыми остались только кости ног и правой руки. В размещении переотложенных костей и остатков погребального инвентаря прослеживались определенные закономерности, свидетельствующие о том, что погребение было разграблено еще в древности, в скором времени после его совершения, когда мягкие ткани тела еще находились в процессе разложения и еще не окончательно распались.

При погребении и в юго-западной части насыпи в переотложенном виде выявлено 608 целых и фрагментированных стеклянных бусин (рис. 1:В5), большую часть из которых составляет пастовый бисер, преимущественно желтого цвета. Среди бус также следует отметить лимоновидную тройную пронизку белого цвета, лимоновидные двойные пронизки желтого цвета, рубленный желтый бисер, зонные и спирально навитые синие экземпляры. Рядом с переотложенными костями черепа найдено 11 фрагментов бронзовых браслетовидных (завязанноконечных?) височных колец (из них 7 совсем мелкие). Там же находились 2 совсем мелких фрагмента бронзовой спиральной пронизки (1:В3–4). Кроме того, при погребении были найдены: нож типа II по Р.С. Минасяну и лепной горшок КСПДК во фрагментах (1:В1–2). Очевидно, что выявленные предметы являются только небольшой частью инвентаря, первоначально помещенного при погребении. Несмотря на факт ограбления погребения, его датировка может быть определена в рамках первой половины XI в.

Результаты раскопок 2010 г. вместе с анализом материалов предыдущих исследований позволяют предполагать, что курганный могильник Опса является наиболее поздним из некрополей богинско-дривятского микрорегиона КСПДК в Браславском Поозерье. На последней стадии его функционирования в могильнике появляются погребения по обряду ингумации, что может быть связано с притоком в регион нового славянского населения в конце X – начале XI в. Можно предполагать, что коллектив, оставивший могильник в Опсе, подвергся значительно более мощному влиянию со стороны пришельцев, чем остальные группы автохтонного населения. На данный момент в Опсе известно уже 5 трупоположений, из которых только одно сопровождается оружием (курган 4/16, раскопки 1996 г. (рис. 2:Б)). Кроме того, к числу инородных для КСПДК погребений

принадлежит и женская кремация в кургане 1/13 (раскопки 1996 г.), где выявлены круговая посуда и браслетовидные височные кольца (рис. 2:А). Так же теперь уверенно можно говорить о том, что могильник в Опсе продолжал функционировать до середины XI в., в отличие от соседних некрополей, которые перестали функционировать уже в начале столетия. Вероятно, коллектив носителей традиций КСПДК, оставивший могильник Опса мог начать смешиваться с пришельцами и даже перенять на заключительном этапе существования некрополя обряд ингумации, что до сих пор не прослеживалось в других некрополях на западе Белорусского Подвинья и Двинско-Неманского междуречья.

БИЭСОВИДНЫЕ РАЗДЕЛИТЕЛИ, ТРЕХДЫРЧАТЫЕ РАЗДЕЛИТЕЛИ И БИЭСОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ: ОТ КУЛЬТУРЫ СМОЛЕНСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ К ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Ю.М. Лесман

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
jurijlesman@mail.ru

Среди металлических изделий, характерных для культуры смоленских длинных курганов (КСДК) заметное место занимают подвески-разделители. В большинстве своем это предметы биэсовидной формы (Седов 1974: 32,33, табл. 23:20-22,28; Енуков 1990: 59, рис. 15:30-32; Зверуга 2005: 147,150, мал. 83:15,18, 86:3 и др.). Бронзовые использовались в костюме как разделители для ношения тех или иных подвесок (трапецевидных, цепочек) или спиралек, железные (см. напр. АКР Тверская обл. 2007: 311, рис. 181), судя по литовским аналогиям, скорее всего, использовались как детали (разделители) украшений оголовья коня. Наиболее близкие параллели известны из восточной Литвы, несколько более поздние также в Латгалии и Земгалии. Биэсовидные разделители бытовали на протяжении всего периода существования КСДК (VIII-X вв., а, на периферии, возможно, и до начала XI в.). В XI-XII вв. единичные такие украшения встречаются на древнерусских памятниках, но вне территории КСДК (см. напр. Лысенко 1991: 137, рис. 18:20), и, по-видимому, попадают из сюда из Прибалтики. Вновь разделители биэсовидной или близкой формы получают распространение в более поздние периоды: петлеконечные цепедержатели (Недошивина 1997: 81,87, рис. 1:16,17) со второй половины XII в., звенья цепочек, судя по находкам из Новгорода, со второй четверти XIII в. Их распространение выходит за рамки исследуемых здесь вопросов.

В X в. появляется новая разновидность разделителей – так называемые «трехдырчатые» – плоские литые бронзовые пластинки. Число таких украшений среди находок из памятников КСДК несколько меньше (Енуков

1990: 59,203, рис. 15:29,33,34, Штыхов 1992: 37,46, мал. 24:1, 30:2,3; Плавінскі 2010: 116,119, мал. 6:5,12,17 и др.), чем число бизовидных разделителей (особенно на Смоленщине) – они появляются лишь на заключительном этапе развития культуры. Однако их распространение выходит за рамки КСДК. Они найдены на ряде раннегородских (протогородских) поселений: в Гнездово – первоначальный Смоленск (Енисова 2001: 212,213, рис. 2:2,3), в Городке на Ловати – первоначальные Луки (Горюнова 1978: 143,144, рис. 2:9,10), на поселении у д. Городище на р. Менке – первоначальный Минск (Штыхов 1978: 70, рис. 28:2,9), на поселении Юрьевы Горы – первоначальный Всвяч (Усвяты) (благодарю за информацию И.И. Еремеева). Причем на первых двух зафиксировано их производство. Если Гнездовский комплекс соседствует с могильниками КСДК (носители этой культуры входили в число жителей поселения, а ремесленники могли снабжать продукцией как проживавших на поселении женщин, так и обитательниц поселков из округи), то Городок на Ловати и поселение на Менке расположены определенно вне региона культуры. Украшения известны и на других памятниках вне территории КСДК: в Отмичах на берегу р. Волги под Тверью (хр. ГИМ), в могильнике Боково в бассейне р. Пола в Новгородской обл. (раск. Г.В. Пронина, хр. НИХАМЗ), в Мохове на берегу Днепра чуть выше впадения в него р. Сож, в Люцинском могильнике в Латгалии (Люцинский могильник 1893: 29, табл. VII:1; Ciglis, Rādiņš 2002: 83, 29:7. att.). Верхняя дата трехдырчатых разделителей пока может быть определена лишь предварительно: в комплексах, уверенно датированных временем более поздним чем начало XI в., они не известны. Наиболее поздняя находка – ингумация 2 из кургана 7 могильника Погоща в Браславском поозерье у северо-западной границы Полоцкой земли (Плавінскі 2010: 128, мал. 15: А,С). Технология изготовления трехдырчатых подвесок – литье в глиняной форме по оттискам ранее изготовленных разделителей (отливками из Гнездова зафиксировано литье в двусторонней глиняной форме – Минасян 2002) не характерны для ювелирных изделий КСДК. Это изделия уже иной эпохи – продукция ремесленников раннегородских центров складывающегося древнерусского государства, но продукция, ориентированная не на социальную верхушку, а на запросы носителей культуры подчиненного населения. При сохранении функции форма разделителей далеко отходит от прототипов. Все трехдырчатые разделители, найденные на памятниках КСДК гладкие неорнаментированные. Лишь среди находок из инокультурных комплексов представлены орнаментированные. Они известны на Гнездовском поселении, на поселении на Менке, в Юрьевых горах – Усвятах, из кургана 77 в Мохове, из кургана 38 в Боково (раск. Г.В. Пронина, хр. НИХАМЗ КП28612 А59-64), из древнерусского кургана 7 могильника Погоща, – могильника, возникшего в рамках КСДК, но пережившего ее конец. Орнамент углубленный: бизовидный или (реже) двойной бордюр, разделяющий отверстия. Эти

украшения визуально далеко отходят от простых недекорированных проволочных (скорее всего из литых стерженьков) прототипов, хотя на Гнездовском поселении известна находка и классического бизовидного разделителя, но изготовленного из волооченной проволоки (Ениосова 2001: 212,213, рис. 2:1).

Известна еще одна редкая разновидность литых разделителей – прямых литых соответствий характерным для КСДК бизовидным. Отлиты они по оттискам в глине проволочных прототипов, но найдены совсем далеко от территории КСДК: на Новгородском Рюриковом городище – в слое первой пол. X в. – Носов 1990: 77,78, рис. 32:1) и на городище Олинъкалис на правом берегу р. Даугавы (Мугуревич 1965: 88, таб. XXXII:5; Mugurevicz 1977: 38, IX:5 tab.).

Итак, верхняя граница бытования бизовидные и трехдырчатых разделителей на территории Руси (за исключением единичных, скорее всего прибалтийских по происхождению экземпляров) не выходит за рамки начала, самое позднее первой половины XI в. Однако среди древнерусских ювелирных изделий известна значительная (свыше 30 находок – см. Богомольников 2004: 76 с существенными дополнениями) серия бизовидных подвесок (их, вслед за Б.А. Рыбаковым (1932: 92,94,99, таб. VI:30) именуют также петельчатыми), почти идентичных по форме бизовидным разделителям. Их отличает в первую очередь наличие ушка в верхней части средней петли. При этом ушко обычно узкое, что делает его визуально малозаметным. Все подвески литые, скорее всего по восковым моделям. Часть из них не орнаментированные (например, достаточно ранняя, судя по бусиной коллекции поселения, серия подвесок с поселения Насимовичи II – Макушников 2009: 26,28,29, рис. 33,34), часть орнаментированы рельефным бордюром по уплощенной бизовидной поверхности. На орнаментированных подвесках, а также на большинстве неорнаментированных хорошо читается бизовидный изгиб. В сечении подвески уплощенные, не орнаментированные часто тонкие (около 0,5-0,7 мм), что отличает их как от разделителей, так и от орнаментированных подвесок. Бытовали бизовидные подвески на протяжении XI-XII вв. с возможным доживанием и в XIII в. Для наиболее ранних (в первую очередь с поселения Насимовичи II) не исключен рубеж X-XI вв. Традиционно бизовидные подвески связывают с древнерусскими могильниками, атрибутируемыми как радимичские. В самом деле, основная территория их распространения охватывает бассейн р. Сож, а также соседние территории по течению Днепра и по водоразделу Сожа и Десны. Однако известны они и вне этого региона, в частности, на упоминавшемся поселении на р. Менке (Заяц 2009: 222), на поселении Горбово в среднем течении Десны несколько ниже Новгорода Северского (Григорьев 2000: 39, рис. 13:5), еще южнее уже в лесостепной зоне – близ с. Глинское в бассейне Ворсклы (благодарю за сообщение Ю.О.Пуголовк).

По общему абрису украшения бисовидные подвески в основной своей массе наиболее близки непосредственно предшествующим им хронологически бисовидным разделителям, хотя некоторые небрежно отлитые неорнаментированные подвески близки и трехдырчатым разделителям. Географически территории распространения разделителей и подвесок смыкаются на юго-востоке Смоленщины, но прямого пере хода ни один памятник не фиксирует. В пользу гипотезы о морфологической преемственности может говорить не только отсутствие в Восточной Европе иных прототипов для бисовидных подвесок (описанные выше единичные литые по проволочным образцам разделители с городищ Рюрикова и Олинъкалис, с одной стороны, относятся к тому же кругу украшений, с другой, они географически слишком удалены от района распространения бисовидных подвесок), но и типологическая близость и схожие географии бытования еще одной пары типов длиннокурганых и древнерусских привесок. Речь идет, с одной стороны, о ромбовидных подвесках, представленных на памятниках заключительного этапа КСДК (Енуков 1990: 60,204, рис. 16:5 с дополнениями) и, наряду с трехдырчатыми разделителями, изготавливавшихся и в Гнездове, и в Городке на Ловати (Енисова 2001: 213-215, рис. 2:4-8). С другой стороны, о древнерусских лепестковых (язычковых) подвесках (Рыбаков 1932: 92,94,99, таб. VI:29; Богомольников 2004: 76 с существенными дополнениями), основной регион распространения которых совпадает с регионом распространения бисовидных подвесок. Типологическая преемственность некоторых украшений КСДК и древнерусской культуры при смещении региона бытования может найти свое объяснение в связи с историческими судьбами населения, оставившего КСДК. В X в. число памятников КСДК на Смоленщине (в отличие от северной Белоруссии) резко сокращается, хотя они и не исчезают полностью. Дело, по-видимому, не только в притоке нового населения (Енуков 1990: 121), но и, в первую очередь, в попытке части населения уйти от опасного соседства и от господства русско-скандинавских дружин, базировавшихся в Гнездове (Смоленске). Именно это население (не зависимо от того, на каком языке оно говорило) могло на новом месте сохранить традиционные предпочтения в выборе формы украшений. Однако в процессе формирования древнерусской культуры, в который ему все равно довелось включиться, старому традиционному женскому убору (если не костюму в целом) уже не нашлось место. Украшения, при сохранении формы, изменили функцию: разделители для подвесок, обычно включенных вместе со спиральками в сложное украшение, оказались прототипами автономных подвесок в составе ожерелий. Аналогичным образом ромбовидные подвески, крепившиеся к цепочкам и входившие в состав других сложных металлических украшений, стали основой лепестковых подвесок тоже в составе ожерелий. Характерно, что на Смоленщине даже такой, претерпевшей существенную культурную трансформацию, преемственности между украшениями КСДК и

древнерусскими не прослеживается (спиралеконечные серьги/височные кольца представлены в уборах обеих культур, но зона их распространения охватывала далеко не только КСДК). Новое время принесло новую моду, внедрение которой было тем решительней, чем сильнее было влияние культуры городских центров на сельские районы.

СЕВЕРО-ЗАПАД

О ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КУЛЬТУРЫ ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ: СООТНОШЕНИЕ «КУРГАННОГО» И «НЕ-КУРГАННОГО»

Е.Р. Михайлова

СПбГУ

helena.mikhaylova@gmail.com

1. Изучая проблему славянского расселения на территории Северо-Запада Восточной Европы, исследователи традиционно обращаются в том числе к материалам т. н. культуры псковских длинных курганов (КПДК).

Наблюдения над стратиграфией и структурой конкретных насыпей этой культуры демонстрируют нам картину чрезвычайно сложной погребальной обрядности. Здесь на протяжении длительного времени стабильно представлены определенные элементы, которые, по-видимому, сочетаются по не менее определенным правилам.

В настоящем докладе предполагается рассмотреть основные элементы погребальной обрядности КПДК, их сочетание в исследованных погребальных памятниках.

2. Наиболее заметная и важная составная часть погребальной обрядности КПДК – захоронения, связанные с курганными насыпями.

Курганы КПДК обладают рядом характерных черт. Это:

разнообразие форм насыпей;

многоэтапность их сооружения;

практически обязательное наличие ровиков, окружающих курган;

разнообразие способов помещения кремированных останков в насыпь (в ямках, россыпью по погребенной почве или поверхности кургана, в урнах);

наличие «пустых» насыпей или отдельных этапов в их сооружении (т. е. сооружение кургана или его реконструкция не обязательно связаны с совершением захоронения).

Можно проследить определенные правила сочетания конкретных элементов в насыпях.

3. Другая важная составная часть погребальной обрядности КПДК – захоронения в грунтовых ямках.

Результаты современных полевых исследований позволяют утверждать, что захоронения в материковых ямках, не перекрытые курганными насыпями, широко представлены в могильниках КПДК и находятся в определенном пространственном соотношении с курганными насыпями.

Грунтовые могильники с помещением кремаций в небольших материковых ямках известны в лесной полосе Восточной Европы. К сожалению, такие могильники редко содержат датирующие находки.

4. Менее распространены в погребальной обрядности КПДК другие способы захоронения: помещение остатков кремаций в деревянные постройки и в ровики курганов. Еще реже фиксируются каменные конструкции.

5. Таким образом, в погребальной обрядности КПДК сочетаются различные элементы.

Курганный обряд захоронения, выделившийся КПДК на фоне синхронных древностей, появляется на северо-западе Русской равнины вместе с серией вещей, восходящих к центральноевропейским образцам, и должен рассматриваться как привнесенный. Поиски истоков этой традиции, скорее всего, приведут нас в западнобалтский ареал.

Захоронения в грунтовых ямках и наземных постройках продолжают местные погребальные традиции лесной зоны, на которые и «наслоился» курганный обряд.

Однако вновь сложившуюся обрядность псковских длинных курганов нельзя рассматривать как механическое смешение нескольких частей. То мировоззрение, которое отразилось в погребальных памятниках КПДК, было, по всей вероятности, достаточно цельным и устойчивым.

КПДК, начав формироваться в нескольких небольших регионах, очень быстро занимает значительную территорию и существует на протяжении нескольких веков. Эта вновь возникшая традиция, хотя в ней и можно выделить определенные локальные различия, демонстрирует свое единство и отражает историческую реальность.

ОБ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ ЛАДОГИ

Т.Б. Сениченкова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

sentb@mail.ru

Для исследований И.И. Ляпушкина характерно скрупулезное изучение источников. Это касается как раскопок и публикаций материала, так и строгой логики в построении и обосновании выводов. Исследователь сокрушался, что часто памятники используются не как источники для воссоздания исторического процесса, а как иллюстрация к умозрительным концепциям.

Ладога – один из ключевых памятников для решения широкого круга проблем, связанных с образованием Древнерусского государства. Я хочу остановиться на информативных возможностях одной из самых массовых категорий археологических источников – ладожской керамики, – которая часто служит аргументом при реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси в раннем средневековье.

Исследование технологии изготовления ладожской посуды VIII-X вв. выявило следы различных традиций, известных в гончарстве лесной зоны Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. Некоторые приемы находят параллели в керамике археологических культур железного века: дьяковской, городецкой, штрихованной керамики и некоторых других. Отмечен очень архаичный способ лепки сосудов, известный на Северо-Западе с эпохи неолита. Особенности гончарного производства, которые удалось зафиксировать, а также характер изменения этих особенностей, лежат в русле развития гончарного ремесла у населения лесной зоны Восточной Европы в I тыс. н.э., которое было выявлено А.А.Бобринским. К сожалению, конкретизировать их истоки не представляется возможным.

Набор форм посуды представлен 9-ю типами горшков (рис. 1), мисками и сковородками. Встречены сосуды, которые на основании характерных форм или орнаментации находят аналогии среди культур Фенноскандии, относимых обычно к балтским и финским древностям. Они составляют около 14 % от всей керамики.

Преобладают типы 1, 3, 5. На их долю приходится около 80% керамики. Сосуды типа 5 (слабопрофилированные; *ок.16%*) имеют аналогии в 3-й четверти I тыс. н.э. среди керамики культуры псковских длинных курганов. Встречены они также на памятниках удомельского типа, а в конце I тыс. н.э. - в культуре сопок. Сосуды типа 3 (с S-овидным профилем; *ок.18%*) являются широко распространенной формой. Они встречаются в 3-й четверти I тыс. н.э. в культуре псковских длинных курганов, на памятниках удомельского типа. В последней четверти I тыс. н.э. - в культуре смоленских длинных курганов 2-й традиции (по В.В. Енукову), в культуре сопок. Что касается керамики с реберчатым профилем (тип 1), вошедшей в литературу как керамика «ладожского типа» (*ок. 45%*), то аналогии ей известны довольно широко, правда, процентное соотношение с другими типами посуды в разных регионах различно. Необходимо подчеркнуть, что реберчатая керамика является неоднородной. При одинаковой профилировке верхней части сосуды имеют разные пропорции и, следовательно, относятся к различным типам (рис.2): сосуды приземистые широкодонные (тип ФIV), банки с выделенной шейкой (тип ФVб), сосуды приземистые с коническим туловом (тип ФIII), горшки стройных пропорций, у которых высота превышает максимальное расширение (тип ФIб), мискообразные сосуды (тип ФVII), миски (тип ФIV) (рис.3).

Реберчатую керамику не удастся однозначно связать с каким-либо кругом древностей. Долгое время в литературе высказывалась только одна точка зрения о её западнославянских истоках (она была высказана В.В. Седовым и поддержана Е.Н. Носовым, В.Я. Конечким, А.В. Плоховым). Открытие И. В. Ислановой памятников «удомельского типа» или, как их ещё называют, «предсопочных», где в 3-й четверти I тыс.н.э. встречается реберчатая керамика, имеющая, по мнению автора, прототипы в дьяковских или

мошинских древностях, позволило вполне конкретно поставить вопрос о восточноевропейских корнях такой традиции.

Выявленные аналогии ладожской посуды (и в технологических приемах, и в типах сосудов) с керамикой культур лесной зоны Восточной Европы, также говорят в пользу такой версии. В Ладоге в раскопе на Варяжской ул. найдены очень невыразительные керамические материалы, которые могут быть каким-то образом соотнесены с РЖВ: фрагмент стенки сосуда с т.н. «рогожными отпечатками», характерными для керамики городецкой культуры; две глиняные поделки-«таблетки», аналогии которым имеются в дьяковских и городецких древностях; серия миниатюрных сосудиков, аналогии которой встречены на памятниках дьяковской культуры.

Ладожский керамический комплекс VIII – X вв., как это не кажется парадоксальным, с одной стороны, эклектичен, а с другой – однороден. Эту особенность отмечала ещё Я.В.Станкевич. На протяжении указанного времени нельзя выделить периоды с преобладанием какого-либо типа керамики (Таблица), можно отметить только более или менее четко выраженные тенденции изменения, например, от горизонта Е3-3 к Д уменьшается количество сосудов типа ФIV. Сосуды, у которых высота превышает максимальное расширение (ФIб) встречены в горизонтах Е-1 и Д (т.е. начиная с 860-х гг.). Строго говоря, нахождение таких сосудов в нижних горизонтах толщи Е не исключается, но аналогии им, встреченные на памятниках Приладожья и Приильменя 2-й половины IX - X и даже 1-й половины XI в., видимо, говорят о неслучайной их концентрации в вышележащих горизонтах. В горизонте Д впервые фиксируется новая категория посуды – сковородки. Даже появление во второй четверти X в. керамики, изготовленной при помощи гончарного круга, не нарушило последовательного развития местного производства и сразу же было воспринято ладожскими гончарами.

Не удалось, вопреки ожиданиям коллег, получить датировку посуды по типам в пределах VIII, IX и X вв. или выделить отдельные участки поселения, где преобладал бы определенный тип посуды.

В поисках объяснения такой ситуации представляется интересным сопоставить эти выводы с результатами исследования погребального обряда формирующейся в это же время и, как считают многие исследователи, именно в Нижнем Поволжье, в округе Старой Ладоги, культуры сопок.

Я считаю важным этапом в изучении культуры сопок исследования В.П. Петренко в окрестностях Старой Ладоги. Он не пытался определить население, оставившее сопки, а обратился к анализу внутренней структуры этих погребальных памятников. В результате им были выделены несколько типов насыпей, отличающихся по топографическому расположению, конструктивным особенностям и деталям погребального обряда. Выявив наличие разных погребальных традиций, В.П. Петренко предварительно (учитывая состояние источниковой базы) наметил связи сопок I типа с т.н.

«высокими насыпями культуры длинных курганов», сопки III типа – с погребальными традициями I тыс. н.э. на территории Восточной Прибалтики, сопки IV типа – со скандинавскими памятниками. Исследователь сделал важный вывод: «Выявленная неоднотипность сопок, не составляющая последовательных звеньев одной типологической линии развития обряда заставляет отказаться от моноцентричной схемы происхождения крупногабаритных погребальных сооружений Северо-Запада».

Погребальный обряд считается достаточно чутким этнокультурным индикатором, но и он в этом случае не дает однозначного ответа на вопрос об истоках погребальной традиции, не говоря уже о происхождении населения, соорудившего высокие насыпи. Уместно напомнить, что в ближайшей округе Ладоги известны не только сопки, но и другие виды погребальных памятников: грунтовый могильник с ТПС, длинные и круглые курганы, курганный могильник в урочище Плакун.

Рассматривая керамику культуры сопок, следует отметить, что её типологическая шкала пока не разработана. В.В. Седов выделил два типа посуды: "слабопрофилированные приземистые (низкие, но широкие) горшки», характерные, по его мнению, для финских древностей Восточной Европы и широкогорлые биконические сосуды с резким переломом в плечиках, которые, как он писал, «составляют характерную особенность культуры славян междуречья нижней Вислы и Эльбы».

В.П. Петренко на материалах сопок Северного Поволжья выделил 5 групп лепной керамики и пришел к выводу, что типы сосудов не соотносятся с типами погребальных насыпей. Все выделенные исследователем типы керамики встречены и в материалах Староладожского поселения. Например, сосуды с ребром, аналогичные типам ФI и ФIII ладожской посуды, найдены в сопках I-го и III-го типов, по В.П. Петренко. Отмечу, что подобные сосуды обнаружены не только в сопках, но и в курганах № 5 и № 7 скандинавского могильника в урочище Плакун. В сопке 15-III (I-й тип) помимо горшка с ребристым профилем найден также фрагмент слабопрофилированного сосуда. Среди керамики Плакуна встречаются, кроме ребристых, слабопрофилированные и баночные сосуды.

На сегодняшний день можно констатировать, что керамический материал сопок неоднороден: там встречены не только сосуды с ребром, но и другие типы керамики. Сказать что-либо определенное о территориальных или хронологических различиях пока нельзя.

Я хочу обратить внимание на то, что изучение важнейших археологических источников – керамики и погребального обряда – приводит к сходным выводам. Объяснение этому следует искать, прежде всего, в самом характере археологической культуры раннего средневековья, которая по своей сути гетерогенна. Для этого периода характерны значительная подвижность населения, интеграция и взаимное обогащение культур. В это время

происходят изменения материально-предметного комплекса, что требует особой осторожности при их интерпретации.

Выводы, полученные при изучении ладожской керамики, разительно отличаются от тех, которые сделаны на основании иных категорий археологических источников (украшения, орудия труда, домостроительная традиция и т.д.). История Ладоги, реконструируемая на основании этих материалов и дополненная сведениями письменных источников, предстает бурной и богатой всевозможными потрясениями. Если бы в нашем распоряжении оказался только керамический материал, то впечатление было бы прямо противоположным. Это обстоятельство можно объяснить аморфностью керамики, ограниченностью её возможностей как источника. Однако категорически утверждать, что материал не может быть использован для реконструкции истории поселения и культурных процессов на Северо-Западе, я бы не стала. Полученные выводы могут быть полезны для уточнения некоторых спорных вопросов.

Одним из них является **вопрос о составе первых поселенцев**. В настоящее время большинство исследователей считает Ладогу полиэтничным славяно-балто-финским центром, в котором большую роль играли скандинавы. Очень интересную и достаточно аргументированную концепцию возникновения и развития ладожского поселения предложил С.Л. Кузьмин. Исследователь пришел к выводу, что оно возникло «как колония скандинавов, достигших восточных пределов Балтики до начала эпохи викингов» и что его ранняя история представляет собой цепь катаклизмов, сопровождавшихся многократной полной сменой населения. Не отрицая присутствия скандинавов среди древнейшего населения Ладоги, считаю необходимым отметить, что археологический материал не дает основания рассматривать только этот этнический и культурный компонент в качестве древнейшего в материальной культуре поселения.

По мнению С.Л. Кузьмина, в 750-760 гг. (I ярус построек) в Ладоге обитала «немногочисленная, но достаточно монолитная» группа норманнов, в составе которой были не только мужчины, но также женщины и дети. В 760-770 гг. (II ярус построек) скандинавская колония прекращает свое существование в связи с появлением в Нижнем Поволжье носителей культурных традиций лесной зоны Восточной Европы.

На основании изучения керамики этот вывод подтвердить нельзя. Среди материалов древнейшего горизонта ЕЗ-3 (I и II яруса, по С.Л. Кузьмину) каких-либо кардинальных изменений не наблюдается, как, впрочем, и в керамике вышележащих горизонтов. Объяснения этому факту могут быть различны:

1) Керамика норманнских поселенцев ни в технологии, ни в наборе форм не отличается от керамики населения лесной зоны Восточной Европы, что можно, в свою очередь, связать как с общим уровнем развития гончарного

ремесла в эту эпоху, так и с недостаточностью наших знаний о нём. Такое объяснение, на мой взгляд, весьма уязвимо для критики.

2) Изготовление керамики традиционно относят к т.н. «женской субкультуре». Если скандинавы принесли с собой специфические приемы домостроительства, инструментарий и технологию кузнечно-ювелирного производства (элементы мужской субкультуры), то отсюда следует, что население было, по крайней мере, смешанным.

3) Если предположить, что скандинавские «колонисты» жили своей общиной, но пользовались керамикой, которую изготавливали «представители культур лесной зоны», то и в этом случае следует признать, что последние уже жили в Нижнем Поволжье в середине VIII в.

Конечно, это объяснения гипотетичны, но любое из них подтверждает высказанное нами ранее мнение о том, что в эту эпоху керамика не может служить надёжным этническим индикатором.

Видимо, говорить о неоднократной «резкой смене» населения всё же не стоит. В истории Ладоги были и вражеские набеги, и пожары, после которых жизнь начиналась заново. Выявленные С.Л. Кузьминым этапы в жизни поселения, характеризующиеся соотношением разнородных компонентов в материальной культуре, можно объяснить, скорее, пользуясь его же выражением, «направлением военных ветров», чем кардинальной ломкой всего жизненного уклада.

Еще один вопрос, который волновал исследователей: **сложилась ли древнерусская культура Ладоги X-XII вв. в результате развития культуры первых поселенцев или на основе иных культурных традиций.** Г.Ф. Корзухина, опираясь на известные в то время факты, писала об историческом рубеже, проходящем по границе горизонтов E2 и E1., т.е. в пределах «середины IX – рубежа IX и X вв.». Она объясняла изменения в материальной культуре Ладоги появлением новых групп населения, но не исключала, что они могли быть связаны с «начавшимся процессом феодализации». Изучение керамического материала не дает оснований для выделения какого-либо рубежа в истории поселения, а говорит о непрерывном развитии его материальной культуры, показывая в то же время и появление некоторых новаций.

Хронология ладожских древностей и во многом опирающаяся на неё хронология памятников лесной зоны. В последнее время в литературе вновь стал подниматься вопрос о начальной дате Ладоги, хотя после создания дендрохронологической шкалы его можно было бы считать решенным. Этому способствовало выявление на Северо-Западе целой серии находок римского времени. Известны находки, относящиеся к более раннему периоду, чем древнейшие напластования Земляного городища, и в самой Ладоге, и в её ближайшей округе. Думается всё же, что дату возникновения поселка на месте будущего Земляного города можно считать установленной. Другой вопрос: был ли он единственным в низовьях Волхова или одним из

пунктов т.н. «ладожской агломерации», о которой писали Д.А. Мачинский и С.Л. Кузьмин?

Керамика на Северо-Западе, по справедливому замечанию Е.Н.Носова, часто является единственным источником для хронологических построений. Выявленная эклектичность ладожского керамического комплекса и аналогии с керамикой культур лесной зоны более раннего времени позволяют предположить, что, возможно, он начал складываться не в последней четверти I тыс., а несколько ранее.

Используя полученные при изучении керамики выводы для построения модели развития Ладоги, надо учитывать, с одной стороны, возможности археологического источника, а с другой – его «вес». Решать спорные вопросы ладожской истории, привлекая только разнородные по происхождению изделия, найденные в культурном слое, методически не совсем верно, так как их появление может быть объяснено различными причинами: присутствием выходцев из других регионов, торговыми контактами, производством на месте по привозным образцам и т.п. Керамика же характеризует быт постоянных жителей древней Ладоги. Можно предположить, что в том же темпе, в котором развивалось самое массовое, «домашнее», ремесло, видимо, шли изменения и среди населения складывающейся Верхней Руси.

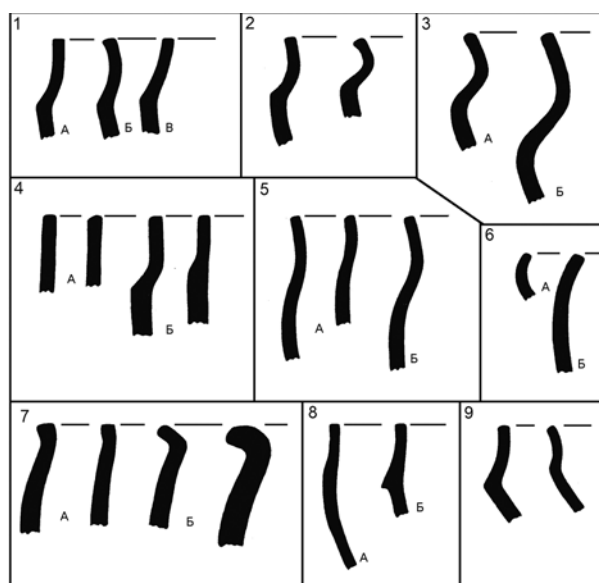

Рис.1. Типы верхних частей лепных сосудов

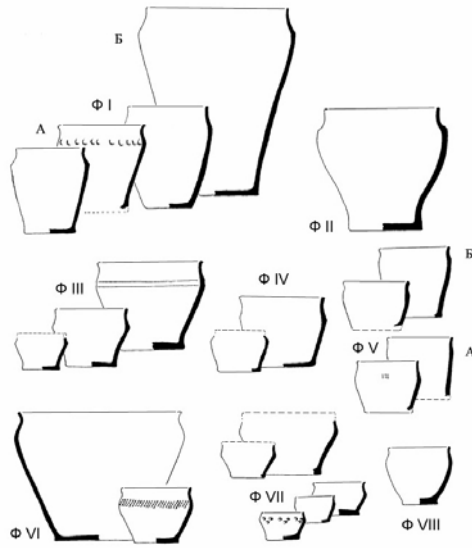

Рис.2. Типы лепных сосудов (горшки)

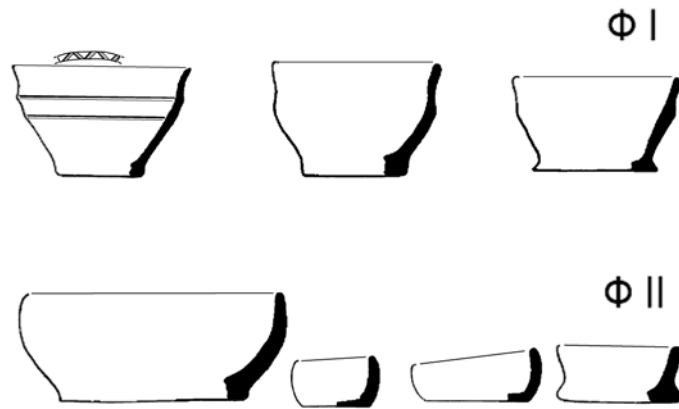

Рис.3. Типы лепных сосудов (миски)

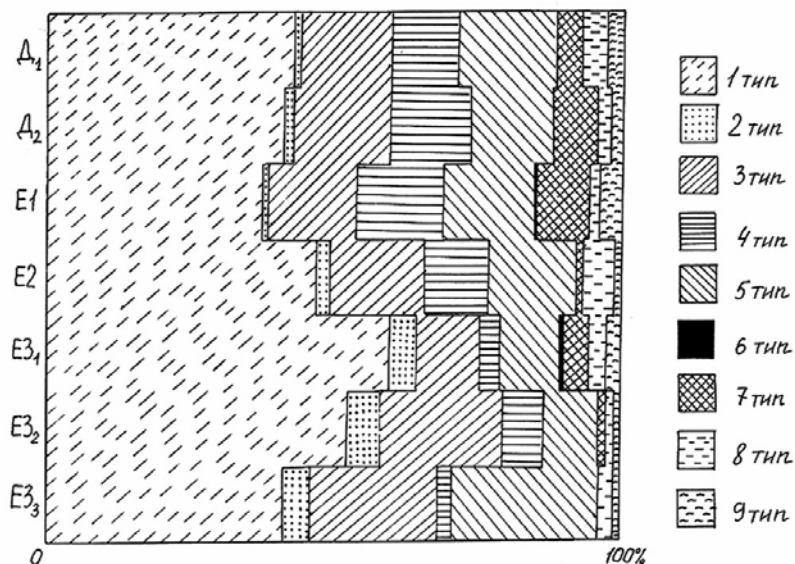

Таблица. Распределение типов верхних частей лепных сосудов по горизонтам Земляного городища

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЗАПАДЕ ИЖОРСКОГО ПЛАТО

И.А. Федоров, Д.Н. Мурзенков

*Лаборатория археологии исторической социологии и культурного наследия
НИИКСИ СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
nwae@mail.ru*

Доклад посвящен публикации памятников, выявленных в ходе археологических разведок Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия СПбГУ в западной части Ижорского плато и на южном побережье Финского залива.

Предполагается осветить вопросы, связанные с рядом поселенческих и погребальных памятников эпохи, предшествующей древнерусской колонизации Ижорского плато, обследованных в ходе разведок 2010 – 2011 годов.

Из выявленных археологических объектов авторы подробно останавливаются на ряде памятников наиболее интересных в контексте современных тенденций в исследовании данного региона. В первую очередь, это предварительно датированное эпохой раннего железного века поселение у д. Ряттель, средневековое городище Втырка и каменная насыпь в составе

курганного могильника у пос. Котлы в северо-западной части Ижорского плато, предположительно относящаяся к культуре Эстонских каменных могильников. В докладе можно выделить следующие пункты.

- Ижорское плато как особая историко-географическая зона
- Основные этапы изучения археологических памятников додревнерусского периода на Ижорском плато и в его ближайших окрестностях. Актуальность исследования в свете последних тенденций изучения региона.
- Выявленное поселение (городище) Рятель. Характеристика устройства поселения, культурного слоя, керамического комплекса. Предварительная датировка и ближайшие аналогии.
- Выявленный средневековый могильник с каменной насыпью в центральной части, предположительно относящийся к культуре эстонских каменных могильников (Tarandgräberkultur). Описание, ближайшие аналогии, перспективы дальнейшего исследования.
- Городище Втырка. История изучения городищ на территории Ижорского плато в целом и данного памятника в частности, фортификационные особенности, характеристика культурного слоя. Предварительная датировка (по керамическому материалу, содержащему, в том числе, лепную керамику).

**РЯЗАНСКИЕ ФИННЫ В КОНЦЕ I – НАЧАЛЕ II ТЫС.
НОВЫЕ ДАННЫЕ**

И.Р. Ахмедов

Государственный исторический музей, Москва, Россия

i_akhmedov@mail.ru

Мещера относится к одному из наименее изученных древних народов центральной России. Древности мещеры так же занимают особое место в археологии поволжских финнов. На это указывали многие и в том числе, Е.А. Рябинин, проанализировавший все известные на тот момент летописные и археологические сведения в отдельном очерке о Мещере, содержащемся в его фундаментальной работе о финно-угорских племенах в составе Древней Руси. Там же были собраны данные лингвистики, которые позволили исследователю констатировать наличие сложной «этноязыковой ситуации, сложившейся в Мещерском крае до начала древнерусской колонизации». В этом очерке так же была предпринята первая, и до настоящего момента единственный опыт систематизации и классификации, древностей мещеры, рассмотрена их хронология и данные по погребальному обряду и этнокультурным связям.

Отдельные аспекты истории мещеры рассматривались и ранее. П.П. Ефименко выделял известные на тот момент памятники Мещеры в отдельную группу, а П.Н.Третьяков считал, что они оставлены отдельными коллективами рязано-окских финнов, сохранившимися в глухих районах после исчезновения основной массы рязано-окских финнов в VII в. н.э. на рязанском течении р.Оки, а сама мещера была одним из мордовских племен. А.Л.Монгайт считал население Мещеры родственным рязано-окским финнам, но не тождественным.

Наименее известны до настоящего времени были древности мещеры последней четверти I тысячелетия. Это были небольшие по объему материалы могильника Курман, а так же ряд памятников Касимовского левобережья р.Оки. Исследователи так же обращались к проблеме взаимодействия мещеры с славянским населением рязанского Поочья, появляющимся здесь в конце I тысячелетия. И.Г.Розенфельдт и А.Л.Монгайт считали, что исследованное в рамках работ Старорязанской археологической экспедиции Института археологии СССР святилище на северном мысе Старорязанского городища, принадлежало рязанским финнам и функционировало до IX в., а затем на этом месте появилось славянское поселение. По мнению А.Л.Монгайта о непосредственном контакте рязанских финнов и славян свидетельствуют и материалы женского

погребения «...синхронного ранним слоям Старой Рязани», найденное в непосредственной близости к северному мысу, на противоположном берегу оврага р. Серебрянки.. Его материалы включали в себя проволочные перстнеобразные височные кольца, «бочковидные» позолоченные бусы, витые браслеты и шумящие привески. Этот набор А.Л.Монгайт считал, что в этом наборе отражено слияние черт славянского и финского уборов. В то же время исследователь еще раз констатировал временной разрыв между верхней границей культуры рязанских финнов и появлением славянских древностей, охватывавший примерно два столетия.

За время прошедшее после выхода этих работ появились новые данные, позволяющие снова обратиться к изучению этих проблем. В рязанской части озерной Мещеры были выявлены два могильника рязано-окских финнов, расположенные в среднем и верхнем течении р.Пры, в южной части озерной Мещеры. На могильнике у с. Деулино В.П.Челяповым исследовано 9 погребений, из которых 7 по обряду ингумации одно представляло собой кремацию на стороне с помещением кальцинированных костей в обычную для ингумаций рязано-окских финнов яму подпрямоугольных очертаний, в одном случае кости отсутствовали. Инвентарь («серповидные» гривны треугольного сечения, дротовая гривна, слегка сужающаяся к концам, согнутым в замок, застежки – «сюльгамы», круглодротовые браслеты с раскованными округлыми концами, в некоторых случаях украшенных штампом в виде креста или насечкой, бусы красного глухого стекла, конусовидные и трапезиевидные привески, литые бутыльчатые подвески, обломки нагрудной пластинчатой бляхи, железные втульчатые топоры, наконечники копий и дротиков, а так же однолезвийный меч) и формы и параметры погребальных ям, ориентировки чрезвычайно характерны для рязано-окских древностей VI- первой половины VII вв.

Другой рязано-окский памятник был выявлен еще в 80-е годы XX в. у истоков р.Цны, на восточной границе Клепиковского района, на границе Рязанской и Московской области. Это могильник у с. Барское, на котором исследованиями Б.А.Фоломеева, а позднее и автора, были выявлены 9 объектов, из которых 6 являются захоронениями рязано-окских финнов по обряду ингумации V-VII вв, интерпретация еще 3 достаточно затруднительна. Это скопления вещей характерных для древностей мещеры конца I – начала II тыс., располагаются в слое над заполнениями погребальных ям V-VII вв., в некоторых случаях поврежденных при посадке леса. Иногда в этих скоплениях прослеживаются отдельные мелкие фрагменты кальцинированных костей и угольки. Возможно, эти скопления следует интерпретировать как остатки ритуальных жертвоприношений, помещенных в насыпи ранних могильных ям. Следует отметить, что в числе собранных на месте кладоискательских ям, почти уничтоживших могильник, вещей, некоторые «мещерские» находки оплавлены, что позволяет предположить, что они могут происходить и из кремаций.

Инвентарь ранних захоронений представлен характерными для V- начала VI вв. лепными сосудами (серии 11, групп 3а и 3б по О.С.Румянцевой), пряжками, втульчатыми топорами, наконечниками копья и дротика, кольчатыми удилами, застежками -сюльгами. К этому времени так же относятся найденные на поврежденном кладоискательскими ямами участке поясные накладки, украшенные декором в виде стилизованных головок птиц, которые используются в поясном уборе рязано-окских финнов в последние десятилетия V – начале VI вв. В погребении 1 из раскопок Б.А.Фоломеева были обнаружены ранняя серебряная застежка - прототип характерных для древностей поволжских финнов VIII-IX вв. пластинчатых застежек с «крылатой» иглой, поясная пряжка с полой рамкой и двумя выступами, выполненная в стиле «геральдических» поясных гарнитур, а так же двулезвийный меч с широким плоским долем и прямым перекрестьем. К еще более позднему времени относится находка в слое фрагментированной поясной накладки характерной для третьего горизонта поясных гарнитур Поволжья и Приуралья по И.О.Гавритухину, конца VII – первой половины VIII вв., аналоги которой сосредоточены в древностях ломоватовской, неволинской, полемской культур. В состав находок конца I – начала II тысячелетий, наряду с «мещерскими» шумящими украшениями входят так же поясные бляшки, как салтовского облика, так и сердцевидная накладка с изображением трилистника характерная для поволжских древностей вт. пол. X - XI вв. (Класс XVIII по В.В.Мурашовой или отдел BVII по Г.Ф.Поляковой). Часть мещерских украшений находит параллели в материалах Жабкинского могильника, к тому же времени относятся находки двух прорезных бубенчиков.

В этом районе выявлен еще ряд памятников, которые по облику керамического материала – находкам фрагментов лепных горшковидных сосудов относятся исследователями к древностям окских финнов и мещеры. Это городища и селище у с. Белое у оз.Великого, селище Беломутово на притоке Цны, р. Ялме, селища Ершово и Левино на озере Мартыновское. Все эти памятники расположены в районе размер которого с 3 на В составляет около 10 км. Несмотря на то, что поселения планомерным раскопкам еще не подвергались, можно в качестве рабочей гипотезы предположить, что в этом районе начиная с V в. присутствует рязано-окское население, с которым могла быть связана по происхождению группа более поздней мещеры.

Новые материалы выявлены и на восточной окраине региона. В 2002 Рязанским центром по учету и охране объектов историко-культурного наследия Рязанской области были проведены охранные работы на городище Земляной Струг, располагающегося к 1,9 км к востоку от восточной окраины современного г.Касимова. В 2002 году была вскрыта площадь 100 кв.м. двумя раскопами на южной и северной площадке. На северной площадке раскопом 1 изучен культурный слой на площади 52 кв. м. Культурный слой здесь составлял 0,4 м. Найденные материалы по описанию авторов раскопок

представляли собой наконечники стрел, ножи, кресало, псалий, удила, фрагмент подковы, фрагменты бронзовых украшений. Керамический материал представлен отдельными фрагментами керамики раннего железного века, «финской» лепной керамикой IX-XI вв., круговой древнерусской домонгольского времени, фрагментами амфор. В слое были так же обнаружены два фрагмента куфических монет – Бувайхиды или Зийариды с именем халифа ал-Мути и бувайхидского амира Рукн ад-даула Абу Али, 350-360 гг. х., а так же Саманидов, Нух б. Мансур 366 -387 гг.х. (Здесь и ниже определения А.В.Фомина и А.В.Гомзина)

На южной площадке площадь раскопа 2 составляла 48 кв. м. В нем были обнаружены остатки двух построек. В постройке 1 и рядом с ней были найдены фрагмент льячки сплески и капли металла, шлаки, а так же наконечники стрел, ножи, шилья, иглы, весовые гирьки, целые изделия и фрагменты из бронзы: украшения – застежки, шумящие подвески, перстни, бляшки, обломки браслетов, крестопрорезные бубенчики, а так же шиферное пряслице. В заполнении котлована постройки 1 так же были найдены фрагменты двух куфических монет – Саманидов, Наср б.Ахмада, 318 г. х., а так же обренок дирхема второй половины X в. – возможно чекан Феригундов. Судя по характеру находок в постройке 1 авторы раскопок – В.П.Челяпов и Д.А. Иванов, предполагают, что она могла входить в производственный, возможно бронзолитейный комплекс.

Синхронные материалы выявлены и в Шиловском районе, Рязанской области, выше по течению р. Оки. Новые материалы связанные с мешцерскими древностями были получены так же в течении двух лет исследований Рязано-Окской археологической экспедиции Исторического музея на городище у с.Терехово, в Шиловском районе, Рязанской области. Здесь на пока достаточно небольших площадях – 96 кв. м. были выявлены остатки двух основных периодов жизни окских финнов на городище. Один связан с третьей четвертью I тысячелетия и заканчивается штурмом городища и гибелью его обитателей в пожаре в первой половине VII в., что соотносится с финалом культуры «рязано-окских могильников» в целом. Следующий этап освоения связан уже с концом I тыс. н.э. Находки в слое и в нескольких объектах надежно свидетельствуют об использовании площадки городища в X в. Это в первую очередь находки резаных куфических монет. По определению А.В.Гомзина это монеты Аббасидов (ал-Му'таид биллах, 896/897 г. и 892-902 гг.), Саманидов – от Насра б. Ахмада 932 г. до Мансур б. Нуха 970-976 гг., а так же Бувайхидов - 'Адуд ад-даула Абу Шуджа' и [Рукн ад-даула Абу 'Али] третьей четверти X в. Найденные находки бронзовых украшений имеют ярко выраженный «мешцерский» облик. Это, в первую очередь, височные кольца. Одно из них с пластинчатое луновидное, с усечено-коническими подвесками, свернутыми из листа, закрепленными в отверстиях при помощи проволочных колечек. Иначе изготовлено другое височное кольцо происходящее из случайных находок на городище. Оно

отлито в «плетеной» технике, щиток ажурный, подвески в форме «утиных лапок» с продольными валиками и шариками на концах закреплены в кольцах на «перевитых» звеньях. Пластинчатые височные кольца с свернутыми из листа подвесками известны в мещерских Пустошенском, Поповском, Заколпьевском, Вырыпаевском могильниках. Серия таких находок известна так же в муромских памятниках (Александровский, Максимовский, Малышевском, Муромский, Молотицкий Новленский, Подболотьевский могильники, в сборах на территории г. Муром.) Указанные параллели датируются, в целом, IX- началом XI вв. Следует указать, что тереховские находки отличаются от указанных параллелей. Находки в мещерских памятниках более крупные, имеют скорее грушевидную форму, щитки в некоторых случаях украшены орнаментом выполненным мелким пунсоном и они скорее всего являются типологически более поздними производными от находок на Терехово. Е.А. Рябинин считает что комплексы, из которых происходят такие украшения в Пустошенском, Заколпском, Поповском могильника датируются XI-XII вв. Находки в муромских памятниках отличаются от тереховских височных колец широкими щитками, большинство колец без подвесок, в тех случаях, когда использованы подвески, это чаще всего трапециевидные пластинчатые, расположенные в один или два яруса. Так же не удалось найти аналогичных колец выполненных в ажурной «плетеной» технике. Вероятно, тереховские кольца можно считать наиболее ранними находками мещерских вариантов этой категории украшений.

К широко распространенным в среде окских и поволжских финнов относятся литые пронизи с подвесками двух вариантов. Литые гладкие пронизи с рельефными поперечными валиками и трапециевидными подвесками используются в последние столетия I тыс. Наибольшее количество их известно в мордовских памятниках.

Литые пронизи в виде спиралей с двойными «плетеными» столбиками и трапециевидными литыми привесками так же хорошо известны. В Мещере они известны в Жабкинском могильнике. Наиболее близкие аналоги известны в погребальных комплексах средне-восточной мордвы – в п.33 Пановского могильника и в п. 60 Елизавет-Михайловского могильника с поясными наборами конца IX-X вв. Достаточно хорошо они представлены в муромских древностях в частности в Максимовском, Муромском, Александровском, Подболотьевском могильниках (пп. 2, 38, 45, 255). Находки в муромских древностях отличаются от найденных на памятниках мещеры тем, что на них трапециевидные подвески подвешены на перевитых звеньях, в то время как, на мещерских ушко трапециевидных подвесок закрепляется непосредственно в кольцах пронизей. Таким образом, исходя из датировки слоя на Тереховском городище и аналогов, бытование этих подвесок может относиться к X-XI вв. Из украшений следует отметить так же находки двух тонкопроволочных гривен, одна из которых деформированная

найдена в слое, а другая с замком в виде крючка и раскованного щитка с круглым отверстием располагалась в придонной части ямы 9, в заполнении которой находились фрагмент «шумящей» привески на перекрученном звене. В этом сооружении так же обнаружены фрагменты дирхемов: два - Аббасиды, ал-Му'таид биллах (279-289 гг.х. / 892-902 гг. и 283 г.х. (896/897 г.)(определения А.В.Гомзина), один фрагмент саманидского дирхема 3xx г.х. и подражание дирхему Саманидов X в. Находки монет позволяют твердо датировать сооружение в рамках X в., возможно его первой половины. Одна уникальная находка свидетельствует о контактах населения жившего на Тереховском городище с носителями роменской археологической культуры. Это фрагмент грубо отлитого из свинцовооловянного сплава височного украшения, имитирующее роменские лучевые кольца.

Прекращение жизни на памятнике можно предположительно отнести к XI в. Вероятно, причиной следует считать штурм городища, о чем свидетельствует большое количество находок наконечников стрел этого времени как в слое, так и на склонах, преимущественно на восточном. Типы наконечников характерны для древнерусских древностей, что позволяет предположить, что поселение погибло во время событий сопровождавших основание Рязанского княжества. Жизнь на этом месте была возобновлена только во второй половине XVIII в., когда сюда были переселены с левого берега р.Оки жители с.Терехово, что последовало после упразднения известного Тереховского монастыря.

Новые данные позволяют уточнить хронологические позиции и некоторых других памятников, в частности - могильника Дегтяное 1 на Облачинской дюне, расположенной на острове, образованном двумя рукавами р.Оки, по соседству с микрорегионом Старой Рязани, а также наиболее поздних погребений могильника Курман, единственного рязано-окского могильника в Рязанском и Касимовском Поочье, на котором захоронения совершались и в последней четверти I тыс. н.э. и материалов из коллекции П.С.Уваровой происходящих из Касимовского уезда, хранящихся в собрании ГИМ.

Таким образом, в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что рязано-окское население, продвинувшееся в районы озерной Мещеры в середине I тыс. н.э., как и его часть проживавшая на касимовском течении р.Оки не пострадали во время катастрофы середины VII в. Вероятно, на их основе начали формироваться локальные группы средневековой мещеры, с которыми, возможно, связаны снова возникающие в конце I тысячелетия памятники на спасском и шиловском течении р. Оки. Решение же вопросов, связанных с взаимодействием этого населения с появляющимися в это время в западной части рязанского течения р.Оки носителями роменско-боршевской культуры, а так же их роль в процессах формирования древнерусского Муромско-Рязанского княжества, требует дальнейшего изучения.

КУЛЬТУРНАЯ ГРУППА ПОСЕЛЕНИЙ ТИПА ПОДОЛ В ВЕРХОВЬЯХ ВОЛГИ

И.В. Исланова
Институт археологии РАН
ivisl@mail.ru

Полевые исследования последних десятилетий, анализ архивных материалов и археологических коллекций позволяют говорить о наличии в верховьях Волги, помимо памятников культуры псковских длинных курганов (КПДК), еще одной раннесредневековой группы древностей — типа Подол. Наименование этой группы получило по реперному поселению Подол 3. К памятникам типа Подол можно отнести еще 10 поселений, расположенных по ржевскому течению р. Волги и на берегах оз. Селигер и связанных с ним озер: раннесредневековые слои городищ Осечен и Никола-Рожок, селищ Горка 1, Звягино 2, Рогово 2, Усть-Тудовка 8, Суходол 2, Бобронники, Ронское 3, Теплый Ручей 2.

От поселений КПДК памятники типа Подол отличаются иной почвенной приуроченностью. Они находятся в микрорегионах с удобными для пашенного земледелия участками с аллювиальными или дерновоподзолистыми почвами. Курганные могильники при таких поселениях и в ближайших окрестностях неизвестны. Но нельзя исключать дальнейшего выявления рядом грунтовых захоронений по обряду кремации.

Площадь поселений – от 1200 до 12000 кв. м, высота жилых площадок селищ над современным уровнем воды – от 1-2 до 7 м, городищ – 20 и 50-55 м. При раскопках на поселениях найдены остатки наземных жилых построек с подпольными материковыми ямами, очагами из камней.

Керамика представлена определенным набором посуды, состоящим из: сосудов типов 7, 8, 9, 11, по Н. В. Лопатину. В отличие от керамики КПДК здесь также относительно много ребристых форм, и посуды т.н. мощинского круга. Схожая ребристая посуда известна в древностях типа Узмень (Верхнее Подвинье) и Демидовка (Верхнее Поднепровье). Керамика мощинского круга представлена горшками с высокой шейкой, иногда украшенными по торцу венчика нарезками и вдавлениями, сосудами с уступом или удлиненным уступом, постепенно преобразующимся в ребро, в месте перехода плеча в тулово. К редким формам относятся фрагменты т.н. каннелированных (с бороздкой в верхней части тулова) сосудов. Аналоги известны среди посуды Верхнего Подвинья, где датируются рубежом IV-V вв.

Вещевые находки представлены железными серпами с пяткой, датируемыми VI–VII вв. н.э. В одном случае найдено железное пластинчатое кресало с петлей на конце, имеющее аналоги в пшеворской и липецкой культурах, а также на памятниках Припятского Полесья, которые находятся в зоне формирования пражской культуры и относятся к наиболее ранней фазе (фазе

«0» по И.О. Гавритухину) этой культуры, датируемой IV–V вв. н.э. К деталям костюма относятся железные посоховидные булавки с округлым сечением иглы, наиболее массовое бытование которых приходится на I тыс. н.э. на территории балтских племен.

Среди предметов вооружения следует отметить два втульчатых наконечника копий, датируемых по литовским материалам VI –V и VI –VII вв. и трехлопастной наконечник стрелы. Такие стрелы распространяются в лесной зоне Восточной Европы с кон. VI –V вв. по VI-VII вв. Найденные удила с трехчастными грызлами с селища Подол 3 относятся к «западным» элементам конского снаряжения бытующим в эпоху Великого переселения народов преимущественно у балтских племен.

С городища Осечен и селища Подол 3 происходят одна заготовка и 7 литейных формочек с изображениями пельтовидных лунниц, накладок, трапециевидных подвесок. По поводу датировки изделий существуют разные мнения : кон. IV–V вв. н.э.; V–VI вв.; кон. VI в. или рубеж VI–VII вв.

Происходящие с памятников типа Подол иные предметы: глиняные овальные и биконические пряслица, железные ножи с прямой спинкой, точильные камни, глиняные льячки и обломки тиглей – имеют широкую датировку – 2-я и 3-я четверти I тыс. н.э.

Возникновение памятников типа Подол связано, прежде всего, с возможным проникновением нового населения с юга – из Верхнего Подвинья. Керамический материал имеет определенную близость с посудой селища Узмень. Второе направление культурных влияний могло идти с юго-востока (из Верхнего Поднепровья и Поочья). На это указывают отдельные вещевые находки и керамика мощинского круга.

Памятники типа Подол, оформившиеся не позднее VI в., представляют собой определенный культурно-хозяйственный тип древностей, существовавший в верховьях Волги параллельно КПДК. Наличие отдельных схожих форм с керамикой КПДК, видимо, говорит о существовавших непосредственных контактах населения или общих прототипах такой посуды. Определенная близость вещевого и керамического материалов вычленяемых в последние годы групп памятников: типа Подол, Удомельского типа, Городка на Маяте – позволяет отнести эти объекты к особому раннесредневековому массиву древностей лесной зоны Восточной Европы третьей четверти I тыс. н.э.

ПОСЕЛЕНИЯ X-XI ВЕКОВ В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ. ШЕКШОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

А.Н. Федорина¹, А.М. Красникова²

1 - Институт археологии РАН

*2 - Государственный Исторический музей
nasfed@yandex.ru*

В тематике научных исследований И. И. Ляпушкина не последнее место занимало изучение Гнездовского археологического комплекса – одного из наиболее ярких памятников IX-XI веков на территории Восточной Европы.

На фоне возросшего количества археологических материалов этого времени, вновь активизировались дискуссии о структуре расселения и иерархии поселений эпохи образования древнерусского государства (ОТРП, локальные центры, рядовые сельские памятники) на обширной территории, занимаемой средневековой Русью.

Реконструкция процессов освоения пространства центра Северо-восточной Руси (Суздальского Ополя) в конце I – начале II тыс.н.э. невозможна без уточнения характера отдельных памятников, представляющих различные уровни (звенья) сети поселений: их размеров, планировки, особенностей материальной культуры, хронологии.

В своей работе мы хотели бы обратиться к материалам одного из крупнейших археологических комплексов Суздальской округи – Шекшовскому. Археологический комплекс включает в себя 4 селища (Шекшово 2, Б.Давыдовское 2, Б. Давыдовское 6, Б.Давыдовское 6а), один курганный могильник (Шекшово 9) и один грунтовый могильник (Шекшово 2). Существование комплекса охватывает значительный период X-XIII вв. Археологический комплекс расположен на обоих берегах речки Урды, являющейся правым притоком р. Ирмес, правого притока р. Нерль Клязьменская. Совокупная максимальная площадь культурного слоя поселенческих памятников комплекса – около 40 га определена на основании подробного сбора подъемного материала, шурфовки вдоль границ селищ, а также сопоставления с геомагнитными картами, охватывающими территории 2-х крупнейших памятников куста, и прилегающие к ним участки (площадь съемки 35,55 га.).

Раскопками на селищах археологического комплекса затронуты в основном периферийные участки ранних поселений: на селище Шекшово 2 около 200 кв. м., на селище Б. Давыдовское 2 – свыше 860 кв.м.. Несмотря на то, что широкие раскопные работы проводились лишь на селище Б. Давыдовское 2, степень археологической изученности поселений достаточно высока: вещевые коллекции подъемного материала составляют более 100 предметов на селище Шекшово 2 и более 250 на селище Б.Давыдовское 2; керамические коллекции содержат свыше 500 фрагментов профилированных

частей сосудов на селище Шекшово 2, свыше 250 на селище Б. Давыдовское 2, свыше 100 – на селище Б. Давыдовское 6. Напомним, что культурный слой суздальских селищ в значительной мере потревожен распашкой, обстоятельство, в значительной степени уравнивающее информативность коллекций, полученных в результате раскопок и площадных многолетних разведок.

К эпохе становления древнерусского государства достоверно относятся 2 селища (Шекшово 2, Б. Давыдовское 2) и курганный могильник. Отдельные фрагменты лепной керамики, надежно датированной в конце I – начале II тыс.н.э., встречены на наименее обследованном памятнике комплекса – селище Б. Давыдовское 6.

Топографические условия расположения памятника позволяют трактовать всю группу селищ как единое средневековое поселение, центром которого, несомненно, является селище Шекшово 2. Общая площадь распространения культурного слоя, содержащего массовые материалы, верхняя граница которых не выходит за пределы XI века (лепную керамику и круговую посуду ранних типов), оценивается в 13 га (10 из них на селище Шекшово 2). Такая оценка площади раннего поселения получила независимое подтверждение при картографировании индивидуальных находок ранних типов, а также радиоуглеродных дат, полученных в ходе бурения геомагнитных аномалий. Особо отметим, что учитывались датировки образцов, происходящих из достоверно антропогенных объектов (содержавших фрагменты угля, пачины, полностью пережженных печных камней, изредка керамического боя).

Характеризуя Шекшовский археологический комплекс, нельзя не сказать о курганном могильнике, значительная часть которого (244 кургана) была исследована А.С. Уваровым в 1852 г. Могильник интересен сочетанием двух погребальных традиций ингумации и кремации, которая отмечена более чем для 35% погребений. Особенности погребального обряда и состав вещевых комплексов позволяют датировать группу X-XII вв. Полевые работы 2011-2012 годов под руководством Н.А. Макарова, А.М. Красниковой и И.Е. Зайцевой подтвердили информацию о биритуальности могильника. Кроме того, в центре одной из открытых курганных площадок, выделяющейся особо крупными для Владимирских курганов размерами, был найден боевой топор с серебряной инкрустацией, изображающей крест и княжеские тамги - двузубец и трезубец, и серебряная подковообразная фибула с позолотой. Очевидно, эти вещи сопровождали мужское погребение, датирующееся 1 половиной XI в., принадлежавшее представителю княжеской администрации. Характеризуя хозяйственно-экономический уклад населения, отметим заметную роль торговли, о которой в первую очередь говорят находки монетного серебра в материалах могильника Шекшово 9 (более 10 целых дирхемов и их фрагментов). В материалах селищ этот круг древностей отмечен находками боченковидной гирьки на селище Б. Давыдовское 2,

стеклянных (мозаичных, лимонovidных бус, рубленого бисера) и каменных (сердоликовых, янтарных) бус. По данным полевых дневников А.С. Уварова среди погребального инвентаря можно выделить находки европейских и арабских монет, весов и гирек, обнаруженных, по крайней мере, в 2-х кремациях, а также стеклянного браслета византийского происхождения. Об участии населения изучаемых памятников в торговле косвенно свидетельствуют составы остеологических коллекций из объектов X-XI вв., раскопанных на селище Б. Давыдовское 2: несмотря на малочисленность выборок во всех комплексах фиксируется наличие костей пушных животных, в первую очередь бобров и куниц (определение Е. В. Добровольской).

О широком круге общеевропейских связей говорят находки поясной гарнитуры, скандинавского амулета (кольцо с привесками-штырьками), фрагментов крестов с грубым распятием и скандинавского типа. Хотя в целом в коллекции преобладают вещи общерусских типов, среди находок встречено значительное количество финских шумящих украшений, происходящих как из слоя поселений, так и из могильника, что позволяет говорить о полиэтничности населения Шекшовского археологического комплекса. Схожая картина наблюдается на материалах керамического комплекса, включающего в себя лепную посуду с высокими венчиками и хорошо заглаженными поверхностями, характерными для финно-угорской традиции; лепные горшки с коротким венчиком и профилированным плечом, имеющими широкий круг аналогий; а также раннекруговую посуду S-видного профиля.

Не менее значимое место в хозяйстве занимали различные ремесла: ювелирное (остатки тиглей, выплески металла из раскопок Шекшово 2 и Б. Давыдовское 2), косторезное (коллекция изделий из раскопок селища Шекшово 2, значительное количество костей со следами обработки в материалах Б. Давыдовского 2). Черная металлургия для раннего этапа функционирования поселения фиксируется только по наличию значительного количества железных изделий.

Важно отметить, что уже на ранних этапах существования памятников Шекшовского археологического комплекса значительную роль в структуре занятий населения играло сельское хозяйство, в первую очередь земледелие. С некоторой осторожностью об этом можно говорить, опираясь на результаты карпологического анализа отмывок из заполнения ям X-XI вв., открытых на селище Б. Давыдовское 2. Отмечая недостаточную репрезентативность выборки (ограниченное число образцов, скудность карпологических остатков в отмывках), П.А.Сутягина, работавшая с материалом, констатирует присутствие в 93% проб остатков культурных растений, в первую очередь овса (44,7%), в меньшей степени ячменя, ржи, пшеницы двузернянки. Состав сорняков не дает дополнительной информации о характере и размерах сельскохозяйственной активности.

Проследить земледельческую активность на собственно археологическом материале на настоящий момент не представляется возможным.

Подводя итоги характеристике Шекшовского археологического комплекса, отметим, что по формальным признакам поселение на р. Урде в значительной степени близко открытым торгово-ремесленным поселениям: обширная площадь, наличие довольно крупного курганного могильника, сложный этнический и социальный состав, значительная роль ремесла и торговли среди занятий населения. В тоже время, очевидно, что ряд важнейших условий не соблюдается: поселение расположено в удалении от центральных водных артерий региона, не имеет укрепленной части. Кроме того, на имеющихся материалах достаточно сложно проследить сезонное колебание численности населения изучаемых памятников.

Важно отметить, что поселение оказалось устойчивым к кризису монетного серебра и системы торговых отношений, отмеченной в 1 трети XI века. В материалах раскопок селищ Б. Давыдовское 2 и Шекшово 2 фиксируется смена планировочной структуры поселений, но не отмечено значительных хронологических лагун в функционировании памятников, что в сочетании с ростом общих площадей селищ позволяет говорить о стабильном существовании изучаемого узла средневекового расселения на Северо-Востоке Руси. Аналогичную стабильность в освоении пространства Суздальского Ополья демонстрируют материалы других локальных центров региона, таких как Васильково, Гнездилово, Тарбаево.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-31-00304).

**ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ АТТРИБУЦИИ НОСИТЕЛЕЙ
ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НАУКЕ 50-2000-Х ГГ**

М.И. Жих

Санкт-Петербургский государственный университет
max-mors@mail.ru

Первый этап археологического изучения именьковской культуры охватывает период с начала археологического изучения Среднего Поволжья, которое, первоначально бессистемно, началось в XVIII-XIX вв., до середины 50-х гг., когда эта культура была выделена и названа «именьковской». Впервые памятники, которые впоследствии отнесут к именьковской культуре, выделила в своих работах В.В. Гольмстен, которая, однако, не отделяла их от мордовских древностей и датировала IX-X вв. На основании анализа арабских источников, которые помещают в Поволжье народ буртасов, В.В. Гольмстен именно с ними связывала эти памятники [Гольмстен В.В. 1946]. В дальнейшем гипотеза о буртасской их принадлежности ещё не раз повторялась в науке, в частности, её отстаивал в те годы Н.Ф. Калинин, опять-таки, смешивая в одно целое именьковские и мордовские древности. Он же впервые высказал мысль о значительном именьковском воздействии на генезис культуры Волжской Болгарии, которая впоследствии найдёт поддержку целого ряда учёных [Калинин Н.Ф. 1951. С. 60-62; Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. 1954. С. 59-62]. В 1956 г. В.Ф. Генинг впервые ввёл в историографию термин «именьковская культура», которую он предложил датировать III-IX вв., после чего она переросла в болгарскую культуру. Сначала учёный считал «именьковцев» финнами [Генинг В.Ф. 1959. С. 208], а потом высказал гипотезу об их тюркском происхождении и приходе из Сибири [Генинг В.Ф. 1961. С. 334-336 и последующие работы]. До последнего отрицал существование именьковской культуры как археологического феномена А.П. Смирнов, который датировал соответствующие памятники IV-V вв. и считал их финно-угорскими, рассматривая в качестве позднего этапа городецкой культуры. При этом учёный относил Рождественский могильник к более позднему времени (VI-VIII вв.) и ошибочно считал его независимым по отношению к именьковской культуре памятником, связанным с миграцией в Среднее Поволжье славян с Левобережья Днепра, обратив внимание на его разительное сходство со славянским Волынцевским могильником [Смирнов А.П. 1951; 1962; Краснов Ю.А., Смирнов А.П., 1969]. Ныне принадлежность Рождественского могильника к именьковской культуре не вызывает сомнений, равно как и то, что Рождественский могильник предшествовал Волынцевскому, но не

наоборот. Эти наблюдения А.П. Смирнова служат важным аргументом в пользу славянской этнической атрибуции «именьковцев».

Второй этап археологического изучения имениковской культуры охватывает период с середины 50-х до начала 80-х гг. В это время были проведены масштабные полевые исследования культуры, существенно уточнены её ареал, хронология и характерные особенности, а также высказан ряд гипотез относительно её происхождения и этнической атрибуции. В 1964 г. П.Д. Степанов высказал гипотезу о венгерской этнической принадлежности «именьковцев» [Степанов П.Д. 1964. С. 144-147], не нашедшую поддержки у других археологов. В 1967 г. вышла монография П.Н. Старостина, которая суммировала все собранные к тому времени археологические данные об имениковской культуре. П.Н. Старостин обосновал её датировку III/IV-VII вв. и высказал гипотезу о становлении культуры в условиях смешения местного финно-угорского и пришлого тюркского населения [Старостин П.Н. 1967. С. 30-31]. В дальнейшем П.Н. Старостин показал отсутствие связей между городецкими и имениковскими древностями и скорректировал свой вывод: роль финно-угорского населения в становлении имениковской культуры была незначительной и его основу составили пришедшие в Среднее Поволжье тюрки [Старостин П.Н. 1971]. Впоследствии, после новых открытий, П.Н. Старостин отказался от идеи поисков восточных истоков имениковской культуры [Старостин П.Н. 1986. С. 100] и признал убедительность гипотезы Г.И. Матвеевой о её славянской этнической атрибуции [Старостин П.Н., Кляшторный С.Г. 2002]. В те же годы идею о тюркской атрибуции «именьковцев» отстаивал в своих работах и А.Х. Халиков [Халиков А.Х. 1971].

Третий этап археологического изучения имениковской культуры охватывает период с начала 80-х до середины 2000-х гг. В 1981 г. самарский археолог Г.И. Матвеева опубликовала статью, в которой произвела переворот в этнической атрибуции «именьковцев», показав западные истоки их культуры, связанные с кругом культур полей погребений, а конкретно с зарубинецкой культурой [Матвеева Г.И. 1981]. В дальнейшем в ряде работ исследовательница уточнила этот вывод, установив, что имениковские древности имеют не только зарубинецкие, но и пшеворские аналогии (преимущественно с теми памятниками полиэтничной пшеворской культуры, которые В.В. Седов, И.П. Русанова, Д.Н. Козак и другие специалисты интерпретируют как славянские), а возможно и черняховские [Матвеева Г.И. 1986; 1997; 2004. С. 65-74]. Вывод Г.И. Матвеевой о том, что истоки имениковской культуры следует искать в древностях круга «полей погребений» был принят подавляющим большинством исследователей. Единственным принципиальным противником этой позиции ныне является Е.П. Казаков, который считает имениковскую культуру родственной турбаслинской и видит в носителях этих двух культур хионитов [Казаков Е.П. 1998. С. 110-111]. Ученый опирается на исследованные им памятники,

отразившие взаимодействие и смешение двух культур, трактуя их как свидетельство родственности между ними. Однако ситуация смешения с турбаслинской культурой характерна лишь для одного из именьковских регионов и скорее отражает процесс взаимной ассимиляции их носителей, продвинувшихся в один и тот же район Закамья [Галкина Е.С. 2006. С. 343-344; Жих М.И. 2011. С. 32-33].

Новое определение археологических истоков именьковского населения позволило по-новому поставить вопрос и о его этнической атрибуции. Сама Г.И. Матвеева в 1988 г. высказала и в ряде последующих работ отстаивала тезис о славянской принадлежности именьковской культуры [Матвеева Г.И. 1988; 1997; 2004. С. 74-78]. Эта идея была поддержана ведущим археологом-славистом, автором фундаментальной общей концепции славянского этногенеза, В.В. Седовым [Седов В.В. 1994. С. 49-66; 1994а. С. 309-315; 1995. С. 193-197; 2002. С. 245-255], авторитет которого закрепил её в науке. С той поры и по сей день большинство археологов придерживается гипотезы о славянстве «именьковцев» или, как минимум, о значительном славянском вкладе в становление этой культуры (В.Д. Баран, А.В. Богачев, Т.И. Останина, Р.Д. Голдина и т.д.). В то же время установление факта западного происхождения именьковской культуры дало основу и предположению о его возможной балтской атрибуции, которую стал отстаивать А.Х. Халиков, опираясь на балтские заимствования в языках финно-угров и предположительно балтские гидронимы в именьковском ареале [Халиков А.Х. 1988]. В.В. Седовым эти построения А.Х. Халикова были подвергнуты убедительной критике: во-первых учёный, профессионально занимавшийся ономастикой, показал полную несостоятельность балтских этимологий гидронимов именьковского ареала, предложенную А.Х. Халиковым, а во-вторых, указал на то, что предки мордвы, марийцев и чувашей общались с балтами, жившими на Оке и в Волго-Окском междуречье и предполагать, что балтские заимствования в их языках связаны с именьковской культурой оснований нет [Седов В.В. 1994. С. 58-59]. Не смотря на эту убедительную критику, балтская гипотеза этнической атрибуции «именьковцев» имеет отдельных сторонников и ныне, так В.В. Приходько предпринял попытку собрать в её пользу новые гидронимические доказательства [Приходько В.В. 2011].

Особое место в работах Г.И. Матвеевой и В.В. Седова заняла проблема судеб именьковского населения. Оба исследователя, как и П.Н. Старостин, не сомневаются в том, что после того как в конце VII в. именьковская культура прекратила своё существование и большинство её носителей покинуло Среднее Поволжье, часть «именьковцев» осталась на месте, влившись в состав населения Волжской Болгарии и оказав значительное влияние на развитие её экономики и культуры, в частности, на распространение земледелия [Старостин П.Н. 1967. С. 31-32; Матвеева Г.И. 2004. С. 77-79; Седов В.В. 1995. С. 195-197; 2001; 2002. С. 254-255]. Г.И. Матвеева отметила,

что территория Волжской Болгарии соответствует ареалу именьковской культуры [Матвеева Г.И. 2004. С. 79]. Эти выводы принимаются ныне рядом археологов (Ю.А. Семькин, А.В. Богачев и т.д.). Опираясь на вывод А.П. Смирнова о родственности населения, оставившего Рождественский и Волинцевский могильники, В.В. Седов как бы «развернул» его выводы и заключил, что большая часть «именьковцев» ушла на юго-запад, где стала основой носителей волинцевской культуры. В доказательство этого тезиса В.В. Седов привёл следующие аргументы: хронологический стык между культурами (в конце VII в. исчезает одна, а в начале VIII в. появляется другая), близость погребального обряда, экономической жизни, хозяйства, керамических форм, домостроительства и т.д. [Седов В.В. 1994. С. 59-63; 1994а. С. 315; 1995. С. 193-194; 2002. С. 253-255] Часть археологов приняла вывод В.В. Седова (Г.И. Матвеева, О.М. Приходнюк, В.В. Приймак и т.д.), часть не согласилась с ним и ищет иные истоки волинцевского населения: автохтонные (О.В. Сухобоков), луки-райковецкие (И.О. Гавритухин и А.М. Обломский) или дунайские (А.В. Григорьев, О.А. Щеглова). Ныне вопрос о генезисе волинцевской культуры и её связях с культурой именьковской остаётся до конца нерешённым. Гипотеза Гавритухина-Обломского о правобережных истоках волинцевской культуры [Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. С. 133, 144-147] была подвергнута В.В. Седовым справедливой критике: он указал на то, что опирается она на единственный аргумент – сходство печей, чего совершенно недостаточно для глобальных выводов о генезисе культуры в целом, а также на то, что сходные с волинцевскими печи днепровского правобережья находятся именно в тех правобережных районах, куда проникла волинцевская культура, то есть распространялись они в обратном направлении [Седов В.В. 1999. С. 84. Примеч. 72]. От себя добавим, что для волинцевской культуры были характерны исключительно бескурганые могильники, в то время как на Правобережье Днепра уже с VI-VII вв. получил широкое распространение курганный обряд погребения, доля которого непрерывно возрастала. Таким образом, бескурганный погребальный обряд «волинцевцев» никак не мог быть принесён с правобережья, зато он находит очевидную параллель в именьковской обрядности, что служит дополнительным доказательством гипотезы В.В. Седова, которая, на наш взгляд, на данный момент является наиболее убедительной.

Четвёртый этап археологического изучения именьковской культуры начался примерно с середины 2000-х гг. Он характеризуется более пристальным вниманием к социальным структурам именьковского общества и поиском новых ответов на старые вопросы. Д.А. Сташенков высказал идею о неоднородности этнического состава именьковской культуры, о разных направлениях этнокультурных контактов её носителей в разных регионах и в разные периоды её истории. По его мнению, в становлении именьковской культуры сыграли свою роль мигранты из ареала культур полей погребений,

местное население, какие-то позднескифские группы и т.д. [Сташенков Д.А. 2005; 2006] Л.А. Вязов в своей работе, посвящённой социально-экономической истории «именьковцев», не касаясь прямо вопроса об их этнической атрибуции, сделал вывод, согласно которому, хозяйственная система именьковского населения имеет свои истоки в зарубинецких, киевских, позднедьяковских и мощинских традициях, что указывает на сложный многокомпонентный характер населения, оставившего именьковскую культуру [Вязов Л.А. 2011. С. 19-20]. Дальнейшая разработка гипотезы о полиэтничном характере именьковской культуры, если она окажется верной, вероятно, позволит в будущем выделить в её составе конкретные памятники, связанные как со славянским населением (можно полагать, что одним из таких памятников является Рождественский могильник, возможно, именно в этой группе памятников, а не в именьковской культуре в целом, лежат истоки волынцевских древностей), так и с другими этническими группами. А.В. Богачев высказал интересную гипотезу, согласно которой «именьковцы» представляли собой одну из ветвей антов [Богачев А.В. 2011. С. 72-137].

В последнее время к вопросу этнической атрибуции именьковской культуры активно подключились историки. Уже давно исследователями восточных источников было замечено, что они помещают какую-то группу *ас-сакалиба-славян* в Среднем Поволжье. Опираясь на то, что Ибн Фадлан именует Волжскую Болгарию «страной славян», а её правителя «государем славян», ещё А.Я. Гаркави считал, что славяне составляли значительную часть населения этой страны [Гаркави А.Я. 1870]. В 1964 г. С.Г. Кляшторный ввёл в СССР в научный оборот известие ал-Куфи о столкновении арабского полководца Марвана со славянами в 737 г. на берегах «Славянской реки» и пришёл к однозначному выводу, что описываемые события происходили в Поволжье [Кляшторный С.Г. 1964]. Есть и другие арабские и хазарские известия, помещающие славян в VIII-X вв. в Поволжье. Эти данные позволили С.Г. Кляшторному связать тех славян, которых знают арабы в Поволжье с «именьковцами» и их потомками [Кляшторный С.Г. 2005], что было поддержано П.Н. Старостиным, Г.И. Матвеевой и В.В. Седовым. При этом данные известия полностью подтверждают то, что часть «именьковцев» осталась в Поволжье после конца VII в. и волилась в состав болгарского населения. Ныне арабским и хазарским известиям о славянах в Поволжье и проблеме их соотношения с именьковской культурой посвятил ряд работ М.И. Жих [Жих М.И. 2011; 2011а; 2012], который подтвердил и развил наблюдения и выводы С.Г. Кляшторного, предположив, опираясь на этнонимы *С.в.р.*, *С.л.виюн*, носителей которых письмо хазарского царя Иосифа локализует в Поволжье, что какие-то группы «именьковцев» могли именоваться *словенами* и *северянами* – этнонимами, хорошо известными в славянском мире [Жих М.И. 2011а]. При этом важно, что носители роменской культуры, восходящей к волынцевской, также именовались

северянами. Это может служить ещё одним подтверждением гипотезы В.В. Седова о генетической связи между данными культурами.

Важное значение имеют работы В.В. Напольских о предположительных «именьковских» заимствованиях в финно-угорские языки, которые, по его мнению, имеют протославянский или балто-славянский характер [Напольских В.В. 1996; 2006]. Выводы В.В. Напольских о соответствующих заимствованиях убедительны, однако их интерпретация вызывает вопросы. Во-первых, учёный жёстко придерживается гипотезы о балто-славянской языковой общности, и поэтому настойчиво именуется «именьковский язык» «балто-славянским» [Напольских В.В. 2006. С. 3-4]. Между тем, это гипотеза далеко не всеми лингвистами принимается (в частности, убедительной критике подверг её в последнее время О.Н. Трубочёв) и вне её рамок выводы В.В. Напольских могут звучать и иначе. Во-вторых, недоказанным остаётся главное: то, что выделенные В.В. Напольских в языках волго-камских финно-угров славянские и балтские языковые заимствования синхронны, а уж тем более – восходят к одному языку. Логичнее говорить как о балтских, так и о славянских языковых заимствованиях местных финно-угров, которые, скорее всего, независимы друг от друга [Жих М.И. 2011. С. 21-25].

Новое направление в «именьковской» историографии открыл в своих работах казанский исследователь А.В. Овчинников, который показал, что на сугубо научную проблему этнической атрибуции «именьковцев» активное воздействие оказывают вненаучные факторы, в первую очередь, политические. В Татарстане крайне негативно относятся к гипотезе о славянском происхождении «именьковцев» или их части, чинят препятствия исследователям, отстаивающим данную точку зрения [Овчинников А.В. 2009; 2009а]. Так, например, П.Н. Старостин длительное время не мог в печати высказать соответствующие взгляды, хотя пришёл к ним давно. Последнее подтвердил в интервью С.Г. Кляшторный, с которым П.Н. Старостин совместно написал главу о славянах Среднего Поволжья для многотомной обобщающей «Истории татар» (это интервью я ныне готовлю к публикации). Эти печальные факты, надеюсь, не станут помехой на пути дальнейшего прояснения сложных вопросов этнокультурной истории носителей именьковской археологической культуры учёными разных специальностей.

Богачев А.В. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э.: Историко-археологическое исследование. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

Вязов Л.А. Социально-экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тысячелетия н.э. (по материалам именьковской культуры). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 2011.

- Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
- Галкина Е.С. Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М., 2006.
- Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
- Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань, 1959. Вып. 2.
- Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.
- Гольмстен В.В. Буртасы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1946. Вып. XIII.
- Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань, 2011.
- Жих М.И. К проблеме реконструкции самоназвания носителей именьковской культуры // История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы: материалы международной научно-практической конференции 25–26 ноября 2011 года. Пенза – Белосток – Прага, 2011а.
- Жих М.И. Арабская традиция об *ас-сакалиба* в Среднем Поволжье и именьковская культура: проблема соотношения // Статья выйдет в 2012 г. в «Тюркологическом сборнике».
- Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1998.
- Калинин Н.Ф. Древнейшее население Татарии // История Татарской АССР. Казань, 1951. Т. I.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. Казань, 1954.
- Кляшторный С.Г. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. М., 1964.
- Кляшторный С.Г. Праславяне в Поволжье // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Кляшторный С.Г., Старостин П.Н. Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. Том I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.
- Краснов Ю.А., Смирнов А.П. Рецензия на книгу: Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967 // Советская археология. 1969. № 2.
- Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.

- Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Матвеева Г.И. К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (сборник тезисов). М., 1988.
- Матвеева Г.И. Некоторые итоги изучения именьковской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. III. М., 1997.
- Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004.
- Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. Данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. II. Филология. Этнология. Сыктывкар, 1996.
- Напольских В.В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. // Славяноведение. 2006. № 2.
- Овчинников А.В. Славянское присутствие // Звезда Поволжья. 2009. № 19.
- Овчинников А.В. Дешёвая историография // Звезда Поволжья. 2009а. №№ 26, 27, 28, 29, 30, 31, 37, 38, 39, 40.
- Приходько В.В. К вопросу об этноязыковой атрибуции именьковской археологической культуры // Симбирский научный вестник. 2011. № 2 (4).
- Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994.
- Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994а.
- Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Седов В.В. К этногенезу волжских болгар // Российская археология. 2001. № 2.
- Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.
- Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Смирнов А.П. Волжские болгары // Труды Государственного исторического музея. М., 1951. Вып. XIX.
- Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М., 1962.
- Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967.
- Старостин П.Н. Этнокультурные общности предболгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I-V веках н.э. М., 2005.
- Сташенков Д.А. Об этнокультурных связях населения именьковской культуры // Славяноведение. 2006. № 2.

Степанов П.Д. Памятники угро-мадьярских (венгерских) племён в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. I.
Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
Халиков А.Х. К вопросу об этносе именьковских племен // Памятники первобытной эпохи Волго-Камья. Казань, 1988.

КРЕМАЦИОННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ I ТЫС. Н.Э. В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Д.А. Сташенков

*Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
archeo@list.ru*

В Среднем Поволжье, в южной части которого находится Самарский регион, кремационные могильники раннесредневековой эпохи начали исследоваться в 1950-е гг. на территории Татарстана. В настоящее время широкой площадью исследованы могильники именьковской культуры: Рождественский, Маклашеевский V, Коминтерновский II и др. За пределами современного Татарстана, в остальной части ареала именьковской культуры, крупные кремационные некрополи до сих пор не выявлены.

Вместе с тем именно наличие многочисленных кремационных погребений именьковской культуры послужило поводом для многолетних дискуссий об этнической принадлежности, истоках и дальнейших судьбах именьковской культуры. В настоящее время важен и вопрос о вкладе именьковского населения в формирование этнокультурной карты Среднего Поволжья I тыс. н.э. Один из возможных способов приблизиться к его решению заключается в создании подробной сводки известных раннесредневековых погребений, совершенных по обряду кремации. Такая работа проделана автором для региона Самарского Поволжья.

Имеющиеся кремационные погребения хронологически относятся к трем периодам: III-IV вв., IV-VI вв., конец VII-VIII вв.

Наиболее полно представлены материалы первого хронологического периода. Они выявлены при раскопках селища и грунтового могильника у с. Сиделькино Челно-Вершинского района Самарской области, относящихся к кругу памятников типа Сиделькино-Тимяшево, а в более широком плане – к числу памятников киевского круга.

В 1995, 2001-2007 гг. раскопки Сиделькинских II селища и I грунтового могильника проводила экспедиция СОИКМ им. П.В. Алабина. На территории селища и грунтового могильника в различных частях памятника были заложены восемь раскопов общей площадью 1010 кв. м. Материалы раскопок частично опубликованы (Сташенков, 1996; 2005).

Для Самарского Поволжья особое значение имеет обнаружение на территории Сиделькинского комплекса биритуального некрополя рубежа раннего железного века-средневековья. Ингумационные погребения уже введены в научный оборот, о погребениях, совершенных по обряду кремации, полной публикации еще не подготовлено. Кремационные погребения Сиделькинского комплекса можно разделить на две большие группы.

Остатки кремации на стороне помещены в ямы округлой формы диаметром 0,3-1,2 м, углубленные в материк на 0,15-0,3 м (15 погребений. Информация о них частично опубликована: см. Сташенков, 2005). В яму ссыпалась небольшая часть праха погребенных с остатками погребального костра (единичные фрагменты мелких кальцинированных костей, зола и мелкие угольки). Погребальный инвентарь практически отсутствовал. Погребальный обряд этой группы близок к обряду погребальных памятников киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992. С.38-44). Следует отметить, что отсутствие индивидуальных находок в кремационных захоронениях – устойчивая традиция для Поволжского региона. В хронологически более поздних именковских могильниках на территории Татарстана все погребения с трупосожжениями были безурновыми, половина из них – безинвентарные (Старостин, 1967. С.15-16).

2) остатки кремации на стороне помещены в ямы подпрямоугольной формы со скругленными углами размерами до 0,5x1,6 м, углубленные в материк на 0,1-0,3 м (3 погребения). В могильные ямы помещались единичные фрагменты мелких кальцинированных костей, зола и мелкие угольки, ошлакованные металлические детали одежды. В наиболее концентрированном виде черты, свойственные погребениям этой группы, выражены в погребении 6 раскопа 8 Сиделькинского II селища.

Население, оставившее Сиделькинское II селище и Сиделькинский I грунтовой могильник, несомненно, было пришлым для Самарского региона. Истоки его следует искать как на территории распространения киевской культуры или граничащих с ней культур, так и среди сарматского населения Волго-Уральского региона.

Памятники второй хронологической группы (IV-VI вв.), на которых выявлены отдельные кремационные погребения, расположены на территории Самарской Луки. Все они относятся к числу памятников именковской культуры.

Материалы раскопок Подгорского селища, проведенных В.Н.Мышкиным и Г.И.Матвеевой, где, вероятно, были встречены ритуальные (кремационные) комплексы, еще не опубликованы.

На территории Новинковского V селища выявлено одно кремационное погребение, совершенное в цилиндрической яме диаметром около 1 м, по форме и размерам не отличающейся от типичных для именковской культуры хозяйственных ям. Погребение было безинвентарным.

К третьей хронологической группе (конец VII-VIII вв.) относится Жигулевский грунтовой могильник, все выявленные погребения которого совершены по обряду кремации на стороне. В отличие от погребальных памятников предшествующего времени, изученных в Самарском Поволжье, Жигулевский могильник занимает большую площадь (не менее 1 га) и погребения на нем расположены достаточно плотно. Погребения сопровождалась инвентарем, типичным для погребальных памятников новинковского типа, исследованных на Самарской Луке в 1980-2000-е гг.

В настоящее время памятник в значительной степени уничтожен в результате грабительских сборов, однако проведенные в последнее время исследования позволили зафиксировать особенности погребального обряда и уточнить хронологическую позицию памятника в системе раннесредневековых древностей Среднего Поволжья.

По итогам проделанной работы можно сделать несколько выводов:

1. Три группы кремационных погребений, выделенные по материалам Самарского Поволжья, относятся к различным культурно-хронологическим группам.
2. Имеющиеся на сегодняшний день данные не позволяют сделать вывод о непосредственном влиянии друг на друга населения, оставившего кремационные погребения разных типов в Самарском Поволжье.
3. Рассмотренные выше памятники появились в Самарском Поволжье в результате миграционных процессов.
4. Вопрос о дальнейших судьбах населения Самарского Поволжья, хоронившего своих умерших по обряду кремации, без получения дополнительных материалов решить невозможно.

Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ № 12-11-63004/12 «Культурно-хронологические группы оседлого населения Среднего Поволжья во второй-третьей четверти I тыс. н.э.».

Список литературы:

- Старостин П.Н., 1967. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1-32. Москва.
- Сташенков Д.А., 1996. Памятники эпохи раннего средневековья у с. Сиделькино // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара.
- Сташенков Д.А., 2005. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I-V веках н.э. Москва.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры: Свод археологических источников. Киев, 1992.

О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВТОРОЙ-ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н.Э

Л.А. Вязов

*Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия
l.a.vyazov@gmail.com*

Изучение памятников Нижнего Прикамья I тыс. н.э. позволило выделить в 1940-50-х гг. именьковскую культуру (Калинин, Генинг) и отнести к ней древности оседлого населения региона IV-VII вв. н.э. В 1960-х гг. на основе анализа материалов памятников Татарстана были определены основные характерные черты выделенной культуры (Старостин, 1967), а ее территориальные рамки были расширены за счет включения восточных регионов Мордовии (Степанов, 1967), территории Самарской Луки (Матвеева, 1975), Ульяновской области (Буров, 1985) и Башкирии (Генинг, 1977). Постановка проблем происхождения, этнической принадлежности и хронологических рамок именьковского населения породила оживленную дискуссию, не утихавшую на протяжении 1980-2000-х гг. (Матвеева, 2004) и продемонстрировавшую невозможность однозначного решения ни одной из проблем для всей культуры в целом. Одновременно с этим продолжающиеся полевые исследования все больше демонстрировали разнородность именьковских материалов. В конце 2000-х гг. в исследованиях наметилась тенденция к рассмотрению этнокультурного развития населения Среднего Поволжья второй-третьей четверти I тыс. н.э. как нелинейного процесса.

Г.И. Матвеевой были выделены три хронологических этапа формирования этнокультурного состава оседлого населения Среднего Поволжья второй-третьей четверти I тыс. н.э.: славкинский (II-III вв. н.э.), лбищенский (IV-V вв.) и именьковский (V-VII вв.) (Матвеева, 2004). Отмечая наличие локальных особенностей именьковских древностей, она объясняла их как различной степени участия более ранних пришельцев в складывании именьковской культуры в разных регионах ее распространения, так и внешним инокультурным воздействием (Матвеева, 2008). Д.А. Сташенков выделил материалы памятников Самарской Луки в особый, ранний этап развития именьковской культуры, на протяжении которого на территории Самарского Поволжья одновременно существовало как именьковское население, так и население оставившее памятники типа городища Лбище и типа Сиделькино-Тимяшево. При этом, каждая из выделенных групп населения сохраняла свои культурные отличия (Сташенков, 2010).

Таким образом, задачи дальнейшего изучения этнокультурных процессов, происходивших в Среднем Поволжье в эпоху Великого переселения народов требуют выделения среди массы древностей, отнесенных в 1950-70-е гг. к

именьковской культуре, отдельных комплексов материалов, имеющих особенности, обусловленные культурными и/или хронологическими причинами. На настоящий момент наиболее информативными представляются следующие группы критериев выделения культурно-хронологических групп:

1. Особенности системы расселения, характеризующие социальную структуру и хозяйство населения.
2. Насыщенность культурного слоя, характеризующая длительность и интенсивность функционирования памятника.
3. Характер застройки и особенности домостроительства.
4. Набор орудий труда и остеологические материалы, характеризующие хозяйственную систему.
5. Керамический комплекс.

Особенности системы расселения. Основными признаками, характеризующими систему расселения, являются ландшафтные условия расположения памятников, их взаиморасположение, площадь, наличие в составе групп городищ и могильников. На основании сочетания указанных признаков можно выделить три основных варианта организации расселения: расположение поселений группами-гнездами, включающими в себя городище; расположение поселений группами, состоящими только из селищ; отдельно расположенные памятники. Эти различия отражают как хронологические, так и культурные особенности: оборонительные сооружения в IV-V вв. характерны для лбищенского типа, но отсутствуют на памятниках типа Сиделькино-Тимяшево и на ранних именьковских памятниках. Позднее, в V-VII вв., городища широко распространяются у именьковского населения.

Следующим важным критерием является долговременность и интенсивность функционирования поселений, проявляющаяся в мощности и насыщенности культурного слоя. Этот показатель резко отличает памятники типа Сиделькино-Тимяшево, Новая Беденьга, городища Лбище, для которых характерна слабая насыщенность слоя находками, от памятников именьковской культуры, в том числе ее раннего этапа.

Особенности застройки и домостроительства также демонстрируют неоднородность населения Среднего Поволжья в III-VII вв. н.э. Исследователями (Матвеева, 1993; Лифанов, 2000) отмечаются нескольких принципиально отличных типов жилищ: 1) наземных сооружений с углублением («очажным котлованом») в центральной части, перекрытие которых опиралось на срубовые стены (городище Лбище, Бахилевское селище и др.); 2) полуземлянок, перекрытие которых опиралось на центральный столб (тип Сиделькино-Тимяшево, сел. Ош-Пандо-Нерь, гор. Старомайновское и др.); 3) полуземлянок, перекрытие которых опиралось на срубовые стены, впущенные в котлован (гор. Именьковское, Маклашеевское, Ош-Пандо) Еще одна домостроительная традиция прослеживается только на

Старомайском городище, где исследованы жилища, построенные в каркасно-столбовой технике. С носителями этой последней традиции, вероятно, связана и исключительно высокая плотность застройки, прослеживаемая на Старомайском городище и не характерная для других именьковских поселений.

Культурно-хронологические особенности отдельных групп населения Среднего Поволжья рассматриваемого периода проявляются в наборе орудий труда и остеологическом материале поселений. Так, можно выделить два варианта набора земледельческих орудий труда. В состав первого из них входят наральники и относительно крупные серпы. Этот набор типичен для именьковских поселений Предволжья, Предкамья и Западного Закамья; судя по всему, он складывается не ранее V в. н.э. Напротив, в материалах III-V вв. (городище Лбище, памятники типа Сиделькино-Тимяшево, раннеименьковские поселения Самарской Луки) наральники не встречаются, а серпы имеют меньшие размеры.

Соотношение костей диких и различных видов домашних животных в остеологических материалах поселений позволяет выделить несколько различных традиций обеспечения мясного рациона. Первая из них характеризуется использованием в пищу как диких, так и домашних видов, со значительной ролью мелкого рогатого скота (памятники типа Сиделькино-Тимяшево, ранние именьковские поселения Самарской Луки). Для второй также характерно относительно большое значение охоты, но значение мелкого рогатого скота в ней заметно меньше (именьковские поселения Предволжья, Предкамья и Западного Закамья). Наконец, в третьем варианте дикие виды не используются в пищу (городище Лбище, памятники у с. Новая Беденьга).

Очевидно, что при важности всех вышеупомянутых показателей, наибольшее значение для определения культурно-хронологических особенностей имеет керамический комплекс. Несмотря на то, что проблема создания единой типологической схемы для керамики Среднего Поволжья вплоть до настоящего времени не решена, уже сейчас можно наметить особенности набора функциональных форм, морфологии и технологии производства керамики, значимые для выделения культурно-хронологических групп. Набор критериев, имеющих хронологическое значение, была выделен Г.И. Матвеевой при характеристике отличий керамики лбищенского типа от именьковской (Матвеева, 1998). Д.А. Сташенковым были охарактеризованы особенности керамики памятников типа Сиделькино-Тимяшево (Сташенков, 2005) и ранних именьковских памятников Самарской Луки.

Таким образом, этнокультурная ситуация в Среднем Поволжье во второй-третьей четверти I тыс. н.э. характеризуется присутствием нескольких культурно-хронологических групп населения. Различия между ними не могут рассматриваться в качестве локальных этнографических особенностей

единого массива населения, поскольку охватывают практически все доступные для исследования сферы культуры.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-11-63004/12 «Культурно-хронологические группы оседлого населения Среднего Поволжья во второй-третьей четверти I тыс. н.э.».

Список литературы

1. Буров Г.М., 1985. Именьковская культура в Ульяновском Поволжье // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев. С. 111-130.
2. Генинг В.Ф., 1959. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФАН. – Казань. Вып. 2. С. 157-219.
3. Генинг В.Ф., 1977. Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI-VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа. С. 90-136.
4. Калинин Н.Ф., 1952. Экспедиция по западным районам Татарской АССР (Из материалов Куйбышевской экспедиции) // КСИИМК. М.-Л. Вып. 44. С. 52-66.
5. Лифанов Н.А., 2000. Раннесредневековые жилые постройки лесостепного Поволжья как источник культурногенетических реконструкций // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М. С. 128-134. (Труды ГИМ. Вып. 122).
6. Матвеева Г.И., 1975. Памятники именьковской культуры на Самарской Луке // Краеведческие записки КОМК. Самарская Лука в древности. Куйбышев. Вып. 3. С. 105-118.
7. Матвеева Г.И., 1993. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье. Самара. С. 156-182.
8. Матвеева Г.И., 1998. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара. С. 87-96.
9. Матвеева Г.И., 2003. К вопросу о хронологии городища Лбище // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара.
10. Матвеева Г.И., 2004. Среднее Поволжье в IV-VII вв. н.э.: именьковская культура. Самара.
11. Матвеева Г.И., 2008. Именьковская культура: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Ижевск. С. 94-103.
12. Старостин П.Н., 1967. Памятники именьковской культуры // САИ. М. Вып. Д1-32.
13. Сташенков Д.А., 2005. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I-V веках н.э. М. (Раннеславянский мир. Вып. 7).
14. Сташенков Д.А., 2010. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия СНЦ РАН. Самара. Т. 12. № 6. С. 272-275.
15. Степанов П.Д., 1967. Ош-Пандо. Саранск.

ДРЕВНЕРУССКОЕ (СЛАВЯНСКОЕ) ВЛИЯНИЕ НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАШЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ

А.Н. Сарапулов

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия
ans05@mail.ru*

В период существования ломоватовской культуры (до XII в.) в Пермском Предуралье была распространена беспашенная форма обработки земли (основные орудия для обработки почвы – мотыги). Но в XI – XII вв. в земледелии происходит качественный переворот, который связывают с появлением новой формы земледелия – пашенной. Теперь в качестве частых находок на памятниках выступают наконечники пахотных орудий – ральники, которые, по-видимому, насаживались на рало с горизонтальным положением полоза или с положением полоза близким к горизонтальному. Появление деревянного рала с железным наконечником на территории Пермского Предуралья повлекло за собой смену хозяйственно-культурного типа (ХКТ). Традиционно под ХКТ понимается комплекс взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры, который исторически складывается у разных народов, находящихся на близком уровне социально-экономического развития и обитающих в сходных естественно-географических условиях. Основными критериями для выделения ХКТ служат типы и формы хозяйственной деятельности, а также общий уровень развития хозяйства. В традиционных культурах этнографы выделяют более двадцати ХКТ, которые можно объединить в три основные группы: - с преобладающей ролью охоты, рыболовства и собирательства; - с преобладанием ручного (мотыжного) земледелия и скотоводства; - с преобладанием пашенного (плужного) земледелия при использовании тягловой силы животных. Так вот мы наблюдаем смену ХКТ мотыжного земледелия на ХКТ пашенного земледелия и пастушеского животноводства. Д.Г. Савинов указывает, что смена ХКТ обычно связана с миграционными процессами (Савинов, 2007, с.47).

В современной историографии сложилось две устоявшиеся точки зрения по вопросу путей возникновения пашенного земледелия в Пермском Предуралье: наконечники были заимствованы от волжских булгар либо с территории Руси.

Вообще, впервые вопрос о древнерусском происхождении пашенного земледелия был поднят еще Ф.А. Теплоуховым (Теплоухов, 1892). В.А. Оборин в своих работах рассуждает о древнерусском происхождении пашенного земледелия, связывая его с начальным периодом русской колонизации XII – XV вв. (Оборин, 1956, стр. 69-70). А.М. Белавин и Н.Б.

Крыласова указывают, что типологически родановские пахотные орудия более близки к древнерусским, таким образом, резоннее считать, что пашенное земледелие проникает в Пермское Предуралье в развитом северорусском варианте в процессе переселения в Предуралье финнов и древнерусской колонизации (Белавин, Крыласова, 2002, с.168).

Мы считаем, что вероятнее всего происходило опосредованное древнерусское влияние на возникновение пашенного земледелия в Пермском Предуралье, выразившееся в миграции населения (финского, смешанного финно-славянского) с более высоким уровнем занятия земледелием.

Говоря о «миграционной теории», следует рассмотреть этническую ситуацию на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья. В советской историографии территорию современного Пермского края все без исключения считали заселенной предками современных коми-пермяков (финнами) начиная с раннего железного века. Но последние исследования пермских археологов (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Бочаров И.В.) дали основания усомниться в истинности таких суждений. Поэтому А.М. Белавин вернулся к гипотезе вековой давности о том, что до XI-XII вв. в Пермском Предуралье проживали носители угорского языка и смена их финнами происходит незадолго до проникновения в край русских

Вероятно, было бы вполне справедливым рассматривать раннесредневековое население Пермского Предуралья, как некое смешанное финно-угорское этнотерриториальное образование, с явным преобладанием до XI-XII вв. угорского компонента над финским (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 1997). Только в XI-XII вв. на рассматриваемой территории происходит смена населения, преобладающим становится финский (финно-пермский) этнический элемент, что проявляется в ярко выраженных изменениях в этнической и хозяйственно-культурной ситуации.

Скорее всего, вместе с финскими переселенцами на территорию Пермского Предуралья проникали новгородские и ростово-суздальские колонисты. Массив финно-пермского и угорского населения, проживающего в бассейне Вычегды, был достаточно консолидированным, и препятствовал дальнейшему свободному продвижению финно-славянских колонистов с Русского Севера на Восток. Колонизация не укрепилась на этих землях, так как она могла укрепиться лишь там, где природные условия позволяли создать сельскохозяйственную базу для постоянных поселений (Макаров, 1997, с. 163). Но сами финны, по-видимому, получили толчок, и под влиянием всего комплекса причин были вынуждены мигрировать в Пермское Предуралье.

Получается, что именно финское население, знакомое с земледельческой техникой северорусского образца, пришедшее в Прикамье в этот период, могло привнести элементы пашенного земледелия. Тем более, что ральники из наших коллекций обнаруживают сходство с древнерусскими, и принадлежат, скорее всего, к одному типу орудий – ралам. Наконечники рал

известны более чем на 70 древнерусских памятниках (Городск, Хотомель, Старая Ладога, Новгород, Княжа Гора, Новотроицкое городище и др.). Наконечники представляют собой широколопастные либо с незначительными плечиками ральники. Они известны в Восточной Европе с черняховского времени, однако в тот период они были немногочисленны. Стандартизованный тип широколопастного ральника появляется в Восточной Европе с VII в. Для него характерны следующие размеры: длина 160-215 мм, ширина лопасти 80-120 мм, ширина трубицы 60-80 мм (Древняя Русь: Город, замок, село, 1985, с. 222). Прикамские ральники имеют следующие размеры: длина наконечника 120-280 мм, ширина лопасти 80-190 мм, ширина трубицы 60-110 мм (рис 1).

Кроме того, результаты микроструктурных исследований показывают, что прикамские сельскохозяйственные орудия аналогичны восточноевропейским не только по форме, но и по технологии изготовления. Среди этих категорий ведущими были схемы варки и наварки. В период развитого средневековья в среде финно-угорских племен Прикамья преобладали восточноевропейские (древнерусские) типы железных изделий (Завьялов, 2005, с. 145, 170).

Таким образом, можно констатировать, что древнерусское население косвенно повлияло на распространение некоторых форм наконечников на территории Пермского Предуралья.

Но мы не можем отрицать и болгарского влияния на распространение пашенного земледелия. Волжская Булгария как государственное образование в средние века являлось основным торговым партнером Пермского Предуралья. Фактически болгары полностью контролировали территорию Прикамья. Арабские источники отмечают, что болгарские купцы вели активную торговлю с купцами из стран Вису и Чулыман (территория Пермского Предуралья). Как отмечают исследователи (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Ленц Г.Г., Ф.Ш. Хузин и др.) в Прикамье существовали и болгарские торговые фактории в районе городищ Анюшкар, Рождественское, Иднакар (Крыласова, Белавин, Ленц, 2003). Кроме того, некоторые формы местных ральников обнаруживают сходство с болгарскими лемехами. По-видимому, лемехи были заимствованы и модифицированы в ральники, как более удобные для обработки здешних почв.

Таким образом, мы можем считать, что элементы пашенного земледелия могли быть заимствованы как от основного торгового партнера Пермского Предуралья в эпоху средневековья Волжской Булгарии, так и через миграцию финнов, знакомых с земледелием северорусского образца. Результаты картографирования находок показывают, что древнерусские формы наконечников концентрируются преимущественно в северном варианте родановской культуры (там найдено большинство наконечников), что стыкуется с общим расселением мигрантов с севера на юг. А в южном варианте преобладало болгарское влияние, и там распространились наконечники, которые в качестве модельной формы были заимствованы от

булгар. Но эти данные очень предварительны, так как многие собранные нами ральники территориально и хронологически не атрибутированы. Да и, надо заметить, что различия в наконечниках в функциональном плане достаточно условны, вполне возможно, что можно говорить о некоем общем типе ральников (с некоторыми особенными различиями), характерном для лесной полосы Восточной Европы в эпоху средневековья.

Список литературы:

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа// Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы I Международной научно-практической конференции. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во. 1997.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Пермское Предуралье в период развитого средневековья// Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие для студентов и аспирантов/ Перм. гос. пед. ун-т.; Под ред. А. М. Белавина. – Пермь. 2002.

Древняя Русь: Город, замок, село., 1985. М.

Завьялов В.И. История кузнечного ремесла пермян. Археометаллографическое исследование. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. 2005.

Крыласова Н. Б., Белавин А. М., Ленц Г. Т. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обва и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье// Труды КАЭЭ. Вып. 3/ Под. ред. А. М. Белавина. Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2003.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. (по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. 368 с.

Оборин В.А. К истории земледелия у древних коми-пермяков // Советская этнография 1956 № 2.

Савинов Д.Г. О теории хозяйственно-культурных типов применительно к археологическим источникам // XVII Уральское археологическое совещание. Ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург-Сургут: УрГУ, 2007. С. 47.

Теплоухов Ф.А. Земледельческие орудия Пермской чуди. Пермь: Типография Н-ков Каменского. 1982.

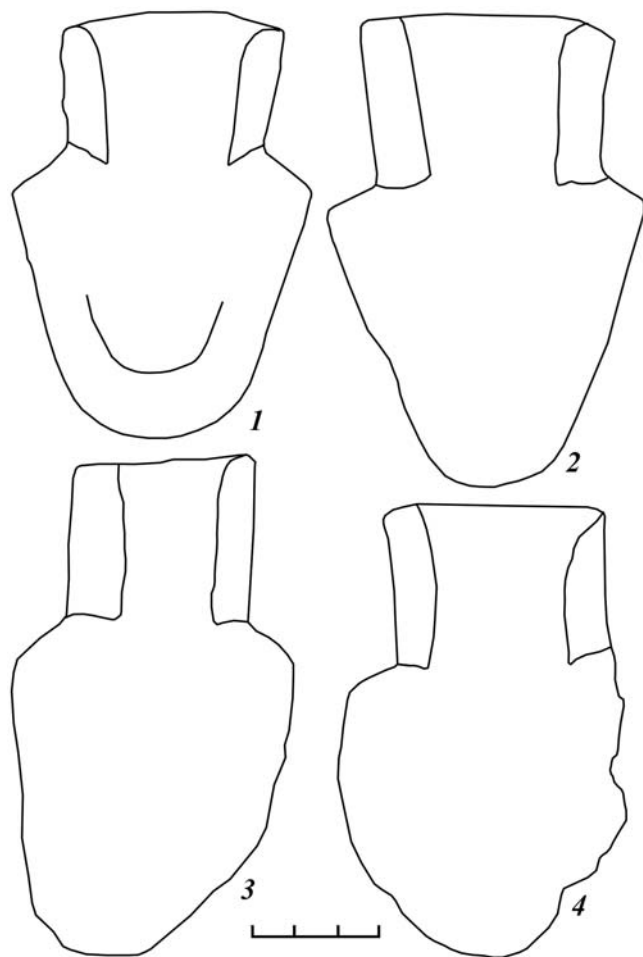

Рис. 1. Ральники Пермского Предуралья

**ФИГУРАТИВНЫЕ ЗООМОРФНЫЕ НАКЛАДКИ В
СЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЯХ: ХУДОЖЕСТВЕННО-
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ**

А.В. Скиба

*Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина
skyba-andriy@ukr.net*

Накладки в виде профильных изображений животных представляют собой одну из наиболее ярких категорий славянских вещей VII в. На территории Украины они известны в составе Мартыновского клада (5 экз.), а также происходят из Скъбинец, городищ Плиснэсько и Зымнэ. Комплект вещей с двумя парными фигурками львов, точное местонахождение которых неизвестно, хранится в частной коллекции ПЛАТАР (Киев). Изделия той же художественной традиции также присутствуют в кладах из Трубчевска (3 экз.) и Серпуховского района Московской обл. России (6 экз.).

Перечисленные находки зооморфных фигурок демонстрируют чётко выраженный индивидуальный характер, проявляющийся как в художественно-стилистических особенностях, так и в иконографии. В каждом отдельном случае был реализован оригинальный творческий замысел. В месте с тем очевидна определённая стереотипность в изображении поз животных, а также относительно принципов формообразования, позволяющая выделить ряд основных вариантов.

Так позы, в которых изображены животные в славянских изделиях, представлены четырьмя основными вариантами. К первому принадлежат бегущие звери, представленные четвероногими фигурками из Мартыновки и коллекции ПЛАТАР (Рис. 1, 1-2). Вторым вариантом является поза животного крадущегося или готовящегося к прыжку. Характерной особенностью этих изображений является выставленная вперёд передняя лапа, изогнутая спина и сильно наклонённая к земле грудь. К этому варианту принадлежат наклейки из Мартыновского клада (с двумя конечностями), ст. Преградной и Ньюдама (Рис. 1, 3-5). Особенностью, третьего варианта, представленного изделиями из Плиснэська, Серпуховского района, а также несколькими наклейками из Велестиниона и матрицами из Фелнака, является то, что передняя лапа находится на одной линии туловищем, при этом обе конечности практически параллельны (Рис. 1, 7-12). Такое положение значительно больше отражает напряжение, внутренний динамизм животного, изображённого в момент перед прыжком. Животного в прыжке изображает наклейка из Скъбинец (Рис. 1, 6). Ещё одна разновидность позы, не характерной для изделий из ареала славянских культур, представляет собой

фигурка копытного животного, лежащего с подогнутыми ногами, происходящая из Бескупия.

Относительно способа передачи, динамики, являющейся характерной чертой зооморфных накладок, а также характера пластики можно выделить два основных художественно-стилистических направления. В первом случае ритмика, упругость формы достигается при помощи пластичной объёмности, а воссоздание тела животного является обобщённо-реалистичным. Это направление представлено изделиями из Мартыновского клада, коллекции ПЛАТАР, левосторонней накладкой из Трубчевска, фигурками львов из Скъбиница и Ньюдама (Рис. 1, 1-6). Вместе с тем, передние конечности бегущих животных из Мартыновки и коллекции ПЛАТАР подчеркнута геометризированы.

Ко второму художественно-стилистическому направлению принадлежат фигурки с уплощённой, лишь слегка выпуклой поверхностью, имеющей чёткую грань и расширяющиеся к низу бортики и создающие таким образом двойной контур. У таких изделий эффект динамичности формы достигается за счёт ритмичного сочетания округлых вырезов различных размеров и с различной кривизной, гармонично сочетающихся с линиями контура. Именно на ритмике линий контура в этом случае и сделан основной акцент. Среди находок, связанных со славянской традицией к этому направлению относятся фигурки из Плиснаська и Серпуховского района, а за пределами славянских территорий – накладка из ст. Преградной и матрицы из Фелнака (Рис. 1, 7-10). Описанные черты характерны для поясных деталей геральдического стиля. В схематизированной манере выполнена правосторонняя фигурка из Трубчевска (Рис. 1, 13).

На два основных варианта распадается трактовка завершения конечностей животных. Один из них представляет стилизованное изображение лап в виде крючков (Рис. 1, 1-3, 5-7, 10). Другому варианту присуще упрощённо-натуралистическое воспроизведение (Рис. 1, 4, 8, 9).

По характеру пластики тела и поз животных, динамичности образов зооморфные фигурки очень близки звериным изображениям на поясных наконечниках, накладках и щитках пряжек из Кудыргэ на Алтае, кочевнического погребения возле обсерватории Улуг-бека в Самарканде (вторая половина VII в.), а также территории Аварского каганата и Северо-Восточной Болгарии (конец VII – VIII вв.) (Рис. 2). Эти изображения, в свою очередь, несомненно, являются продолжением традиции кочевнического звериного стиля I тыс. до н.э.

Таким образом, зооморфным фигуративным накладкам, происходящим с ареала славянских культур V-VII вв., присуще два основных художественно-стилистических направления. Кроме того, часто одни и те же изделия сочетают в себе различные стилистические особенности, имеющие, вероятно, различное происхождение.

Несомненно, с кочевнической традицией связаны динамика образов, характерные позы животных, пластика тела, отражающие ярко выраженное художественное обобщение.

Пластинчатые фигурки животных, происходящие с ареала славянских культур V-VII вв., на фоне подобных находок выделяются не только своим художественно-стилистическим разнообразием, но и наиболее высоким мастерством исполнения.

Представляет интерес, что с тех пор не известно ни одного случая находок идентичных изделий, за исключением происходящих из одного комплекса. Все фигурки животных имеют отчётливо выраженный индивидуальный характер, отличающий их от предметов металлопластики других категорий. Можно предположить, что индивидуализированные черты, передававшиеся изделиям, служили для обозначения принадлежности конкретным собственникам, а сами зооморфные накладки, таким образом, исполняли некую геральдическую функцию.

Вместе с тем, сегодня можно констатировать и наличие общих черт для изделий славянского круга таких, как трактовка шеи с гривой в виде орнаментированной дуги, а также изготовление в подавляющем большинстве случаев в технике литья.

В художественно-изобразительном аспекте фигуративные накладки принадлежат к комплексу зооморфных мотивов, являющихся характерными для славянского искусства VII вв. Последние, в свою очередь, принадлежат к более масштабному феномену широкого распространения звериных стилизаций, ставших в раннем средневековье характерными для культур различных, как кочевых, так и оседлых народов.

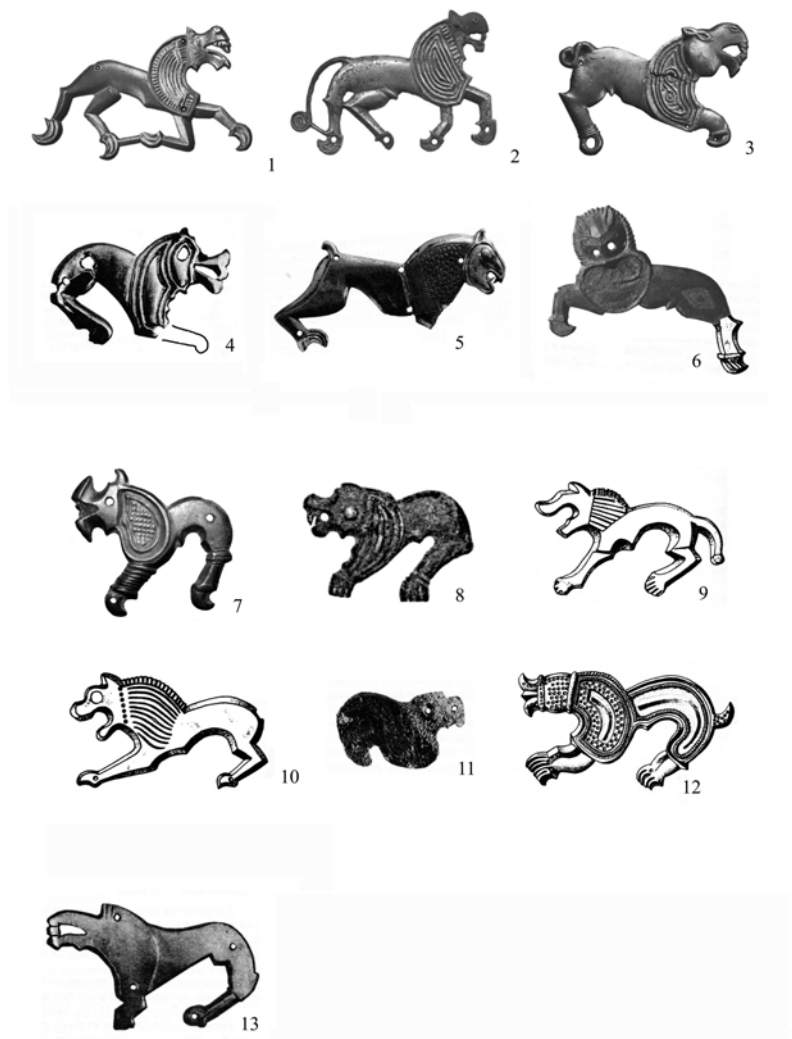

Рис. 1: 1, 3 – Мартиновка, Украина (клад); 2 – коллекция ПЛАТАР, Украина, клад (?); 4, 11, 13 – Трубчевск, Россия (клад); 5 – Ньюдам, Дания; 6 – Скъбинцы, Украина; 7 – Серпуховский район, Россия (клад); 8 – Плиснэсько, Украина; 9 – Фелнак, Румыния; 10 – ст. Преградная, Россия.

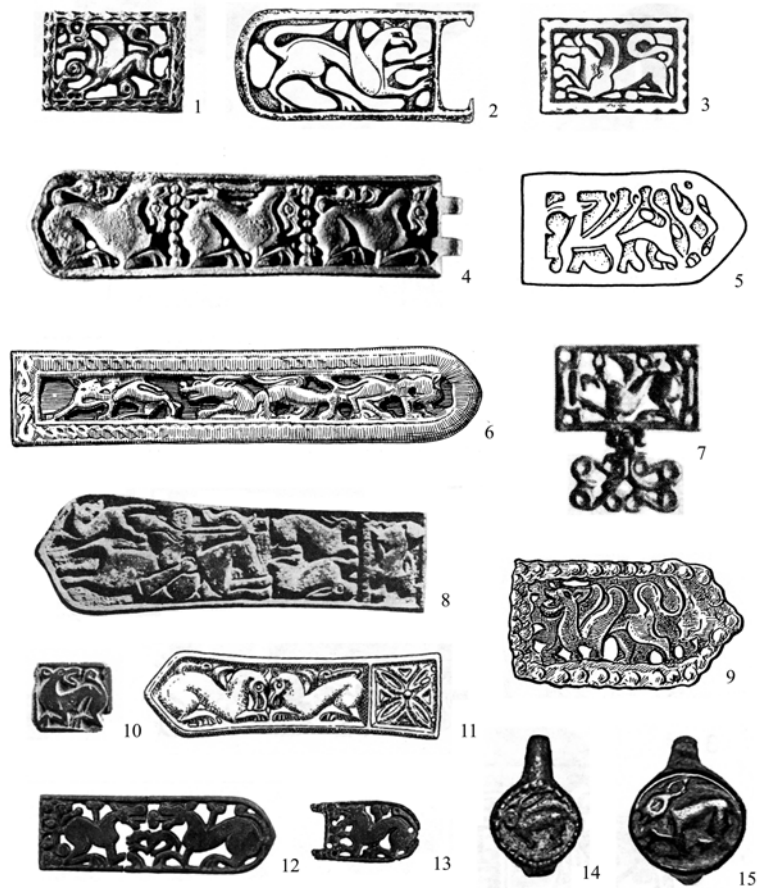

Рис. 2: Поясные детали (1-13) и перстни (14-15) конца VII – первой половины VIII вв. с изображениями животных: 1 – Бпан, Албания; 2 – Преселка, Болгария; 3 – Велки Преслав, Болгария; 4 – Нагимагош-Отомпа, Венгрия; 5-6 – Кудиргэ, Алтай, Россия; 7 – Венгрия; 8 – Кларфалва, Венгрия; 9 – Самарканд, Узбекистан; 10, 12-15 – Северо-Восточная Болгария; 11 – Нове Замки, Словакия.

ПОПЫТКА ТРЕЗВО ОЦЕНИТЬ УРОВЕНЬ РАННЕСЛАВЯНСКОГО МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕГО ПРОИЗВОДСТВА

Р.С. Минасян
Государственный Эрмитаж, Санкт Петербург
oaves@hermitage.ru

«Для того кузнец клещи кует,
чтобы руки не ожечь» [Даль].

Среди всех исследованных раннеславянских памятников особое место занимает Новотроицкое городище VIII-IX вв. На этом поселении произошел пожар, все жилища сгорели, после этого жизнь здесь больше не возобновлялась, поэтому все вещи, которые жители не смогли вынести, остались на месте. И.И.Ляпушкин полностью тщательно раскопал городище и детально опубликовал материалы и результаты своего исследования. На Новотроицком городище нет гончарной керамики и других материалов древнерусского времени – это эталонный раннеславянский археологический объект, по материалам которого можно судить о том, на каком уровне находилось производство восточных славян накануне образования и оформления городов в качестве ремесленных и торговых центров.

На площади городища и в полуземляночных жилищах было найдено много глиняных сосудов, железные орудия: сошники, плужные ножи, серпы, косы, топор, мотыги, ножи, несколько кладов серебряных украшений и серебряные арабские дирхемы. В жилищах №№ 18 и 40 кроме печей находились открытые горны, около которых лежало 3 маленьких тигелька (купели). Вне жилищ найден кусок железной крицы и кусочки железных шлаков. В химическом составе двух кусочков шлаков выявлено серебро. Количество и функциональное назначение находок дали И.И. Ляпушкину основание говорить о занятиях жителей, проживавших на городище. По его мнению, помимо сельскохозяйственной деятельности, они еще занимались кузнечным делом и изготовлением украшений из арабских дирхемов и металлического лома¹. Однако ассортимент найденных на поселении вещей вызывает сомнение относительно проведения масштабных кузнечных и ювелирных работ на поселении, во всяком случае, указывает на своеобразие этих производств.

В жилищах, хозяйственных ямах и в их окружении найдено гораздо больше металлических вещей, нежели на других славянских памятниках. В основном это сельскохозяйственный инвентарь и отдельные виды бытовых предметов. Судя по находкам в жилищах мелких обломков железных изделий, железо здесь берегли. Даже шилья и проколки делали не из железа, а из метоподий и расколотых трубчатых костей животных. Но, несмотря на относительное

обилие найденных на Новотроицком городище железных орудий, здесь нет вещей, которые характерны для слоев X-XI вв. древнерусских городов. Можно понять, почему здесь отсутствуют замки и ключи – в их надобности, наверняка, не было необходимости. Но здесь нет также гвоздей, заклепок, кресал, проволоки, удила, костяных гребней, весов, гири и других вещей, необходимых в хозяйстве. Если по каким-то причинам люди не производят какие-то категории вещей, значит, у них нет навыков и производственных возможностей делать такую работу. В таком случае нужно выяснить является ли случайностью отсутствие на Новотроицком городище перечисленных видов изделий, или нет.

На Новотроицком городище не найдены инструменты для обработки металлов. Что касается кузнечных инструментов, то они могли находиться в другом месте. Но в жилищах обнаружены горны и тигли, значит, там должны были быть глиняные сопла, литейные формы, их обломки, слесарные и ювелирные инструменты для обработки отливок и изготовления украшений: напильники, маленькие молотки, клещи, зубила, пробойники, чеканы, подобные найденным в нижнем слое Старой Ладogi и в слоях X-XI вв. на Гнездовском поселении.

Без сопла невозможно пользоваться мехами, а без усиленного притока воздуха в горнах-очагах нельзя расплавить даже 1-2 серебряных дирхема, не говоря уже о большей порции серебра или меди. Однако, судя по содержанию найденных тиглей, в них все-таки расплавляли незначительное количество металла, химический состав которого определен С.В. Хавриным. В двух целых тиглях обнаружены следы латуни, а в разбитом тигле из жилища 18 смешанный металл, содержащий примерно равные доли Cu, Zn, Ag, Pb, Sn. С таким низкопробным грязным серебром, да еще с присадками свинца и олова, мог работать только неквалифицированный мастер. К тому же он плавил металл без мехов каким-то не традиционным способом.

Не имея напильников, фильер, гвоздильной, ножниц для резки металла, нельзя делать гвозди, замки, ключи, тянуть проволоку. Не умея паять, нельзя делать бусы, серьги и другие украшения с филигранью. Не имея весов, нельзя взвешивать металл. Не имея лобзика, нельзя распилить кость и дерево, выпилить зубья у гребенки. На Новотроицком городище нет ни гвоздей, ни гребней, ни спилов на костяных предметах. Чтобы изготавливать вещи из металла, нужно прежде сделать инструменты, желательные хорошие, и уметь ими пользоваться. Производственные успехи достигаются умением работающих, имеющих много специализированных инструментов, предназначенных для выполнения определенных видов работ.

Отсутствие инструментов на Новотроицком городище не является исключением. В сводке И.И. Ляпушкина указано 508 местонахождений восточнославянских памятников². На многих из них есть горизонты VI-IX вв. Помимо них, в Поднепровье обнаружено еще 174 объекта с раннеславянскими материалами IV-V вв. На многих поселениях произведены

широкомасштабные раскопки³. Только на поселении Александровка - 1 близ Чернигова раскопано 18000 м². Здесь люди проживали с IV до первой половины VIII в., а все же железо, найденное в Александровке, пожалуй, можно унести в одной пригоршне⁴. На всех этих памятниках нет инструментов для профессионального занятия кузнечным, слесарным, ювелирным, оружейным делом, нет даже ни одного гвоздя, хотя всем этим уже давно пользовались мастера в других регионах Азии и Европы.

Металлические украшения на раннеславянских поселениях находят крайне редко. В основном они представлены примитивными изделиями, отлитыми из медных, оловянисто-свинцовых сплавов, реже из серебра и плохо механически обработанных. Со второй половины I-го тысячелетия на раннеславянских поселениях находят лицевые створки маленьких каменных литейных формочек⁵. Одна часть свинцовых, латунных и серебряных украшений, найденных на славянских поселениях и в кладах на территории Поднепровья, была отлита с участием таких форм. Другая часть украшений является репликами плоских предметов, которые репродуцировались литьем в формах с двумя глиняными створками. Такие отливки, их величина и качество исполнения свидетельствуют о слабом уровне развития литейного дела у славян в рассматриваемый период времени. Тоже можно сказать о методах обработки металлов холодными способами. Так, большую часть серебряных предметов Новотроицкого городища составляют не литые кольца с разомкнутыми концами. Такие вещи, несмотря на их простоту, сделать сложнее, нежели отлить незамысловатое украшение в двусторонней форме в виде пятилучевых височных колец, найденных на этом поселении. Чтобы сделать эти кольца, нужны особые инструменты, которых на славянских памятниках нет. Совсем не исключено, что эти кольца делали в другом месте, там, где были условия для проведения такого рода работ.

На следующем историческом этапе на Руси стали активно развиваться различные ремесла, появились инструменты, гвозди, замки, гребни, кресала, весы, гири и многие другие виды предметов, не производимых прежде. Источники, стимулировавшие подъем древнерусского производства и сформировавшие иной облик материальной культуры, были различными. Эта тема требует особых исследований.

В заключение следует подчеркнуть важное обстоятельство. Изучая древние предметы, нужно иметь в виду, что на археологические памятники вещи попадают по разным причинам. Это может быть продукция местного изготовления, могут быть купленные вещи, кем-то потерянные, приобретенные в качестве металлического сырья. Продукцию же населения, проживавшего на исследуемом археологическом объекте, в первую очередь представляют инструменты, рабочее оборудование, отходы и брак. Производственное происхождение вещей не может быть точно определено без их технического изучения.

1. Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. // МИА № 74. М.-Л., 1958.
2. Лпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского Государства. // МИА. № 152. Л., 1968.
3. Триповский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Lublin, 2004; Обломский А.М., Триповский Р.В. Новые памятники киевской культуры на территории Украины (каталог). С. 301-374 // Археология славян и их соседей. Вып. 13. М., 2013.
4. Триповский Р.В., Шекун О.В. Олександрівка 1 – багатощарове раннослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів, 1996.
5. Винокур І.С. Слав'янські ювеліри Подністров'я. Кам'янець-Подільський, 1997.

ТАВЛЕЙНЫЕ КОРОЛИ X В

Н.В. Хамайко

Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина
hamajko@mail.ru

Довольно редким, но ярким атрибутом ранней древнерусской культуры являются игральные наборы «дружинных» погребений. Они тяготеют к скандинавскому кругу древностей и находят яркие аналогии среди археологических материалов территорий, связанных с культурным влиянием норманнов.

В скандинавских языках игра, принадлежностью которой являются такие наборы, называется *tafl* или *hnefatafl/hneftafl* (*королевский стол / королевская доска*), что в русском соответствует названию *тавлеи*. Отличительным признаком игры выступает наличие короля и количество пешек, кратное 4, что обусловлено особенностью движения фигур от центра к краю доски.

Наборы из погребений состоят из пешек, королей, иногда игральные кости и, в редких случаях, самой игровой доски. И если пешки и кости, как правило, однотипны, то короли отличаются значительным видовым разнообразием – от простых неорнаментированных фишек до сложных антропоморфных фигур. Последнее обстоятельство иногда вызывает сложности атрибуции, преодолеваемые лишь детальным анализом состава их контекста и привлечением круга аналогий. Главным отличительным признаком королей из таких наборов является несхожесть с остальными игральными фигурками, что должно облегчать их визуальное определение на игровом поле.

Слишком заметные внутривидовые различия тавлейных королей вынуждают к распределению их по типам. Наиболее приемлем в данном случае морфологический признак, по которому имеющиеся фигурки распадаются на две группы.

I. *Простые*. В составе игральных наборов попадаются фигурки, которые по внешним признакам могут быть соотнесены с рядовыми, однако отличаются от остальных по цвету, материалу, размеру. Так, к примеру, в наборе одного из кремационных курганов Седнева кроме стеклянных оплавившихся в огне слитков, ассоциированных с игральными шашками, находилась и крупная усеченно-шаровидная каменная фигурка (Бранденбург 1908, с. 197-198); а в кург. Оль-30 Гнездова одна из 13 стеклянных фигурок 1 была мозаичного стекла (Меч и Златник 2012, с. 87, кат. № 206), выделяющаяся на фоне остальных.

В ряде случаев вместе с такими наборами попадают и простые камешки, пригодные по размеру для размещения на игровой доске. В кург. Оль-30 Гнездова кроме 13 стеклянных фигурок обнаружены еще два уплощенных округлых камешка, один из которых преднамеренно поддавался обточке; а в погребении из Скамбю (Швеция) наряду с 23 янтарными фигурками находился небольшой округлый камешек-галька, по размеру подходящий для игровой доски (Rundkvist, Williams 2008, p. 83, 85). Наверняка говорить о функциональном предназначении таких находок сложно, и выводы этого рода всегда достаточно условны. Можно предполагать намеренное введение в набор непохожих фигурок с целью придания им особого статуса в игре, однако, они вполне могли заменять и утраченные пешки, особенно, когда их общее количество кратно 4. В таких случаях целесообразно употреблять определение *условные*.

Увереннее можно судить о статусном выделении одной фигурки в том случае, когда она отличается от остальных декором и/или подчеркнута отличной формой. Такие наборы известны среди погребений Бирки (Швеция) – погр. 524, где в наборе рядом с грибовидными неорнаментированными янтарными фигурками была овоидная орнаментированная (Arbman 1943, s. 161, taf. 149, 1); или погр. 624, в котором одна из фигурок при условии сохранения общей усеченно-сферической формы имела декорированную шляпку с выступом на верхушке (Arbman 1943, s. 206, taf. 149, 3).

II. *Антропоморфные*. Эти фигурки бывают с более условными или более явными признаками человеческой фигуры, по которым они распадаются на две группы: *схематичные* и *реалистичные*.

Первые имеют усеченное коническое или пирамидальное/призматическое туловище, на вершине которого находится округлая головка. Как правило, они выполнены в том же материале, что и остальной набор, и не вызывают особых вопросов при атрибуции. Существует два варианта исполнения таких королей. В первом случае присутствуют признаки прически (либо головного убора) и черты лица, во втором сохраняется лишь внешние очертания без дробной детализации. Примерами таких вариантов могут служить король из погр. 750 Бирки (Arbman 1943, taf. 147, 1) для более реалистичных, а также короли из шестовицких кург. 33 и 98 (Смоличев, ф. 6, №26, л. 28; Станкевич

1949, с. 54, рис. 5) и погр. 917 и 644 Бирки для более схематичных вариантов (Arbman 1943, taf. 149, 3; 148, 2).

Последняя группа тавлейных королей также принадлежит антропоморфным. Однако, в отличие от предыдущей, включающей примеры с условно-схематическим изображением человеческой фигуры, она содержит реалистичные изображения людей. Такие фигурки присутствуют в нескольких комплексах с игральными принадлежностями. Это вырезанный из китовой кости сидящий человек из Бальдурсхеймура (Исландия), янтарная полуфигура человечка из Рохолте (Дания), вырезанный из моржового клыка сидящий человек из Лунда (Швеция) (Les Vikings 1992, p. 387, cat. nos. 71, 602, p. 203, fig. 3) и др. Все фигурки этого круга в датировках тяготеют к кон. IX – нач. XI вв., в основном ограничиваясь рамками X в.

Во всех случаях короли изображены сидящими, иногда, как в случае с фигуркой из Лунда, на декорированном стуле (троне?), и все они держат в руках собственную бороду, заплетенную в одну или две косы (или жгуты). Этот образ чрезвычайно близок более поздним изображениям шахматных королей Северной Европы. Наиболее близкой аналогией среди них выступает король кон. XII в. из Норвегии (Musée du Louvre, OA 5541). Он изображен как сидящий на резном стуле (троне) человек в длинной одежде и короне. На коленях у него покоится меч, рукоять которого он держит в одной руке, второй же рукой король придерживает скрученную жгутом бороду. Шахматные короли с о-ва Льюис (Гёбриды, Норвегия), хранящиеся в Британском Музее (Les Vikings 1992, p. 104, fig. 7) по стилю исполнения схожи с фигуркой из Лувра: у всех на голове корона и все сидят на резных стульях с мечом на коленях, однако ни один из них уже не держит в руках бороду – у части фигур она коротко острижена, а остальные и вовсе без бород (The British Museum, reg. num. 1831,1101.78; 1831,1101.79; 1831,1101.80; 1831,1101.81; 1831,1101.824).

Все известные короли из наборов для игры в *hnefatafl* происходят с территории Северной Европы. Возникает вопрос: если идентичные игральные наборы присутствуют в древностях X в. и Руси, и Скандинавии, были ли подобные короли реалистичного исполнения на Руси?

Среди древнерусских археологических материалов X в. присутствуют два артефакта, заслуживающие особого внимания. Это широко известная бронзовая золоченая фигурка из погребального инвентаря Черной Могилы в Чернигове (Самоквасов 1908, с. 199) и каменная фигурка из раскопок городища Шестовицы (Коваленко, Моця, Сытый 2003, рис. 15, 2). Обе фигурки несут изображения человека. В первом случае исполнение реалистичное, во втором – схематичное.

У каменной фигурки из Шестовицы призматическое туловище с плоскими отвесными боками и наклонными передней и задней сторонами, плавно переходящее в округлую головку. Черты лица также схематичны.

Контекстная дата находки – X в. (Коваленко, Ситий, Скороход 2010, с. 321-322). Человечек же из Черной Могилы, напротив, детализовано реалистичен. У сидящего по-турецки мужчины детально проработаны черты лица, конечности, детали костюма. Он держит в правой руке бороду, левая приподнята и зажата в кулак, однако предмет, находящийся в ней утрачен (Меч и златник 2012, кат. № 330).

Отечественная историография традиционно относит такие фигурки к разряду изображений «божков» или «идолов» (Самоквасов 1908, с. 199; Рыбаков 1949, с. 43; Пушкина 1984; Коваленко, Моця, Сытый 2003, рис. 15, 2; Мурашева 2005; Петрухин 2007), однако зарубежные исследователи солидарны в определении подобных находок как королей игральных наборов эпохи викингов (Les Vikings 1992, cat. nos. 71, 77, 602; Whittaker 2006, p. 107-108; Graham-Campbell 1980, n° 99-101, p. 513, n° 99). Исключение составляет лишь бронзовая фигурка из Релинге (Швеция), изображающая нагого мужчину с ярко выраженными первичными половыми признаками, вследствие чего он ассоциирован со скандинавским богом плодородия Фрейром (Les Vikings 1992, 147, fig. 4).

Яркой аналогией каменной фигурке из Шестовицы выступает король из погр. 750 Бирки (Arbman 1943, taf. 147, 1), выявляя чрезвычайную схожесть деталей и отличаясь лишь материалом изготовления (как и весь игровой набор, он изготовлен из стекла) и головным убором – стеклянной полосой, навитой вокруг головы (корона?).

Сложнее с фигуркой из Черной Могилы. Все существующие аналогии индивидуальны, выявляют схожесть лишь некоторые детали: отсутствие волос на непокрытой голове (исключение составляют фигурки из Релинге и Эйрарланда (Исландия) (Perkins 2001, fig. 9-11), одетых в островерхие шапки (шлемы?)); длинная борода, скрученная в жгут или заплетенная в косу (похожий способ ношения бороды изображен и на оковке рога из Черной Могилы (Рыбаков 1949, рис. 20)) и зажата в кулак; сидящая поза, как вариант – на резном стуле (троне?). В отличие от импортных стеклянных королей, вырезанные из кости или отлитые из медного сплава несомненно изготовлены на месте и выявляют признаки местного стиля, как то одежда, украшения, прически, форма бород (Пушкина 84, с. 86-87).

Показателен и размер фигур. Высота указанных королей составляет 3,9-4,7 см, ширина – 1,9-2,8 см, что полностью соответствует и размерам схематических антропоморфных королей из стеклянных наборов, высота которых колеблется в пределах 4,1-4,6 см, а ширина – 1,9-2,5 см, и размерам шестовицкой каменной фигурки (4,1 x 2,0-2,5 см), и, что важно, пешкам, максимальный диаметр которых составляет в среднем 2,25-2,65 см. Исключение составляют лишь высокая (6,7 см) фигурка из Эйрарланда (Perkins 2001, p. 86) и широкая (3,3 см) из Рохолте. Касательно последнего важно отметить, что средний диаметр фигурок из погребения в Скамбю (Готланд, Швеция) (ок. 900 г.) составляет 3,6 см, что немногим больше

диаметра стеклянных пешек. Очевидно, размер фигурок не был точно регламентирован и главным образом должен был соответствовать расграфке игрового поля.

В целом ряде случаев антропоморфные фигурки сопровождают наборы рядовых игральных фигур, отнесенных к разряду тавлейных. В погребении из Бальдурсхеймура кроме короля были костяные пешки и игральная кость (Les Vikings 1992, cat. no. 71); в Черной Могиле – оплавленные стеклянные слитки (набор стеклянных фигур ?), а также набор костяных фигур двух видов (Самоквасов 1908, с. 199, 201); а в культурном слое Шестовицкого городища исследованиями Я.В. Станкевич была найдена каменная [1] игральная пешка (Станкевич 1962, с. 12, рис. 2, 13), составляющая комплект с каменным королем.

Простые фигурки, оказавшиеся королями ситуативно, должны были всего лишь отличаться от остальных фигур визуально для придания им особой иерархии в игре; антропоморфные схематичные фигурки уже изготавливались специально с приданием им очертаний человеческой фигуры, вероятно, для соответствия названию «король»; в то время, как антропоморфные короли реалистического исполнения, специально оформлялись с четким исполнением деталей для придания им особых статусных черт, что в случае с фигуркой из Черной Могилы особо подчеркнуто ее позолотой.

[1] Изначально Я.В. Станкевич в публикации определила материал фигурки как «хорошо отмученная и обожженная глина», однако детальное изучение самой находки позволяет утверждать, что она изготовлена из мягкого глинистого сланца сероватого цвета.

КОЖЕВЕННОЕ ДЕЛО У СЛАВЯН ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ НАКАНУНЕ СЛОЖЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

А.В. Курбатов
ИИМК РАН, Санкт-Петербург, Россия
alkurba@rambler.ru

Особенности развития ремесла у древних славян — это одна из дискуссионных научных тем. На сегодня мы практически не имеем достоверных археологических свидетельств кожевного дела и форм обуви на памятниках лесной полосы Восточной Европы, на территории будущей Древней Руси, до середины VIII века. Тем не менее, можно найти некоторые основания для реконструкций форм обуви, процессов выделки кожи и прогнозирования будущих находок кожаных изделий. Для этого следует использовать данные о выделке кож и развитии обувной моды в родовых обществах Западной Европы, рассмотреть универсальность и вариативность

форм и декора находок древнейшей обуви в Дании, Германии, Нидерландах, Норвегии и других странах. Кроме того, следует использовать редкие упоминания одежды «варварских народов» в древнегреческих, римских и раннесредневековых письменных памятниках, а также отдельные изображения в памятниках прикладного искусства.

На поселениях культур I до н. э. – IV в. н. э. (пшеворской, зарубинецкой, киевской и черняховской) выделены площадки для механической обработки шкур, ямы – «чаны» для обработки шкур с остатками извести, золы, волоса животных и следами таннидов на стенках, что, по мнению исследователей, свидетельствует о процессах дубления сырья. Девять таких мастерских раскопаны на черняховском поселении у с. Добринивцы Черновицкой области, ряд подобных комплексов открыты на поселении Гряда I в Львовской области и на других памятниках Украины. Подобные черняховским ямы для золенения шкур с большим объёмом извести, железные скребки для мездрения шкур с особой заточкой рабочего края и ножи для раскроя кож найдены в Приморье на городищах чжурчжэней XII – XIII вв.

Изучая кустарное кожевенное дело России XIX – начала XX вв. Г. Поварнин отметил наличие в практике кустарей из разных регионов страны всего спектра возможных рецептов выделки — от самых примитивных до почти совершенных. В них он увидел возможность выделить первоначальные рецепты, известные у славян в догосударственный период. Эти рецепты легли в основу реконструкции древнейшего рецепта выделки кож у славян, который оставался таким же, или близким, в древнерусских городах до второй половины – конца XIII в.

Одним из вероятных способов выделки кож у славян было дубление в кислых хлебных настоях – *квасах*, позднее отраженное в легенде о путешествии апостола Андрея в Новгород. Более широкое внедрение дубления древесной корой у восточнославянских племен могло проходить не без влияния технологий раннесредневековых обществ Европы, проживавших в ареале Балтийского моря.

Древнейший рецепт выделки кож у славян, приведенный Г. Поварниным, видимо, следует принимать только для населения лесной зоны Восточной Европы. У жителей же лесостепи длительное время преобладали методы, традиционные для многих кочевых народов — выделка сыромяти, дымление, дубление кисломолочными составами. Эти различия технологий населения в лесной и лесостепной полосе России сохранялись и в кустарных промыслах XIX – начала XX вв.

НАТЕЛЬНЫЕ ПРИВЕСКИ-ОБРАЗКИ ИЗ ДРЕВНЕРУССКИХ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ КАК ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИКАТОР

А.Ю. Кононович
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
berdandu@mail.ru

Подвески-иконки-не столь многочисленные находки, как кресты тельники, но это один из самых информативных предметов средневекового христианского культа. Имеющиеся на отдельных образках надписи являются примерами древнерусской письменности, предметом изучения палеографии, они позволяют определить изображенного на изделии святого.

Если для севера русской земли есть сложившаяся картина иконографических традиций и их отражения в металлопластике, то для южных земель в целом и для отдельных княжеств в частности, таких исследований не проводилось. Несмотря на большое количество случайных или депаспортизованных, происходящих из грабительских раскопок, находок подвесок-иконок на этих территориях, в документированных погребальных комплексах они практически неизвестны.

В связи с этим представляют особый интерес находки подвесок - иконок в курганах Гочевского могильника (Курская обл), расположенного в верхнем течении р. Псел на юго-восточной окраине Древнерусского государства

Хронология ГКМ в деталях не разработана, однако по обряду и наличию во всех погребениях с образками узкорогих лунниц, а так же прорезных, бипирамидальных сердоликовых, круглых хрустальных, ложных золото – и серебростеклянных и мелких желтых и зеленых стеклянных бус, мы можем отнести рассматриваемые погребения к одной из последних фаз его существования, относящейся к первой половине XII в. (Шинаков 1982: 92, Стародубцев 1999: 254). Подробный анализ иконографии представленной на привесках-образках, возможно, позволит уточнить хронологию.

Необходимо отметить, что гочевские образки - подвески до сих пор не были предметом специального изучения. Из всех образков ГКМ в археологической литературе опубликован только один - с изображением. Св. Георгия (Шинаков 1980: табл. LXX; 1982: 94). Ещё одно известное автору изображение включённых в состав ожерелья 5 образков из кургана № 85 (4 - с изображением Богоматери Знамение и один с изображением конного Святого воина) в качестве иллюстрации включено в посвящённое истории и культуре Древней Руси научно-популярное издание Государственного Эрмитажа (Томсинский, Чукова, Климовцева 2007: 20, рис.14).

Для интерпретации данных находок и поиска истоков данной иконографии мы решили пойти тем же путем, что и некоторые исследователи, искавшие истоки иконографии на металлопластике в сфрагистическом материале.

Анализ доступной нам информации о найденных на территории Южной Руси образках показал, что наиболее распространены здесь круглые привески-образки с конным изображением воина. В основном они происходят с территории Галицко-Волынского княжества. Рассмотрев все активые печати с изображением конного воина, (Янин 1971; Лихачев 1920) как византийского происхождения, так и русского и частные коллекции мы пришли к выводу, что наиболее близка по иконографии, по мимо печати Мстислава Мстиславовича, активая печать, приписываемая Всеволодаву Большое гнездо, или его сыну Юрию Всеволодовичу, или внуку Всеволоду Юрьевичу. Известно 3 экземпляра такой печати (Янин 1970: 99)

Другим характерным вариантом привесок-иконок являются круглые образки с изображением Божией Матери Воплощение, но уже на более локальной территории (в основном они распространены на Юго-Востоке Древней Руси, если учитывать находки без контекста, но с фиксацией местонахождения). Всего нами учтено 11 образков, из них лишь 4 образка происходят из документированного комплекса.

Самая близкая аналогия, на первый взгляд, данной иконографической схемы представлена на активой печати митрополита Нифонта из Новгорода с точной датой 1131-1156 гг. (Чукова 2006: 68). Также были просмотрены активые печати с близкой иконографической схемой других княжеств, прежде всего происходящие из соседних Курскому княжеству территорий. Удалось найти еще одну аналогию, представленную на печати епископа Козмы Галицко-Волынского княжества, (65 и 66 типы по Янину, известно 3 экз. оттиснутые двумя разными парами матриц с суммарной датой 1157-1165) (Янин 1970: 58). Сопоставив выбранные активые печати и образки в одной таблице, мы можем заметить, что одни образки из ГКМ больше походят на печать Нифонта 56 типа, а другие на печать Козмы 65 типа. Сопоставив два вида печатей, по предварительным выводам, получаем узкую дату 50-е гг. XII вв.

Образки с изображениями Святого Георгия и Святого Николая односторонние, они выполнены в близкой манере – рельеф изображения выражен очень слабо, и линии контура дополнительно прочерчены. В отличие от образков с Богоматерью Воплощение, эта пара представляет собой уже результат использования модели, далеко отстоящей от исходного прототипа. Для образка № 1/1 таким прототипом могли служить многочисленные древнерусские монеты и печати с погрудно-поясным изображением Святого воина с копьем [Чукова 2006: 74, рис.8:1, 2, 3; 75, рис.9: 2,3].

Казалось бы, попытку найти источник иконографии изображений святых на образках № 1/1 и № 4/2 среди древнерусских сфрагистических материалов нужно признать неудачной. Однако очень близкие аналогии изображениям на обоих образках имеются, причем оба изображения представлены, в первом случае на одной и той же вещи, в другом так же, как и в ГКМ, по отдельности. Это – двусторонний образок, происхождение которого

неизвестно, т.к. он является либо случайной находкой, либо результатом несанкционированных грабительских раскопок, известно лишь что он происходит с территории Украины (Ровенская обл.), представленный на одном из коллекционерских сайтов [Тельные иконы ... #41]. В свою очередь, эта двусторонняя подвеска может быть сопоставлена с приводимой В.Л. Яниным и П.Г. Гайдуковым печатью типа 282 а, найденной в 1994 г. на Рюриковом Городище, которую они отнесли к группе печатей с неопределенными святыми (Янин, Гайдуков 1998: рис. 282 а

Возможно, сопоставление печати типа 282а с подписным образком со Св. Николаем и Георгием, в свою очередь, поможет соотносению её с конкретным историческим лицом. Мы можем предположить, что подобное изображение. Св. Николая было характерным для актовых печатей Ольговичей и относится ко времени не ранее 30-х-80-х гг. XII в.

Подводя итог анализу изображений на образках из погребений Древней Руси, отметим, что обращение, вслед за М.В. Седовой и другими исследователями, к поиску прототипов в сфрагистических материалах оказалось достаточно плодотворным (на примере ГКМ): практически для всех сохранившихся в коллекции образков (за исключением № 11/7) оказалось возможным отыскать иконографический прототип среди изображений на печатях, причем в случае с серией образков с изображением Богоматери Воплощение он оказался чрезвычайно близким и достаточно хорошо датированным (с начала 1130-х до конца 1150-х гг.). Это, в свою очередь, позволяет несколько удревнить появление образков с изображением Св. воина – всадника с копьём, развернутого влево – если опираться на древнерусские сфрагистические материалы, то изображение конного воина появляется только с начала XIII в., а в комплексе гочевского кургана 85 (В.Н. Глазов 1915) образец с конным Св. воином найден вместе с серией упомянутых образков с Богоматерью Воплощение. Также анализ изображений на образках из ГКМ позволяет уточнить верхнюю дату существования могильника, середина XII в.

В то же время, древнерусские печати ни в коей мере не могут являться единственным источником для выявления прототипов подвесок – наряду с ними должен быть рассмотрен огромный пласт византийских печатей и произведений художественной металлопластики и других произведений прикладного искусства.

**ЛЕТОПИСНОЕ СКАЗАНИЕ О КИЕ И ЕГО РОДИЧАХ КАК
РАННЕИСТОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПОЛИТОГЕНЕЗА У
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН**

С.П. Щавелев
КГМУ, Курск, Россия
sergei-shhavelev@yandex.ru

Сюжет «Повести временных лет» о Кие и его родственниках неоднократно обсуждался исследователями, чаще всего в связи со степенью легендарности / историчности этих персонажей (Мельникова 1999. С. 156–159), спорностью этнической этимологии их имён (Былинин 1992; Данилевич 1998. С. 65–70); местом этого сюжета в общеславянском корпусе фольклорных легенд и первых хроникальных памятников (Щавелёв 2007. С. 105–126). Между тем летописный конспект их судьбы запечатлел и достаточно типичные этапы эволюции властных отношений у восточных славян и близких к ним народов. В младшем изводе Новгородской I летописи, отразившем, по мнению А.А. Шахматова, Начальный свод, предшествовавший ПВЛ, история с тремя братьями следует за общей характеристикой не именно полян, а всех народов, составивших Русь, как типичный пример их исторических судеб: «Начало земли Руской. Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ местех и странахъ, владеюща кождо родомъ своимъ. И быша три братия...» (НПЛ. Стб. 104 –105). Получается, что первоначально так, как поляне, жили все восточнославянские «союзы», но поляне первыми шагнули к более сложной системе власти. Правда, как известно, сходные процессы у более или менее дальних соседей полян их первые летописцы были склонны исказить или вовсе игнорировать.

Кий сначала «княжил [только] в роде своём», т.е., надо полагать, его власть распространялась лишь на сравнительно узкий круг соседей-родственников, свойственников и приравненных к таковым лиц — более или менее отдаленных потомков некоего родоначальника, образовавших со временем большую семью. То ли «вертикальную» (из нескольких поколений женатых и неженатых родичей по прямой линии — непосредственных предков и потомков Кия), то ли «горизонтальную» (то же, но по боковой линии родства — Кия с его братьями и сестрой), а скорее всего горизонтально-вертикальную патронимию (вроде позднейшей задруги или т.п. укрупнённых семейств). Именно так выглядит термин «род» в разбираемом и т.п. сюжетах летописи [1]

Затем, после успешного военно-дипломатического похода «к Царьграду», общения там с «царём» (императором?) и безуспешной попытки захватить

власть в его владениях, на Дунае, в было «облюбованном месте» — вариант, типологически сходный с известным Йомсборгом на северной Балтике (Викинги. 2009), — Кий возвращается «в свой город Киев», где «его с братьями род стал держать княжение у [всех] полян» (ПВЛ. 2007. Стб. 9–10, 146–147).

Первоначальное состояние полян в потестарном отношении, судя по этому сюжету, выглядит акефальным: каждый «род» (т.е. группа родственных парных семей-патронимия или её соседствующие «осколки») «живёт на своём месте», имеет своих предводителей — наиболее авторитетную семью (такую, какую представляли Кий с братьями Щёком, Хоривом и их сестрой Лыбедью). Власть предводителей дискретирована по этим микросоциальным группам — она ограничена их пределами («каждый [род] управлялся самостоятельно»); выбор вождя, по всей видимости, осуществляется всеми взрослыми, дееспособными родичами; возможно, власть уже передается в данном роду по наследству («управлялись своими родами» — одними и теми же в нескольких поколениях?).

Если признать поход Кия в Подунавье в какой-то степени реальным, то этот факт предвосхищает, как бы репетирует будущую геополитическую стратегию «руси», начиная с «разведки» Аскольда и Дира и продолжая военной дипломатией первых Рюриковичей. В этой связи выбор первого объекта русской агрессии на просторах Восточной Европы — Киева — получает дополнительный резон: преемникам Кия легче было объяснить, какие выгоды сулит атака на Византию и последующие контакты с ней. Возможности получить земли и власть на Западе Европы у викингов к середине IX в. были уже исчерпаны, а вот на ее Востоке намечалось пространство для создания нового раннего государства, чьим «донором» в итоге и оказалась дряхлеющая империя греков.

В летописном описании первоначал восточнославянского обще-жития представляется важной любая деталь. Скажем, та, согласно которой каждый из трёх братьев эпонимической легенды полян «сидел на горе», подчеркивает роль укрепленных посёлков (простейших городищ) при заселении и закреплении славянами своей окончательной родины на Восточно-Европейской равнине. Прав был Д.Я. Самоквасов (1873. С. 18), утверждавший историческую первичность «городских» (т.е. укрепленных) поселений по сравнению с сельскими, деревенскими и хуторскими. Эскарпы и стены, валы и рвы первых городищ должны были защищать их обитателей как от внешних врагов, так и от соседских «родов», а со временем даже и от родственных семей, пожелай те выдвинуть на общеродовое («племенное») «княжение» собственного лидера.

«Сотворение [особого] града» для Кия с помощью его младших братьев и их людей-родичей выражает следующий этап развития соот-ветствующих общин, на котором один из «родов» начинает претендовать на «общеплеменное» влияние. Эти возможности и претензии находят

материальное воплощение в укрупнении соответствующего поселения, увеличении мощи, усложнение структуры его фортификаций, расширению их площадей. Такие поселения в современной литературе обычно именуют «протогородами», или же «эмбрионами» городов, «городами первого типа», «межплеменными центрами».

Даже отмечаемая самим летописцем как сугубо легендарная версия о Кие — перевозчике «с одной стороны Днепра» на другую — может иметь под собой реальное основание: контрольно-пропускные пункты на стыках родовых и тем более «племенных» территорий выступали первыми аккумуляторами прибавочного продукта — материальной основы власти в раннестратифицированном социуме. В результате военных действий, захватнических походов (в рассматриваемом сюжете летописи направленных на традиционный объект раннеславянской агрессии — Подунавье, т.е., как видно, по мере приобретения боевого опыта и накопления богатств, одна из семей со всем своим «родом» становится во главе остальных полянских «родов»). Построенный этим родом с помощью соседей «городок» превращается в полянскую столицу — Киев, а Кий и его наследники становятся во главе соответствующего «княжения».

Намеченная последовательность иерархизации власти и организуемого ею социума прослеживается и у ближайших соседей полян — древлян и северян, чьи городища и селища IX–X вв. лучше изучены археологически (Ляпушкин 1958; 1968; Звіздецький 1993; Приймак 1997; Григорьев 2000; Енуков 2005; Средневековый город, 2009; др.). Фундаментальный старт этого изучения на современном уровне методики разведок, раскопок и других археологических работ был сделан Иваном Ивановичем Ляпушкиным.

Остается отметить условность определения такого рода политогене-неза как «первичного», «раннего» и т.п. Молчаливое представление, будто бы на Дунае или в прочих местах до прихода в Поднепровье славяне жили «первобытнообщинным», «дополитическим» строем, а на Днепре наконец построили своё государство, носит априорный, идеологический характер (равно как и применение к соответствующим общностям терминов «община», «племя», «союз племен» и т.п.). Письменным и археологическим источникам более соответствует представление о периодическом повторении политогенеза в новых районах, подвергавшихся славянами стихийной, крестьянской колонизации. Внешние и внутренние условия политизации отношений среди соответствующих народцев приводили к упрощению, либо (как это случилось в Поднепровье) усложнению получающихся властных конструкций. ПВЛ отмечает наличие собственных «княжений» (сложных вожеств?) только у тех восточнославянских группировок, что непосредственно соседствовали с варяжским элементом будущей Руси (кроме полян, это древляне, новгородские словене и часть кривичей — полочане). Политичность остальных их группировок (простых вожеств?) ограничивалась, как видно, выплатой дани грозным соседям («варягам из-за

моря», Хазарии) да военно-мобилизационными мероприятиями при строительстве и обороне укрепленных центров. Только угроза со стороны новорожденной Руси подтолкнула их дальнейшую политизацию, которая, впрочем, оказалась исторически запоздавшей — армии и дипломатия Рюриковичей поэтапно сокрушили все альтернативные Руси центры политогенеза Восточной Европы.

Список литературы:

Благодарим судьбу за встречу с ним (О Сергее Александровиче Токареве — учёном и человеке). М., 1995.

Былинин В.К. К вопросу о генезисе и историческом контексте летописного «Сказания об основании Киева» // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. III. М., 1992.

Викинги. Между Скандинавией и Русью / Авторы-сост. *А.А. Фетисов, А.С. Щавелев*. М., 2009.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.

Данилевич Н.Я. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1998.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005.

Звіздецький Б.А. «Гради» древлян VIII–X вв. // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Суми, 1993.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. № 74. М., 1958.

Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). // МИА. № 152. М., 1968.

Мельникова Е.А. Первые русские князья: о принципах реконструкции летописцем ранней истории Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. XIV Чтения памяти В.Т. Пашуто. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. М., 2002.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М., 2000.

ПВЛ. СПб., 2007..

Приймак В.В. Роменська культура в Межиріччі Десни і Ворскли: дискусійні питання, нові матеріали. Полтава – Суми, 1997.

Самоквасов Д.Я. Древние города России. Историко-юридическое исследование. Варшава, 1873.

Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск, 2009.

Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

АВТОРСКИЙ ИНДЕКС

Ахмедов И.Р.	244	Курбатов А.В.	288
Баранов В.И.	157	Лесман Ю.М.	228
Башкатов Ю.Ю.	109	Луговая Л.Н.	27
Веремейчик Е.М.	76	Майко В.В.	157
Винников А.З.	129	Мельникова И.С.	27
Володарец-Урбанович Я.В.	94	Минасян Р.С.	281
Воротинская Л.С.	12	Михайлова Е.Р.	233
Вязов Л.А.	267	Мурашева В.В.	103
Голотвин А.Н.	132	Мурзенков Д.Н.	242
Горбаненко С.А.	106	Обломский А.М.	125
Григорьев А.В.	99	Пискунов В.О.	100
Гурьянов В.Н.	116	Плавинский Н.А.	225
Доброва О.П.	215	Приймак В.В.	51
Егорьков А.Н.	198	Пуголовок Ю.А.	113
Ениосова Н.В.	209	Пушкина Т.А.	206
Енуков В.В.	140	Радюш О.А.	188
Енукова О.Н.	140	Родинкова В.Е.	193
Жилина Н.В.	88	Сарапулов А.Н.	271
Жиронкина О.Ю.	163	Сениченкова Т.Б.	234
Жих М.И.	256	Скиба А.В.	276
Земцов Г.Л.	132	Стародубцев Г.Ю.	46
Зильманович И.Д.	32	Сташенков Д.А.	264
Зорин А.В.	120	Столяров Е.В.	182
Ивашов М.В.	132	Столярова К.А.	182
Исланова И.В.	250	Тихонов И.Л.	37
Касюк Е.Ф.	219	Федорина А.Н.	252
Кашкин А.В.	44	Федоров И.А.	242
Кияшко Я.А.	148	Хамайко Н.В.	284
Ковалевский В.Н.	71	Хомякова О.А.	176
Коваленко В.П.	97	Чубур А.А.	172
Колода В.В.	139	Чхайдзе В.Н.	152
Комар А.В.	92	Шинаков Е.А.	100
Кононович А.Ю.	290	Шрамко И.Б.	168
Красникова А.М.	252	Щавелев С.П.	34, 293
Кройтор Р.В.	139	Щеглова О.А.	46, 201
Кулешов В.С.	65		

Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства.

*Материалы международной конференции,
посвященной 110-летию со дня рождения
Ивана Ивановича Ляпушкина (1902-1968).*

3-5 декабря 2012г.